ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕНИЯ

Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур

Москва, 26 октября 2016 года

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕНИЯ

Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур

(Москва, 26 октября 2016 г.)

Москва – 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ,
доктор психологических наук, профессор
А.Г. КАРАЯНИ (руководитель)

доктор педагогических наук, доцент
В.Я. ГОЖИКОВ

кандидат философских наук, доцент
С.И. ДАНИЛОВ

генеральный директор Школы современных психотехнологий
А.В. МЫМРИН

Психология служения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур / Военный университет МО РФ; ред. Караяни А.Г., Гожиков В.Я., Данилов С.И., Мымрин А.В. М.: Военный университет, 2017. — 321 с.

В научно-методический сборник вошли тезисы выступлений участников межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Психология служения» (Москва, Военный университет МО РФ, 26 октября 2016 г.).

Издание предназначено для научно-педагогического состава, курсантов и слушателей высших военно-учебных заведений силовых структур, научного актива отделения военной психологии Академии военных наук, должностных лиц органов управления, докторантов, адъюнктов (аспирантов), представителей структурных подразделений Федерального учебно-методического объединения (ФУМО) военных образовательных организаций высшего образования МО РФ, а также всех, интересующихся актуальными проблемами психологической науки и её прикладными аспектами.

© Военный университет МО РФ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

КНЯЗЕВА Е.Г. Служение Отечеству — долг и призвание. …… 6
МЫМРИН А.В. Психология служения: традиции и современность. ...…. 8

Раздел I. Философско-экзистенциональные подходы к пониманию генезиса и содержания феномена служения в жизни человека

УТЛИК Э.П. Предмет психологии — душа и дух. ……..... 18
КАРАЯНИ А.Г. Служение, как жизнь наполненная смыслом…… 25
КОРЧЕМНЫЙ П.А. Служение как целостность личности, осознание долга, чести и совести……... 27
ПРОНИН М.А. Редактирование солдата: к постановке проблемы…… 33
ЦУКАНОВ И.А. Духовный поиск нравственного выбора…….. 58

Раздел II. Методы диагностики, формирования мотивации служения в войсковой практике

ГОЖИКОВ В.Я. Служение Отечеству как социально-психологический фактор военно-профессионального становления и личностного развития курсантов военных вузов…….. 62
ЖИЛЯЕВ А.А. Формирование мотивации служения у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. ……. 72
ЩИПАКОВ В.Э. Мотивация служения — основа подготовки по специальности «психология служебной деятельности» ……..... 78
ЧЕКУНОВ А.А. Психотерапия как «искусство служения»…… 86
ЧЕРГИНЕЦ С.А. Опыт формирование мотивации служения в полководческой деятельности Суворова А.В. …….. 90
ПОВЕТЬЕВ П.В. Служение и особенности ценностно-смысловой сферы офицеров……..... 95
НАЗАРОВ Д.А., ГОЖИКОВ В.Я., КАРЯКИН В.В. Государственно-патриотические аспекты психолого-педагогического содержания образовательного процесса в высшей военной школе ……. 100
НЕВЕНЧАННЫЙ С.В. Патриотизм как духовная основа воинского служения…… 111
НОСОВ А.В. Самоопределение офицера в служебной деятельности. 115
КАЗАКОВА Л.П., МИРОНОВА Т.Ю. Психологические проблемы профессиональной самоидентификации курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности»…….. 122
ПЕТРОВ В.Е., РЫЖОВ Б.С. Социально-психологические аспекты оптимизации климата в воинских коллективах……. 135
НЕСТЕРОВА Е.Н., КАРАВАЙЦЕВ Я.И. Методика отбора военнослужащих по призванию к служению Родине и ее апробирование на примере курсантов Военного университета……. 141
ПОЛЯКОВ С.П., ПЕТРОВ В.Е. Психодиагностика в прогнозировании успешности деятельности сотрудников правоохранительных органов ….. 147
БАРСУКОВА Е.Г., ГУРЛЕВ В.А. Социально-психологические особен-

ности взаимоотношений начальника и подчиненного в контексте эффективной совместной деятельности на охраняемом объекте ……... 153
ШАЛИМОВА А.М. Содержание практической работы с курсантами по восприятию концепта «Служение Родине»…… 160
МОИСЕЕВ А.А. Военно-профессиональная направленность: содержание и структура……..……... 166
МИХАЛЬЦОВ Н.Г. Психологические аспекты утверждения служения как доминирующей формы деятельности в области государственной, военной службы…… 173

Раздел III. Психологическое содержание, условия и особенности состояния «служения»

ДАНИЛОВ С.И. Военно-профессиональная идентичность и ее роль в психологической защите личности военнослужащего……. 177
СУХАРЕВ А.В., ЛАВРОВА В.А. Психологический подход к проблеме служения с позиций этнофункциональной парадигмы ..…….. 189
НИКИФОРОВ А.В. Служение — интуитивное постижение духовного опыта…….. 194
ЧЕРЕПАНОВ А.С. Творческая деятельность в контексте служения …… 200
БАКЛАНОВСКИЙ С.В., ШАЛИМОВА А.М., РУСИНА Е.О. Проблема восприятия курсантами профессии офицера как служения Отечеству.. 204
ЗАХАРОВА О.А., СТАРЧЕНКО Г.А. Музыка, как средство повышения боевого настроя……... 215
МИРОНОВА Т. Ю., НЕКРАСОВА Е.А. Служение в профессии психолога-практика: принятие и соблюдение норм профессиональной этики……. 220

Раздел IV. Духовно-нравственные основы служения

ЕПИСКОП ОРСКИЙ И ГАЙСКИЙ ИРИНЕЙ. Православное учение о духе человека и современная психология о душе: сходство или различие? …… 225
МЫМРИН А.В. Духовный опыт в зеркале психологического знания….. 229
СОЛОНИНА С.Н. Что делать священнику на войне? …… 250
КУЗЬМИНА Е.И. Рефлексивно-деятельностный подход к изучению воздействия слова во имя служения Отчизне. ……... 264
ПОЛЯНСКИЙ М.С. Героизм и служение Отечеству…….. 275
РЕШЕТНЯК Н.А. Служение словом и слову …….. 279
АЛИЕВА С.Я. Служение детям с ограниченными возможностями здоровья ……..…… 287
ШУМАКОВ С.Б. Психологические аспекты взаимосвязи развития лидерских качеств выпускников военных вузов и их готовности к служению Отечеству …….. 294
ХРАМЦОВ М.Н. Офицерское служение как социально-психологический феномен. ……. 302

КУЛИК Д.Ю. Творческий путь К.К. Платонова как пример служения военно-авиационной психологии …… 310
ШЕВЦОВА С.В. Реализация потенциала курсантских коллективов в развитии профессиональной ответственности выпускников военных вузов. ……. 315

КНЯЗЕВА Е.Г., заместитель начальника Военного университета по учебной и научной работе, доктор филологических наук, профессор, генерал-майор

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ — ДОЛГ И ПРИЗВАНИЕ

вступительное слово на конференции

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
А.С. Пушкин

***

Служение Отечеству — долг и призвание во все времена было не только почетным и тяжелым трудом, но и глубоко искренним желанием, внутренним побуждением человека.

Не случайно, служение как особое состояние духовного строя человека сегодня востребовано временем. Масштабные изменения и трансформация всех сфер мироустройства, с очевидностью, затрагивают и человеческое измерение, от которого зависит ход и исход задуманного.

Особую ответственность за наше будущее несут люди в погонах, чей ратный труд определяется служением Отечеству.

Служение как тип отношения человека к своей активности выражается в ощущении себя ответственным и обязанным добросовестно и продуктивно выполнять взятую на себя работу, вне зависимости от того, в каких условиях он находится.

Условия, в которых выполняет свою работу военный человек, назвать простыми и легкими нельзя: чаще всего они бывают жесткими и запредельно трудными, ограниченными временем и возможностями. К действию в таких обстоятельствах призван человек в погонах, что составляет цель и смысл этого труда. А сам труд — службой. Классик отечественной и мировой литературы Ф.М. Достоевский емко выразил это в словах: «Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое отечество...».

В повседневной жизни смысловое наполнение категория «служения» получает в ситуациях морально-нравственной оценки поступков, поведения и деятельности человека, его способности руководствоваться в этом высшими ценностями индивидуальной, общественной и государственной жизни, следовании идеалам истины, добра и красоты.

Как утверждал академик Д.С. Лихачев: «…нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества — экономическую, государственную, творческую». Справедливость этих слов, вряд ли можно поставить под сомнение. Моральные и нравственные императивы самосознания человека формируют фундамент, смысл и облик его жизнедеятельности. Убедительным и ярким свидетельством тому, являются многочисленные примеры гражданского и профессионального служения отельных людей и целых коллективов.

Так, концерт «С молитвой о Пальмире. Музыка оживляет древние стены» Валерия Гергиева с оркестром Мариинского театра в историческом амфитеатре освобожденной от террористов сирийской Пальмиры явил всему миру образец высокого служения. Не случайно слушать маэстро пришли жители Пальмиры, работники посольств, журналисты, а также военные России и Сирии, обретая духовную силу в борьбе с мировым злом.

Еще одним вдохновляющим примером служения добру и справедливости является деятельность руководителя фонда «Справедливая помощь», врача-реаниматолога Елизаветы Глинки (доктор Лиза), которая вывозила детей из зон военных действий на Украине и Сирии. За это время она спасла большое количество маленьких пациентов.

Во время вручения государственной награды в Кремле она завершила свое выступление словами: «Мы никогда не уверены в том, что мы вернемся назад живыми, потому что война — это ад на земле, и я знаю, о чем я говорю. Но мы уверены в том, что добро, сострадание и милосердие работают сильнее любого оружия».

Подобных примеров гражданского и личного служения в истории России немало. Именно они составляют предмет нашего национального богатства и особой гордости.

На конференцию приглашены руководители и специалисты-психологи подразделений и специализированных психологических служб Министерства обороны Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФСБ России, Федеральной таможенной службы, Федеральной службы судебных приставов, органов прокуратуры и Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, представители военного духовенства и творческой интеллигенции, преподаватели высших учебных заведений.

Хочется выразить уверенность в том, что разговор на конференции будет наполнен творческим поиском ответов на поставленные вопросы, пониманием участниками друг друга и общей целью — служить Отечеству!

МЫМРИН А.В., генеральный директор
ООО «Школа современных психотехнологий»,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

доклад на конференции

В статье раскрывается психологический подход к проблеме служения, анализируются признаки его определяющие: жертвенность, эмоциональный опыт, мудрость, безусловность, вневременность, спонтанность. Феноменология служения представлена авторской структурно-динамической моделью. Служение рассматривается как состояние и как вид деятельности. Осуществлен психолингвистический анализ воинского, религиозного и актерского служения. Введена категория «интерференция мотивационных полей». Содержательно раскрыта категория «подлинной мотивации». Дано психологическое определение служения.

Ключевые слова: служение; субъект служения; объект служения; предмет служения; жертвенность; эмоциональный опыт; мудрость; безусловность; вневременность; спонтанность; служение как состояние; служение как деятельность; интерференции мотивационных полей; подлинная мотивация; инициация; ритуал.

***

Русский – тот, кто любит Россию и ей служит!
Петр Великий

Служение как слово языка сегодня утратило родовое значение и почти вышло из оборота живой речи, отражая дефицит духовности в массовом и индивидуальном речевом сознании.

В повседневной жизни это выражается в острой нехватке добрых и доверительных отношений во всей цепочке общественных и международных отношений.

Откровенность и бескорыстие человеческих отношений в быту, добрая совесть и честность в профессии чаще становятся исключением.

В связи с этим, особо актуальными являются слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «…без доброты, без служения людей друг другу не может существовать общество — оно развалится» [20].

Традиционно являвшиеся предметом национальной гордости образование, медицина превратились в предмет торга, услугу.

Услуга семантически, а значит и практически заменила человеку служение профессии, делу, в конечном счете — Отечеству!

«Услуга» и «Служение» хотя и однокоренные слова, но имеют разный смысл.

Грибоедовское «…служить бы рад, прислуживаться тошно», как никогда, отражает мироощущение многих людей.

В социальном смысле, служение — это бескорыстная, общественно ценная внутренняя позиция человека по выполнению своих профессиональных функций. В этом смысле говорят о служителях веры, науки, искусства и т.д. Не зря в народе закрепились устойчивые словосочетания: «служение верой и правдой», «служение делу, а не лицам», «служение Отчизне», «служение народу» и т.д.

Служение — тип отношения человека к своей активности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и продуктивно выполнять любую взятую на себя работу, независимо от того каковы условия.

«Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья», — писал А.П. Чехов. [18 С. 203]

Возрастающая необходимость служения в обществе и государстве требует создания адекватных современных правовых, организационных и психолого-образовательных механизмов, раскрывающих его колоссальный созидательный потенциал.

В русском языке служение как особое состояние и вид деятельности ментально ассоциирован с особой активностью трех профессиональных категорий людей: военного, актера и священнослужителя.

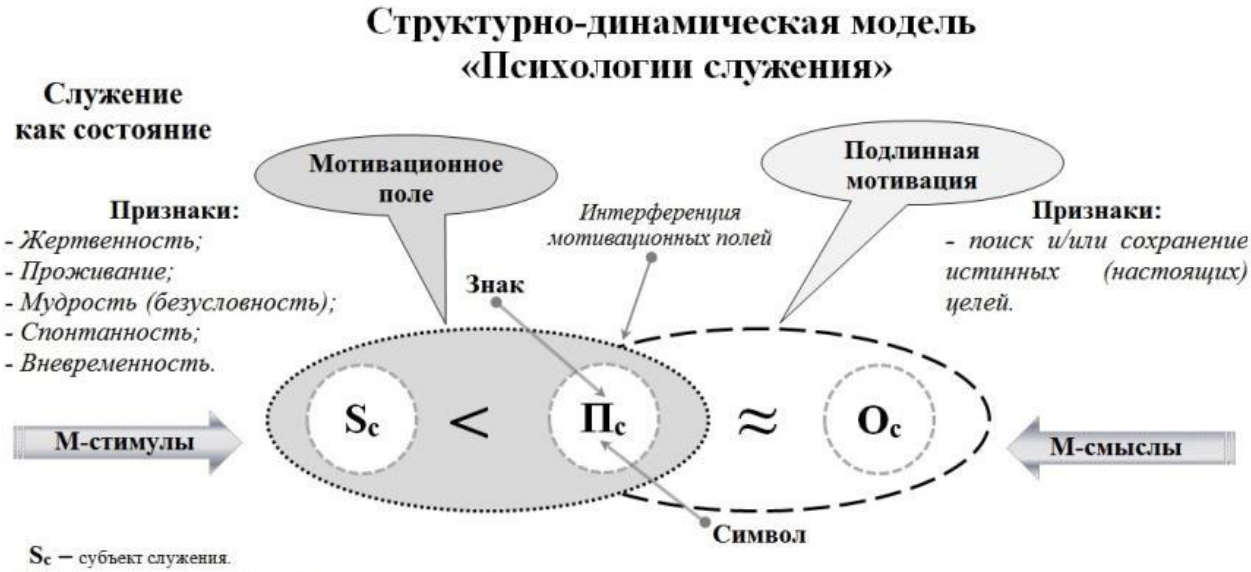
Для первичного анализа постараемся аккуратно проследить очевидные, психологически объединяющие возможности «людей служения», для чего введем служебные категории: субъект служения (S_c); объект служения (O_c); предмет служения ($П_c$); процесс служения.

Характеристику субъекта служения необходимо начать с краткого обзора понятия «служение». В толковом словаре Д.Н. Ушакова «служение» определяется как действие по глаголу «служить» [14]. Служить — делать что-н. для кого-чего-н., выполняя чью-то волю, приказание, работать в пользу чего-н. [7, с. 675]. Быть слугой значит отдать себя полностью в чье-н. распоряжение, выполнять чью-н. волю. Таким образом, родовой категорией для понятия «служение» выступает понятие «слуга».

Жертвенность

Первым совершенно очевидным и психологически обязательным признаком выступает полное и безусловное подчинение «Я» человека, объекту своего служения.

Отметим, что в качестве объекта служения может выступать как божество, отечество, профессия, дело, общность людей, так и человек как представитель рода. Примером последнего могут служить строки стихотворной прозы И.С. Тургенева посвященной памяти Ю.П. Вревской: «…вся пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним».

Служение *(психол.)* – спонтанное, вневременное психическое состояние безусловного проживания жертвенности своему объекту, ориентированное на постижение его абсолютного смысла (целостное, духовно-практическое знание), достигаемое через духовно-жизненный поиск и сохранение подлинных целей символическими средствами.

Служение
как деятельность

Рис. 1. Структурно-динамическая модель «Психологии служения».

Понятия, которые охватывают безусловную подчиненность «Я» человека объекту служения, описываются как *жертвенность, отстраненность от персонального «Я»*.

Таким образом, первой определяющей характеристикой субъекта служения является готовность принести себя в жертву, самопожертвование ради блага кого-то или для спасения чего-то — жертвенность [7.С. 165].

Словарь синонимов русского языка психологически уточнит жертвенность до понятий: самоотверженность, беззаветность, подвижничество, самоотвержение [10].

В любом случае, жертвовать — это отдавать: самого себя свою жизнь свое время, жертвовать собственными интересами и идеями, материальными благами и пр.

Военный человек, служа Отечеству, целиком и полностью вверяет себя ему, закрепляя в присяге готовность принести себя в жертву, ради блага и его спасения!

Психологически важно подчеркнуть, что отказ от своего «Я» в пользу кого/чего-нибудь — жертвенность — это глубоко интимный, предельно личностный и добровольный выбор в пользу объекта служения, сопровождаемый особым переживанием–страданием — «проживанием ситуации», по Ф.Е. Василюку, [1].

Жертвенность — ключевой признак, доказывающий подлинную реальность, а не «иллюзорность» служения. Служение же, в свою очередь, есть фор-

ма реального обнаружения духа как единства людей и основы человеческого общества [2, с. 132.].

Эмоциональный опыт

Второй значимой характеристикой субъекта служения является личный глубоко эмоциональный опыт. Прожить ситуацию значится оказаться внутри неё, быть активным участником и субъектом этого выбора, в котором обретается соответствующий опыт.

В реальном акте служения различить когнитивную и эмоциональную стороны вряд ли удастся. Но жанр психологического знания настоятельно этого требует.

Действительность дана человеку в переживании реальности жизни [6, с.106-108].

Основатель театральной школы К.С. Станиславский положил принцип переживания как опорный концепт в основу своей системы, предлагая актеру «идти от себя», то есть от своей жизни, своего духовного и душевного опыта, эмоциональной памяти, сопоставимых с опытом чужой души и чужой жизни, которую артист призван воплотить. «Играть нужно не роль, а себя в этой роли»,— утверждал мастер. [12]

К месту будет вспомнить слова великой русской актрисы Ф.Г. Раневской: «Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно!» [11].

Психологически усилим формулировки мастеров сцены, словами одного из последних интервью народного артиста СССР И.М. Смоктуновского: «…нельзя победить роль, не отправив в нокаут собственное сердце».

Служение — это предельно откровенное, подлинно жизненное состояние, в котором пребывает человек, проживая реалистичность мира в его противоречивости, многообразии и полноте.

Психологически точно описывает это свойство субъекта служения Л.Н. Толстой в одном из своих писем: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, начинать и бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость» [15].

В свою очередь, сознательная, рациональная сторона служения в большей мере охватывается понятием мудрости.

Мудрость. Безусловность

Проживая реалистичность мира, человек учится выражать его в речи, помещая в «поток сознания», уже вторично обретая сознательную мудрость и способность жить без условностей. Безусловность как психологический признак мудрости означает способность человека владеть абсолютным принципом (методом) решения сложных жизненных задач, безотносительно к ситуации, в которой они решаются.

К примеру, обычный человек, имеющий опыт разрешения сложных ситуаций, всегда ограничен рамками конкретных условий ситуации (места, времени, сложности предмета, возраста, психического состояния участников и т.д.),

который полезен для этих условий и, может быть, совершенно непригоден для других, хотя и схожим по внешним признакам.

Классик психологии сознания Уильям Джеймс писал: «Искусство быть мудрым состоит в умении знать, на что не следует обращать внимания» [8].

Для носителя мудрости жизненная сложность уже не привязана к конкретным обстоятельствам и определяется для каждой ситуации отдельно, опираясь, как вариант, на внутреннюю логику самой ситуации или ее отдельных составляющих.

Таким образом, когнитивной характеристикой субъекта служения выступает мудрость, как высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия и достигаемое через духовно-жизненный поиск истины субъектом знания.

Вневременность

Другое важное обстоятельство, которое характеризует состояние служения, — это его независимость от времени и места. В психологическом смысле, это иное пространственно-временное измерение. Вернее, вневременное и внепространственное измерение (*Сравните: человек, оказывающий услугу, ограничен рабочим местом и количеством трудового времени).*

Как священник продолжает служить Богу и в храме, и вне его с полной готовностью в любой момент исполнить свое предназначение, так и военный человек служит Отечеству вне зависимости от места нахождения и с постоянной готовностью выполнить свой воинский долг.

Вневременность служения также является отличительной особенностью этого труда. Служение продолжается и на работе, и дома, и в отпуске и в других условиях.

Особо контрастно характеристики вневременности и внепространственности проявляются в труде актёра.

К примеру, осваивая роль шекспировского Гамлета, актер живет своим героем и после репетиции, когда приходит домой. Условно, он спит и дышит, как Гамлет! Он думает и чувствует, как Гамлет! В известном смысле, он и есть Гамлет! Сам человек, пространство и время слились воедино!

Ближайшая психологическая категория, описывающая это состояние, предложена венгерским психологом Чиксентмихайи М.: аутотелическое состояние, обозначающее самоцельное состояние, «состояния потока», при котором действие эмоционально награждается его выполнением. Некоторое действие выполняется ради самого действия. Нахождение в этом состоянии является самоцельным, предельно необходимым для своего носителя. [19]

Служение — это не обязанность, а образ жизни, психологическое состояние, выполняемое ради самого состояния.

Психическое состояние как психологическая категория определяется нами как интегральная характеристика, описывающая психическое явление в совокупности условий, определяющих его существование.

Следующим и обязательным, в нашем изложении, условием служения является спонтанность.

Спонтанность

Существенной характеристикой субъекта служения является самопроизвольность, которую принято обозначать категорий «спонтанность».

В толковом словаре С.И. Ожегова спонтанность *(от лат. spontaneus - добровольный - произвольный)* определяется как самопроизвольность, самодвижение, вызванное не внешними факторами, а внутренними причинами [7, с. 700].

Спонтанность, с очевидностью, указывает источник побуждения — внутренний мир самого человека, подчеркивая её добровольность. В психологической науке источник и силу побуждения принято называть мотивацией.

Мотивация субъекта служения переводит анализ явления из структурного подхода в подход динамический и функциональный. Во имя чего это делается? Каковы цели служения?

Мотивационная интерференция

По нашему мнению, содержательное психологическое наполнение категории «служения» получит при рассмотрении феномена наложения, интерференции двух мотиваций.

Первую мотивацию, применяя терминологию гештальтпсихолога К. Левина, мотивационного поля (ситуационная мотивация), сохраним за одноименным понятием [3]. Вторую условно обозначим, как «подлинную мотивацию». *См. рис. 1. Структурно-динамическая модель «Психологии служения»*

Мотивационное поле служения задается пространством напряжений: между субъектом и предметом служения (ситуативно) — с одной стороны; с другой — между субъектом и объектом служения.

На полюсе субъекта напряжение задается потребностью, описанной К. Левиным как квази-потребностное состояние. Состояние, при котором потребность требует своего немедленного удовлетворения.

В нашем случае, хорошей иллюстрацией квази-потребностного состояния будут слова Л.Н. Толстого из его дневников: «Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать». Близкое по смыслу обращение содержится в письме к Л. Андрееву: «Думаю, что писать надо только тогда, когда мысль, которую хочешь выразить, так неотвязчива, что она до тех пор, пока, как умеешь, не выразишь ее, не отстанет от тебя» [15].

На другом полюсе мотивационного поля напряжение задают предмет (ситуативная мотивация) и объект (подлинная мотивация) служения.

Предмет и объект служения

Предмет служения, в отличие от объекта, определен конкретно, натурально и реалистично. Это может быть конкретная идея, натуральный предмет или действие, реальная группа людей или отдельный человек, но, как правило, эмоционально связанный с абсолютным объектом служения. Именно к этой точке реально и объективно прикладываются все физические и психические силы.

Система напряжений, возникшая в пространстве субъекта служения и предмета служения, задает поле первой, в нашем изложении, ситуационной мотивации.

Второе поле напряжений — подлинной мотивации, возникает между субъектом и объектом служения.

Объектом служения могут выступать: божество; отечество; профессия; искусство; общность людей; человек, как представитель рода и т.д.

Пушкинские строки из «19 октября», [9, С. 211] поэтично указывают на объект и подлинную мотивацию служения искусству.

Служенье муз не терпит суеты
Прекрасное должно быть величаво...

Суета, как всё тщетное, торопливое, ничтожное, бесполезное, не представляющее истинной ценности, психологически разграничивает объекты подлинные (основательные) и ложные.

Подлинная мотивация

Самой близкой психологической категорией, охватывающей замысел строк А.С. Пушкина является мотивация высших, подлинных проявлений человеческого духа, как со стороны побуждающей силы, так и возвышенности самого объекта служения.

Со стороны предмета служения, по А.Н. Леонтьеву, могут выступать мотивы-стимулы, со стороны самого объекта — мотивы-смыслы, то есть смыслы, порожденные подлинными мотивами [4].

Подлинная мотивация — это совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают границы и формы деятельности и придают этой деятельности направленность, ориентированную на достижение и сохранение истинных, настоящих целей [16, с. 33].

Каковы они настоящие, подлинные цели?

Прежде всего, это любовь…

К примеру, в «Записных книжках» М. Цветаевой читаем: «Любить — значит видеть человека таким, каким его задумал Бог…». — Русская поэтесса приближает нас к пониманию подлинной мотивации великого чувства — любви [17].

Разговор о подлинной (настоящей) мотивации в профессии требует самостоятельного места в обсуждении, я лишь ограничусь примером из работы А.А. Тарковского «Уроки режиссуры» [13, с.. 59-76].

В чем состоит подлинная мотивация кинематографа? — Запечатлеть время! Оставить точный слепок какого-то события. Все, что служит этой цели, относится к подлинной мотивации, остальное необходимо отбросить. Мастер поясняет своим студентам это обстоятельство на примере техник монтажа кадров в киноленте.

— Нужен сегодня монтаж? — задает он вопрос своим студентам.

— Конечно, отвечают его слушатели.

— Зачем?

— К примеру, удивить зрителя!

— Удивлять должен цирк, это его мотивация!

— Забыли! Подлинная мотивация кинематографа — запечатлеть время!

— В былые времена, когда кино было немым, для полноты картинки монтаж использовали в целях передачи недостающего звука.

— Сегодня, когда кино имеет звук, то…

Механизм сдвига мотива на цель, описанный А.Н. Леонтьевым и признанный в науке, как механизм развития мотивации человека верен и в нашем случае, но оставляет открытым вопрос выбора подлинных мотивов [4].

Служить — значит находить подлинную мотивацию и быть ее хранителем!

Механизм, реализующий феномен служения — мотивационная интерференция. Наложение двух мотиваций — ситуативной и подлинной — друг на друга, создают возможность опознания за предметом служения, который выступает в функции символа иной реальности, подлинного мотива (объект служения).

Предмет служения, первично являясь знаком, в состоянии мотивационной интерференции, трансформируется в символ, утверждаемый и поддерживаемый ритуальным действием.

Служение, как особое вневременное психическое состояние, обеспечивается выполнением ритуала, соблюдением традиции, обычая, языковой нормы и т.д.

К примеру, религиозно-культовая активность священника, выраженная в молитве как символической форме обращения к Богу, предполагает установление контакта, «молчаливого диалога» с ним в напряженном, молитвенном поиске необходимого решения (подлинного мотива). Подробно психологический анализ культовой деятельности описан в нашей статье «Духовный опыт, в зеркале психологического знания» [5, с. 36-37].

Значительный и содержательно богатый материал для психологической науки представляют некоторые воинские традиции, символическое значение которых трудно переоценить для жизни армейского организма.

Одна из таких традиций — «дедовщина», которая получила отрицательную коннотацию по причине её устойчивой подмены неуставными взаимоотношениями.

Психологически явление «дедовщины» обозначает одну из ступеней прохождения службы в армии, предоставляющую право «покровительства» по традиции и сроку службы над «младшими».

Вполне очевидно, реальная и символическая функция «деда» в жизни рода не может предполагать действий, нарушающих внутренние законы его (рода) существования, а, напротив, состоит в защите и сохранении естества жизни родового организма.

В этом смысле «дедовщина» как армейское явление (и не только армейское) имеет отношение к подлинной мотивации воинского служения.

Значение и смысл «дедовщины», как обряда инициации *(лат. initiatio - совершение таинства, посвящение),* представляет собой психологическое преобразование статусной роли «мальчика» в статус «мужа», воина, защитника, со

всеми вытекающими эмоционально-когнитивными и поведенческими последствиями.

Предельно напряженная психическая работа субъекта инициации, состоящая в символическом (идеальном) плане, как акт умирания/рождения, является одной из центральных характеристик большинства подобных практик. Субъект символически (психологически) умирает как «мальчик», что выражается в неформальном ограничении его прав, для того, чтобы родиться в новом качестве — воина, в поведенческом плане обретая ряд привилегий.

В языковом сознании эти состояния фиксируются как «молодой», «дух» (в значении «*нереальный»)* — в первом случае, и как «старик», «дед» (в значении «*взрослый», «умудренный», «реальный»)* — во втором.

Не случайно служба в армии метафорически закрепилась в языке как «школа мужества», а её подлинная мотивация — возмужание и защита.

Ролевые действие мы обнаружим ещё в ритуальных обрядах, которые сопровождали жизнь наших предков. Для успешной охоты древние люди разыгрывали сценки обнаружения богатой добычи и ее поимки. Перед военными действиями племя обязано было «потренироваться» перед священным костром и обязательно победить тех, кто играл роль противника, что формировало психологическую готовность к битве и уверенность в победе.

Схожие механизмы при внимательном рассмотрении мы обнаружим и в работе актера над ролью.

Как и в ритуальных действиях древнего человека, действия актера перед освоением роли подчинены мифической формуле в значении юнговского архетипичного образа, где реализует себя специфическое единство индивидуального («мое») и коллективного («общее»), позволяя актеру увидеть за внешней формой роли глубинный, подлинно жизненный смысл переживаний своего героя.

Все вышесказанное позволяет определить психологическую наполненность категории «служение».

Служение *(психол.)* — спонтанное, вневременное психическое состояние безусловного проживания жертвенности своему объекту, ориентированное на постижение его абсолютного смысла (целостное, духовно-практическое знание), достигаемое через духовно-жизненный поиск и сохранение подлинных целей символическими средствами.

Жизненные проявления служения человека многообразны и предметно неуловимы. В служении отражается единство индивидуального и общего во всей полноте человеческого бытия. В своей знаменитой работе «Герои и толпа» Н.К. Михайловский писал: «…великие люди не с неба сваливаются на землю, а с земли растут к небесам. Их создает та же среда, которая выдвигает толпу, только концентрируя и воплощая в них разрозненно бродящие в толпе силы, чувства, инстинкты, мысли, желания» [16, с. 283].

Служение как специфическое явление наиболее полно находит отражение в психологической категории личности в узком смысле слова — как субъекта культуры, который самостоятельно и ответственно опирается в своих поступ-

ках, мыслях, переживаниях, прежде всего в ситуациях мотивационного конфликта, на общечеловеческие, нравственные принципы, способного к осмысленному преобразованию собственных природных свойств и уже присвоенных социальных правил.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
2. Данилов С.И. Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 132.
3. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Под общ.ред. Д.А. Леонтьева и Е.Ю. Патяевой. - М.: Смысл, 2001.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. - М.: Смысл, Академия, 2005. С.147.
5. Мымрин А.В. Духовный опыт в зеркале психологического знания. /Инициативы XXI века № 2., 2016
6. Никифоров А.В. Субъектность интуиции в пространстве переживания. /Инициативы XXI века № 4., 2014.
7. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М., 1997.
8. Психология / К столетию «Принципов психологии» У. Джемса. Под ред. Л.А. Петровской. - М.: Педагогика, 1991.
9. Пушкин А.С. Сочинения в 3т. Т.1. / 19 октября. Изд. Художественная литература. – М., 1954. С.211.
10. Словарь синонимов русского языка. Под. общ. Ред. Бабенко Л.Г. Астрель, АСТ., 2011.
11. Скороходов Г.А. Разговоры с Раневской. – М.: «Издательство АСТ» 2001.
12. Станиславский К.С. Работа актёра над собой. - М.: Азбука, 2015.
13. Тарковский А.А. Уроки режиссуры. М., 1992.
14. Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
15. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22-х Т. Т. 18. «Избранные письма 1842-1881» 2 изд. - 2011. С. 43.
16. Утлик Э.П. Психология личности: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования/ 2-е изд., испр. – М.: Академия, 2013.
17. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: В 2-х томах. Изд. Пушкинского Дома, 2015.
18. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 Т., Т.17. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. - М.: Наука, 1980.
19. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. - М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
20. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Литургии в Донском ставропигиальном монастыре / Электронный ресурс: Официальный сайт Московского Патриархата 1 сентября 2015 года Эл. ресурс / http://www.patriarchia.ru/

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФСКО-ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ГЕНЕЗИСА И СОДЕРЖАНИЯ ФЕНОМЕНА СЛУЖЕНИЯ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

УТЛИК Э.П., доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ — ДУША И ДУХ

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою.

Тема данного сообщения согласно общему направлению конференции требует заявить: «Для служения нужна душа». Эразм Роттердамский, философ эпохи Северного Возрождения эту мысль выразил так: «Ты видишь, что твой брат терпит несправедливо, а твою душу ничего не тревожит... Почему твоя душа ничего не чувствует? Не потому ли, что она мертва?»

Ты слышишь, что кто-то произносит нечестивые речи, напыщенные, бесстыдные, непристойные, злословит, неистовствует против ближнего, - остерегись думать, что у этого человека живая душа» [8, 95].

***

Психология ведет свою историю от трактата Аристотеля «Наука о душе» - (Peri psyches) [1, 369-451]. И сегодня нет веских причин для того, чтобы не признавать психологию наукой о душе. Без души в психологии нет ничего: ни субъекта, ни деятельности, ни деятельностного подхода, ни самой психологии…

Но вот незадача. Уже более ста лет упрекают психологию в бездушии, в утрате или деформации своего предмета, имя которого она носит. Одним из первых четко сформулировал этот упрек С.Л. Франк.

Прекрасное обозначение *«психология»* — учение о душе — было просто незаконно похищено и использовано, как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляешь о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни как таковой, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение.

…Три четверти так называемой эмпирической психологии и еще большая часть так называемой «экспериментальной» психологии есть не чистая психология, а либо психофизика и психофизиология, либо же исследование явлений хотя и не физических, но вместе с тем и не психических.

…Несмотря на смутность понятий, лежащую в их основе и препятствующую их нормальному развитию, они делают в своей области нечто ценное и полезное. Одно лишь несомненно: живой, целостный внутренний мир человека, человеческая личность, то, что мы вне всяких теорий называем нашей "душой", нашим "духовным миром", в них совершенно отсутствует. Они заняты чем-то другим, а никак не им. Кто когда-либо лучше понял себя самого, свой характер, тревоги и страсти, мечты и страдания своей жизни из учебников современной психологии, из трудов психологических лабораторий? Кто научился из них понимать своих ближних, правильнее строить свои отношения к ним?» [9, 3-4].

Действительно ли все так? Действительно ли правы те психологи, которые утверждают, что психологическая мысль уходит все дальше от понятия души, то есть, от своего предмета? Действительно ли сегодняшняя ситуация такова, что психологу неприлично серьезно говорить о душе и воспринимать психологию так, как назвал ее Аристотель — наука о душе?

Пожалуй, одним из последних психологов, который начинал разговор о предмете психологии, опираясь на понятие души, был Л.Б. Ительсон (2000): мы будем изучать в курсе психологии то, «…как устроена человеческая душа и какие у нее свойства, как она работает и формируется». Затем Ительсон - этот один из самых оригинальных и талантливых психологов России, - проследив, как исторически менялись представления о душе и, естественно, признав их несостоятельными, «отказался от души» и завершил свои рассуждения о предмете совсем не психологически: «Психология — это наука об отражательной деятельности мозга, регулирующей поведение и деятельность» [5, 7-8].

Трудно признать «науку об отражательной деятельности мозга» психологией. Было бы логичнее взамен древних и средневековых взглядов предложить более зрелое и более современное видение души. Тем более, что исходное, аристотелевское толкование души в последующем было искажено.

Логика этого автора воспроизводит логику психологии последних двух столетий. Психология заменяла душу сначала одним из ее атрибутов — «сознанием» психических явлений (процессов), затем другим – «бессознательным», далее — «поведением», то есть, наблюдаемым проявлением той же души и, наконец, «отражением». На последнем особенно сильно настаивала марксистская психология, которая нанесла немалый вред отечественной психологической мысли. На одном из этапов псевдопоисков «действительного» предмета психологии появилось непонятно что обозначающее слово «психика»: может быть, так хотели, по примеру физики, назвать психологию?

Одним из отечественных психологов, видевших смысл в сохранении души как предмета психологии, был А.Н. Лазурский. Он писал в 1915 г.: «…Стали говорить о возможности «психологии без души», то есть, такой психологии, которая сознательно, намеренно уклоняется от того, чтобы вносить

гипотезу души для обоснования и объяснения психических явлений… Подобно тому, как физик имеет право строить гипотезу светового эфира или электрической энергии, так и психолог имеет право строить гипотезу, которая помогла бы ему объяснить явления душевной жизни, и в этом смысле понятие души, как основы наблюдаемых нами психических процессов, имеет полное право на существование. Мы должны путем наблюдения фактов психической действительности строить свои собственные гипотезы «души» или того, что составляет основу наших душевных явлений; только таким путем мы можем прийти к заключению о том, будет ли душа нечто простое или сложное, будет ли это нечто материальное или духовное» [6, 7].

Печальна судьба этой мысли. Редакторы очередного (третьего) издания этой книги Лазурского «Психология общая и экспериментальная» в 1925 г. («ассистенты В.А. Артемов, Н.Ф. Добрынин, А.Р. Лурия», а также автор предисловия Л.С.Выготский) были вынуждены, очевидно, удалить ее полностью, сопроводив свое решение следующим текстом: «…выпущена одна страница из главы I — «Предмет и задачи», где автор вразрез с общей своей точкой зрения защищает право науки на введение гипотез и утверждает, что в этом смысле понятие души как основы наблюдаемых нами психических процессов имеет полное право на существование. Это отбрасывает нас так далеко назад в прошлое даже по сравнению с эмпирической психологией, этой психологией без души, что прозвучало бы несомненным и резким диссонансом в курсе научной психологии» [3, 65].

На мой взгляд, все исторические манипуляции с предметом психологии ничего не меняют: за всеми преобразованиями и переименованиями просматривается все та же душа.

Но настойчивые попытки увести психологию от души не остаются безвредными.

Где-то приблизительно в средине XIX в., когда общий подъем науки, обретение ею экспериментального характера, захватил и психологию, душа – предмет психологии – стала рассматриваться как совокупность психических явлений. Это было мудрое решение, хотя бы потому, что преодолевалось средневековое представление о душе как о нематериальном, но субстанциональном, антропоморфном существе, пребывающем в теле человека. Античное структурирование души (ум, чувства и воля) акцентировало внимание на слишком объемных «блоках», чтобы можно было с ними экспериментировать.

Кроме того, было непонятно, как следует экспериментировать с явлениями психическими. В поисках метода остановились на сознании, как единственной дороге, ведущей к душе. Первые психологические (сначала — психофизические) эксперименты базировались исключительно на самонаблюдении, то есть, на сознании. К. Вебер, Г.Т. Фехнер, Г. Эббингаус экспериментировали на себе. Исследователи ждали, когда у них появлялись интересующие их ощущения или переживания, сравнивали их друг с другом, оценивали их интенсивность, устанавливали иные параметры и применяли другие аналитические процедуры. Фехнер на себе самом установил зависимость силы ощущения от вели-

чины раздражителя, взвешивая в руке тысячи разных грузиков. Подобным же образом экспериментировал и Эббингаус: заучивал бессмысленные слоги и спустя разные промежутки времени старался припомнить заученное…

В. Вундт попытался подвести под «новую» психологию теоретическую базу. Он оценил сложившуюся во второй половине XIX в. ситуацию в психологии следующим образом. Существуют два главных направления: «психология метафизическая и эмпирическая».

«Метафизическая психология», являясь фактически частью философской метафизики, стремится получить определение «сущности души», которое гармонировало бы со всем миросозерцанием метафизической системы. Из полученного метафизического определения души она стремится затем, вывести все реальное содержание психологического опыта. Она стремится свести психические процессы не на другие психические же процессы, а на совершенно отличный от них субстрат: или на действия особой субстанции — души или же на свойства и процессы материи. Соответственно, выделяются две линии в метафизической психологии: спиритуалистическая и материалистическая. Обе они не склонны к эмпирическому анализу и изучению причинной связи психических процессов.

Эмпирическая психология усматривает свой предмет в «непосредственном содержании всякого опыта», и «это представление принадлежит новейшему времени» [2, 4].

Психологи XIX века гордились исключительным положением психологии (как они думали), которая единственная из всех наук изучает не внешний мир, а внутренний, и к нему она имеет непосредственный доступ. Полагали, что все методы «точных» наук – опосредствованные и, значит, более подвержены ошибкам.

Метод познания (интроспекция, сознание, самосознание) отождествили с предметом познания — внутренними переживаниями. Психическое было отождествлено с сознательным. Это почему-то привело к мысли, что психология перестала быта наукой о душе и превратилась в науку о сознании. Но разве наука о сознании не является наукой о душе?! Точно так же можно спросить: разве психология бессознательного не является наукой о душе? Разве люди раньше не знали о бессознательном? Разве Сократ не работал неустанно над прояснением бессознательного своих сограждан? Разве не полагал Платон, что знания человека – это его воспоминания, то есть, область бессознательного?

Современные отказы от науки о душе более изощренные. Например, заявляют, что «душа» не подходит в качестве предмета психологии из-за неопределенности понятия.

Но предмет науки — это всегда неопределенность, это, прежде всего, задача науки, то, над чем она будет работать долго («вечно»), то, что еще не познано. То есть, предмет — это не постулат, лежащий в основе того или иного научно-теоретического подхода, а его цель. Все, что может связываться с предметом при его глобальном формулировании – это гипотеза, например, такая: душа – процесс и продукт работы организма, оснащенного мозгом, нервной си-

стемой, органами чувств и движения. Этот процесс создает внутренний образ мира и самого организма и осуществляет связь между человеком и средой.

Душа — совокупность взаимосвязанных душевных явлений, имеющая свою динамику, характеризующаяся своими индивидуальными и общими свойствами, обеспечивающая информационную связь человека с окружением и управляющая его поведением (общением и деятельностью).

Душевные явления, составляющие в своей совокупности и взаимосвязи душу, могут быть осознанными и бессознательными, и хорошо управляемыми, и мало или совсем не управляемыми.

Душа органически вмещает и сознание и бессознательное, и об этом известно давно: не мы придумали присказку «чужая душа - потемки»; к этому следовало бы добавить, что своя душа — тоже «потемки» в той или иной степени.

Сегодня уже трудно догадаться, как родилось понятие о душе и как менялось его содержание на протяжении тысячелетий. По всей видимости, у истоков «души» лежали наблюдаемые жизненные явления:

а) первый самостоятельный вдох новорожденного;

б) видимое временное прекращение дыхания при обморочных исчезновениях сознания и тяжелых ранениях;

в) возвращение человека к жизни методом искусственного дыхания «уста в уста»;

г) последний предсмертный выдох и ряд других.

Все эти наблюдения связывали душу с жизнью, отсюда и отождествление этих понятий.

Психологическое понятие души явилось в истории человеческой мысли результатом многочисленных жизненных наблюдений над поведением, состоянием, переживаниями людей, над их жизнью, рождением и умиранием. И стало, в конце концов, предметом психологии. Процесс формирования данного понятия сопровождался многообразными мифологическими, мистическими вариациями, подвергался влиянию многочисленных философских школ и индивидуальных толкований. И это естественно и правомерно.

Однако современная психологии может действительно потерять душу. Сегодня угроза исходит, прежде всего, от недобросовестных исследователей. Можно найти огромное число психологических работ, в которых нет человека. Эти работы построены по простой схеме: тестируется требуемое число людей и запускаются компьютерные программы статистической обработки. Полученные корреляции или факторные данные обсуждаются, оцениваются, и на этом основании делаются выводы, что некоторые люди обладают известными качествами или склонны к некоторым формам поведения.

Авторы подобного рода исследований, как правило, не беседуют со своими «испытуемыми», не наблюдают их трудовое или социальное поведение. Нередко само тестирование проводится заочно, посредством интернета, так что исследователю об участниках его исследования ничего не известно. Такие исследования едва ли можно назвать психологическими.

Однако не эти работы и не эти тенденции определяют существо и действительное состояние психологии в наше время.

Психология по-прежнему является наукой о душе, или точнее, базовой наукой о душе. Предмет психологии один и тот же, хотя названия могут быть разными; замена души сознанием или психическими явлениями ничего не меняет. Идея души постоянно возвращается в психологию либо непосредственно, либо под другими именами: личность, субъект, Я, Я-концепция, самость, идентичность, индивидуальность и т.п.

Думается, что и сегодня верны слова, написанные Д.С. Миллем более 150 лет назад: «Есть *нечто,* что я называю моим «я» или, нечто, что признаю не мыслями, а *существом* (the being), обладающим этими мыслями. Дух можно признать субъектом всех чувств, тем, что имеет эти чувства и их испытывает». «… только совершенный педант будет этим смущаться или стремиться даже совсем изгнать это слово из психологии. Мы храним с собой всевозможные остатки былых, изжитых воззрений в виде образованных некогда слов, но пользуемся ими в совершенно ином значении, хотя многие люди продолжают употреблять их в первоначальном значении. Поступая таким образом, мы действуем более экономно и разумно, чем если бы мы захотели непрестанно вносить изменения в запас наших слов. Все говорят о восходе и заходе солнца, независимо от того, знаем ли мы, что подразумеваемое здесь явление ничего общего не имеет вообще с движением солнца, или же, наоборот, мы об этом ничего не знаем, подобно ребенку и дикарю. Физик говорит о световых и тепловых или электрических лучах, хотя прекрасно сознает, что лучей в том смысле, какой вкладывает большинство людей в это слово, вовсе нет. На этом основании мы будем говорить о душе, если это окажется необходимым, подразумевая под этим словом не какое-либо особое элементарное и неделимое существо, а своеобразно-расчлененную и цельную совокупность, самостоятелъную систему многочисленных, тесно и многообразным взаимодействием связанных между собою содержаний сознания» [7, 15].

Те психологи, которые считают понятие души безнадежно устаревшим, и те школы, что отдают первенство внешним, социальным и иным фактором в детерминации поведения, в частности, ситуационисты, могли бы не без пользы прочитать фрагмент из «Записок сумасшедшего»:

«Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все как на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною в каком-то тумане. И все это происходит, думаю, оттого, что люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове: совсем нет: он приносится ветром со стороны Каспийского моря» [4, 178].

Психология — есть наука о душе, это самое краткое и самое адекватное ее определение. Будем же надеяться, что душа как предмет психологии останется неприкосновенной.

Литература

1. Аристотель. Наука о душе // Соч. в четырех т. – М. - Т. 1. – 1976.
2. Вундт В. Очерк психологии. – СПб., 1896.
3. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского.— М., 1982.
4. Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Собр. соч. в 8 т. – Т.3. – М., 1985.
5. Ительсон Л.Б. Лекции по общей психологии. – Минск: 2000.
6. Лазурский А.Н. Психология общая и экспериментальная. – Пг., 2015.
7. Милль Дж. Ст. Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсужденных в его творениях. - СПб., 1869.
8. Роттердамский, Эразм. Оружие христианского воина // Философские произведения. – М., 1986.
9. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. Мн.: 2000.

КАРАЯНИ А.Г., член-корреспондент РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
Президент общества психологов силовых структур

СЛУЖЕНИЕ КАК ЖИЗНЬ, НАПОЛНЕННАЯ СМЫСЛОМ

В статье рассматривается феномен служения как человеческая надситуативная активность, направляемая «всежизненным» «целе-смыслом-мотивом», стоящим во главе иерархической системы мотивации человека

***

Термин «служение» имеет множество однокоренных слов, от которых он кардинально содержательно отличается.

Так, термин «служба» обозначает занятие, работу, должность, то есть часть жизнедеятельности человека, связанную с его профессиональной деятельностью. Служба может быть главным или подчиненным элементом жизнедеятельности человека, охватывать ее существенную или незначительную часть. Она может подчинять себе все стороны жизни человека, замещать собой другие виды человеческой активности. Это подчинение и замещение может носить драматический характер и доходить до уровня профессиональной деформации.

Термин «услужение» более узкий. Он обозначает службу в качестве прислуги, слуги, лакея для выполнения личных услуг. Прислуживать — значит выполнять обязанности слуги, угождать другому человеку.

Термин «выслуживаться» означает добиваться чьего-либо расположения заискиванием, угодничеством в целях достижения положения, продвижения по службе. По существу выслуживаться значит служить себе.

Таким образом, термины «служба», «услужение», «прислуживание», «выслуживание» в одном случае отражают ситуативную активность человека, локализованную в конкретной части его жизнедеятельности, в другом случае — служение конкретному человеку или группе лиц, в третьем случае — служение себе.

Термин «служение» означает принципиально иной тип человеческой активности. На наш взгляд, служение есть посвящение себя без остатка какой-либо социально значимой идее, делу. Это не значит замещение «делом своей жизни» всех других видов активности, а наполнение их жизненным смыслом. Человек, посвятивший свою жизнь какому-либо делу не лишает себя возможности быть хорошим семьянином, иметь хобби, менять интересы и пристра-

стия. Он занимается различными видами деятельности, не противореча делу своей жизни. Он самоактуализируется, самореализуется, выражается в «деле своей жизни».

Такое положение возможно лишь тогда, когда у человека выстраивается такая иерархия мотивов, в которой стоящий во главе ее мотив самореализации связан с социально значимым делом, а остальные иерархические уровни мотивации подчинены этому мотиву (Маслоу А., 1999).

В.А. Петровский, изучая явления бескорыстныого риска, альтруистического поведения и творчества, ввел понятие «надситуативной активности – способности субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи (Петровский В.А., 1998.*)*

В основе такой способности должен лежать «надситуативный мотив».

По существу речь идет о формировании у человека глобального, «всежизненного» «целе-смысла-мотива», определяющего «что», «зачем», «ради чего» и как он делает в своей жизни. Служение – это жизнь человека, движимая социально значимым мотивом, жизнь в режиме повседневного посвящения себя делу, выходящему за рамки сиюминутных личных потребностей и интересов. Можно быть священником, актером, военнослужащим, быть на службе, но не служить в высоком смысле этого слова.

Служение, в зависимости от целе-смысла-мотива может самым разнообразным:

— служение Богу (Сергий Радонежский);
— служение идее (Джордано Бруно);
— служение мечте (Г. Шлиман);
— служение делу (А.В. Суворов);
— служение долгу (генерал Д.М. Карбышев)
— служение людям (Н.И. Пирогов);
— служение стране (Петр Великий).

Посредством надситуативной активности человек способен преодолевать ограничения (барьеры) деятельности.

В связи с этим Ф. Ницше говорил, что если у человека есть «зачем» жить, он может любое «как». Это значит, что жизнь в стиле служения, посвящения себя делу не только не забирает жизненные силы у человека, а дает ему невероятный ресурс, открывает гигантские возможности для творчества, труда, борьбы и преодоления.

Литература.

1. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999 .
2. Петровский В.А. Активность надситуативная // Краткий психологический словарь / Под ред. Л.А. Карпенко, А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Р/на Дону: «Феникс», 1998.

КОРЧЕМНЫЙ П.А., доктор психологических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ

СЛУЖЕНИЕ КАК ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОСОЗНАНИЕ ДОЛГА, ЧЕСТИ И СОВЕСТИ

Мы сегодня присутствуем на высоком научном собрании, на котором фактически рассматривается вопрос личностного развития и смысла жизни военнослужащего.

С самого зарождения живого организма на нашей планете постоянно стояло перед ним несколько поставленных жизнью вопросов: что поесть, как выжить, как размножаться. Но со временем, появилась центральная нервная система, появился интеллект, сознание, другими словами появился человек, который поставил перед собой ряд других вопросов: А зачем я здесь? Что я могу и должен сделать себе и окружающим.

Исследования показывают, что удовлетворенность от работы во многом определяется мерой служения. В соответствии с рангом удовлетворенность обусловлена не столько тем, что человек делает для себя, сколько тем, сколько он делает хорошего для других. На первом месте находятся священнослужители (87%), затем пожарные (80%), физиотерапевты (78%), писатели (74%), преподаватели (70%). Наступило время, когда все чаще человек ставит перед собой вопрос: а вообще-то зачем я появился на белый свет? Мы находим в определенной мере ответ у классика русской литературы Л.Н. Толстого: «смысл жизни в служении людям» [1].

***

Служение — это новый этап в развитии человечества, где каждому суждено научиться служить. Служить в радости текущего дня, осознавая радость от того, что у нас есть такая возможность это делать. В этом, кроется новый этап эволюционного развития. Именно этот этап, возведет *Храм любви в сердце каждого человека.* Так постепенно появилась сама идея служения. И так уж повелось, что события в жизни каждого человека отмеряются именно мерой служения *себе, людям и Богу*. Естественно, что в дошкольном учреждении, в семье, школе, вузе, на предприятии в той или иной форме осуществляются *Де - Факто* мероприятия по разъяснению самой идеи служения в широком смысле слова, когда ребенку даются основы служения – в частности *понимание, любовь, опыт.* Но первые слова служения Отечеству, верности Родине, как говорят *Де-юре* звучат при приеме военнослужащим военной присяги.

Служение — *это процесс осознания собственной деятельности в соответствии с общим представлением о жизни.*

Все в Мироздании в той или иной мере служат, и служат в радости и любви. Не служат те, кто погряз в эгоистичности собственных порождений, считая, что служение, это акт повиновения, рабства, низости и слабости. Слабость — это маска, за которой скрывается человечек, выражающий свою силу, через злость, насилие, равнодушие, власть и деспотичность. Не случайно Лев Николаевич Толстой смысл жизни видел в служении людям. Он писал:

«Жить для себя одного нельзя. Это духовная смерть. Как можно меньше брать от людей и как можно больше давать людям…

Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость» [2].

Народная мудрость утверждает:

Будет трудно — крепись,
Будет больно — не плачь,
Будет ветер — не гнись,
Глаз в ладони не прячь,
Если грозы — смотри,
Если слезы — сотри,
Если страшно — держись,
Помни, жизнь это жизнь.

Опираясь на написанные строчки, на произведения классика русской литературы Л.Н. Толстого, мы находим в определенной мере ответ: «смысл жизни в служении людям. Жить для одного себя нельзя. Это духовная смерть. Верю в то, что смысл жизни каждого человека в увеличении в себе любви, добра» [2].

Автор книги «Искусство психологического консультирования» Ролло Мэй подчеркивает, что главное качество психолога-консультанта это «любовь к людям», а главная техника в психологическом консультирования это личность самого психолога-консультанта [1]. И несмотря на то, «Что все знают, что есть любовь, но никто не знает, что она есть», каждый из нас твердо усвоил, знает и неоднократно убеждался, что

ЛЮБОВЬ:

-ВСЕ ПЕРЕНОСИТ	-НЕ МЫСЛИТ ЗЛА	-НЕ ИЩЕТ СВОЕГО
-ДОЛГО ТЕРПИТ	-НЕ РАДУЕТСЯ НЕПРАВДЕ	-НЕ РАЗДРАЖАЕТСЯ
-МИЛОСЕРДСТВУЕТ	-СОРАДУЕТСЯ ИСТИНЕ	-НЕ МЫСЛИТ ЗЛА
-НЕ ЗАВИДУЕТ	-ВСЕ ПОКРЫВАЕТ	-НЕ РАДУЕТСЯ НЕПРАВДЕ
-НЕ ПРЕВОЗНОСИТЬСЯ	-ВСЕМУ ВЕРИТ	-СОРАДУЕТСЯ ИСТИНЕ
-НЕ ГОРДИТЬСЯ	-ВСЕГО НАДЕЕТСЯ	-ВСЕ ПОКРЫВАЕТ
-НЕ БЕСЧИНСТВУЕТ	-НЕ ГОРДИТЬСЯ	-ВСЕМУ ВЕРИТ
-НЕ ИЩЕТ СВОЕГО	-НЕ БЕСЧИНСТВУЕТ	-ВСЕГО НАДЕЕТСЯ.
-НЕ РАЗДРАЖАЕТСЯ		

Чем больше человек осознает свою многомерную значимость, тем больше он осознает свое служение на благо людей. Ни одна цепь взаимоотношений между существами, движущимися в Духовном развитии, не существует

без служения. Самые высшие формы отношений между существами Вселенной, также формируются через служение.

Так, что же такое служение? В дополнение к сказанному в основном докладе хочу акцентировать на том, что:

Служение — это эквивалент любви, милосердия, радости, силе, такту, мудрости и чистоте Души. Именно служение приводит человека к смирению его бунтующей Души. Именно служение приводит человека к гармонии.

В служении, человек понимает свою связь со всем Мирозданием, со всеми людьми. А главное, он понимает свое здесь и сейчас, в котором заключен процесс сотворчества, процесс глубокого осознания того, что он служит человеку, встреча с которым, является самым важным в настоящий момент. Нет ничего важнее, чем встреча здесь и сейчас. Ведь, она дана нам самим Законом Кармы. А Карма — это Закон! Сам Бог, является Законом для всего Мироздания. Поэтому, в служении здесь и сейчас, мы служим Богу. Именно, через Божественные пути взаимоотношений к нам приходят те люди, у которых не развязаны наши кармические узлы. И эта встреча, является самой важной на настоящем этапе.

Научитесь отслеживать свое настоящее. Если вы заняты важным делом здесь и сейчас, а к вам приходит человек за помощью, за советом, или просто для разговора или совместной работы, Тогда то, тем, чем вы занимались, является уже не настоящим, а прошлым. А настоящим является то, что приходит здесь и сейчас. Но не нужно это понимать буквально. Ведь есть ситуации, где мы не можем оставить то, чем мы занимаемся в настоящем. Например, операции, то есть, физическая работа, которая требует присутствия здесь и сейчас. То есть, вся срочная работа, которая не может быть приостановлена. Тогда, задача человека в служении, тактично перенести разговор на потом.

Понимание между двумя индивидуумами создает служение по отношению друг к другу. Они глубоко осознают значимость того, что они делают сейчас. Они уважают миг настоящего каждого человека и поэтому не нарушают тишину пространства человека. В таком служении человек служит себе, людям, всему Мирозданию, а значит Богу. Именно в таком служении, формируется порядок внутри порядка, который заключает в себе баланс на всех уровнях сознания. Подобное служение создает гармонию не только в умах этих двух людей, но и баланс в едином поле сознания. Ведь все то, что связано с катаклизмами, с мировыми процессами на Земле, дестабилизирующие общество, на самом деле вызвано нашей с вами дестабилизацией в наших сердцах. Эти волны общественных волнений на физическом уровне, являются волнами, бушующими в нашем сознании. Именно они вызывают все то, что происходит на Земле. Если мы хотим прийти к миру, равновесию, счастью и любви, мы должны осознать служение, как форму эволюционного роста. Без нее, мы не сможем сделать шаг навстречу новым энергиям и новым отношениям.

Служение, не может быть корыстным и хитрым. *Духовное служение не имеет другого интереса, чем соблюдение чистоты во взаимоотношениях. В духовном служении присутствует все, что способствует глубокому осозна-*

нию природы человека и его взаимоотношений, являясь главным на любых уровнях развития.

Как говорил Иван Сергеевич Тургенев: «Чрезмерная гордость – вывеска ничтожной души» [3].

А вот каковы записки можно найти в счастливой, дружной семье: «Компот на плите, Борщ и котлеты – в холодильнике.

Смысл жизни в служении нуждающемуся, ближнему».

Другими словами, большинство классиков российской отечественной литературы и деятелей науки видят смысл в жизни в служении людям. Жить для себя одного нельзя. Это духовная смерть. Установка в хорошей семье следующая:

Как можно меньше брать от людей и как можно больше давать людям.
РАБОТАЙ — как будто тебе не надо денег,
ЛЮБИ — как будто тебе никогда не причиняли боль,
ТАНЦУЙ — как будто никто не смотрит,
ПОЙ — как будто тебя никто не слышит,
ЖИВИ — как будто на земле рай.

Другими словами, большинство классиков российской отечественной литературы и деятелей науки видят смысл в жизни в служении людям. Жить для себя одного нельзя. Это духовная смерть. Установка в хорошей семье следующая: как можно меньше брать от людей и как можно больше давать людям.

Несмотря на то, что рационально-эмотивная терапия учит нас быть самим собой, что не надо быть лучше, чем мы есть на самом деле, все таки сформировавшаяся установка в семье, в обществе, в целом в российском самосознании: «Надо во всем быть первым, всегда иметь вторую половинку, никогда не быть третьим лишним, иметь свои четыре уголка, чтобы все в жизни было на пять, иметь шестое чувство, и быть на седьмом небе от счастья» способствуют *формированию целостной личности, то есть человека*, которому присуще коллективистское самоопределение, который способен противостоять внешнему давлению. Данная личность обладает, рациональностью, достаточной силой и смелостью, способностью оценить ситуацию реалистично, проанализировать информацию, всесторонне изучить несколько источников и сделать собственные выводы. Озвучить их и быть готовым отстаивать такую точку зрения, не всегда просто. Однако человек, который имеет устойчивое мировоззрение и систему ценностей, благодаря чему, его не мучают внутренние сомнения, он уверен и спокоен, у него четко сложилась своя связная картина мира.

Подобное развитие происходит по определённым моделям, во-первых, по модели функционирования силовых структур, основанной на достаточно целенаправленных и цельных убеждениях и на внутренней потребности отстаивать их при возникновении прямого, открытого конфликта.

С точки зрения личностного роста применительно к пирамиде потребностей по Абрахааму Маслоу это уровень удовлетворения потребности в самоуважении. Такой человек, может быть сломлен, но прогибаться и отказываться или корректировать свои убеждения он не будет. Во-вторых, по модели осно-

ванной на внутренней гармонии, способствующей формированию целостной личности, которого отличает интеллектуальное развитие и высокая мораль. Этот человек живёт в соответствии со своими идеалами и ценностями, причём готов ради них принести в жертву себя и свою жизнь. Примером этому могут служить действия 84 воинов-десантников 6 роты 76 Псковской десантной дивизии, ставшие на пути более 2000 оголтелых террористов, в отчаянии прорывавшихся на их участке из окружения. Как Вы помните, это было в конце февраля, начале марта 2000 года в Республике Афганистан. Или свежий пример героического подвига военнослужащего Сил специальных операций Вооруженных сих сил РФ старшего лейтенанта Прохоренко Александра Александровича, вызвавшего огонь на себя в Сирии 17 марта 2016 года при исполнении служебных обязанностей в ходе боёв за Пальмиру.

Что касается целостности личности на основе модели внутренней гармонии, то в этом случае основой целостности личности выступает как внутренняя гармония, так и внутренняя гибкость. Нормальная, без внутренних противоречий личность формируется в случае, если отношения с внешним миром складываются благополучно. Это союз сознания и подсознания и как результат отсутствие конфликтов с собой. Человек принимает внешний мир, а внешний мир принимает его. Прежде всего, это позитивное мировосприятие. Целостность личности в этом случае, это в первую очередь принятие и осознание личных сильных сторон и отказ от самообвинения. Что касается гибкости, то следует отметить, что столкнувшись с жёсткими требованиями со стороны внешнего мира, такой человек готов и способен приспосабливаться к таким условиям. Но, он непременно вернётся к прежнему состоянию, как только появляется возможность это сделать. Таких людей можно определить даже по их поведению. Им характерны тёплые, понимающие нотки в голосе, мягкие движения. Весь образ говорит о доброте и способности понять собеседника. Понятно, что в силу культурной традиции и воспитания, такое мировоззрение способно поменять свое поведение, если находятся под постоянным контролем, но как только давление ослабевает – непременно вернётся к изначально присущим ей качествам.

В формировании человека, а так же сложившимся результатам в соответствии с наличными качествами, участвует множество людей. На его воздействует масса различных переменных. Как показывают наблюдения, военнослужащий с устоявшимся мировоззрением, и характерным для служения стилем деятельности, всегда ориентируется на принципы гуманности и морали, не забывает, что он никому ничего не должен. Что его жизнь – это его жизнь и любое решение всегда остаётся за ним. Следование этим принципам гарантирует целостность личности в дальнейшем, и его примерное СЛУЖЕНИЕ.

В наше время, служение — это Миссия каждого человека. Потому, что, именно в служении сжигается остаточная карма. Не имеет значения, служим ли мы своим командирам, родителям, детям, близким, ученикам, мы все равно служим. Если мы осознаем это, тогда мы осознаем свою значимость в мировом служении. Вся структура Мироздания Высших Сил — это служение друг другу.

И на этих уровнях, где отсутствует эго, служение происходит, как неизбежная форма передачи своей любви не только одному человеку, который в данный момент пришел к вам, но и всему Мирозданию. Потому, что через служение, мы строим новую реальность, новый мир. И в этом мире, служение, будет обыкновенной формой поведения.

Служить — значит осознавать. Отсутствие служения, это отсутствие осознания себя и жизни в целом. Отсутствие осознания — это деструктивность в поведении на всех уровнях сознания, а значит, остановка и деградирующая форма увядания Души. Если общество не пришло к осознанию служения, тогда это общество обречено. И пока мы не научимся служить настоящему мгновению, то наше настоящее не станет для нас единственной возможностью эволюционизироваться, и до тех пор волнения в коллективном сознании будут обрушиваться на карму каждого человека, ввергая его в водоворот коллективного поля. И под воздействием этих коллективных процессов, человек во многих случаях, не может самостоятельно думать. В тоже время, наличие смысла жизни способствует ее осмыслению, а осмысленная деятельность способствует формированию смысла жизни, а соответственно и потребность в служении людям.

Армия это сколок общества. И военнослужащий думает так, как думает все общество. И если общество деструктивно, то сила этой коллективной мысли создает колебания на вибрационных уровнях и влечет за собой катастрофы, развитие новых форм заболеваний, войны, насилие, голод и манипуляции. Если мы не служим, тогда нас нет в настоящем. Если нас нет в настоящем, значит, наше сознание становится мертвым. Мы не можем себе позволить такое состояние в мире, ведь мы являемся причиной этого мира. Если мы не служим, тогда нас нет в настоящем. Если нас нет в настоящем, значит, наше сознание становится мертвым. Мы не можем себе позволить такое состояние в мире, ведь мы являемся причиной этого мира. Надо верить в свои силы, знать свою главную задачу и постоянно, ежедневно и поминутно ее добиваться. А тем кто не верит, что жизнь прекрасна, просто нужно повыше подняться, хотя бы подпрыгнуть, чтобы посмотреть с высоты.

Литература

1. Корчемный П.А. и др. Психологическое консультирование: от личности к организации. Учебное пособие.- М.: Изд-во ИЭТ, 2010.-323 с.
2. Толстой Л.Н. Исповедь. Избранные сочинения.- М. Художественная литература, 1989.-670 с.
3. Тургенев И.С. Сборник рассказов «Записки охотника»

ПРОНИН М.А., кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» института философии РАН

РЕДАКТИРОВАНИЕ СОЛДАТА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Логика перехода от редактирования человека к редактированию солдата была опрокинута историей управления сном подразделения во время круглосуточных боёв. Военные разработки в этой области на несколько десятков, если не сотню лет, опережают идеи внедрения технологий улучшения человека в гражданской сфере.

Философия как экспертиза вскрыла интимные механизмы редактирования человека-военного — солдата. Это был путь от попыток его улучшения к выяснению его пределов прочности и, наконец, к «открытию» фактора индивидуальности.

Индивидуальность солдата — его потребность в сне, — главный элемент управления непрекращающимся круглосуточным боем в армиях индустриальных демократий.

В статье на основе виртуального подхода обоснована неизбежность перехода к управлению развитием вооруженных сил и современной предиктивной медицины на основе учёта индивидуальности человека. Сформулированы теоретические выводы и следствия, значимые для развития наук о человека. Сделана постановка теоретических задач построения онтологий внутреннего пространства человека.

Ключевые слова: философия как экспертиза, антропология, гуманитарная экспертиза, виртуалистика, виртуальный человек, улучшение человека, пределы прочности человека, индивидуальность, сон, устойчивые военные операции, амфетамин, персонализированная медицина.

***

Солдат был, есть и останется ключевой фигурой армии и военно-морского флота. Его обучение и подготовка — непрекращающаяся каждодневная политика и практика строительства вооруженных сил государства во все времена. Управление человеческим потенциалом вооруженных сил вступило в эпоху редактирования человека, его улучшение — human «enhancement» (англ.), — где под редактированием понимается сфера модификации человеческого генома: состояние, обзор проблем и перспектив в данной сфере изложены

Б.Г. Юдиным в его статье «Редактирование человека». Так он пишет: «Технологии, о которых идет речь… в статье, называют редактированием гена (генома). В таком именовании имплицитно содержится весьма распространенное представление о последовательности генов как о тексте. Учитывая, во-первых, это обстоятельство и, во-вторых, то, что сегодня при истолкование природы человека принято акцентировать исключительную роль генов, представляется вполне обоснованным при рассмотрении технологий, направленных на исправление генетических дефектов, использования такой метафоры, как редактирование человека» [40,С.6]. Продолжение логики расширения метафоры Б.Г. Юдина закономерно или ожидаемо ведёт к идее редактирования солдата, но не стоит делать сей шаг столь прямолинейно. Дело в том, что, обсуждая возможности «редактирования», многие формулируют как одно из ключевых последствий его внедрения проблему изменения личности человека, отчасти такое понимание стало уже общим местом: «…влияние на личность». [36] Поэтому логику расширения сферы применимости «метафоры редактирования» полагали бы целесообразным распространить от редактирования генома не столько до модификации личности, сколько до понимания того, что в конечном итоге объектом управления при реализации технологий редактирования становится самоидентичность человека, а в интересующем нас аспекте - редактирование самоидентичности солдата, где личность - это мы покажем дальше, - необходимый, но недостаточный элемент предопределения самоидентичности.

Редактирование самоидентичности человека может быть взято в качестве родового понятия, как для самих технологий, включающих редактирование наследственности, генома и пр., так и для частных случаев общей практики управления идентичностью, в частности, солдата в рамках перспективного развития Вооруженных сил [2] и основных направлений развития науки, техники и технологий Российской Федерации [19]. Разработка таких направлений, как «Безопасность и противодействие терроризму», «Информационно-телекоммуникационные системы», «Науки о жизни», не говоря уже об очевидном приоритете «Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники» должны развертываться с учётом технологических возможностей редактирования/улучшения человека военного. В какой-то момент смена компетенций и навыков выйдет за рамки традиционной системы подготовки и переподготовки кадров, потребовав «нового человека» в системе вооружённой борьбы. Перспективы такого ламинального перехода прогнозируемы, но адекватность и этическая допустимость решений не столь прозрачны, понятны и явны. Отметим, что обсуждение идеи «идеального солдата» сопровождает развитие армий, как института государства, на протяжении всей их истории.

При такой постановке имеются ввиду не неоевгенические планы вне рамок этического измерения задачи и способов её реализации, а прагматичное выделение объекта управления: свою самоидентичность солдат, как и любой другой «манёвр» по словам А.В. Суворова, должен понимать, принимать и уметь реализовывать - иначе победа над врагом невозможна. Самоидентичность у человека военного не может быть в страдательном залоге - навязанной,

- даже если тяготы и лишения её этически обусловлены в рамках «информированного согласия» при приёме военной присяги, подкреплённого военно-полевыми судами, штрафными ротами/батальонами, расстрельными командами и другими «институтами мягкой силы». Общеизвестна христианская максима «невольник - не богомольник». Налагая на себя обязанности военной службы человек военный принимает иго своего положения как благо, делающее его свободным на театре военных действий, если он приобретёт в результате работы над собой статус виртуоза (лат.) / артиста (греч.) в военном деле. Ту самую добродетель, как особое состояние силы, мужества и доблести у воина в бою, ставшую объектом исследования виртуалистики [14] и других экспериментально-психологических исследований последних лет. Имеются ввидуновые области психологии личности, лишь недавно ставшие объектом серьезных научных разработок «психологии мейнстрима»: личные стремлениям, жизненные цели, субъективное благополучие, духовность и мудрость [39].

Солдат-долгожитель - человек активный: он субъект деятельности в системе деятельности. Он сам, на то он и вирутоз, осознанно и произвольно управляет партитурой своих идентичностей [17] на поле боя и в жизни. Такое умение в архаических сообществах отделяет мужчин от парней: во внешнем - наблюдаемом - поведении мужчина умеет жить и работать в зоне физической опасности для своей жизни. «Федеральный закон «О статусе военнослужащих» (76-ФЗ)» «возлагает на военнослужащих обязанности по вооружённой защите Российской Федерации, связанной с беспрекословным выполнением поставленных задач в условиях, часто связанных с риском для жизни» (Ст. 1, п. 2) [37]. Не зря в народе говорят, что служба в армии - школа мужества. Таким образом, защита отечества - мужское дело, из чего вытекает, что юноша в процессе военной подготовки должен стать мужчиной, а это уже, согласитесь, смена самоидентичности. Мужская самоидентичность обеспечивает статусный, а не преходящий характер реальности умений и компетенций солдата. Она не определяется наличием/отсутствием семьи, женщины и/или детей у представителя мужского пола.

Некоторые военачальники принимают и используют таковое понимание буквально - приведём исторический пример. «Когда пришло к Гайдару это мудрое осознание природы души? Не с того ли 19 августа 1919 года, когда он, пятнадцатилетний подросток - еще не Гайдар, а просто Аркадий Голиков, - вместе с остальными 180 курсантами Шестых Киевских пехотных курсов командного состава Красной Армии получал на плацу свое удостоверение краскома?

После присяги нарком Украины Н.И. Подвойский попросил оркестр сыграть похоронный марш - в память о тех, кому предстоит великая честь умереть за Революцию.

Гайдар вспоминал: «Мурашки бежали по телу. Никому из нас не хотелось умирать. Но этот похоронный марш как бы оторвал нас от страха, и никто уже не думал о смерти». Так в пятнадцать лет Гайдар уже побывал на своих похоронах. Дальше начиналась настоящая жизнь навеки пятнадцатилетнего мальчу-

гана…» [7, С. 12]. Полагаю достаточно показательно каким образом Н.И. Подвойский продемонстрировал место службы и организовал пространство ламинального перехода курсантов в новое человеческое качество: человека штатского — в человека военного, в краскома — командира Красной армии.

Уметь - значит делать это 1) осознанно, а не по наитию, и 2) произвольно: не наобум, не на авось, не на небось и не на «как-нибудь пронесёт». Воин это не тот, кто не боится умирать, а тот, кто каждый раз возвращается домой, выполнив боевое задание. Доблесть - не столько самопожертвование, сколько подвиг: философско-антропологическое сопоставление последних оставим для другого случая.

Введение в возможности новых технологий редактирования/улучшения человека в военном деле, если оно адекватное, задаёт габариты пространства состояний объекта — самоидентичности солдата, — и контекста — ситуации. Имплицитно (в лингвистике) подразумевается, что текст без контекста не понятен, а следовательно его адекватное редактирование, как текста, так и человека невозможно.

Для этого укажем на то, что с одной стороны, антропоценоз войны в отличие от техноценоза войны с развёртыванием потенциала редактирования не изменился/ится ни по сути, ни экзистенциально, ни феноменологически. Объект управления у офицера - насилие. Средства реализации - оружие: хочешь поменять взгляд на искусство (той же войны) — смени инструменты (вооружение и технику). Механизм реализации насилия - солдат. Но с другой, приход технологий улучшения человека ознаменовывает эру осознанного и произвольного (целевого) управления самоидентичностью солдата. Ниже мы продемонстрируем, что имплицитно такие задачи решались на протяжении всей истории развития военного дела. Управления предиктивного (П) - предсказанного. Профилактического / Предупредительного (П) - опережающего. Персонифицированного (П) - индивидуального. Партисипаторного (participatory, англ.; П) - с активным участием самого человека-военного. Задание типа управления через атрибутику «ППППП»-принципов легко узнаваемо в обсуждениях будущего современной персонифицированной медицины, смотри, например [5] и выпуски ежегодников «Биоэтика и гуманитарная экспертиза» Института философии РАН за 2007-2014 гг. [1]. В таком контексте мы кратко рассмотрим пространство возможных состояний редактирования самоидентичности солдата — человек военного. Описание не будет дескриптивным, но задаст вершины гиперграфов человека военного и проблемы/ситуации, что позволит сформулировать базовые противоречия системы подготовки и ведения войны «как есть» и «как она должна» быть с точки зрения адекватности субъекта деятельности системе деятельности. Иными словами, наша задача - очертить философско-антропологические основания к постановке проблемы редактирования солдата.

Замечания к методологии философско-антропологического анализа

Настоящая статья выполнена в жанре «философия как экспертиза» (развернутую дискуссию о таковой Б.Г. Юдина и М.А. Пронина в цикле философских бесед «Реплики» Института философии РАН можно посмотреть в Интер-

нете [41], по ее итогам готовится публикация). В качестве мировоззренческой основы взяты системные методы третьего поколения А.Н. Малюты [9; 10; 11] и философско-антропологический подход «виртуалистика» школы Н.А. Носова (1952-2002) [28]. Их соотношения в решении философско-антропологических задач в настоящем сообщении подробно рассматриваться не будут, но необходимое представление можно получить, ознакомившись с работой [27] и со следующими краткими выкладками, раскрывающими парадигматические установки автора при подготовке статьи.

Известно, что при моделировании (например, ситуаций «как есть» и «как должно быть») требуется принципиально решить триединую задачу: 1) выделить базовую размерность признаков и параметров относительно которых могут быть получены все остальные (необходимые) параметры и признаки интересующего нас объекта; 2) выявить инварианты - то, что остаётся неизменным при проведении преобразований; 3) и решить задачи подобия: один объект абсолютно подобен только себе самому, поэтому имеет значение и оправдано сравнение каких-то отдельных аспектов данного объекта до и после преобразования [16].

Базовую онтологическую размерность человека военного в настоящем сообщении определяет конструкт «виртуальный человек» [25], метрика которого задаётся гиперкомплексными неопределённостями - элементами системы и их свойствами: реальностью телесности, реальностью сознания, реальностью личности, реальностью воли и реальностью внутреннего человека. Гиперкомплексность неопределенностей как системное качество предопределяется тем, что мир состоит из множества реальностей: мир полионтичен. Часть из реальностей находятся в отношениях «порождения-порождённости», названных в рамках виртуального подхода виртуальными, а часть - нет. Такая концептуализация виртуальности была проведена Н.А. Носовым и О.И. Генисаретским в 1986 году на примере виртуальных психологических событий/состояний у военных лётчиков [15]. Виртуалистика до сих пор не воспринимается преобладающим научным и технологическим мейнстримом, занятым практическими разработчиками технологий виртуальной и дополненной реальности (TVR) и их теоретическим - философским, психологическим, социальным и пр. - осмыслением. Казус - социология такого непонимания, - и виртус - причина, лежащая в парадигматических структурах представителей научного, технологического и философского мейнстрима разобраны в статье М.А.Пронина [29]. Заметим, что в установке о полионтизме мира нет ничего нового: Сура 1 «Аль-Фатиха» (Открывающая Книгу) Священного Корана включает 2-й аят, который гласит: «Хвала Аллаху, Господу миров!» [34]. Исследования, что подтвердили такое представление о психологических реальностях появились 25 лет назад.

Но вернёмся к элементам конструкта «виртуальный человек». Реальность телесности состоит из множества реальностей - телесностей: как говорит чемпион России и Украины по ралли-рейдам В.Л. Карпинский, сегодня разрабатывающий в рамках виртуального подхода теорию виртуального гоночного экипажа: «У пилота две ноги, но педали три: должна «вырасти третья нога!» Ре-

альность сознания также полионтична: «У пилота нет сознания (всей трассы), - продолжает В.Л.Карпинский, - его сознанием является штурман. А у штурмана нет телесности автомобиля - рук и ног. Его тело - пилот. А так, как надо уметь быть всем - побыть в «шкуре и того и другого», - то важно уметь «вытряхивать из себя» штурмана, когда садишься за руль, или пилота, когда берёшь в руки легенду маршрута…»

Большая тайна человека, что он внутри дискретен: внутри нас живёт множество личностей: сын, друг, враг, муж, воин и т.д. У каждой из них своя телесность, сознание, воля и пространство внутреннего человека. Картина в сфере социально-обучающего консультирования в практике аретеи - в практической виртуалистике, - гораздо сложнее. Выявляются личности без телесности или сознания, телесности без личностей, сознания без телесности и пр. Только что кратко перечислена некоторая родовая патология (аномии) в структуре - «пирамиде», - виртуального человека. Но продолжим раскрывать сложность аномий на видовых примерах - на примерах формирования вирутала - реальностей, - гоночного экипажа и их философско-атропологического осмысления.

Машина тоже, подчёркивает В.Л. Карпинский, становится «полноправным членом экипажа». А виртуозность управления боевой машиной - гоночная машина это «боевая машина» на языке гонщиков, - состоит в том, что пилот управляет не той машиной, в которой он едет «здесь и сейчас», а той, что «будет через какое-то мгновенье» на очередном вираже или ухабе! Удвоение телесности автомобиля - неожиданно?

Не буду пересказывать готовящуюся к публикации работу В.Л. Карпинского: полагаю его остенсивных определений-примеров достаточно. Чемпион описывает становление виртуоза-автогонщика через удвоение реальностей внутреннего человека: телесностей, сознаний, личностей, воль… Он пользуется результатами фундаментальных исследований и разработок онтологии внутреннего пространства человека. Так, феномены удвоения реальностей у людей в процессе взросления подробно раскрыты в виртуальной психологии детства [14]. Инвариантность такого психологического процесса в пространстве профессионализации концептуализирована М.А. Прониным в форме основного биопсихологического закона: «Мы можем говорить об основном биопсихологическом законе по аналогии с биогенетическим, задающем взаимоотношения онтогенеза и филогенеза, о повторении в виртуалогенезе (в микрогенезе виртуальной образности) виртолюции внутреннего человека. Последняя стадируется феноменами удвоения реальностей: телесности, сознания, личности, воли, внутреннего человека. Объясним на примере освоения навыка речи: у ребенка сначала возникает фонема (звук - телесность; ребенок «гулит»), а затем лексема (смысл - сознание), потом перлокуция (личные цели), воля (когда помолчать/сказать и т.д.).

Можно также утверждать, что меняется оппозиция константный/виртуальный: в какой-то момент тело, телесность начинает следовать за сознанием. Сознание занимает место порождающей реальности, влияющей на телесность - органику, соматику человека. Таким образом, еще одна законо-

мерность: тело следует за сознанием, если человек достигает определенной антропологической зрелости». [26]. Иными словами, речь идёт о том, что при освоении боевой гоночной машины человек повторяет ту же внутреннюю траекторию, что и в процессе взросления! У него «вырастает»: телесность автомобиля, затем она удваивается; «автомобильное сознание», затем оно удваивается; личность - пилота/штурмана, затем происходит её/их удвоение; реальность воли автогонщика/штурмана гоночного экипажа. Здесь оказывается, что в процессе гонок возникает феномен, эффект «вкатывания» - на языке автогонщиков, - когда пилот сливается с машиной и у него получается всё, легко и само собой. Знакомым с виртуалистикой не трудно увидеть, что это виртуальное состояние: сведение такового к «изменённому состоянию сознания» является редукционизмом, упрощением. В состоянии вкатывания возникает чувство всемогущества на фоне которого исчезает страх, осторожность, пилот совершает ошибку - и машина вылетает с трассы. Об управлении «чувством всемогущества» у автогонщика можно прочитать в работе [31].

И, наконец, вырастет внутренний человек - гонщик/штурман, с неизбежным самоопределением - как и «кем» дальше жить? Оставаться ли в этом спорте на всю жизнь или менять человеческую ипостась ради «любви к игре»?

К слову, «Бусидо» японских самураев воспроизводит ту же феноменологию: сначала мечь учит твоё тело, потом твоё сознание, затем твою личность, наконец волю и, в конце концов, меняет тебя самого. Таким образом, профессия, требующая «всего человека», с неизбежностью «запускает» процесс внутреннего выращивания «нового человека», например, человека военного в интересующем нас контексте. Результаты наших разработок позволяют утверждать, что конструкт «виртуальный человек» инвариантен для решения любых задач в рамках любых профессиональных антропопрактик: смотри труды Исследовательской группы «Виртуалистика» Института философии РАН (www.virtualistica.ru).

Одновременно конструкт «виртуальный человек» позволяет прогнозировать и решать теоретические и практические задачи, что возникнут в пространстве возможностей технологий редактирования/улучшения человека. Его структура включает в себя или способна работать с категориальными парами «константный-виртуальный», оппозиция которых относительна: виртуальная (порождённая) реальность может стать константной, начав порождать реальность следующего иерархического уровня - новую виртуальную реальность. Так и наоборот: виртуальная реальность может свернуться в элемент породившей её константой реальности. В виртуалистике виртуальность противопоставляется не субстанциональности, как в схоластике, а константности: содержание последней, как категории, может быть любой природы (телесной, сознания, личности, воли… или театра военных действий).

Исходя из вышеперечисленных установок - структура реальности виртуального человека (внутреннего) у каждого индивидуума должна рассматриваться, как порожденная, актуальная (здесь и сейчас), автономная (не сводимая к другим элементам - реальностям) и интерактивная - в том числе и рекурсив-

ные отношения с самой собой. Всё в целом следует понимать как динамическое, синтетическое преобразование человека внутреннего и внешнего в пространстве смены отношений в оппозиции «константный-виртуальный».

Не будем забывать, что герой выходит на поле боя и совершает перелом в битве: это к вопросу, что первично: человек или условия, в которые он попал?! Цели и предназначение суворовского натиска в этом и состоят! Воюют не числом, а уменьем! А уменье - удел артиста: в святоотеческой религиозной философской антропологии - совершенного человека: человека, преодолевшего технические сложности овладения профессией. Константной реальностью (телесностью) для него является добродетель (артиста/виртуоза), а душой - виртуальной реальностью, - созерцание.

Пример сознания - видения, - совершенного человека, - смотри, например, записки начальника политической полиции Российской Империи в период с 1906 по 1908 год А.В. Герасимова «На лезвии с террористами» [3]. Его «созерцание» происходящего на закате Империи «демонстрирует», как на основе элементов социальных реальностей, которые он описывает, формируется дорожная карта «ступеней вверх по лестнице, ведущей вниз». Через 100 лет отечественные спецслужбы ещё раз по подобным ступеням с чистой совестью, с горячим сердцем и с холодной головой прошлись и не заметили. Это не оценочное суждение, а квалификационное: у каждого уровня развития внутреннего человека свои «духовные очи». Подробная феноменология виртуального человека в лабиринтах идентичностей раскрыта в монографии М.А. Пронина [28]. Предельную онтологическую схему соотнесения духовной святоотеческой традиции в изложении Исаака Сирина с психологическими построениями Н.А. Носов впервые дал в книге «Психология ангелов», [13, С. 22]: это онтологическое представление о внутреннем человека задаёт габариты пространства исчисления идентичностей виртуального человека, как философско-антропологического конструкта. Предельная онтологическая схема задаёт стадии развития человека и его описание базовых реальностей на которых он находится, причём схема эта замкнутая. Так родовой человек состоит из тела (в его случае - рода) и души (индивида - из него самого), как и все последующие: каждый более левый элемент является «духом» по отношению к предыдущему справа, а каждый правый - «телом» по отношению к предыдущему слева. Каждый раз «содержание» тела и души меняется (содержание оппозиций константный = порождающий - виртуальный = порожденный).

Слева от родового человека располагается внешний человек с «телом» - организм и «душой» - психика; левее - внутренний человека с телом - сознание и душой - воля. Проясним для примера: внутренний человек учится управлять своим сознанием: думать о том, о чём надо думать, а не о том, о чём думается! Если человек взрослый и не может с такой задачей справиться, то он находится в состоянии стресса (определение стресса Х.М. Алиева). Левее внутреннего - совершенный человек: тело - добродетель, душа - созерцание. И, наконец, левее всех космический человек - разумность - природа/Бог, - который замыкает/открывает цикл для родового человека.

Уточнённая схема для генеза внутреннего человека - от новорожденного до внешнего человека (также справа налево), и описание специальных - виртуальных экспериментов, подтверждающих онтологические переходы - раскрыты Н.А. Носовым, в его ставшей во многом итоговой монографии «Виртуальная психология» [14, С. 96; С. 132 - 190]. Так у новорождённого тело = константная реальность - род/семья, а душа = виртуальная реальность - его тело. Вновь проясним для примера: если тела рода/семьи нет, то новорожденный не выживет; его тело - та реальность, которую он осваивает, пока не станет для неё - для тела - взрослым. Дошкольник - тело младенец, душа - сознание; подросток - дошкольник это тело, душа - личность. Ещё одно пояснение: как только младенец начинает различать свои и чужие мысли (феномен удвоения реальности сознания) - его можно отправлять учиться в школу. Юноша в качестве тела имеет подростка, а души - волю: осваивает управление самим собой в пространстве «хочу - могу - должен». И, наконец, внешний человек: тело - юноша, душа - трансцендентность/психика. Видно, что понятие «человек» в этой схеме не субстанционально, а функционально.

Семантика слова «пространство» в наших рассуждениях нагружено, так как она обладает иерархией вложенности в онтологически независимых, но виртуально связанных реальностях/мирах, поэтому исчисление реальностей виртуального человека в задачах редактирования человека/солдата - нетривиальная фундаментальная теоретическая и практическая проблема. Зачастую каждая из реальностей будет иметь своё собственное содержание, требовать своего языка, системы понимания - предметной дисциплины и пр. Проблема сложностности (термин В.И. Аршинова) запрашивает новый язык трансдисциплинарности, язык биорациональности, развиваемый сегодня В.И. Аршиновым, Л.П. Киященко, Е.Н. Князевой, В.Е. Лепским, В.И. Моисеевым, О.В. Поповой, П.Д. Тищенко, Я.В. Чесновым (1937-2014), Б.Г. Юдиным, Г.П. Юрьевым и др.

В предложенном рассмотрении нет ничего нового. Труд А. Богданова «Тектология». Всеобщая организационная наука» - книга не для легкого чтения. «Наука с произвольно переменным центром координат», как о ней отозвался сам Богданов, оказывается трудной для понимания не только в силу широты и разнообразия, рассмотренных в ней примеров и их обобщений, или вводимых автором непривычных терминов, но, и потому, что заставляет наш мозг расширять привычные рамки обыденного или узкоспециализированного научного сознания. Преодолевать его ограниченность и односторонность, выражаемую обычно словами - «с одной стороны», или «в то же время» и «наряду с этим» [18, С. 77]. Виртуальный человек - он с произвольно-переменным центром координат, ну, и далее - по тексту… Конечно, вышеприведенные установки и понимание сложностей не снимает, но делает их более операциональными.

Философско-методологические выкладки виртуальной философии здесь имеют перспективное звучание, так как находятся на периферии научного и философского мейнстрима, как в философской антропологии войны, так и в проблематике редактирования человека, их гуманитарной экспертизы и биоэтического сопровождения.

Предварительные результаты: от «улучшения» человека - через пределы его «прочности» - к индивидуальности человека.

Техноценоз войны сегодняшнего дня реализует идеи и цели развития вооруженных сил, которые были заложены 20-30 лет тому назад: «In fact, the terms 'continuous operations' and 'sustained combat operations' currently in vogue in many military circles clearly express this move towards utilising the destructive potential of the military around the clock. As Mc Manners (1994:158) concludes, 'on the modern battlefield, night has become the same as day', and as Holmes (1985: 123) suggests, in the future night attacks may become the rule rather than the exception.» (Цит. по: [43, С. 115]). О чём идёт речь в данном пассаже? О непрекращающихся военных операциях, которые должны вести боевые подразделения не останавливаясь 24 часа в сутки, когда ночные атаки станут скорее правилом, чем исключением.

Что мы имеем сегодня в этой сфере? И что нам даёт философско-антропологический взгляд на эту ситуацию?

Так как потребность человека в сне можно принять в качестве антропологической константы, то, на наш взгляд, она может стать очень наглядным примером для рассмотрения пространства редактирования / улучшения человека с целью выявления центра/ов координат в этом пространстве и его границ: теоретических, практических или физически реализуемых. Иными словами, объектом рассмотрения в нашем случае взята не столько «военная кухня» реализации идеи «непрекращающихся/устойчивых военных операций 24 часа в сутки», сколько рассмотрение антропологических итогов, значимых не только для военно-медицинской науки и/или для гражданского здравоохранения, но и имеющих актуальность для всего корпуса наук о человеке, а в некоторых аспектах и для всего гуманитарного знания в целом. Поэтому нам нет необходимости углубляться в технические подробности тех или иных решений, направленных на реализацию стратегической задачи «воевать ночью, как днём»: здесь, при названном ракурсе анализа, всё ясно. Хотя некоторые тонкости придётся выделить.

Собственно, исходно идея и сам переход к новой системе ведения военных операций предусматривал - или начал включать по ходу преодоления препятствий на пути её реализации, - всё, что могло улучшить телесные и ментальные способности/возможности человека. Конечно же потребовались прежде всего технические новации: бинокулярные системы ночного видения и прицельные системы оружия, различные осветители, лазерные дальномеры, системы интенсификации изображения, тепловидения и дополнительного освещения/подсветки. Работа в новой среде - «ночью как днём» - диктовала направления переобучения личного состава и пр. традиционные для армейской жизни практики, как то - изменения в боевых уставах и регламентах ведения боя и т.п.

Кроме того, разработку комплекса фармакологической поддержки: психостимуляторов, снотворных и их «антидотов»: если солдат принял снотворное, то в случае необходимости он может принять «антидот», который нивелирует действие снотворного и приведет уже осоловевшего в состояние боевой готов-

ности. Оказались востребованы средства коррекции ночного зрения, начиная от атропиноподобных препаратов, расширяющих зрачки (и их «антидотов»), и заканчивая препаратами общего действия, направленными на поддержку способности к темновой адаптации и сокращению времени на неё.

Всё это и им подобное - общепринятые направления в пространстве обсуждения будущих перспективных технологий улучшения человека. Но во многом, как мы показываем, это уже не будущее, а вчерашний день жизни современных вооруженных сил в странах индустриальных демократий («inthemilitariesoftheindustrialdemocracies»). Взглянем на перечень обсуждаемых «перспектив вчерашнего дня» улучшения человека в Википедии: «лекарства: допинг и стимуляторы; функциональные: протезы и экзоскелеты; медицинские: импланты (такие как электрокардиостимулятор, магнитные импланты) и искусственные органы; психические: ноотропы, лекарства, устройства для нейростимуляции, пищевые добавки, нутрацетики и функциональные пищевые продукты которые могут повышать мыслительные функции, такие как восприятие, память, интеллект, мотивацию, внимание и концентрацию. Компьютеры, мобильные телефоны, интернет и какие-либо технологии, которые повышают возможности человека делая его более эффективным. Например, составляя расписание, сохраняя список телефонных номеров, позволяя общаться с другими людьми, обеспечивая» [36].

Видимо, здесь уместно привести ещё одну историческую иллюстрацию из прошлого - ссылку на тотальное «фармакологическое улучшение» в эпоху III Рейха в Германии: только тогда о таковых, как о технологиях улучшении человека, конечно же никто не говорил. NormanOhler [48] описывает широкое использование метамфетамина (methamphetamine) и более сильных нейротропных препаратов в Вермахте - от рядовых солдат до высшего командного состава, в Национал-социалистической партии Германии, в высшем руководстве страны и самим А.Гитлером. Собственно, «социальная интоксикация» метиламфетамином также была тотальной: такой препарат на его основе, как «Pervitin», произведенный в 1930 году, в Нацистской Германии до 1939 года не требовал рецепта для покупки и свободно продавался в любой аптеке; он был ограничен к применению только в 1941 году (theReichOpiumAct, 1941). Выводы своих исследований автор формулирует в метафоре: «BlitzkriegasMeth-krieg (1939-1941)», то есть - «Блицкриг – Мет (амфетамин)-Криг (1939-1941)». Автор утверждает, что и сам А. Гитлер не понимал природы успехов завоеваний 1939-1941 гг. Имели место и идеологические коллизии в ситуации с фармакологической поддержкой «культа чистого сознания»: таблетки «Первитина» производились на фармацевтическом заводе не где-нибудь, а в столице Германии - в Берлине… предпринимателями еврейской национальности... Книга интересна - признана Guardian книгой года (booksoftheyear 2016), - вызывает споры у историков, но автор позиционирует её как серьёзное историческое исследование на материалах архивов Германии, США и других стран, написанное в публицистическом жанре. Развитие «теории улучшения нации» средствами политической фармакологии оставим для другого случая.

Для сопоставления, приведу утверждение C.H.Gray (1989) [44, P. 61] о том, что между 1966 и 1969 гг. - во время войны во Вьетнаме, - армия США закупила препаратов амфетамина больше, чем вооруженные силы США и Великобритании вместе взятые за весь период Второй мировой войны!

Зафиксируем, что фармакологический «humanenhancemen» в военном деле - практика апробированная на государственном уровне многими армиями ещё в прошлом веке! Поэтому слышать и читать о «перспективах» фармакологического улучшения (допинг и т.п.) человека, как о «перспективных технологиях» по меньшей мере странно. Хотя это отражение общей ситуации в российской науке и управлении.

Дисциплинарный дискурс в науке, политика дисциплинарно ориентированных научных фондов и прочие российские реалии не способствуют трансдисциплинарному переносу знаний, представлений и наработок из одной предметной области в другие. Пафос обсуждений возможностей редактирования человека в гражданском здравоохранении в нашей стране отстаёт от практики таковой в военно-медицинской сфере на Западе. Последняя, к слову, и у нас и за рубежом, отнюдь, не лишена гуманитарного измерения: девиз WalterReed-ArmyInstituteofResearch (WRAIR) - крупнейшего биомедицинского исследовательского центра Минобороны США, - «SoldierHealth - WorldHealth»: «Солдат здоров - Мир здоров» [51]. Да и российские военные медики, врачи всех силовых структур неоднократно проводили симпозиумы на сквозную тему «Война и здоровье», в которых автор ни раз принимал участие (например, [38]). Авторы российской Википедии, как и дискурс мейнстрима биоэтики и гуманитарной экспертизы (смотри уже упомянутые ежегодники «Биоэтика и гуманитарная экспертиза» Института философии РАН), сосредоточенны в основном на гражданском здравоохранении, не сопоставляют ситуации в двух сферах: военного и гражданского «улучшения человека». Настоящая работа определенно восполняет этот разрыв, прежде всего на парадигматическом уровне, как наиболее сложном для восприятия и рефлексии. Следует заметить, что обсуждение того, чего в жизни ещё нет - будущего, - очень трудное дело, но в прогностике есть очевидные максимы: «чем ближе прогнозируемая эпоха - тем выше репутационный риск проверяемых прогнозов, но тем проще делать прогнозы» и «авторы непроверяемых итогов анализа ничем не рискуют, тем более когда они высказаны/сформулированы в общем виде». Настоящая работа покажет, что трансдисциплинарное сопоставление конкретных видов улучшения человека приводит к неутешительному выводу о том, что целый ряд так называемых прогнозов - прогнозами по сути не являются.

Более того, дело в том, что любое редактирование и улучшение «упрётся» в конечном итоге в пределы человеческих возможностей - в «humanendurance», т.е. в «прочность человека», что особенно актуально для солдата - в его способность терпеть и превозмогать самого себя, свою природу. В случае с солдатом - пределом, целью улучшения должен стать «идеальный солдат», который не пьёт, ни ест, ни спит, ни болеет и не погибает. На сколько реальны подобные результаты от внедрения любых технологий улучшения? Тем не менее, пафос

обсуждений возможностей улучшения человека границами таковых не озадачивается.

Но вернемся к антропологическим аспектам реализации идеи «устойчивый, длительных, непрерывных боевых операций» (sustainedcombatoperations) - идеологи используют то же слово, что и в лозунге устойчивого развития Мира («sustainabledevelopment», Рио-де-Жанейро, 1992; [32].Можно заметить, что спустя два десятка лет в деле устойчивых боевых операций достигнуто больше успехов, чем в устойчивом развитию Мира (о последних - смотри выступление С.В.Степашина на тему «Измерение прогресса для России» на форуме Дни философии в Санкт-Петербурге, 2010: доклад я слушал, но, к сожалению, в Интернете его не нашёл.

Для прогнозов реализации идей улучшения человека важно увидеть управленческий аспект внедрения технологий «редактирования солдата» в задаче «круглосуточно непрерывно воюющего боевого подразделения». Оказалось, очень интересно наблюдать развертывание управленческой логики реинжиниринга «бизнес процессов» (если войну назвать делом) и организационного развития (если под организацией подразумевать армию) при наращивании глубины и уровней решения задачи появления «круглосуточно непрерывно воюющего боевого подразделения»: отсутствие запятых между словами «круглосуточно непрерывно воюющего» подчёркивает, что данные атрибуты должны присутствовать все сразу!

Логика начинается с изменения в технологическом процессе ведения боевых операций, когда ночью «воюют как днём». Технологический процесс порождает - о чём не пишут в учебниках по менеджменту, когда из апробированных типов структур предлагают выбрать подходящую, - новую организационная структуру управления ведением боя. Только адекватная система «технологический процесс - оргструктура» способна преодолеть ограничения человека, как индивидуума. Бессмертие - прерогатива и функция популяции, а не индивида! Поэтому «не спит» боевое подразделение, а не боец. Через 2-3 дня без сна у человека начинают возникать галлюцинации и иллюзии, что сказывается на его когнитивных способностях, адекватности и в конечном итоге на эффективности боевых действий. Необходимость достижения целевого состояния вооруженных сил породила необходимость в управлении сном во время проведения боевых операций. «Солдат спит - служба идёт!» - общеизвестная солдатская максима в советских Вооруженных силах. Как эффективно спать во время боя? Неожиданный вопрос?!

Так вот, американцам потребовалось несколько лет прежде чем были найдены такие военные термины, как: «sleepmanagementstrategies» - стратегии управления сном; «unitsleepplans» - планы сна подразделения; «sleepdiscipline» - дисциплина сна или «sleepmanagementsystems» - системы управления сном [50]. О последних ещё скажем.

На этом шаге в организационных изменениях возникает следующее - порождается новая организационная культура, почти, что «автоматически». Оказалось, что культура армии, основанная на культе самоотречения, терпения,

превозмогания, силы и доблести не готова к таким «непотребным словам», как «команда отдыхает»! Были произведены определённые усилия по пересмотру ценностей чтобы потребность солдата в сне не воспринималась как лень, слабость, низкая мотивация к службе и пр. Специально внедряли идею, что планирование времени для сна личного состава - неотъемлемая часть военной логистики. Что потребность солдата в сне должна быть под управлением, как и любая другая часть планов боевых операций. Более того, пришлось отдельно разрабатывать стратегии управления сном командиров. Как говорят англичане - «deepsleep - tobe 'deadtotheWorld'»: уснуть глубоким сном - это умереть для Мира. Но командир должен быть всегда в строю и начеку: вообще, воплощение любого военного - быть постоянно готовым к бою! Но кто, каким образом должны приниматься решения в его отсутствие? Вопросы не праздные, но что будет служить отправной точкой для командира в принятии решений во время боя? Где искать ответ? Работа J.Shay (1998, [49]) посвящена этическому регулированию ответа на этот вопрос: «EthicalStandingforCommanderSelf-Care: TheNeedforSleep», где «standing» можно понимать и как правоспособность, репутацию, «стояние» командира в вопросах заботы о себе в потребности спать. Статья опубликована в ежеквартальном академическом журнале «Parameters», выпускаемом ArmyWarCollege США. Прикладная этика призвана на службу в Вооруженные силы США!

Эти и подобные вопросы демонстрируют, что способы улучшение солдата (и человека!) будут работать только в системе! Разговоры о «ППППмедицине» в России не станут реальностью, если не трансформировать «весь Минздрав» - всех стэйкхолдеров и бенефициаров. Армию, в прямом и переносном смысле слов, пришлось саму улучшать - внедрять «культуру быстроты» (L.L.Leonhard, 1999 [47].Потребовались такие широкомасштабные разработки, как, например, «Проект Прочность/Выносливость» Офиса человеческих ресурсов Армии США ('ProjectEndure' oftheUSArmy'sHumanResourcesOffice (HUMRO)».Комплекс наук и подходов включал системный анализ, социальную психологию, психологию, психофармакологию, поведенческую психологию (бихевиоризм), управление персоналом, компьютерные системы и, наконец, индивидуальность солдата, как часть формальной системы вооружений (C.H.Gray, 1997 [45]). Да и сам постмодернизм, возможно, для некоторых философов это будет неожиданностью, рассматривается как мировоззрение выбора в системе подготовки солдата к жизни на поле боя! Все очень просто - философы Запада участвуют в создании богатства нации, страны, общества и человека. Дискуссию автора об этом с философами Южной Кореи можно посмотреть в статье «Дары Востока - аршин российский» (2007, [23]). Так что, постмодернизм «воюет» с прошлого века. Для большинства же российских учёных и философов это скорее эпатажный стиль мышления эрудита: но это фраза в сторону.

Новой войне - новое мировоззрение. На современном поле боя, действительно, надо быть эрудитом. Переосмысление пространства войны затрагивает самые проблемные для любой армии темы. В частности, готовность человека -

солдата - «лишать другого человека жизни»: это перевод с английского языка терминологии наставлений и руководств Армии США. Слово «убивать», видимо, не пишут специально, хотя термин «anincrediblysterilekindofkilling» встречается. «Невероятная стерильность убийства» связана с возникновением психологической дистанции между солдатом и целью: в прицелах ночного видения боец видит какой-то «зелёный сгусток», непохожий на человека. Во время «Войны в заливе» (theGulfWar) даже возник термин «Nintendowarfare» - «Нинтэндо войны». Nintendo - японская компания, специализирующаяся на создании видеоигр и игровых консолей [46 и др.]. Но проблему рассматривают шире: выявлено, что ночью на фоне депривации сна толерантность - психологическая цена - к убийству человека снижается. Есть и другие аспекты этого вопроса: например, о сложностях и возможностях диагностики готовности / предрасположенности к гомициду можно посмотреть работу А.Н. Михайлова и М.А. Пронина (2004, [12]). Надеюсь, подробностей достаточно: военно-медицинская наука США анализировала пространство войны со всех сторон, на всех уровнях, включая, казалось бы на первый взгляд, и то лишь на первый, самые отдалённые аспекты - мировоззрение: философию, этику, ценности.

Так что стратегии управления сном требуют трёх вещей: полного охвата подразделений (как проекты/миссии будут укомплектованы персоналом), непрерывности (для поддержания курса действий привычным, последовательном образом) и контроля (за организацией и принятием всех решений). Одно из первых руководств по управлению сном было разработано в 1994 году Военно-морским исследовательским центром здоровья (SleepManagementManual.TechnicalDocumentNo. 94-5E: Цит. по: [43, P. 120]). Конечно, для мореходов «Watchsystem» [52] или «Служба времени» на корабле - из правил отечественной штурманской службы - обыденная практика, когда на корабле одни часы указывают время на борту, а другие - время порта (места нахождения корабля), и команда должна обеспечивать «непрерывность движения судна согласно плану». Здесь достаточно сказать, что ситуация в определённой степени известная, проблемы решаемые, терминология зачастую вызывает уважение или улыбку - одно «хранение времени на корабле» для непосвященного человека чего стоит! Но в бою планы и неожиданное ходят вместе - требуется другая система организации! Поэтому ещё в прошлом веке встал вопрос об индивидуальном носимом солдатом мониторе («PersonnelStatusMonitor/SoldierComputer»), подключенном к общей информационной системе [50], недавно бы сказали - сети, а сегодня - к виртуальной системе управления боем. «Эти мониторы» ныне можно купить в магазинах, если вы интересуетесь фитнесом и следите за своим здоровьем: это первая петля обратной связи между телом и состояниями тела для самого носителя (петля саморегуляции), и вторая - большая петля обратной связи, - когда тело «расширяется», информация передаётся и становится доступной для контроля командования (петля управление связью с окружающей обстановкой - environment). Это даёт возможность собирать, анализировать информацию и принимать решения по коррекции, как состояний солдат, так и боеспособности армии. В частности появляются такие объекты для управления, как личная

история сна солдата или командира (за 5-10 дней) и другие показатели, которые позволяют принимать соответствующие решения. Наличие специального программного обеспечения не стоит даже упоминать - здесь всё очевидно. Естественно, что исследователи пытались на основе анализа «больших данных» найти минимум в длительности сна или максимум в продолжительности его отсутствия. В конечном итоге величина потребности в сне колеблется вокруг 6 часов… Программа управления сном и отдыхом во время «SustainedOperations» фактически порождает «социального киборга», состоящего из людей (солдат и командиров), техники и технологий, программного обеспечения и системы управления войсками. Имея представления где находятся подразделения, а где враги - система планирует все операции с учётом времени и места планируемого/вероятного боестолкновения (R.R.Leonhard, 1999 [47]).Солдат действует на поле боя, но его реальность - армии, - гораздо шире: он воюет в порождённом пространстве - в виртуалистике - в виртуальном, - и враг этой реальности физически не видит, но действия этого невидимого пространства физически, не переставая, ощущает 24 часа в сутки 365 дней в году! Современная война - это не кто кого перевоюет, а кто кого передумает (известный советский фильм «На войне, как на войне»). Поэтому запрос военных на адекватное мировоззрение военнослужащего - с адекватностью постмодернизма, конечно же, вопрос, - вполне обоснован.

Небольшая ремарка о «чипизации» человека. Какая разница, где находится чип? На коже (на ремешке), в коже, в умной военной форме или в шлеме с интерфейсом «мозг-компьютер»? Питается ли он от батареек, солнечных батарей или «теплом человеческих газов»? Но многие футурологи на подобных новациях строят миры будущего человечества - посмотрите форсайты нашей Национальной технологической инициативы.

И вот теперь самое парадоксальное. Сколько можно «выжать» из человека? Под какую среднюю величину сна/бодрствования можно, должно и возможно «улучшать солдата»? Так вот, нет средних показателей сна «по подразделению», человека не учат высыпаться за столько-то часов! Хотя методики быстрого сна («microsleep») во время состояния, называемого «droning» (гудение) - разработаны [49]. Вся система слежения за состоянием солдат формируется индивидуальный профиль бойца - его потребностей в сне/отдыхе, - именно его индивидуальность и используется в системе планирования «sustainedcombatoperations». Вот так! Улучшали, улучшали солдата, систему ведения войны, а во что «упёрлись»? В Её величество - Индивидуальность человека!

На этом, представляется, есть смысл закончить с фактологической частью и перейти к обсуждению некоторых результатов.

Обсуждение полученных результатов

Восстановим логические линии настоящей работы. Главная - логика развёртывания возможностей редактирования человека, как продолжение идей редактирования генома и улучшения человека. Евгеническую предысторию мы оставили в стороне, так как ей уделяется внимание во многих современных работах о будущем технологий улучшения человека, хотя отчасти, в рассмотрен-

ных нами примерах эта интенция присутствовала. Продолжением идеи редактирования/улучшения человека в рамках широко обсуждаемых сегодня стратегий развития «ППП-медицины» стал тезис о редактировании солдата. Солдат - человека военный, - потребовал более пристального рассмотрения возможностей применимости к нему идей улучшения, как технологического подхода в узком смысле, ввиду того, что ошибки «технологических изысков» могут привести к его гибели, с одной стороны. Поэтому информированное согласие требует от солдата полной адекватности и субъектности в принятии подобных «заманчивых предложений». С другой, «военная машина» не может допустить сбои в надёжности/устойчивости, предсказуемости/управляемости системы «человек-машина-военная организация» и пойти на неоправданные риски, связанные с неконтролируемой модификацией человеческого фактора. Кажущееся на первый взгляд безответственным отношение военной машины к солдату - возможность заставить подчинённого «пойти на редактирование», - нивелируется ответственностью этой самой машины за сохранения собственной самоидентичности - способности вести боевые действия, ключевым элементом которой был, остаётся и будет - солдат, человек-военный.

Имплицитно присутствовала мысль, предположение, что военная сфера адекватное место для апробации сегодняшнего пафоса идей редактирования/улучшения человека. Так как, во-первых, и это мы, надеюсь, показали, практика в военном деле в «потенциальных» направлениях улучшения человека опережает время внедрения технологических инноваций в гражданскую сферу. Поэтому, отчасти искусственно, были представлены лишь результаты работ 30-10-летней давности, хотя обсуждались Вторая мировая война и Война во Вьетнаме. Во-вторых, область теоретического осмысления умозрительных - спекулятивных - прогнозов будущего идей улучшения человека может обогатиться пониманием того, что, зачастую, как «будущее» в гражданском мире обсуждают «давно уже ушедшие военные бронепоезда». И, в конце концов, поможет увидеть пределы вожделенных и не очень «редакторских правок» и их последствия.

На этом фоне был высказан тезис, что ключевым объектом для управления возможностями реализации идеи редактирования/улучшения, как человека, так и солдата - должна стать самоидентичность человека, человека-военного в частности. Был сделан историко-методологический экскурс в виртуалистику и проведено остенсивное (на адекватных примерах) обоснование философско-методологической адекватности виртуальной парадигмы широкому спектру антропопрактик, включая военные.

Затем мы переключились на такой предмет военного управления, как потребность человека - солдата, - в сне. Был раскрыт контекст - актуальность этого вопроса для развития армий стран «индустриальных демократий»: описаны некоторые подходы к решению задачи перехода к новому типу ведения войн - «'continuousoperations' and 'sustainedcombatoperations'». В качестве философско-методологической оптики был выбран жанр «философии как экспертизы» (термин Б.Г. Юдина), развиваемой в Институте философии РАН в секторе гумани-

тарных экспертиз и биоэтики сегодня и в Институте человека РАН в прошлом (1992-2004 гг.). Поэтому объектом нашего рассмотрения стали не столько технологические и организационные аспекты достижения поставленной перед вооруженными силами цели - на примере США, - сколько философско-антропологическое измерение событий, претерпеваемых солдатом - человеком, - в этих обстоятельствах… Жанр предполагает, что пафос такой экспертизы ни в апологетике и ни в полемике. Некоторые утверждения без оговорок и уточнений, ввиду ограниченности объема публикации, призваны лишь создать аналитический «рельеф» в данной области для дальнейших пристальных разработок.

Тем не менее, мы оставили без развёрнутых иллюстраций и разбора - с точки зрения виртуального подхода - многие антропопрактики, ставшие уже общим местом в деле редактирования «человека гражданского» с целью формирования из него «человека-военного». Так, например, «редактирование» начинается с принятия воинской присяги! Компаративный анализ двух присяг - советской и российской, - показывает, что «перлокутивная сила Воинской присяги современной России по сравнения с её советским аналогом ничтожна» [21, С. 92]. Цитируемая статья посвящена анализу двух присяг с точки зрения теории речевого высказывания, как перлокутивного акта, направленного на самого себя, при ламинальном переходе от «гражданина СССР/России» к «воину Вооружённых сил». Российская воинская присяга таких событий при её прочтении не предполагает.

Не объяснили применимость философско-анропологического подхода на основе виртуалистики к пониманию сущности человека военного [22]. Не дали феноменологических примеров с иллюстрациями формирования командности - коллективной телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека, - в военном деле [24] с раскрытием механизмов таковых на основе виртуальных теоретических моделей - конструкта «виртуальный человек», что был кратко описан в настоящей работе.

Опущена этика и мировоззрение человека в зоне смерти и антропология исхода - выхода человека военного в мирную жизнь [20]. Не представлены разработки, связанные с синдромом жизненного истощения и феноменом жизненного наполнения, актуальных в современных войнах на истощение ([8, 42], возможностями виртуальной психологии в оказании помощи при стрессе, возникающем в результате военных действий [30] и др.

Наконец, была произведена экспликация прикладных военных, медицинский и пр. разработок Министерством обороны США, направленных на достижение возможности ведения войн нового типа: «'continuousoperations' and 'sustainedcombatoperations’». Состояние армии «как должно быть - tobe» потребовала пересмотреть всю систему организации армейской жизни: на уровне практик ведения боевых действий, изменений в военной логистики планирования и проведения боевых операций, затронула ценности/этику личного состава и массу других прикладных вопросов. Неожиданным исходом истории перевода армии и флота в режим круглосуточного непрерывного боя стал тот факт, что всей совокупностью методов улучшения солдата не получается изменить его

индивидуальность, маркером которой является персональная потребность в сне и отдыхе: в рассматриваемом нами процессе - ключевая для организации круглосуточного непрерывного боя. Тем самым, были выявлены не столько прикладные ориентиры для создаваемой военной человеко-социо-машино-информационной системы управления войной нового типа, сколько определены пределы возможных/потенциальных, допустимых, физически реализуемых улучшений человека: таким пределом оказалась личная индивидуальность человека.

На этом фоне можно утверждать, что лучшей формой улучшения человека - является «коллективная форма его улучшения»: социальная организация, функционал которой способен обеспечить эффекты, атрибутивные лишь популяции человека в целом: бессмертие - постоянную активность, во время которой всегда есть тот, кто-то не спит, ни есть, ни пьёт, ни болеет и ни погибает!

Возможно, такой вывод поменяет дискурс обсуждения технологий редактирования, улучшения человека, развернёт вектор их развития в другую - в социальную реальность. По факту, в цифровом мире, таковое уже происходит - облачные вычисления, платформы групповой распределённой работы, социальные сети из «себе подобных» и пр. Предлагаю взглянуть на происходящее в этих областях глазами идеи «редактирования человека».

Мы, при пристальном рассмотрении, можем увидеть глобальный переход от прошлых войн - от войн страха, постоянной готовности к неизвестности, от войн с лейтмотивом «превозмогать и не спать!», от войн психостимуляторов и бессонницы - увидеть переход к войне принципиально нового типа - «спать до последнего», но быть готовым мгновенно включиться в бой! Это состояние хорошо известно представителям единоборств - чем более расслаблен, тем больше скорость и свобода в ответной реакции у подготовленного бойца. Коллективная виртуал военного подразделения, способного воевать 24 часа в сутки не уставая, воспроизводит антропологическую форму мастера боевых искусств. Очередное воспроизведение виртолюции - развития - виртуального человека, через феномен удвоения на социальном уровне организации человеческого сообщества. Это объединяет онто-, фило- и социогенез человека, группы и общества в единую антропологическую закономерность (об основного биопсихологического законе мы говорили выше). Эмпирико-статистический закон духовно-популяционные детерминации И.А. Гундарова, А.Д. Деева, М.А. Пронина [4] обретают теоретическую модель для объяснения своих механизмов. Теперь встает вопрос о методах исчисления онтологий виртуального человека на индивидуальном, групповом/организационном и популяционном уровнях. Краткую постановку таковой дадим в заключении.

***

Теперь пора рассмотреть некоторые умозаключения, гипотезы и выводы из изложенного, полученные на основе применённых философско-антропологических подходов.

Очевидно, что гражданский человек на поле боя без «улучшения не выживет»: такой ракурс рассмотрения идеи редактирования продолжает гумани-

тарный вектор традиционных форм обучения и развития человека. Одновременно, позволяет взглянуть на историю редактирования и её перспективы, как на имеющую более глубокие антропологические корни.

Тезис о ключевой роли самоидентичности в реализации идей улучшении человека был сформулирован до того, как были изучены обстоятельства перехода к новому типу войны и рассмотрена ситуация с управлением сном и отдыхом боевых подразделений. Имплицитно стояла задача подтвердить данную рабочую гипотезу, выявив те или иные проявления, уточняющие её реализацию в войсках. Неожиданно была «обнаружена» невозможность имеющимися средствами улучшения солдата преодолеть его индивидуальную потребности в сне в современных системах управления боем. Это стало «открытием» и для самого автора. Имеется ввиду не просто факт учёта таковой очевидной потребности человека и не столько значимость необходимости учёта индивидуальности солдата по данному фактору, сколько обнаружение таковой в качестве «носителя пределов прочности человека»!

Фактор индивидуальности на примере сна в определённой степени опрокидывает саму идею неизбежности и безграничности технологий редактирований и улучшений человека. Он же имеет общетеоретические и философско-антропологические следствия.

Прежде всего в структуре философского знания появляется конкретный объект - сон человека, как антропологическая константа, - вокруг которого может развёртываться дискурс постнеклассической рациональности (В.С. Стёпин, 2000 [35]) и развиваться языки трансдисциплинарности в медико-биолого-гуманитарном знании.

Потребность в сне у человека предлагаем рассматривать, как интегральный показатель многих его, как социальных - функционально-профессиональных, - и персональных - состояние личного здоровья, характеристик, так и антропоморфной идентичности - отнесения к виду Homosapiens - при возможных генетических его улучшениях.

Дело в том, что - пишет Б.Г. Юдин - «одной из немногих этических норм в области генной инженерии, которая пользовалась едва ли не всеобщим признанием, был запрет на вмешательства в зародышевую линию человека. Вот как формулируется эта норма в одном из наиболее авторитетных международных документов - Конвенции о биоэтике Совета Европы. Статья 13 Конвенции, озаглавленная «Вмешательство в геном человека», гласит: «Вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека» [6]. «Следует подчеркнуть, что во многих европейских странах эта Конвенции, после ее ратификации национальными парламентами, приобрела силу закона. Суть этого ограничения в том, что из двух возможных видов вмешательств в геном одни - те, что производятся на уровне соматических клеток, не выходят за пределы донного индивида, тогда как вмешательства, затрагивающие зародышевые клетки, будут передаваться потомству. При этом

вполне может отказаться, что такого рода вмешательство будет, помимо эффекта, ради которого оно производится, вызывать у потомков и другие, непредвиденные, нежелательные и при этом необратимые последствия» [40, С. 6]. То есть, вмешательство на уровне соматических клеток в генотип человека/солдата этически допустимо.

Имея ввиду данные обстоятельства полагаем, что обсуждение такой характеристики, как «сон человека», в качестве одного из интегральных биолого-социальных показателей, позволяющих контролировать сохранение человеком видовой идентичности при тех или иных вмешательствах, связанных с его улучшением, представляется значимой и эвристически перспективной идеей для развития всего направления «humanenhancement».

Таким образом, выбор сна солдата в качестве предмета для философской экспертизы возможностей технологий улучшения/редактирования солдата и человека в более широком контексте - помог сформулировать некоторые выводы, значимые, как для самой области прикладных наук о редактировании человека - хотя таковая ещё не очерчена, - для философской антропологии, так и для всего гуманитарного знания в целом. Можно обсуждать значение и гносеологические следствия выделения в науках о человеке отдельной сферы - подсистемы, - прикладных наук и практик о редактировании/улучшении человека, хотя теперь, новации в данной области следует рассматривать из другой исторической перспективы!

Теперь о постановке общетеоретических задач исчисления онтологий внутреннего пространства человека.

Сформулируем их в виде вопросов: Как задавать полионтологичную иерархию в пространстве, недоступном, как внутреннему наблюдению: интроспекций, рефлексии и пр., так и внешнему объективированному изучению? Как определять онтологический статус взаимозависимых реальностей или объектов, находящихся в интерактивных отношениях взаимопорождения / взаимокоррекции? Как задавать онтологии синтетических, порождающийся, временных, автономных, актуальных объектов и реальностей? Как задавать онтологии наук с произвольно переменным центром координат? Как строить динамические онтологические схемы с произвольно переменным центром координат? Как выстраивать онтологию в схеме рациональности теоретического знания В.С. Стёпина: чем различаются человека на месте объекта, человек на месте инструмента и субъекта исследований: когда объект, инструмент и субъект - один и тот же человек? Как задавать онтологии неразличения в феноменах ошибки? Как переходить от математических формализмов кос к формализму узлов при моделировании: диалога, ошибок, тех же автомобильных пробок на дорогах? Как выстроить философско-антропологическую программу онтологизации психологии и всего гуманитарного знания в целом? Как разбираться с порождением неадекватных эпистемологий (эпистем) у исследователей? Как выстраивать онтологию «аэтикогнозии» в социологии современной медицины на примере областей идиопатический патологии? Как выстроить новую историю новой медицины на новых онтологических основаниях? И другие...

И, наконец, о войне и солдате: вчера, сегодня и завтра. Персональные границы/ограничения солдата раздвигаются социо-техническими системами, в которых индивидуальность солдата - учёт особенностей субъекта деятельности в системе деятельности, - ключевой фактор управления надежностью системы в целом. Антропоцентризм со всеми вытекающими следствиями его понимания и/или учёта при проектировании, требует, в частности, новой эргономики - эргономики пределов прочности человека, основанной на его персональной индивидуальности. Последняя становится ключевой проблемой философско-антропологического знания в целом, а имея ввиду перспективы «ППППП-медицины» и других прикладных направлений медицинской антропологии в частности.

Военно-прикладные аспекты этого главного вывода имеют очевидное значение и следствия для военной медицины, практики управления войсками и пр.

Сегодня в российской армии на груди каждого военнослужащего нашивка с его фамилией и инициалами, как отражение сегодняшних трендов. Либо «ФИО» на груди солдата останется данью моды, либо станет живым напоминанием каждому командиру, что перед ним индивидуальность, что он должен досконально знать свой личный состав. А Совет безопасности при Президенте должен отдавать себе отчёт какую армию мы должны русскому солдату дать! С высоты этой простой истины пафос слов Александра Васильевича Суворова в «Науке побеждать» заставляет взглянуть на него, как на «первого редактора русского солдата», вылущивающего из крестьянских сынов ядро духа (virtus) «чудо-богатырей», умеющих воевать «не числом, а уменьем»!

Следствия же для гражданского здравоохранения на первый взгляд - тривиальны: ППППП-медицина сможет реализовать свои декларации лишь в системе здравоохранения, способной работать с индивидуальностью человека. Такая повестка реформирования начитает носить политическое звучание и уходит за антропологический горизонт тривиальности: либо у нас в стране начнет хоть что-то делаться каждому по потребностям, либо каждому по… Не буду напоминать ни про первоистоки данного лозунга, ни про историю, что повторяется трижды — в виде трагедии, комедии и фарса.

Литература

1. Биоэтика и гуманитарная экспертиза / Институт философии РАН. Вып. 1-8: 2007-2014 гг. // http://iphras.ru/bioeth.htm. (Дата обращения: 01.11.2016).
2. Военная доктрина Российской Федерации // РП № 815. 2014. https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html. (Дата обращения: 01.11.2016).
3. Герасимов А.В. На лезвии с террористами: Воспоминания. М.: Товарящество Русских художников, 1991. 208 с.
4. Гундаров И.А., Деев А. Д., Пронин М. А. Закон духовно-популяционной детерминации. // И.А. Гундаров. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. 2001: Эдиториал УРСС, 2001. С. 39-47.
5. Дедов, И.И., Тюльпаков, А.Н., Чехонин, В.П., Баклаушев, В.П., Арчаков,

А.И., & Мошковский, С.А. Персонализированная медицина: современное состояние и перспективы // Вестник РАМН. 2012, № 12. С. 4-12.
6. Европейская Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETSN 164). [Электронный ресурс]. // 1997. ETSN 164. http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1075. (Дата обращения: 01.11.2016).
7. Елизаров М. Аркадий Гайдар. // Обрез / Аркадий Гайдар; вступит.ст. М.Елизарова. 2012. С. 7-38.
8. Лебедь Е. И., Юрьев Г. П., Пронин М. А. Синдром жизненного истощения: алгоритм диагностики и коррекции // Психическое здоровье. 2006, № 6. С. 44-45.
9. Малюта А. Н. Гиперкомплексные динамические системы. Львов: Выща шк., Изд-во при Львов.ун-те, 1989. 120 с.
10. Малюта А. Н. Закономерности системного развития. Киев: Наукова думка, 1990. 136 с.
11. Малюта А.Н. Системы деятельности. Киев: Наукова думка, 1991. 208 с.
12. Михайлов А.Н., Пронин М.А. Диагностика предрасположенности к гомициду // Материлы конференции: Механизмы стресса в экстремальных условиях: Сборник научных трудов 3-й Всероссийской конференции по проблемам боевого стресса. М.: Истоки, 2004. С. 11 - 113.
13. Носов Н.А. Психология ангелов (Приложение 1 к вестнику «Аномалия».). М.: ИТАР-ТАСС, Ассоциация «Экология непознанного», 1995. 80 с.
14. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.
15. Носов Н.А., Генисаретский, О. И. Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора // Труды ГосНИИГА. 1986, Авиационная эргономика и подготовка летного состава. Вып. 253. С. 147-155.
16. Моделирование. Основные понятия и определения. Этический кодекс. СПб: 2001. 52 с.
17. Партитура виртуоза. Альбом виртуалистики и аретеи (Серия «Искусство», Выпуск 1). (Тр. Центра виртуалистики. Вып. 24).). М.: Горячая линия - Телеком, 2004. 238 с.
18. Попков В.В. Организованность и двойственность. К новому изданию «Тектологии» А.А. Богданова // Вестник МИБ. 2002, 4. С. 77-100.
19. Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации // 2011. http://kremlin.ru/supplement/987. (Дата обращения: 01.11.2016).
20. Пронин М.А. Экзистенция: забытый Чернобыль. Философско-антропологические очерки. Записки ликвидатора. М.: 2016. 224 с.
21. Пронин М.А. Присяга военная: философско-антропологическое понимание // Информационные войны. 2008, № 4(8). С. 86-93.
22. Пронин М.А. Человек военный: проблемы антропологического понимания // Философские науки. 2008, 6. С. 39-51.
23. Пронин М.А. Дары востока-аршин российский // Философские науки. 2009,

7. С. 135-151.
24. Пронин М.А. Виртуал команды - феноменология и теоретическая модель командообразования. // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 6. М.: Институт философии РАН, 2012. С. 194-210.
25. Пронин М.А. Виртуальный человек как объект философско-антропологических исследований // Материлы конференции: Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012 г.) В 3-х томах. Т. III. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. С. 270-271.
26. Пронин М.А. Аретея: установки, принципы, закономерности // Материлы конференции: Сучасні проблеми військовой та соціальноі психологіі соціальноі роботи: Матеріали міжнародноі науково-практичноі конференціі (м. Одеса, ОНУ, ВА, 4-5 жовтня 2013 р.). Одеса: ОНУ, ВА, 2013. С. 73-75.
27. Пронин М.А. Виртуалистика и аретея: принципы, теория и операторы. // Гуманитарные ориентиры научного познания: сборник статей. К 70-летию Бориса Григорьевича Юдина. М.: Издательский дом «Навигатор», 2014. С. 321-330.
28. Пронин М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М.: Рос.акад. наук, Ин-т философии, 2015. 179 с.
29. Пронин М.А. Вызовы мировоззрению разработчиков технологий виртуальной реальности (TVR): философские, этические, юридические и другие следствия // Философия образования. 2016, № 69. С. 40 - 63.
30. Пронин М.А., Михайлов, А. Н. Возможности виртуальной психологии для оказания помощи при стрессе, возникающем в результате военных действий // Материлы конференции: Механизмы стресса в экстремальных условиях: Сборник научных трудов 3-й Всероссийской конференции по проблемам боевого стресса. М.: Истоки, 2004. С. 115-117.
31. Пронин М.А., Михайлов А. Н., Карпинский, В. Н. Виртуальный образ аварии у профессионального автогонщика // Материлы конференции: II Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения - 2005» - «Будущее России: стратегии развития» (14-15 декабря 2005) / Социология. № 2. 2006. С. 80-82.
32. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // Документ ООН A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol.I), стр. 3–7. 1992. 2017.
33. https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657.pdf?OpenElement. (Дата обращения
34. Сура 1 «Аль-Фатиха» (Открывающая Книгу) // Священный Коран. 2017. http://islam38.ru/holy-texts/koran/al-fatiha.html. (Дата обращения: 01.11.2016).
35. Стёпин В.С, Теоретическое знание. 2000. 744 с.
36. Улучшение человека - humanenhancemen (анлг.): влияние на личность // Википедия. 2016. https://ru.wikipedia.org/wiki/ (Дата обращения: 01.11.2016).
37. «Федеральный закон «О статусе военнослужащих» (76-ФЗ)» от 1.01.2017 //

2017. http://dogovor-urist.ru/ (Дата обращения: 01.11.2016).
38. Шестой Всероссийский симпозиум с международным участием по проблемам боевого стресса – Война и здоровье // 2007. http://ipim.ru/events/1165.html. (Дата обращения: 01.11.2016).
39. Эммонс Р.А. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности // 2004. С. 416.
40. Юдин Б.Г. Редактирование человека // Человек. 2016, 3. С. 5-19.
41. Юдин Б.Г., Пронин, М. А. Философия как экспертиза // Цикл философских бесед «Реплики» Института философии РАН. 2016. (Дата обращения: 01.11.2016).
42. Юрьев Г. П., Пронин М. А., Лебедь Е.И., Грабчук, М. А. Мировоззренческая травма и синдром жизненного истощения. // Переход на новую модель здравоохранения: мед. и др. технологии: к 60-летию Поликлиники № 1 РАН. М.: Наука, 2006. С. 108-112.
43. Ben-Ari E. Sleep and night-time combat in contemporary armed forces: technology, knowledge and the enhancement of the soldier's body. // Night-time and Sleep in Asia and the West. New York: Taylor & Francis e-Library, 2005. С. 113-132.
44. Gray C.H. The Cyborg Soldier: The US Military and the Post-Modern Warrior. // Cyborg Worlds: The Military Information Society. London: Free Association Books, 1989. С. 43-72.
45. Gray C.H. Postmodern War: The New Politics of Conflict. New York: Routledge, 1997. с.
46. Grossman D. On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society. Boston: Little Brown, 1995. с.
47. Leonhard R.R. A Culture of Velocity. // Digital War: A View From the Front Lines. Digital War: A View From the Front Lines. Novato, CA: Presido Press, 1999. С. 131-152.
48. Ohler N. Blitzed: Drugs in Nazi Germany (2 ed.). Allen Lane, 2016. 368 с.
49. Shay J. Ethical Standing for Commander Self-Care: The Need for Sleep // Parameters. 1998, Summer. С. 93-105.
50. Sleep, Sleep Deprivation, and Human Performance. Washington, DC: Walter Reed Army Institute of Research (WRAIR), 1997. с.
51. Walter Reed Army Institute of Research (WRAIR) // 2017. http://military.wikia.com/wiki/Walter_Reed_Army_Institute_of_Research. (Дата обращения: 01.11.2016).
52. Watch system // Википедия. 2017. https://en.wikipedia.org/wiki/Watch_system. (Дата обращения: 01.11.2016).

ЦУКАНОВ И.А.
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ДУХОВНЫЙ ПОИСК НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА

Статья посвящена соотнесению явлений духовного поиска человека сквозь призму нравственного выбора. Анализируются их потребность в обществе, а также взаимосвязь.

Ключевые слова: духовный поиск, морально-нравственные принципы, ценностные ориентации, поиск смыслов, путь становления, саморазвитие, инвектирование лексики, приоритеты деятельности, модели сознания, субличности.

***

В современную эпоху благодаря интенсивному развитию духовного производства и воспроизводства ценностей, благодаря достаточно разветвлённой системе распространения ценностей само удовлетворение потребностей, как правило, не связанно с процессом преодоления каких-либо существенных трудностей. Нравственные принципы социализации претерпевают изменения с «поправкой на ветер» современного импульса актуального сознания общества. Ценностные ориентации и морально-нравственные устои успешного и здорового развития жизни людей под воздействием информационно-политического натиска со стороны «заинтересованных» деформируются, применяя искаженный вид объективных ориентиров.

Поиски смыслов и идеалов являются одной из базисных духовно-психологических потребностей личности, и потому как поет один из музыкантов отечественного рока: «Духовная пища – разнообразна» [2]. Потребность в обретении когнитивного согласия мотивов, потребностей, ориентиров и целей призывает индивида постоянно осуществлять фильтрацию истинности и ложности окружающей действительности. Путем познания, а соответственно и научения, ставя во главу угла нравственные ценности личности и моральные принципы общества, методом проб и ошибок человек ищет и находит истинные пути бытия. Основываясь на олимпийских принципах «быстрее, выше, сильнее», в рамках духовного становления, определяются критерии выбора человека ищущего. Человек ищущий заражает своим примером поиска истинности

жизни и ближайшее, значимое окружение. Русский писатель Антон Павлович Чехов говорил: «Каждый день выдавливать из себя раба», раба своих пороков и недостатков воспитания, образования, морали и нравственности [8]. Духовное развитие – тяжелый труд. Саморазвитие всегда начинается с малого с себя, оно проявляется в терпимости к мнению окружающих и значимому кругу людей человека, к следованию «духовно надежным» традициям и образу поведения в обществе. Выбирать долгий путь морально-нравственного становления как духовной доминанты деятельности – главная, хотя порой и не очень простая задача. Всегда хочется узнать, а что же скрывается за той непознанной дверью, столь тревожащей и волнующей вопросами бытия, познания, научения и жизненного опыта. Дорогу осилит идущий.

«Только тот достигает высшего нравственного совершенства, кто прошел через глубочайшие бездны греховности», говорит З. Фрейд в своей статье «Достоевский и отцеубийство» [7]. А ведь многим и не нужно падать на самое дно безнравственной жизни. Достаточно одного глубочайшего потрясения сознания. Это может проявляться, как и в антинравственном поступке самого индивида, так и в отрицательном примере деятельности сопутствующих лиц, окружающих человека, когда он является как минимум безнравственным зрителем. При встрече духовного наставника или музы всей его жизни личность начинает форматировать свои морально-нравственные взгляды, позиции, критерии выбора и приоритеты деятельности. Это возможно, если человек сознательно идет на муки терзания и встает на дорогу перемен, не пытаясь, лишь угодить сварливой супруге во благо семейного счастья и видимого благополучия. Личностное осознание - быть может оно еще не будет иметь каких-либо четких линий, лишь очертания, но будет выбран вектор движения. С миру по нитке, песчинка за песчинкой, происходят изменения, как в деятельности «идущего», так и в его духовных ценностях, когнитивной сфере, они начинают приобретать конкретные лики действительности.

Николай Михайлович Карамзин писал «Язык важен для патриота» [3]. Он формирует здоровые морально-нравственные принципы человека, его методы и формы отражения объективной реальности. Всем известный и стыдливый в нормативном обществе лексикон растлевает психику изнутри, особенно подрастающего поколения. Бранный словарный запас не позволяет выстраивать новые нейронные связи в нашем головном мозге. Заставляет пользоваться уже заготовленными, заведомо не принятыми в зрелом социуме арготическими фразами. Нецензурная лексика, ведет личность к примитивному, зашоренному, растлевающему сознание, ограниченному взгляду на окружающую его действительность, значительно ограничивает круг выбора истинно значимых видов и форм деятельности человека. Употребление ненормативного лексикона как средства общения и взаимоотношений нередко приводит человека в тупик нравственного развития и пропасть морального абсурда. Инвектирование лексики проникает глубоко в сознательную сферу жизнедеятельности человека, за-

ставляя его формировать, рвано одетые модели сознания, поведения и искаженные образы восприятия. В процессе наблюдения за двумя молодыми людьми, один из которых сознательно отказался от употребления в своём лексиконе бранной лексики, а второй ввел в привычный для себя способ выражения своих мыслей инвективность словообразований, было замечено, что первый стал тактичен в присутствии женщин, его заинтересовали размышления античных философов, он перестал смотреть по телеэкрану и в глобальной сети Интернет видеоряд с названиями сомнительного происхождения. У «отказавшегося» появились, пусть и размытые, но целеобразования, желания не только удовлетворить свои, как говорил Абрахам Маслоу, физиологические потребности, но и приблизиться к познанию и эстетике в своей иерархии потребностей [5]. Во втором случае существенных изменений в деятельности индивида не произошло.

В настоящее время существует не мало молодых людей, которые не читают книги, не посещают театральные постановки, не знают, что такое музей и зачем его нужно посещать, а картинные галереи ассоциируются как пиар акция в пользу современных инноваций. Их помыслы в конечном результате направлены на развитие потребительского духа. Эмпирический мир, мир феномена перешел сегодня в активную фазу действия и хочет с неприкрытым желанием поглотить духовный, «ноуменальный» мир. При этом сам потребительский дух выглядит совершенно невзрачно, тем более, что сегодня перед человеком открываются возможности по освоению духовных ценностей, которые не потребляются до конца. Этот процесс невозможен в условиях капитализации сознания людей. Цены на книги и плата за вход на театральные спектакли являются высокими, и население выбирает предметы первой необходимости. Люди в условиях исключительно прагматического духа начинают выбирать «краюшку хлеба», поскольку духовные ценности им далеко не по карману.

Профессор психологии А.Я. Анцупов [1] выделяет четыре вида субличности человека: инстинктивный, эмоциональный, рациональный и духовный. Первые два присуще всем и каждому, как правило это доминанты в деятельности среднестатистического человека, человек легко отдаётся им на откуп. Третий вид присущ человеку мыслящему, ставящему перед собой вопрос логичности и целесообразности выбора. Четвертый же вид ведет личность к чистоте помыслов и к отсутствию страха быть уличенным в безнравственном поступке деянии рук своих. Быть в ладу с самим собой - вот та дорога, по которой предлагает нам пройти четвертая субличность, выделенная профессором, а выбор, как и во все времена, остается за человеком. «Битва за жизнь или жизнь ради битв – все в наших руках» [4].

Литература

1. Анцупов А.Я Стратегическое управление. - // М.: Институт стратегий развития, Техносфера 2015. – 318 с.

2. СерьГа – Чертополох (feat. Бригадиры) [Электронный ресурс]: URL: http://goodsongs.com.ua/song119941_serga_chertopoloh-feat-brigadiry.html (дата обращения 20.10.2016).
3. Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости. - // СПБ Соч., т. 7 1820. – 136 с.
4. Кинчев К.Е. – Мама [Электронный ресурс]: URL: http:// http://www.lyricshare.net/ru/alisa-konstantin-kinchev/mama.html (дата обращения 20.10.2016).
5. МаслоуА.Х. Motivation and Personality.— // New York: Harpaer & Row, 1954
6. Мымрин А.В. Духовный опыт в зеркале психологического познания. // Инициативы XXI века №2/2016. 30 – 37 с.
7. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. *// Художник и фантазирование (сборник работ), — М.: Республика, 1995. – 286 с.*
8. Чехов А.П. Из письма писателя А.П. Чехова к издателю и журналисту А.Ф. Суворину (7 января 1889 г.).

РАЗДЕЛ II. МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ, ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ СЛУЖЕНИЯ В ВОЙСКОВОЙ ПРАКТИКЕ

ГОЖИКОВ В.Я., доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии, секретарь Научно-методического совета ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

***

В современных условиях, когда высшая военная школа (далее – ВВШ) ориентирована на овладение будущими офицерами военно-профессиональными компетенциями, научно-прикладной анализ феномена их служения Отечеству, раскрытия его сущности, структуры и качественной природы, приобретает особую актуальность.

Изучение научной литературы показывает, что служение (в контексте развития личности курсанта военного вуза) характеризует её направленность, содержание активности, а также ценностно-смысловое отношение к государству, к обществу, к Вооружённым силам страны, к себе и к миру. Такое отношение предстаёт как синергия соответствующих жизненных ценностей и общекультурного мировоззрения курсантов [1; 2; 4; 5и др.].

Следует также отметить, что в Федеральном законе РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» отмечается, что целью приобретаемых в высшей школе профессиональных знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций, является интеллектуальное, духовно-нравственное и творческое развитие личности, формирование её активной жизненной позиции, навыков самообразования и самореализации[10].

В современной ситуации развития общества выпускник высшей школы должен выступать не только как носитель определенного набора профессиональных знаний, умений и навыков, но и как субъект профессиональной деятельности, собственной жизни, способный творчески преобразовывать окружающую действительность, реализовывать свой внутренний потенциал и находить личностный смысл в профессиональной деятельности и служении Отечеству. Становление квалифицированного специалиста как субъекта (с социаль-

но-ценностной ориентацией) в рамках профессии должно являться одной из основных задач высшего учебного заведения [1;10 и др.].

Для ВВШ это означает, что личностно-профессиональное становление курсантов, их подготовка к служению должны развивать способности самостоятельно принимать обоснованные решения в нестандартных ситуациях, оперативно перестраивать сформировавшиеся стереотипы, и непрерывно самосовершенствоваться, осознавая личную ответственность за результаты военно-профессиональной деятельности, воспитание и обучение личного состава.

В условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (далее – ФГОС ВПО), актуализируются задачи развития качеств специалистов как морально-нравственных субъектов с осознанной гуманистической ценностной ориентацией и направленностью на собственное социокультурное самосовершенствование в условиях супертехногенной цивилизации XXI века, что непосредственно связано с другими современными условиями подготовки выпускников военных вузов к служению Отечеству.

Акцентуация психолого-педагогических проблем служения для ВВШ представляет несомненный интерес, как в теоретическом, так и в прикладном значении (для разработки образовательных проектов и программ, использования современных психолого-педагогических технологий и др.).

Следует отметить, что чрезвычайно важным свойством офицерского служения является его многомерность и личностная значимость, которые отражают: а) внутренние установки и нормы армейской среды; б) мотивационно-потребностную сферу и систему личностных смыслов.

В связи с этим, в ВВШ учитывается, что служение Отечеству не только отражает формы и условия реализации побуждений курсанта, но и является источником его целей, определяет жизненную перспективу, офицерскую карьеру, «вектор» развития личности, в том числе выступая важнейшим внутренним источником и механизмом государственно-патриотического отношения к профессии. В данном контексте выполнение курсантом служебных обязанностей отражает уровень его ценностного отношения к служению, к соответствующему поведению и поступкам (стремление к учебной успешности, к овладению профессией офицера и др.).

Как показывает практика ВВШ, первокурсники военных вузов находятся на первичном этапе военно-профессионального служения. Приняв присягу, они с помощью командования и профессорско-преподавательского состава военного вуза готовят себя к будущему служению Отечеству посредством развития своих духовных сил, способностей и умений преодолевать трудности военно-профессионального становления.

Речь идёт о формировании моральной ответственности, обеспечении возможностей для профессионального роста и самореализации, овладение средствами для достижения интеллектуально-нравственной свободы, личной автономии и счастья, создание условий для саморазвития творческой индиви-

дуальности, раскрытия духовных потенций и реализации психологического личностного ресурса.

Социо-культурный и ценностно-смысловой императив служения (в формате военно-профессионального становления курсантов) проявляется в том, что они, как активные субъекты, не могут мыслить себя без ценностного отношения к офицерской службе, определяющей основания жизнедеятельности и являющейся системообразующим компонентом их личностно-профессиональной идентичности. Она формируется в рамках творческой познавательной активности, осознания военно-профессиональных ситуаций (Я и военная служба); отношений (Я и воинский (курсантский коллектив); развития саморефлексии (Я - курсант военного вуза); Я в будущем – Российский офицер) и самоорганизации.

Этапы становления и личностного развития курсантов (в контексте подготовленности к военно-профессиональному служению Отечеству) представлены на рис. 1.

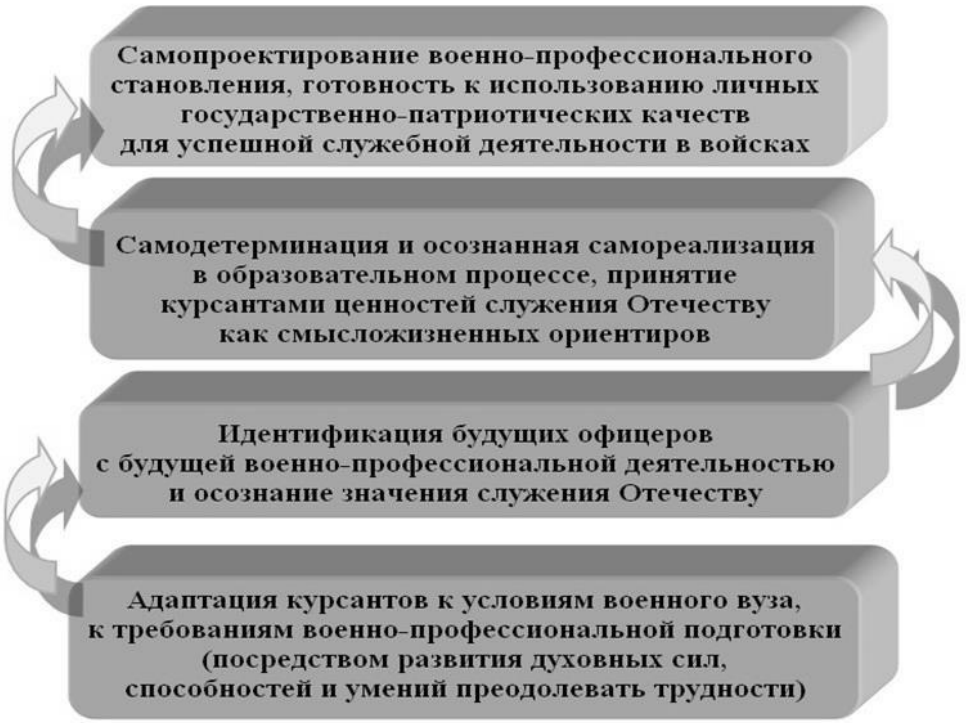

Рис. 1. Этапы становления и личностного развития курсантов в контексте подготовленности к военно-профессиональному служению Отечеству

Всё вышесказанное в совокупности отражает социально-психологические факторы военно-профессионального становления курсантов в контексте их Служения Отечеству, являющегося императивом развития образовательного процесса в военных вузах.

На социально-психологическом личностном уровне курсанта это предполагает:

— осознание необходимости высокого уровня военно-профессиональной подготовленности как ценностной основы жизнедеятельно-

сти и личностного ресурса для выполнения миссии офицера в государстве и обществе в условиях мирного и военного времени;

— идентификацию себя как субъекта с выраженной потребностью в самосовершенствовании, самообучении и самовоспитании, реализуемых в контексте жизненных ценностей и гуманистического мировоззрения.

Следует отметить, что понятие военно-профессиональное становление курсантов отражает особенности подготовки к служению Отечеству, а способы этой подготовки, её основные формы, методы и механизмы, в большей степени связаны с понятиями развития личности будущего офицера и формирования ценностно-мотивационной сферы.

В психологии и педагогике ВВШ (И.А. Алёхин, В.Н. Герасимов, А.А. Деркач, А.Г. Караяни, П.А. Корчемный, И.М. Хаертдинов, С.А. Чернов и др.) подготовка будущих офицеров к служению рассматривается как сложный социально-психологический и педагогический феномен. С психолого-педагогической точки зрения, ценностно-ориентирующая, смыслообразующая и нормативно-регулирующая функции ценностного отношения к служению, как к интегративному явлению, в своей совокупности актуализируют военно-профессиональные (социальные установки в формировании военно-профессиональной направленности), эмоциональные (психологическое содержание переживания состояния «служения»), рациональные, познавательные и действенные позиции субъектов высшей военной школы.

В психолого-педагогических исследованиях феномен служения, представлен, как правило, с гуманистических позиций, с использованием аксиологического, государственно-патриотического и философско-экзистенционального подходов. Вместе с тем особое значение придаётся историческому опыту служения Отечеству, связанному с деятельностью великих полководцев и флотоводцев – П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова и др. В России и во всём мире их знают как выдающихся военных деятелей, достигших вершин в служении Отечеству.

Так, например, благодаря А.В. Суворову ценностные аспекты служения прочно вошли в отечественную военную практику. Его главный завет: «Потомство мое, прошу брать пример: всякое дело начинать с благословением Божьим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству; избегать роскоши, праздности, корыстолюбия и искать славы через истину и добродетель... Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славе Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей... Никогда против Отечества...». Смысл жизни (главный жизненный принцип) военного человека, источник силы духа виделись А.В. Суворову только в «отечественности», т.е. в честном, добросовестном служении Родине (благу Отечества). Ради этого он готов был пожертвовать своею жизнью («смерть моя для Отечества»), не допустить ни при каких обстоятельствах бесчестия (поражения, неудач, плена и т.д.) [3;7; 8 и др.].

Несомненный интерес для исследования феномена служения представляют также идеи Л.Н. Толстого, который считал, что служение неотделимо от добра, милосердия, справедливости, коллективизма, взаимопомощи, взаимоуважения, приоритета духовных смыслов человеческой жизни над утилитарными целями [9].

С учётом исторического опыта и развития психолого-педагогической науки, концептуальные инновационно-управленческие стратегии и психолого-педагогические механизмы подготовки будущих офицеров к служению проектируются в формате формирования их мотивационно-ценностной готовности к профессиональной деятельности в войсках.

Основой этого процесса, в первую очередь, являются образцы служения различных субъектов военных вузов. В частности, речь идёт о конструктивном решении психолого-педагогических и организационно-управленческих задач поддержания у командного и профессорско-преподавательского состава подлинной мотивации служения, развития их профессионализма и творческих способностей, направленных на реализацию особой миссии – воспитания и обучения будущих офицеров - патриотов России.

Эта миссия для педагогов ВВШ по своему функциональному характеру предстаёт как персонифицированное педагогическое служение: а) в широком смысле - верность педагогическим идеалам, мастерское владение военно-педагогическим искусством; б) в узком смысле - педагогическая деятельность в военно-профессиональном, развивающем, формирующем, познавательном и культурологическом значении.

Следует исходить из того, что военно-профессиональное становление курсантов не может сводиться только к формированию сугубо деловых, функциональных показателей их будущей служебной деятельности, а предполагает комплексное воспитание высоких духовных качеств и общей культуру личности. Чтобы соответствовать социальным ожиданиям российского общества, выпускнику военного вуза, для реализации идеалов служения Отечеству, недостаточно иметь лишь специальные военно-профессиональные знания. Он должен быть умелым военным руководителем, вдумчивым психологом и педагогом, глубоко осмысливать социальные процессы, протекающие в воинских коллективах, самостоятельно делать правильные выводы и применять взвешенные решения в экстремальных условиях, активно влиять на морально-психологическое состояние своих подчиненных.

Вместе с тем, как показывают результаты исследований, в ВВШ усиливается противоречие между объективной необходимостью обеспечения высокого уровня «готовности к служению» и фактическим состоянием созданных для этого условий, учитывающих динамику развития военного дела и изменение характера противоборства с противником, когда война приобретает новые свойства и характеристики («интеллектуальная», «психологическая», «информационная» и др.).

В этих условиях подготовка курсантов к служению должна обогащаться новыми идеями, новым опытом практической деятельности войск, в том числе

опытом выполнения боевых задач в локальных войнах и военных конфликтах. Речь, в первую очередь, идёт о формировании у выпускников профессионализма, соответствующих психологических качеств, социально-ориентированных ценностей, государственного мышления, чувства ответственности за судьбу страны [1; 2; 4; 5 и др.].

При этом ценностно-содержательное целеполагание их «готовности к служению» прогностически может определяться:

— видами предстоящей профессиональной деятельности офицера-выпускника – командной, управленческой, воспитательной, информационной, аналитической, организационной, инновационной, социально-психологической, педагогической и др.;

— «комплексом ролей», которые предстоит выполнять офицеру: лица, принимающего решения и несущего ответственность; «лидера» (авторитета, влиятельного лица); «педагога» (учителя и воспитателя); «эксперта» (аналитика состояния боевой готовности, морально – психологического состояния личного состава); «инноватора» (инициатора и зачинщика инноваций, мотиватора).

Следовательно, «служение» выпускника военного вуза будет происходить в пространстве «пластичных целевых полей», при многообразии «ландшафта компетенций», а сами компетенции будут выступать его важным персональным ресурсом, включая владение методологией; обновленными смыслами и принципами гуманизма; понимание действующих системных взаимосвязей; надежность (основанную на знаниях, опыте, чувстве долга); самостоятельность (возрастающую личностною автономию) [1; 2;4; 5 и др.].

Поэтому социальный заказ подготовки к служению состоит в подготовке будущих офицеров с мышлением: продуктивным (а не только репродуктивным), системным (а не фрагментарным), созидательным (проникающим в реальную практику как разумные осознанные действия). Для этого необходимо развивать у них механизмы самореализации, саморазвития, адаптации, саморегуляции, самозащиты и самовоспитания, необходимые для осознания служения как императивного становления самобытного личностного образа (А.Я. Анцупов, П.А. Корчемный, С.П. Поляков, Э.П. Утлик и др.).

Анализ современной практики ВВШ показал, что развитие ценностного отношения будущих офицеров к служению осуществляется с помощью различных методов воспитания, в числе которых метод показа контекста служения Отечеству в жизнедеятельности выдающихся исторических личностей России - полководцев, учёных, педагогов и др. В частности, речь идёт, во-первых, о соответствующей тематике и качественной подготовки тематических вечеров, встреч с ветеранами ВС РФ, а также участия курсантов в научных конференциях и семинарах; в подготовке ими эссе, рефератов, докладов, видеофильмов и др. Во-вторых, об оказании будущим офицерам индивидуальной педагогической помощи и поддержки для развития у них доминантной ценностной установки-мотивации на усердие и инициативу в службе, самосовершенствование, настойчивость, умение преодолевать трудности для достижения целей служения Отечеству.

Как показало исследование, отношение будущих офицеров к служению в решающей степени определяется:

— оказанием им п*сихолого-педагогической помощи и поддержки в интериоризации государственно-патриотических ценностей;*

— аксиологической направленностью развития образовательной среды военных вузов;

— формирование ценностной мотивации и ответственности за высокий качественный уровень результатов учебной деятельности.

В исследовании установлено, что эффективность данного процесса в решающей степени зависит от профессорско-преподавательского состава и других субъектов ВВШ, обеспечивающих в ходе реализации ФГОС ВПО аксиологическую направленность развития воспитывающей среды, которая способствует самовоспитанию будущих офицеров (их осознанному восприятию феномена служения в контексте формирования личностной идентичности). Поэтому, при анализе подготовки к служению Отечеству, такие *понятия как воспитывающая среда, образовательная среда и военно-профессиональная среда, рассматриваются как синонимы, если это связано с общими, а не частными характеристиками личностного развития* курсантов.

Следует отметить, что психолого-педагогическая помощь и поддержка в интериоризации ценностей служения Отечеству, а также формирование мотивации и личной ответственности за высокий уровень профессиональной подготовленности, предстают как содействие ценностно-смысловому продвижению личности, возникающего на основе внутренних интенций и устремлений курсанта, осознания им необходимости приложения моральных и волевых усилий для военно-профессионального развития.

Речь идёт о воздействии релевантными педагогическими формами и средствами на аксиологические компоненты общей военно-профессиональной подготовки будущих офицеров к служению Отечеству, в том числе: предъявлении референтных образцов соответствующего субъектного поведения; стимулировании мотивации учебной успешности через воссоздание её военно-профессионального контекста и значения для успешной служебной деятельности в войсках.

В исследовании установлено, что результатом ответственного отношения будущего офицера к личной военно-профессиональной подготовленности является личностный, ценностный модус служения, предполагающий внутреннюю рефлексивную работу, критериями которой являются мировоззренческие универсалии и ценности.

В образовательном процессе военных вузов, где в совокупности решаются военно-профессиональные, культурообразующие, мотивационные и действенно-поведенческие задачи, у курсантов развивается эмоциональное и вместе с тем осознанное отношение к служению, основанное на положительных интересах и внутренней потребности и когнитивных качествах, а также стремлении к развитию духовного мира.

Готовность к служению Отечеству (в контексте военно-профессионального становления и личностного развития курсантов) предстаёт как результат: реализации ценностного и операционального аспектов их военно-профессиональной подготовки с учётом индивидуальных траекторий личностного развития; построения между курсантами и профессорско-преподавательским составом субъект-субъектных отношений, предполагающих разнообразные формы, средства и методы учебного и внеучебного сотрудничества, а также взаимопонимание в эмоционально-ценностном восприятии феномена служения и стимулирование волевой активности в данной сфере.

В связи с этим подготовка курсантов к служению Отечеству предстаёт как синергия их военно-профессионального становления и личностного развития (таблица 1).

Необходимо подчеркнуть, что воспитание ценностного отношения будущих офицеров к служению, являющемуся одним из приоритетных способов развития их человеческого потенциала, обеспечивается вследствие достижения единства общекультурного и военно-профессионального развития, «встроенности» аксиологических слагаемых служения во все компоненты образовательного процесса военного вуза.

Поэтому, во-первых, решение данной проблемы непосредственно связано с актуализацией мировоззренческих, общекультурных, психологических, духовных и интеллектуальных личностных потенциалов курсантов, формированием социально-профессиональных компетенций и субъектных качеств, задающих аксиологические (ценностные) основания и жизненные смыслы служения Родине. Во-вторых, образовательный процесс в военных вузах ориентирован на то, чтобы максимально способствовать подготовке офицера-профессионала широкого профиля, способного быть в русле требований военно-технического прогресса, быть Личностью, способной ответить на вызовы времени.

Психолого-педагогическим условием данного процесса является субъектная деятельность самих курсантов (как равноправных субъектов ВВШ), осваивающих ценностный кодекс офицерского служения, отражённый в понятиях – Отечество, Долг, Честь, Ответственность и т.п.

Служение Отечеству (как социально-психологический фактор военно-профессионального становления курсантов) является источником формирования и развития их рефлексивной культуры, которая, в свою очередь, предстает систематизирующим компонентом самоорганизующегося личностного развития [1;2;4;5 и др.].

Таким образом, социально-психологические и педагогические аспекты военно-профессионального становления (в контексте служения Отечеству) детерминируют синтез обучения, воспитания, развития и психологической подготовки, направленных на формирование устойчивой, избирательной, предпочтительной связи курсантов-субъектов с субъектами и объектами военно-социального окружения (приобретающими для будущих офицеров личностный

смысл и расценивающими как нечто значимое для жизни государства, общества и их самих).

Таблица 1. Синергетический характер военно-профессионального становления и личностного развития курсантов

Военно-профессиональное становление курсантов	**Личностное развитие курсантов**
Актуализация мировоззренческих, общекультурных, психологических, духовных, интеллектуальных потенциалов курсантов и их субъектных качеств, задающих ценностные основания и жизненные смыслы служения Родине	Интеллектуальное и духовно-нравственное личностное развитие, формирование активной жизненной позиции и социально-ответственного ценностного отношения к государству, к Вооружённым силам страны, к себе и к миру
Построение между курсантами и профессорско-преподавательским составом субъект-субъектных отношений, включающих разнообразные формы учебного и внеучебного сотрудничества, взаимопонимание в эмоционально-ценностном восприятии мотивов служения Отечеству	Реализация психологического личностного ресурса курсантов, их творческой познавательной активности, направленных на учебную успешность, образцовое выполнение служебных обязанностей и овладение навыками военно-профессионального самообразования
Воспитание у курсантов государственно-патриотического отношения к офицерской профессии, чувства ответственности за судьбу страны	Осознание личной ответственности за результаты военно-профессиональной подготовки, наличие конструктивных позиций в военно-профессиональных ситуациях (Я и военная служба), отношениях (Я и воинский коллектив) и способности находить личностный смысл в военно-профессиональной деятельности и служении Отечеству
Формирование у курсантов социально-ответственного ценностного отношения к государству, к Вооружённым силам страны, к себе и к миру, в том числе умений преодолевать трудности военной службы и мотивационно-ценностной готовности к профессиональной деятельности в войсках	Субъектная деятельность курсантов (как равноправных субъектов ВВШ), осваивающих ценностный кодекс офицерского служения (отражённый в понятиях – Отечество, Долг, Честь, Ответственность и т. п.) посредством развития механизмов саморазвития и самовоспитания, необходимых для осознания служения как императивного становления самобытного личностного образа
Предъявление референтных образцов служения; стимулирование мотивации учебной успешности через воссоздание её военно-профессионального контекста и значения для успешной служебной деятельности в войсках	Наличие у будущих офицеров личностного ценностного модуса, предполагающего внутреннюю рефлексивную работу, критериями которой являются мировоззренческие универсалии и ценности служения Отечеству

При этом необходимо подчеркнуть, что подготовка к служению не может быть сведена ни к чистому обучению, ни к чистому воспитанию, ни - что самое главное - к сумме того и другого, а предполагает совершенно особый интегративный механизм всего целостного учебно-воспитательного процесса, включая самообучение и самовоспитание будущих офицеров.

Литература

1. Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности. Сборник научных статей. Выпуск 5. М: ВУ. 2016.
2. Алёхин И.А., Караяни А.Г., Гожиков В.Я. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст // Мир образования, образование в мире. 2015. №3. С.179-188;

3. Во имя России: Российское государство, армия и воинское воспитание. / Под ред. В.А. Золотарева, В.В. Марущенко, С.С. Антюшина. – М.: «Русь-РКБ», 1999. – 356 с.
4. Гожиков В.Я., Шевцов В.М. и др. Реализация гуманитарной составляющей подготовки офицера в военных вузах: концептуальные подходы и опыт проведения всех видов учебных занятий. – М.: ВУ, 2006.
5. Гожиков В.Я., Шевцова С.В. Психолого-педагогические факторы становления у курсантов военных вузов ответственного отношения к профессии офицера // Мир образования, образование в мире. 2014. №3. С.118-125.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Собр. соч. в 10 томах. Т.1. – М.: Русская книга, 1993. С.328-341.
7. О долге и чести воинской в Российской армии: собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; под ред. В.Н. Лобова. – М., 1990. С.22-39.
8. Стратегия духа: основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова // Российский военный сборник. М. 2000. С.135-168.
9. Толстой Л.Н. О воспитании (ответ на письмо В.Ф. Булгакова) Толстой Л. Н. Полн., собр. Соч. М.1936. Т.38 С.62.
10. Федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ».М. 2012.
11. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. С.175-193.

ЖИЛЯЕВ А.А., ***кандидат педагогических наук, доцент***

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ СЛУЖЕНИЯ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: *в данной статье автор рассматривает проблемы формирования мотивации служения у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Раскрыт алгоритм формирования мотивации служения.*

Ключевые слова: широкие социальные мотивы, алгоритм формирования мотивации служения, военнослужащие, войска национальной гвардии Российской Федерации.

***

Принятие Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» положило начало созданию Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ФС ВНГ), поставило перед должностными лицами вновь созданной структуры ряд серьёзных и ответственных проблем. Обусловлено это тем, что внутренние войска, на базе которых создана ФС ВНГ, решали меньше задач и по количеству, и по важности. На ФС ВНГ дополнительно возложены такие ответственные задачи как: участие в борьбе с терроризмом экстремизмом; федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства РФ в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны; охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем, охрана имущества физических и юридических лиц по договорам [1].

Расширение и усложнение функций ФС ВНГ потребовало включение в их штат специальных подразделений, которые ранее находились в других структурах и ведомствах: ОМОН, СОБР, вневедомственная охрана, разрешительные органы и т.п. Разнообразие задач и функций подразделений ФС ВНГ, их комплектование не может не отразиться на работе по социально-психологическому обеспечению выполнения служебно-боевых задач ФС ВНГ.

Первоочередной из них, на наш взгляд, является деятельность соответствующих должностных лиц по формированию мотивации служения у военно-

служащих войск национальной гвардии Российской Федерации. Проблема эта актуальна, имеет непреходящее значение.

Проведенный недавно опрос отдельных офицеров показал, что административные и экономические методы мотивации считаются наиболее предпочтительными и действенными, и только 18% опрошенных знают и понимают важность и значение социально-психологических методов мотивации военнослужащих (сотрудников) к службе. Говоря об имидже офицера, некоторые респонденты отмечали различные характеристики офицеров ВВ МВД России, работающие в положительном направлении на их образ. Однако лишь около 30% из них называли такие характеристики, как служение Отечеству, защитник свобод человека и гражданина, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, готовность прийти на помощь гражданам в опасной ситуации, т.е. те, которые напрямую вытекают из требований Закона, и которые народ связывает с образом и ждёт проявления этих качеств от офицера войск национальной гвардии! В этом заключается проблема и существенный пробел в образовании офицеров структур по работе с личным составом, что тогда говорить о подготовке в этом вопросе офицеров других категорий.

Поэтому, на наш взгляд, формированию мотивации служения у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации следует уделить первостепенное внимание. Что необходимо сделать? Здесь видится два направления деятельности: во-первых, в системе вузов ФС ВНГ серьезное внимание уделить раскрытию социально-психологических методов мотивировании. Для этого в курс психологии (психологии военного управления) ввести тему, посвященную этой проблеме. Во-вторых, в войсках, в системе общественно-государственной подготовки, командирской (профессионально-должностной) подготовки, предусмотреть проведение занятий, раскрывающих роль и значение (технологию) социально-психологических методов мотивации личного состава к службе в ФС ВНГ. Начать надо с приведения обучения личного состава ФС ВНГ к единому знаменателю: ранее в подразделениях системы МВД подобная подготовка осуществлялась (в отличие от ВВ МВД России) в рамках морально-психологической подготовки. Учитывая важность и специфику выполняемых задач ФС ВНГ, требований к минимальному уровню подготовленности личного состава и специальный отбор, целесообразнее остановиться на морально-психологической (социально-психологической) подготовке.

В содержательном плане занятия раскрывающие роль и значение (технологию) социально-психологических методов мотивации личного состава к службе в ФС ВНГ, на наш взгляд, должны отражать следующее.

Прежде всего, в теоретическом плане, раскрыть основы мотивации к службе.

Мотивация ратного труда с точки зрения её направленности может быть трёх видов:

1. «Мотивация на дело». Воин с такой мотивацией больше заинтересован в достижении высоких результатов деятельности. Личные преимущества, кото-

рые он может получить при достижении хороших результатов деятельности, его заботят в меньшей степени. Такого воина интересует и увлекает сам процесс деятельности.

2. Мотивация «на себя». При такой мотивации воин больше всего нацелен на личный успех, на получение лично им тех материальных и духовных благ, в которых он нуждается.
3. Мотивация «на взаимоотношения». При такой мотивации воин, прежде всего, учитывает то, как оценят его действия окружающие. Для него важно поддерживать со всеми хорошие отношения [2].

Одно из наиболее общих положений теории мотивации служебной деятельности состоит в том, что необходимость мотивирования является следствием разделения труда при совместной деятельности. Реальным мотиватором для каждого ее члена выступают те блага, которые он получит за выполнение своих обязанностей как частичного исполнителя. Существуют два принципа создания систем мотивирования:

1) ориентация на все присущие исполнителю типы и виды потребностей, а не только на материальные;

2) адекватная оценка реального вклада каждого военнослужащего (сотрудника) в итоговый результат и обеспечение стимулирования, соответствующего этому вкладу.

Второй принцип базируется на использовании организационных средств, а первый – на психологических представлениях о строении мотивации личности. Поэтому мотивирование рассматривается как наиболее «психологичная» среди всех функций управления. Это – практическая психология управления. Сущность мотивирования состоит в создании системы, удовлетворяющей двум указанным выше принципам. Ошибочной является абсолютизация материальных мотивов и стимулов, которые не дают полностью реализовать мотивационный потенциал личности. Для эффективного использования этого потенциала военный руководитель должен знать, из каких основных категорий факторов он состоит. Мотив в общепсихологическом плане – это осознанное внутреннее побуждение к действию. Понятием «мотивационная сфера» объединяются все побудительные источники активности личности. В нее входят следующие компоненты: потребности, интересы, стремления, влечения, убеждения, установки, идеалы, намерения личности, а также социальные роли, нормы, правила, стереотипы поведения, жизненные ценности и цели, мировоззренческие ориентации в целом. Эта классификация, будучи основной, не единственная. Характеризуются потребности и по другим основаниям: врожденные и приобретенные, первичные и вторичные, результативные и процессуальные и др. Многообразие типов потребностей определяет сложность мотивов, формирующихся на их основе. Следовательно, на мотивационную сферу можно воздействовать, «подключая» различные категории потребностей. В психологии есть понятие полимотивированности поведения и деятельности. Между различными мотивами могут складываться отношения позитивного и негативного характера, поэтому существует необходимость согласованности их воздействий на исполнителя [3].

Говоря о мотивации личного состава ФС ВНГ, следует особое внимание уделить широким социальным мотивам. Под ними мы предлагаем понимать: служение Отечеству, ответственность за защиту Отечества, выполнение конституционного долга как защитника свобод человека и гражданина, ответственность за охрану общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, готовность прийти на помощь гражданам в опасной ситуации, преданность боевым традициям, ненависть к антисоциальным и криминальным элементам, стремление вести с ними борьбу до полной нейтрализации, месть за смерть, горе и страдания боевых товарищей, потребность следовать идеалу, нравственному примеру героев, их боевым подвигам. Мотивы на «служение», «деятельность», на достижение успеха являются результатом общественно значимых потребностей. При встрече с нестандартной ситуацией обеспечивают большую устойчивость психики, творчество, самостоятельность, способность к риску. На первое место они выносят процесс достижения цели и результат деятельности. Они являются следствием осознания ответственности, увлеченности делом, развитого чувства долга, стремление во что бы то ни стало выполнить задачу.

Существуют и мотивы «на себя», такие, как получить награду Родины, сохранить во что бы то ни стало жизнь, не допустить поступков, требующих риска. Такой военнослужащий (сотрудник) даже в бою концентрирует внимание прежде всего на собственной персоне, и лишь после того - на процессе деятельности. Его мотивация носит престижно-личностный характер и оценивается с позиций: «как это отразится на моей карьере», «какое поощрение или взыскание меня ждет», «как это отразится на отношении ко мне командования». Отличное выполнение служебных обязанностей в большей степени - это средство достижения личного благополучия, а не смысл жизни. Поэтому с психологической точки зрения служебно-боевая деятельность - это достаточно суровое испытание не только физических, но и, главным образом, психических сил воина (сотрудника).

В этой связи на первый план для руководящего состава выступает необходимость мотивирования службы военнослужащих (сотрудников) ФС ВНГ. Следует помнить, что обеспечение мотивации составляет базу теории и практики управления. Руководитель обязан уметь регулировать побудительные мотивы человека, понимая, что средствами мотивации могут служить не только деньги. Чтобы эффективно содействовать достижению целей подразделения (части) военнослужащий должен служить с желанием, любить свое дело, гордиться своей службой и получать от нее удовольствие. Он должен руководствоваться в службе сознанием своей полезности и необходимости. Эффект мотивирующих воздействий может быть высоким, если руководитель проявит в общении с подчиненными ясность и искренность своих намерений, умение убеждать и настраивать на решение поставленных задач. Надо добиваться, чтобы подчиненные имели ту квалификацию, которой они соответствуют, и те средства для надлежащего исполнения служебных обязанностей, которые им необходимы.

Успех социально-психологических воздействий руководителя зависит от того, насколько ему удается установить нормальные отношения с подчинёнными. Этому способствуют умение общаться, внимательное, заинтересованное отношение к людям, признание их заслуг, уважение и поощрение способностей каждого. Потеря доверия подчиненных - это самое негативное, что может произойти в профессиональной карьере руководителя. Реализуя функцию мотивирования, следует помнить, что материальное и моральное поощрение за хорошие результаты создает атмосферу взаимопонимания и доверия. Хвалить надо искренне и лучше на людях, а критиковать с глазу на глаз, не повышая голоса. Вместе с тем политика вознаграждения по заслугам не исключает честного и открытого обсуждения сильных и слабых сторон человека. Особая психологическая компетентность требуется от управленца при анализе допущенных военнослужащими (сотрудниками) ошибок. Важно показать подчиненным, что во главу угла ставится не поиск и наказание виновного в ошибке, а желание выявить причины ее совершения. Строго требуя с подчиненных выполнения возложенных на них профессиональных обязанностей, вместе с тем недопустимо подвергать человека унижению за его ошибки или просчеты в работе.

Для формирования мотивации служения у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации должностным лицам можно взять за основу следующий алгоритм:

— за счёт раскрытия широких социальных мотивов службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации обеспечить привлекательный творческий характер содержания служебно-боевой деятельности;

— четко определять цели и конечные результаты служебно-боевой деятельности, способы их оценки;

— по мере целесообразности вовлекать военнослужащих (сотрудников) в процесс планирования целей и текущих задач подразделения (части);

— в службе практиковать уважение, доверие, открытое и искреннее отношение к подчиненным;

— выражать признание и благодарность за достигнутые результаты в естественной и искренней форме;

— делегировать подчинённым ответственность за выполняемую служебно-боевую деятельность и предоставлять право самостоятельно принимать решения в рамках их компетенции;

— выявлять и устранять причины и факторы, затрудняющие (препятствующие) военнослужащим (сотрудникам) выполнять задачи служебно-боевой деятельности. Особое значение имеет решение индивидуальных, личных проблем военнослужащих (сотрудников), улучшение условий их службы;

— в обязательном порядке обеспечивать продвижение по службе, раскрывать перспективы профессионального роста.

Кроме того, должностным лицам следует принимать меры к обучению и побуждению подчинённых самостоятельно управлять собственной мотивацией. Для этого можно рекомендовать следующий алгоритм самомотивации:

— вырабатывать умения распоряжаться собственным временем;

— вырабатывать умения отделять существенное от второстепенного. Не пытаться браться за все. Следует оставлять время только на самое важное дело с точки зрения конечных целей;
— формировать навыки поддерживать и развивать контакты, наиболее важные для основной служебно-боевой деятельности;
— прилагать максимум усилий к созданию крепкой семьи;
— оберегать и поддерживать отношения с друзьями;
— следить за состоянием собственного здоровья при выполнении любых служебных обязанностей;
—заботиться о поддержании в себе душевной бодрости и положительного отношения к своей службе;
— активно развивать и укреплять свои сильные стороны, терпеливо исправлять недостатки;
— иметь личный план развития на несколько лет вперед;
— планировать изменение содержания служебной деятельности примерно с интервалом в 3-5 лет (продвижение по службе, повышение образовательного уровня, совершенствование квалификации, совершенствование физической подготовки, спортивных результатов и достижений, смена решаемых задач и т.д.);
— формировать понимание того, что главная ответственность за успешность профессиональной карьеры лежит на тебе самом;
— не замыкаться в себе и помнить, что немало полезного для своей работы можно получить от активного общения с окружающей средой (руководством, коллегами, друзьями). Иначе говоря, речь идет о включении принципа обратной связи в свою служебную практику;
— вырабатывать умения вознаграждать себя за хорошие достижения в службе. Практиковать отмечать свой успех в кругу друзей, приобретением какой-то ценной для себя вещи, туристической прогулкой, путешествием и т.д.

Представленные алгоритмы формирования мотивации служения у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации помогут, на наш взгляд, в решении обозначенной проблемы. Обучить этому подчинённых – задача соответствующих руководителей.

Литература

1. Федеральный закон № 226-ФЗ от 3 июля 2016 года «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».– Ст.2.
2. Социально-психологическая работа во внутренних войсках МВД России: Учебно-методическое пособие под ред. генерал-лейтенанта С.Ф. Кавун. – М.: Изд-во редакции журнала «На боевом посту», 2002. – С. 195.
3. Ревская Н.Е. Психология менеджмента. Конспект лекций. — СПб.: Альфа, 2001. – С. 64.

ЩИПАКОВ В.Э., преподаватель кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

МОТИВАЦИЯ СЛУЖЕНИЯ — ОСНОВА ПОДГОТОВКИ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В статье обосновывается актуальность проблемы формирования мотивации в процессе профессиональной подготовки специалистов по специальности «Психология служебной деятельности», проводится анализ психологических особенностей служебной деятельности и специфических требований к профессиональным, индивидуально-психологическим, личностным качествам, психическим состояниям сотрудников и психологическим параметрам служебных коллективов. Представлена взаимосвязь успешности профессиональной деятельности специалистов с профессиональной компетентностью, мотивационными особенностями специалиста и условиями работы в организации.

Ключевые слова: служение, воинский долг, служебная деятельность, психология служебной деятельности, профессиональные компетенции, профессиональная подготовка, успешность профессиональной деятельности, потребность, мотив, мотивация.

***

Потребности развития современного российского государства и его Вооруженных Сил выдвигают перед военными психологами конкретные, разнообразные и сложные задачи, решение которых требует высокого уровня профессионализма в достаточно специализированной области знаний [2] – профессионально-психологический отбор, психологическая подготовка и профессионально-психологическое сопровождение военнослужащих в процессе служебной деятельности.

В системе обеспечения обороноспособности, безопасности и правопорядка в нашей стране значительная роль принадлежит служебной деятельности специалистов различных силовых структур.

Служебная деятельность имеет четко выраженные психологически особенности по сравнению с другими видами деятельности:

— социальная предписанность целей, средств, способов деятельности, строгий социальный контроль за ее исполнением;

— жесткая субординация отношений участников коллективной деятельности;

— наличие опасности для жизни и здоровья сотрудников;

— ненормированный режим деятельности, высокая ответственность за результат и высокая социальная цена ошибок и т.д.

Служебная деятельность предъявляет высокие, специфические требования к профессиональным, индивидуально-психологическим, личностным качествам, психическим состояниям сотрудников и психологическим параметрам служебных и в особенности воинских коллективов [5].

В п. 1 Статьи 59 «Конституции Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) указывается, что «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации».

В то время как в недавнем нашем историческом прошлом в Конституции (Основном законе) СССР статьей 62 определялось, что «Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР», а статей 63, что «Воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР - почетная обязанность советских граждан».

Значение и смысл слова «служение» рассматривается в нескольких толковых словарях русского языка.

Например, в словаре С.И. Ожегова и В.И. Даля, слово «служить» обозначает направлять свою деятельность на пользу своему народу, быть надобным, выполнять своё назначение. Служить на благо другим людям очень созвучно с понятием «альтруизм», - которое определяется как - понятие, которым осмысливается активность, связанная с бескорыстной заботой о благополучии других; соотносится с понятием самопожертвование - то есть принесение в жертву своих личностных выгод в пользу общего блага.

Согласно толковым словарям русского языка Т.Ф. Ефремова и С.И. Ожегова слово священный, в переносном смысле, означает: чрезвычайно почетный и исключительный по важности, неукоснительный, глубоко чтимый. В свою очередь долг - это обязанность, обязательство (договорное или недоговорное) или внутренне принимаемое (добровольное) моральное обязательство.

Таким образом, священный долг - это исключительная по важности и чрезвычайно почетная обязанность (обязательство). А отдать воинский долг родине во многих странах считается чрезвычайно почетным и глубоко чтимый делом, поэтому его часто называют священным.

События происходившие в нашей стране в последние три десятилетия, реформы проводимые во всех институтах государства затронули, конечно, и Вооруженные силы и к сожалению не всегда в позитивном плане.

Усилиями руководства страны негативные тенденции были преодолены и с 2011 года в Российской Федерации начата подготовка специалистов по направлению подготовки (специальности) 030301 психология служебной деятельности (квалификация (степень) «специалист»).

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (в ред. Приказа Минобрнауки РФ от 31.05.2011 № 1975) «Психологическое обеспечение служебной деятельности» выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями:

— способностью осуществлять психологическое обеспечение служебной деятельности личного состава, в том числе в экстремальных условиях;
— способностью описывать структуру деятельности профессионала в рамках определенной сферы (психологический портрет профессионала), прогнозировать, анализировать и оценивать психологические условия профессиональной деятельности;
— способностью осуществлять профессиональный психологический отбор лиц, способных овладевать и осуществлять различные виды профессиональной деятельности;
— способностью выявлять актуальные психологические возможности (психологические ресурсы), необходимые для эффективного выполнения конкретных профессиональных задач;
— способностью разрабатывать программы, организовывать и осуществлять общую, специальную и целевую психологическую подготовку сотрудников, военнослужащих и иных лиц;
— способностью диагностировать психические свойства и состояния человека, характеризовать психические процессы и проявления в различных видах деятельности личного состава, индивидов и групп, составлять психодиагностические заключения и рекомендации по их использованию;
— способностью применять методы психологической поддержки сотрудников, военнослужащих и иных лиц в ходе выполнения задач служебной деятельности и психологической реабилитации лиц, получивших психические травмы, осуществлять комплекс мер по социально-психологической реадаптации сотрудников, военнослужащих и иных лиц, участвовавших в экстремальной деятельности;
— способностью разрабатывать и реализовывать программы, направленные на предупреждение нарушений и отклонений в социальном и личностном статусе, психическом развитии сотрудников, военнослужащих и иных лиц, рисков асоциального поведения, профессиональных рисков, профессиональной деформации;
— способностью разрабатывать модели диагностики проблем лиц, нуждающихся в коррекционных воздействиях, выбирать адекватные формы, методы и программы коррекционных мероприятий;
— способностью эффективно взаимодействовать с сотрудниками правоохранительных органов, военными и иными специалистами по вопросам организации психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности, в том числе в условиях террористических актов, массовых беспорядков, чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий, катастроф и боевой деятельности;
— способностью осуществлять консультирование в области интерперсональных отношений, профориентации, планирования карьеры, профессионального и личностного роста;
— способностью консультировать должностных лиц по психологическим проблемам, связанным с организацией служебной деятельности личного состава,

формированием и поддержанием в служебных (учебных) коллективах благоприятного психологического климата и др.

В формировании выше перечисленных компетенций и в структуре профессиональной подготовки специалистов данного направления в целом, важнейшее важное место занимает формирования мотивации будущего профессионала.

Военная служба в России всегда считалась почетной обязанностью, священным долгом и делом исключительным по важности и необходимости.

В соответствии с Законом Российской Федерации «О воинской обязанности военной службе» гражданин, проходящий военную службу, является военнослужащим и имеет правовое положение, определяемое законом [1].

Военная служба в Вооруженных силах Российской Федерации - особый вид государственной службы. Кроме того, военная служба относится к сложной и трудной деятельности. Она не нормирована продолжительностью рабочего времени, а регламентирована установленным порядком, правилами и нормами их соблюдения, требует от военнослужащих полной самоотдачи, высокого профессионализма и особой ответственности за выполнение широкого круга обязанностей. В то же время, военная служба ограничивает для военнослужащих многие права и свободы гражданина.

Военная служба — это и опасная деятельность. Военнослужащие являются первым и главным объектом, на который направлены все силы средства со стороны вероятного противника. Большую опасность для военнослужащих таят в себе вооружение и боевая техника самих Вооруженных Сил. Степень этой опасности в решающей степени зависит от уровня профессиональной пригодности и подготовленности военнослужащих к выполнению должностных обязанностей.

В последнее время воинская деятельность приобрела существенные изменения. Возросли требования к профессиональным качествам и специальной подготовке военнослужащих, что в свою очередь отражается на психологическом содержании этого вида труда, мотивации будущих военнослужащих и тех, кто служит в рядах Вооруженных сил.

В подготовке военнослужащих наиболее важным является изучение формирование мотивации личности военнослужащего, всех составляющих ее, в том числе и мотивов, как одного из основных показателей сформированности этой мотивации [4].

Серьезные трудности в экспериментальном исследовании мотивов возникают из-за неопределенности их структуры, сущности и признаков проявления. В силу этого взгляды зарубежных и отечественных психологов на сущность понятия «мотив» существенно расходятся.

Так Б.М. Ломов считает, что это обусловлено тем, что в мотивах и целях наиболее отчетливо проявляется системный характер психического и они выступают как интегральные формы психического отражения [8].

Общее во взглядах ученых, изучавших проблемы мотива, состоит в том, что за мотив принимается какой-то один психологический феномен, но у каждого автора он свой.

В работах С.Л. Рубинштейна за мотив принимается потребность, в которой содержится активное отношение или стремление, которое направляет человека на преобразование условий с целью удовлетворении нужды.

М. Мадсен предлагает термины диспозиционные и функциональные переменные, Г. Мюррей рассматривает их как устойчивые и функциональные мотивационные образования.

Л. Кронбах видит их в оценке индивидуальных различий и исследование характеристик и особенностей поведения, Дж. Аткинсон - личностные, устойчивые ситуативные детерминанты [6]. А.Н. Леонтьев рассматривает мотив как цель.

Мотив поведения человека и цели поведения могут не совпадать: одну и ту же цель можно ставить перед собой, руководствуясь важными мотивами. Цель стремится. Мотив может быть неосознанным, если осознание потребности не вполне соответствует подлинной нужде, то есть человек не знает подлинной причины своего поведения.

Несовпадение мотивов и целей, по мнению А.Н. Леонтьева, является генетически исходным для человеческой деятельности.

Напротив, их совпадение есть вторичное явление: либо результат приобретения целью самостоятельной побудительной силы, либо результат осознания мотивов, превращающего их мотивы-цели [7]. В отличие от целей, мотивы актуально не осознаются субъектом. При этом они находят свое психическое отражение в форме эмоциональной окраски действий (то есть придают действию личностный смысл).

Развитие профессиональной деятельности ведет к раздвоению функций мотивов. Одни мотивы, побуждая деятельность, придают ей личностный смысл (смыслообразующие мотивы), другие выполняют роль побудительных факторов без указанных выше функций (мотивы-стимулы) [3].

Х. Хекхаузен трактует мотив как побуждение, желаемое целевое состояние в рамках отношения «индивид-среда».

К. Левин связывает мотив с намерением, которое основывается на том, чтобы создать действие, вытекающее из непосредственного требования вещей [6].

Ж. Годфруа определяет мотив как соображение, по которому субъект должен действовать [6].

Интересной точной зрения представляется взгляд Дж. Аткинсона, Х. Мюррея, М. Мадсена на мотив как на устойчивые характеристики личности.

Б.В. Зейгарник, опираясь на введенный Г. Олпортом для обозначения механизма развития личности термин «черта», считает, что это не черта личности, а черта-мотив, черта-интерес [3].

Таким образом, мотив (*от лат. moveri* - приводить в движение, толкать; *от фран. Motif*-побуждение) - это то, что вызывает определенные действия человека:

— побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребности субъекта;

— совокупность внешних или внутренних условий, вызывающих активность субъекта и определяющих ее направленность - мотивацию;

— побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности на предмет (материальной или идеальный), ради которого она осуществляется;

— осознаваемая причина, лежащая в основе выбора действий и поступков личности.

Для объяснения последовательности поведенческих действий специалиста, направленных на конкретную цель, которая может меняться в зависимости от различных обстоятельств, ситуаций используют понятие «мотивация».

Под мотивацией понимают совокупность побудительных сил человеческой деятельности как осознаваемых, так и не осознаваемых самим человеком [3]. Следовательно, в понятие «мотивация» входят моменты активизации, управления и реализации целенаправленного поведения человека.

Мотивация отвечает на вопрос: почему так, а не иначе поступает данный специалист в конкретной ситуации.

Под мотивационной направленностью личности специалиста понимают систему устойчиво характеризующих человека побуждений (интересы, желания, стремления), которые определяют избирательность отношений и активности личности.

Следовательно, за любыми поступками человека всегда кроются определенные причины. Все побуждения взаимосвязаны в мотивационной сфере личности и представляют собой систему. Данная система является индивидуальной, она формируется в процессе развития личности. Побуждения не остаются постоянным, они влияют друг на друга, изменяются и развиваются. При этом один из компонентов являются доминирующими, в то время как другие выполняют второстепенную роль.

Доминирующие побуждения определяют основную линию поведения личности.

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно предположить, что в основе мотивационной направленности человека лежат намерения удовлетворить потребности то есть состояния, отражающие нужду в чем-либо.

Широкое распространение получила классификация потребностей Абрахама Маслоу. В своей работе иерархического построения потребностей А. Маслоу показал, как потребности могут воздействовать на мотивацию человека к деятельности и как, зная об определенной динамике их действия, можно удовлетворять свои потребности определенным образом.

Неудовлетворенные потребности, выступая в качестве мотивов поведения, могут приобретать различные формы в зависимости от степени осознания

цели и содержания: установки, влечения, желания, склонности, стремления, убеждения, мировоззрения.

После удовлетворения ведущей потребности доминирующей становится другая, наиболее важная в биологическом или социальном значении потребность. То есть, в формировании мотивации ведущую роль играет принцип доминанты, сформулированный А.А. Ухтомским [6]. По вопросу иерархии потребностей необходимо отметить, что культурные потребности хотя и зависят от удовлетворения основных потребностей (неудовлетворенная потребность организма образует доминанту, тормозящую развитие активностей), но чрезмерное удовлетворение основных потребностей организма не приводит к развитию интересов в культурной области.

Вместе с тем, специалисты способные добиваться более высоких достижений, обычно обладают также более сильной мотивацией и более высоким уровнем притязаний, также обычно целями, распространяющимися на будущее. Развитие любого мотива предполагает наличие определенного уровня двигательных и познавательных способностей. Установлено, что человек с удовольствием делает прежде всего то, что умеет делать. Умение нередко становится нередко источником интересов, становится самой силой, хотя первоначальный мотив мог уже исчезнуть [9].

Таким образом, деятельность специалиста в рамках профессиональной деятельности направляется не одним мотивом, а их совокупностью. При этом можно выделить внутренние мотивы и внешние мотивы. В основе внутренних мотивов лежат потребности человека, его эмоции, интересы. К внешним мотивам относятся цели, исходящие из ситуации (факторы среды).

Совокупность внутренних и внешних мотивов определенным образом организуется и составляет мотивационную сферу личности. Б.Ф. Ломов отмечает, что в исследовании психических явлений попытка искать одну единственную детерминанту того или иного явления - это тупиковый путь. Любое явление определяется системой этих детерминант [8].

В случае, когда человеку при достижении цели надо совершить выбор между двумя альтернативами, если возникает столкновение двух или большего количества мотивов приблизительно одной силы, то возникает конфликт. Сильные личности легко преодолевают препятствия, а у невротических личностей возникает чувство «потери свободы». Невротик либо не может из-за побуждений сделать то, что ему бы хотелось, либо он не в состоянии принять решение, либо он настоятельно делает то, чего ему не хочется.

Из сказанного следует, что свойства центральной нервной системы и характерологические особенности влияют на формирование мотивационной сферы личности.

В психологии мотивации выделен ряд признаков (индикаторов) оценки характеристик мотивов, которые, как правило, кладутся в основу методов выявления и измерения мотивационной направленности личности.

К таким признакам относятся когнитивные репрезентация или прямая оценка представления людей о причинах или особенностях их поведения, инте-

ресах, желаниях. Для этого используют анкеты, интервью, беседу и другие методы, когда человек говорит о причинах своего поведения. В зависимости от ситуации эти вербализованные мотивы могут приниматься или не приниматься за истинную мотивацию поведения личности [10].

Литература

1. Закон Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» Сборник законодательных актов Российской Федерации.
2. Военная психология: методология, теория, практика: учебно-методическое пособие / П.А. Корчемный [и др.]. - М.: Воениздат, 2010.
3. Ильин Е.П. «Мотивация и мотивы» С-Пб., 2000 г.
4. Караяни А.Г. Сыромятников И.В. «Прикладная военная психология». Питер. - 2006 г. - 387 с.
5. Караяни А.Г. Теоретические основы психологического обеспечения служебной деятельности. «Юридическая психология» № 3. - М.: Юрист, 2013. - с. 22-26.
6. Колосницына М.Ю. «Современные психодиагностические методики в практике психологического отбора кадров». М.: Печатный дом 2012 г. – 286 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: МГУ, 1975. - 430 с.
8. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - М. Наука, 1994, - 446 с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. С-Пб.: Питер, 2006. - 352 с.
10. Немов Р.С. Психология: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений: в 3 кн. -3-е изд. - М.: 1998 г. - 386 с.

ЧЕКУНОВ А.А., младший научный сотрудник учебно-методического и практического отделения психологической помощи и реабилитации – НИО по ИСПП войск национальной гвардии РФ

ПСИХОТЕРАПИЯ КАК «ИСКУССТВО СЛУЖЕНИЯ»

В статье рассматривается проблема психотерапии в контексте понятия служения. Раскрывается феноменология психотерапии с позиции терапевта, как человека, который ради оказания помощи другому человеку, в определенной степени сам проживает всю боль и состояние безвыходности своего клиента, с одной только целью – помочь.

Ключевые слова: психотерапия, служение, душа, переживание, человек, психолог, искусство.

Пока ты говоришь совсем не то, что думаешь, слушаешь совсем не то, во что веришь, и делаешь совсем не то, к чему расположен – то все это время ты и живешь совсем не так
Сунь Цзы

***

Сам термин психотерапия *(от греч. psyche — душа и therapeia — лечение)* - это лечение человека (клиента) психологическими средствами [4].

Однако есть и другая версия понимания этого слова. Корень древнегреческого слова «терапия» в одной из трактовок значит не что иное, как «служение» [8]. Служение душе или душой. В своей работе А.Г. Васильев «Психотерапия – служение душой», определяет психотерапию как служение жизни [3]. Соглашаясь с автором в тезисе - «глубина психотерапии от слов не зависит, а зачастую, в словах и не нуждается», мы все же предпримем попытку выразить в словах идею о том, что психотерапия это честнейшее искусство служения. [3; С. 5]. В контексте данного тезиса, под словом искусство, будем понимать форму творчества, способ духовной самореализации человека [9]. Какое отношение форма творчества имеет к психотерапии?

Это вопрос сущностной для понимания не столько результата психотерапии, сколько содержания работы терапевта, его состояния. Как настоящий актер во время «вживания» в роль, психотерапевт вместе с клиентом переживает и мучается, пропуская через себя всю боль и безвыходность ситуации, чтобы помочь выйти из «жизненного тупика». И, пожалуй, от способности и готовности терапевта «вжиться в роль», прочувствовать до мельчайших нюансов со-

стояние человека, где-то не благодаря, а вопреки холодному рассудку, будет зависеть подлинность всей терапии.

В свою очередь служение (служить) значит направлять свою деятельность, на пользу чего-нибудь «высокого», например своему народу, Родине, искусству, делу и т.д. [7]. И не просто направлять, а направлять, как делали это подбитые летчики в период Великой Отечественной, чтобы принести максимальную пользу, положить свою жизнь на алтарь высшей цели.

Словарная «цепочка» значений рассмотренных понятий приводит нас к выводу, что психотерапия - это служение душе человека. Уникальность человеческой души, задает и уникальность средств помощи, превращая эту деятельность в «искусство служения». Психотерапия - это деятельность психолога, психотерапевта направленная на оказание помощи человеку в достижении им высших смыслов, ценностей, идеалов, перспектив жизни являя собой неповторимый способ его духовной реализации своего «человеческого бытия», при этом сохраняя предельную откровенность своего существования.

Простая гуманистическая формула, решается психотерапевтом в непростых условиях уникальности существования данного человека в сложный, порой критический момент его жизни. Существует даже распространенное мнение среди практикующих психологов о том, что по-настоящему и надолго в психотерапию, т.е. становятся в последующем психотерапевтами, приходят «от боли».

Каким должен быть практикующий психолог? Осуществлять акт помогающего служения, вряд ли можно осваивая теоретическую психологию в высшем учебном заведении. Акт служения – глубоко интимный, личностный процесс, затрагивающий глубины человеческой души. Обретение этого опыта помогающей психологии, по нашему мнению, возможно в особых условиях взаимодействия учителя и ученика, мастера и подмастерья, в которых формируется искомое мотивационное пространство служения.

Мымрин А.В. в своей статье «Психотерапия - честнейшее «искусство обмана»» отмечает, что работа с психикой требует от терапевта безоговорочных нравственных качеств, без которых данная работа потеряет смысл и перспективу [6], специалист просто «выгорит» и уж тем более не сможет стать профессионалом в этой области.

Более того, реальность по своему содержанию всегда остается идеальной конструкцией человека, а сколько людей, столько и возможных идеальных конструкций, столько и возможных вариантов понимания и средств управления, развития, формирования, в общем – практической помощи. Продолжая эту мысль, можно привести сравнение психики человека с картой, т.е. земля одна, а карт может быть великое множество, и у кого-то одни овраги и горы, а у кого-то только луга и поля. В конечном итоге, наверное, все карты не запомнить и не сохранить на занятиях по психотерапии, да и зачем это делать. Многие практикующие психотерапевты давно уже пришли к выводу, что работа с человеком никогда не бывает одинаковой. Проблема одного человека, лишь из далека может напоминать проблему «вчерашнего клиента», но никогда не будет полно-

стью повторяться. Тот же А.В. Мымрин, указывает, что психическая реальность другого — это шедевр, а работа с шедевром не терпит шаблонов, это всегда штучная работа. Именно поэтому, на наш взгляд, далеко не все дипломированные психологи хотят и могут заниматься психотерапией [6].

Психотерапия не просто деятельность по улучшению состояния человека, а скорее контакт с не похожим на тебя «другим», не уход от себя, а возможность погрузиться в переживания – как приятные, так и болезненные…терапевт не Бог, не герой, а обычный человек, который прилагает определенные усилия, чтобы быть в присутственном контакте, пытаясь понять другого человека, почувствовать его переживания, поделиться и разделить с ним его нелегкую ношу [8].

Иногда одно только присутствие некоторых людей вселяет в нас прекрасное настроение, в то время как от иных хочется убежать. Юнг как-то заметил, что терапевт и есть его, самого терапевта, лучшая формула [5].

В своей книге «Убеждение и излечение» Джером Франк (Jerome D. Frank) говорит: «Хотя уровень подготовки и социальный статус психотерапевта оказывают влияние на успех психотерапии, может быть более важными оказываются личные качества психотерапевта и его отношения с пациентом» [10].

Однако, личность терапевта далеко неисчерпывающее правило для успешной психотерапии. Важна концептуальная база самой терапевтической школы, а их огромное количество, разных и по своему, оригинальных.

Европейская ассоциация психотерапии утвердила тридцать одно направление психотерапии (лечение души). Но при этом психотерапия в России, которая призвана лечить душу наших с Вами граждан, до сих пор не нашла прочных оснований с практикой религиозной, в нашем случае речь идет о Православии. Проблема в том, что ни в одном из этих официальных направлений психотерапии не сказано о роли Христианства, в частности о роли Православия, другими словами психотерапия в современной России оказалась в положении человека, сидящего на мешке с золотом и протягивающая руку. Духовность, со слов директора института проблем формирования христианского отношения к психическим заболеваниям Д.А. Авдеева, Святой Руси в очередной раз оказалась невостребованная, свет Православия не привлек к себе внимание ученых мужей – психологов и даже практиков психотерапевтов [2]. Только сейчас «набирает обороты» православная психология и психотерапия, центральной идей которой является учение о страстях. Это отдельная тема для обсуждения, однако, к сожалению, психотерапевт и священник пока толком не нашли в нашей стране общего языка, хотя на наш взгляд, этот момент взаимопонимания наступит, так как в Росси всегда выбирают свой путь, смотря на Запад и Восток. Кроме того и священник и психотерапевт в каком-то смысле служат общему делу – «излечению души». Ведь не случайно в русском языке верить и служить в какой-то степени слова синонимы [1].

Литература

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999 г.
2. Авдеев Д. Неврозы и психотерапия: православный взгляд. – Ростов н/Д: Феникс, 2014. – 108 с. – (Вечные истины).
3. Васильев А.Г. Психотерапия – служение душой, Москва, 2014.
4. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь, 3-е изд., 2002 г.
5. Минделл Э. Психотерапия как духовная практика /Пер. с англ. И. и Л. Романенко. — М.: Независимая фирма "Класс", 1997.
6. Мымрин А.В. Психотерапия – «честнейшее искусство обмана» газета педагогического коллектива и студентов ИБПУ № 52, сентябрь 2009 С. 7.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, Москва, 1998 г.
8. Погодин И.А. Диалоговая гештальт-терапия: психотерапия переживанием. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 381 с. – (Психологический практикум).
9. Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004.
10. Jerome D. Frank, Persuasion and Healing, Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1973, p.183.

ЧЕРГИНЕЦ С.А.
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ СЛУЖЕНИЯ В ПОЛКОВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУВОРОВА А.В.

В статье на основе анализа военно-исторической и психологической литературы по теме исследования раскрыт опыт формирование мотивации служения в полководческой деятельности Суворова А.В. Дано понятие воинского служения, кратко определены основные его отличия от понятия воинская служба. Показан психологический механизм формирования мотивации служения. Определена практическая значимость вопроса исследования в деятельности по морально-нравственному воспитанию военнослужащих, формированию у них требуемых морально-боевых и психологических качеств.

Ключевые слова: мотивация; служение; духовность; нравственность; направленность; призвание; мотив; побуждение; действие; чувство; качество; личность; обучение; воспитание.

***

Российская армия на протяжении всей своей многовековой истории формирования и развития была сильна не только воинским искусством, передовым вооружением и физической подготовленностью, но и своей особой духовностью, высокими морально-деловыми качествами воинов, любовью к стране и ее народу, стойкостью и доблестью в бою, мужеством, верностью и одухотворенностью, что характеризует особую сторону и смысл ее существования - феномен воинского служения Отечеству.

«Русского солдата мало убить, его еще и мертвого надо повалить, чтобы пройти там, где он стоял», - говорил по этому поводу Фридрих Великий, подчеркивая высочайшие морально-психологические качества российского солдата [10, с. 5].

Осознание значимости воинского служения, как одной из важнейших духовных характеристик Российской армии и одного из духовных принципов построения и функционирования современных Вооруженных Сил Российской Федерации, заставляет исследовать психолого-педагогические аспекты данного феномена. Это необходимо, как для теоретического понимания воинского служения, как уникального явления, присущего воинам Российской армии, так и для разработки конкретных практических рекомендаций по формированию у

военнослужащих направленности на реализацию поведения, присущего человеку не службы, а служения.

Понятия «воинское служение» и «военная служба» для большинства людей в настоящее время являются практически синонимами, однако, следует понимать, что служением является истинное призвание человека, и то дело, которому он посвящает себя без остатка, которое требует от него всех сил и энергии. Исходя из своих потребностей, мотивов, побуждений, чувств, направленности, человек чувствует себя обязанным им заниматься, и эта обязанность не вступает в конфликт с другими психическими процессами, свойствами и состояниями. Люди служения, как правило, не озабочены проблемами личного, эгоистического характера, они в большинстве своем думают о благе других людей и объекте своего служения.

Теория и практика обучения и воспитания военнослужащих в России, развиваясь в особой культурно-цивилизационной, отличной от Запада среде. Она не имела свойственной ему сухости, материалистичной направленности и формальности. В ее основе заложена глубокая идея развития личности воина, принцип усовершенствования его морально-деловых и психических качеств. «В силу этого русское военное искусство, в своей прикладной части, получает такую свободу замысла и действий, о каких не могла и мечтать тогдашняя военно-европейская школа, имевшая дело с моралью вербовочной системы» [11, с. 4].

«Война — это, прежде всего, столкновение и противоборство не материальных, физических, а духовных, морально-нравственных и психических сил противоборствующих сторон» [10, с. 5].Многие великие русские полководцы, проявили себя глубокими знатоками человеческой психологии и творцами военно-психологического искусства, принимая эту закономерность за аксиому. «Становление теории и практики воспитания в русской армии и на флоте непосредственно связано с именами прославленных русских полководцев и видных деятелей XVIII - XIX веков. К ним по праву можно отнести Петра I, П.Г. Румянцева, П.А. Потемкина, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, С.О. Макарова, М.И. Драгомирова и др.» [9, с. 6].

Рассматривая феномен воинского служения, нельзя не сказать о том, что ярчайшим примером его может послужить полководческая деятельность и жизнь великого русского полководца, военного теоретика, национального героя России, генералиссимуса, кавалера всех российских орденов своего времени, графа Суворова Александра Васильевича.

Суворов, как никто понимал, что воин, защищающий Отчизну, подчиняясь уставам и приказам командиров, свое служение должен соотносить с высшими ценностями, основа которых опирается на духовно-нравственной мотивации службы в Армии.

Формирование «решения к действию» есть отдельный, сложный акт, в процессе которого тщательно взвешиваются все обстоятельства и мотивы. Но для того чтобы такое «взвешивание» могло полноценно осуществляться, необходима более отчетливая представленность в сознании личности всех субъек-

тивных аргументов «за» и «против» той или иной линии поведения. Поэтому эмоциональные оценки должны «звучать» долго и отчетливо [7, с. 203].

По-разному великие полководцы мотивировали солдат перед боем. Так, Наполеон перед сражением напоминает своим войскам о «40 веках» или о «Солнце Аустерлица», адмирал Нельсон взывает: «Пусть каждый исполнит свой долг», но Суворов говорит: «Чудо-богатыри! Бог нас водит. Он нам генерал»; «Кого из нас убьют — царство небесное» [5, с. 29].

«Суворов возвышает личность солдата, перерождая его в «чудо-богатыря», «в воина, который понимает свой маневр», в «Русского» (с большой буквы), гордого своим личным и национальным достоинством, в активного бойца. «Наученные таким примером своего полководца, суворовские соратники действовали в том же духе». [4, с. 58-59].

Подобным образом вдохновленные русские войска с осознанием своего священного долга шли в бой и совершали поистине невозможное. Суворов стремился внушить воинам чувство уверенности в себе, ибо «на себя надежда есть основание храбрости». Он всегда ободрял войска, никогда не угрожал им. Р. Дрейлинг, анализируя способы психологического воздействия на подчиненных, отмечает, что вместо устрашения он использовал добродушную насмешку, острое меткое словцо или обрекал свое требование в граненую форму народной поговорки или пословицы.

А.В. Суворов не отделял обучение от воспитания, не противопоставлял одно другому, основу его воспитательной системы составляли военно-профессиональное воспитание и нравственное воспитание [9, с. 8].

Задачами военно-профессионального воспитания по мнению Суворова являлись: формирование у воинов патриотизма, бодрости, смелости, надежности, храбрости, твердости, решительности и дисциплины.

Задачами нравственного воспитания являлись: выработка и развитие правдивости, благочестия, верноподданнических чувств.

Формирование сознательно-волевого уровня мотивации состоит, в образовании иерархической регуляции и противопоставлении высшего уровня этой регуляции спонтанно формирующимся влечениям, потребностям и интересам, которые начинают выступать уже не как внутренние по отношению к личности человека, а скорее, как внешние, хотя и принадлежащие ей.

Суворов умело применял на практике механизмы такой регуляции, актуализируя высшие мотивы и купируя низшие. «Ротный командир к своим подчиненным имеет истинную любовь, печется об их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем… Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко-то: склонен к пьянству или иному злому обращению, неприличному честному солдату, то старается оного увещеваниями, потом умеренными наказаниями, от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние» [8, с. 12].

Иностранцы впоследствии писали о русских солдатах, воспитанных на принципах Суворовской «Науки побеждать»: «Задержка в уплате жалованья, кражи со стороны офицеров, которые сводят это жалованье на ничто, дурное качество пищи, убивающее нередко тысячи людей, не мешают солдатам идти всюду, куда ведут их начальники»[6, с. 21].

Формирование мотивации в своей основе имеет два механизма. Первый состоит в том, что непроизвольно сложившиеся или организованные педагогом условия деятельности и взаимоотношений между людьми актуализируют отдельные ситуативные побуждения, которые постепенно переходят в устойчивые мотивационные образования. Это, так называемый механизм формирования «снизу-вверх».

Второй процесс состоит в усвоении воспитуемым предъявляемых ему готовых побуждений, целей, идеалов, которые должны у него сформироваться и которые сам воспитуемый должен трансформировать из внешне понимаемых во внутренне принятые действующие механизмы. Это, так называемый механизм формирования «сверху-вниз»).

Для достижения эффективного результата Суворов А.В., использовал оба механизма. Именно благодаря его подходу к обучению и воспитанию Русская армия под его началом осознавала свое служение, важнейшую как миссию и высочайшее призвание.

Накануне боя у Тидоне (1779) Суворов, стремясь внушить войскам полную уверенность в победе, необходимую для формирования готовности солдат и офицеров к бою, отдал категорическое распоряжение «неприятельскую армию взять в плен».

Генералиссимус вел жесточайшую борьбу с непрофессионализмом или, как он его называл, «немогузнайством» в подчиненных войсках. Он разработал и применял специальный прием - задавал неожиданно вопросы и требовал немедленно дать на них ответ. Это порождало психическую активность, вырабатывало у солдат и офицеров быстроту реакции, подменяя решительностью и находчивостью инертность мысли и растерянность.

Опираясь на национальные чувства русского солдата, воспитывая в нем сознание воинского долга, Суворов стремился выработать в подчиненных солдатах и офицерах такие качества, как инициатива, находчивость, сообразительность, частный почин. Широко известно суворовское изречение: «Каждый воин должен понимать свой маневр». [1, с. 3].

На развитие самостоятельности у командиров всех звеньев Суворов обращал особое внимание. Под Туртукаем в 1773 г. он писал: «Сия есть генеральная диспозиция для атаки: прибавить к тому, что турецкие собственные набеги отбивать по обыкновению наступательно, а подробности зависят от обстоятельств, разума, искусства, храбрости и твердости гг. командующих» [2, с. 42]. Такая степень доверия к подчиненным основывалась на глубоком знании им боевых качеств и управленческих качеств офицеров и младшего командного состава.

Таким образом, Суворов А.В., «который всегда служил и служит для нас примером патриотического и победоносного служения России»[3, с. 7], был не просто гениальным полководцем, но и глубоким военным психологом. Во многом благодаря его деятельности, весь мир усвоил, что главнейшим элементом войны является человек, а военное искусство передовых полководцев стало строиться не только на достижениях теории военного искусства, но и на основе психологического знания. Такая система обучения и воспитания стала одной из основ формирования мотивации служения у военнослужащих Российской армии. Преимущество данной системы во все времена ценили не только отечественные, но и зарубежные полководцы. «Дайте мне русских солдат, и я с ними завоюю весь свет... Русских солдат можно уничтожить, но не победить», -писал Наполеон Бонапарт [10, с. 5].

В настоящее, во многом определяющее для Российской истории время, становится, очевидно, что государство и армия нуждаются в защите от развязанной Западом информационно-психологической войны. Одной их первостепенных задач органов по работе с личным составом в этих условиях становится возрождение духовности, укрепление традиционных морально-нравственных устоев Российской армии. Опыт формирование мотивации служения в полководческой деятельности Суворова А.В., может в этом отношении стать ориентиром в деятельности по морально-нравственному воспитанию военнослужащих, формированию у них требуемых морально-боевых и психологических качеств и направленности на реализацию поведения, присущего человеку служения.

Литература

1. Александр Васильевич Суворов: «Наука побеждать»: - М.; Воениздат, 1980.
2. Замостьянов А.А. Гений войны Суворов. «Наука побеждать» - М.: Яуза, Эксмо, 2013.
3. Военное наследие А.В. Суворова и его современное значение: сборник материалов межвузовской научной конференции / под общей редакцией В.М. Шевцова. - М.: ВУ, 2016.
4. Жукова М.Г. «Твой есмь аз» – Суворов, там же. - М.; Изд- во Сретенского монастыря, 2011.
5. Не числом, а уменьем! Военная система А.В. Суворова. // Российский военный сборник. М.: ВУ, Русский путь. 2001.
6. Письмо сардинского посла, барона де-ла-Турбиа о России 1796 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. – М., 1900.
7. Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. - М.: АСТ: Астрель, 2009.
8. Стратегия духа: основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. // Российский военный сборник. М.: ВУ: Русский путь, 2000.
9. Теория и практика воспитания военнослужащих Учебное пособие под общей редакцией начальника Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации генерал-полковника Н.И. Резника - М.: ГУВР,2005.

ПОВЕТЬЕВ П.В., преподаватель кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ, кандидат психологических наук

СЛУЖЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ОФИЦЕРОВ

В статье предпринята попытка анализа особенностей ценностно-смысловой сферы офицеров в связи с воинским служением как особым видом деятельности. Приведены результаты исследований смысловых и ценностных ориентаций офицеров.

Ключевые слова: служение, ценности военной службы, военно-корпоративные ценностные ориентации, социальные ценности, личностные ценности, личностные смыслы, уровни ценностно-смысловой сферы, смысло-жизненные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности.

***

В толковых словарях В.И. Даля [1], С.И. Ожегова [2] служение рассматривается как деятельность на пользу кого-нибудь, чего-нибудь. Другие авторы также отмечают, что служить – это значит делать что-либо на благо другого, быть надобным [3].

Главная особенность профессиональной деятельности офицера – это ориентация на службу, а не на производство материальных ценностей или услуг. Служба — это особый вид трудовой деятельности, у которого нет отчуждаемого продукта.

Офицеры, как особая социально-профессиональная группа, представляют собой костяк армии. Ценности военной службы для них – не отвлеченные понятия, а постоянно действующие мотиваторы их повседневной жизни. Именно офицеры являются носителями системы ценностей, консолидирующих армию и позволяющих ей выступать в качестве одного из ведущих институтов общества.

Ценностно-смысловая сфера – это та область, в которой и происходит взаимодействие личности и общества; ценности и смыслы есть, собственно говоря, язык этого взаимодействия. Человек осознает мир через призму ценностей. Ценности и смыслы становятся связующим звеном между познавательными и мотивационными сторонами деятельности, выступают регулятором социального поведения.

Процесс трансформации социальных ценностей в личностные осуществляется через момент практической включенности субъекта в социальные отношения, в специфическую «микросреду» – социальную группу, являющуюся

«ретранслятором» ценностей общества. В связи с этим следует особо отметить, что замкнутый воинский коллектив играет роль своеобразного катализатора, ускоряя процесс формирования мировоззрения офицера, готового посвятить свою жизнь служению Родине.

В эмоциональной сфере возникает переживание «воинского братства», чувства «мы». Этому способствуют воинские традиции и ритуалы, сплачивающие воинские коллективы.

В поведенческой сфере происходит освоение специфических протоколов общения, усвоение писаных и неписаных воинских ритуалов и традиций, определенных стереотипов поведения, которые становятся частью его личности.

Говоря о формировании готовности будущих офицеров к служению как особому виду деятельности, А.С. Марков отмечает, что этот процесс проходит еще в период обучения курсанта в военном вузе и включает в себя три этапа [4].

На первом этапе готовность к служению у курсанта формируется как у солдата, одиночного представителя Вооруженных Сил, как у индивида.

На втором этапе курсант осваивает социальную роль младшего командира, сержанта. Здесь его служение заключается не только в личном исполнении роли защитника Родины, поскольку появляется ответственность за поведение своих подчиненных. Курсанту необходимо освоить то, как обучать и воспитывать солдат, и то, как заботиться о них.

На заключительном, третьем этапе подготовки будущих офицеров готовность к служению определяется и личным примером командира, и морально-боевыми качествами вверенного ему воинского подразделения – всех офицеров и солдат. Будущий офицер должен стать «слугой царю, отцом солдатам».

Отечественные исследования ценностей военнослужащих подтверждают, что офицеры в значительно большей степени являются носителями ценностей служения, чем другие категории военнослужащих.

Так, проанализировав ответы на открытый вопрос «Почему вы пошли служить в армию?», Н.В. Якушина получила, в частности, следующее распределение ответов среди офицеров и их подчиненных (солдат и сержантов) о ценностях военной службы [5]:

— продолжение семейной традиции отметили 27,3% офицеров и 17,9% солдат и сержантов;
— причастность к защите Отечества – 19,2% офицеров и лишь 9,1% солдат и сержантов;
— воинская честь и достоинство – 20% офицеров и 8,2% солдат и сержантов;
— сплоченный воинский коллектив – 20% офицеров и 11,5% солдат и сержантов.

Перечисленные ценности, по мнению авторов исследования, составляют группу так называемых «военно-корпоративных ценностных ориентаций». Кроме данной группы была выделена группа «военно-профессиональных ценностных ориентаций», отражающая стремление работать по интересной военной специальности, группа «познавательно-развивающих ценностных ориента-

ций», включающая ценности саморазвития, а также группа ценностных ориентаций «материально-бытового характера».

Как следует из описания данных групп ценностных ориентаций военнослужащих, лишь приведенное выше содержание группы «военно-корпоративных ценностных ориентаций» может быть соотнесено с понятием служения в профессиональной деятельности военнослужащих.

Важно отметить, что ценности выступают в неразрывной связи со смысловыми образованиями и являются элементами единой ценностно-смысловой сферы личности. Как отмечает Д.А. Леонтьев, личностные ценности являются одновременно и источниками, и носителями значимых для человека смыслов [6]. Б.С. Братусь определяет личностные ценности как осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни, при этом ценности, не обеспеченные смысловым, эмоционально-переживаемым отношением, не являются элементами ценностно-смысловой сферы личности. Данная точка зрения восходит к пониманию ценностно-смысловых отношений Г. Оллпортом, который подразумевает психологический смысл ценности, а не ее объективное философское значение [7].

По мнению Б.С. Братуся, смысловая сфера личности представляет собой пересечение двух осей. На оси ординат выделяются уровни ценностно-смысловой сферы, ось абсцисс представляет собой степень присвоенности этих отношений самой личностью. В качестве критерия отнесения смысла к тому или иному уровню автором был положен реальный способ отношения к другому человеку, другим людям, человечеству в целом. Нулевой уровень смысловой вертикали представлен прагматическими, ситуационными смыслами, которые есть операциональные, до-личностные смыслы, определяемые самой предметной логикой выполнения задачи в данных конкретных условиях. Первый уровень – эгоцентрический, обусловлен преимущественным стремлением к собственной выгоде. Следующий уровень, группоцентрический, отражает идентификацию человека с какой-либо группой. На третьем уровне – просоциальном или гуманистическом, происходит присвоение общечеловеческих смысловых ориентаций. Позднее Б.С. Братусь надстраивает еще одну ступень – духовную [8].

Связанные с понятием служения военно-корпоративные ценностные ориентации, рассмотренные выше, с очевидностью относятся к уровню ценностно-смысловой сферы, названному Б.С. Братусем группоцентрическим. Человек, тяготеющий к этому уровню, идентифицирует себя с какой-либо группой, и отношение его к другим людям тесно зависит от того, входят ли эти другие в его группу или нет. При этом группа может быть разной, не только маленькой, узкой как семья, например, или воинский коллектив, но и достаточно большой, как целая нация, народ или класс.

Проведенное нами исследование ценностно-смысловой сферы офицеров [9] включало изучение осмысленности собственной жизни и наиболее значимые показатели формирования смысловых ориентиров офицеров, что определялось методикой «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д.А. Леонтьева, а

также изучение особенностей ценностных ориентаций офицеров с помощью методики М. Рокича «Ценностные ориентации».

Результаты, полученные по методике СЖО, позволяют утверждать, что офицеры рассматривают свою жизнь как достаточно осмысленную. При этом наиболее осмысленными они считают целевые и результативные показатели, что можно объяснить достаточно четкими критериями оценки достижений и более ясными жизненными ориентирами, задаваемыми порядком и правилами военной службы. По характеристикам локуса контроля можно также заключить, что офицеры считают, что их жизнь является в высокой степени управляемой, поддающейся корректировке.

В результате анализа данных, полученных с помощью методики Рокича, оказалось, что наиболее важными терминальными ценностями для офицеров являются: здоровье (8,69), любовь (13,79), счастливая семейная жизнь (13,25), наличие хороших и верных друзей (21,63), а также уверенность в себе (29,85). Наименее предпочитаемые ценности — творчество (63,52), развлечения (60,67), красота природы и искусства (59,18), счастье других (54,56) и жизненная мудрость (51,42). Таким образом, можно сделать вывод, что целевая сфера офицеров в среднем отличается приоритетом индивидуальных (индивидных) ценностей, а ценности, которые можно отнести к духовным, являются наименее важными.

Инструментальные ценности характеризуют наиболее важные и значимые способы достижения поставленных индивидом целей. В данном случае в качестве наиболее важных способов выделяются: ответственность (26,15), воспитанность (25,76), аккуратность (28,20), честность (32,71), жизнерадостность (32,03). Менее предпочитаемые инструментальные ценности: непримиримость к недостаткам (65,73), высокие запросы (66,89), широта взглядов (55,17), чуткость (50,31).

В целом результаты свидетельствуют, что терминальные ценности, представляющие собой цели деятельности, являются более осознанными офицерами, так как различия между показателями для них гораздо больше, чем для инструментальных.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / В. И. Даль. – Факс. изд. – М.: Рус. яз., 1980. – С. 224.
2. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: А Темп, 2010. – С. 721.
3. Костылева Т.А. Категории социального служения и основные понятия, связанные с ним // Омский научный вестник. – 2013 – № 3 (119). С. 89-92.
4. Марков А.С. Служение - смысловое ядро субъектности офицера // Мир образования - образование в мире. – 2014. – № 4 (56). – С. 105-112.

5. Якушина Н. В. Ценности и ценностные ориентации военнослужащих Российской армии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. – 2008, Вып. 3. – С. 325-335.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика. — М.: Смысл, 1999. — 486 с.
7. Олпорт Гордон В. Личность в психологии. – «КСП+», М.: «Ювента», СПб., 1998, 345 с.
8. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.14, Психология. 1981. №2. С.46-56.
9. Поветьев П.В. Ценностно-смысловая детерминация социального познания офицеров в ситуации межличностного взаимодействия / Дисс… канд. психол. наук / ВУ МО РФ. Москва, 2009.

НАЗАРОВ Д.А.,
ФГКВОУ ВО «Военный университет»

ГОЖИКОВ В.Я., доктор педагогических наук,
профессор кафедры психологии,
секретарь Научно-методического совета
ФГКВОУ ВО «Военный университет»

КАРЯКИН В.В., кандидат военных наук

ГОСУДАРСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЕ

В статье проводится научно-прикладной анализ становления и личностного развития курсантов военных вузов в контексте их подготовки к служению Отечеству. Раскрывается сущность, структура и качественная природа данного феномена. Подчёркивается, что служение Отечеству не только отражает формы и условия реализации побуждений курсанта, но и является источником его целей, определяет жизненную перспективу, офицерскую карьеру, «вектор» развития личности, в том числе выступая важнейшим внутренним источником и механизмом государственно-патриотического отношения к профессии.

Ключевые слова: служение Отечеству; личность будущего офицера, социально-психологические факторы военно-профессионального становления курсантов военных вузов.

***

В общемировом процессе перехода к постиндустриальному обществу для России, как многонациональной и многоконфессиональной страны, воспитание патриотизма у молодого поколения выступает как решающее условие формирования системы социально значимых ценностей и общественных установок.

Именно образование, и в первую очередь – военное, призвано соединить воедино традиционные моральные ценности нашего народа с современными подходами к воспитанию гражданственности и патриотизма.

Поэтому в современных условиях в высшей военной школе проблемы государственно-патриотического воспитания, готовности будущих офицеров к служению Отечеству выходят по значимости на одно из первых мест.

Как показывают результаты исследований, в ВВШ усиливается противоречие между объективной необходимостью обеспечения высокого уровня мировоззренческих, государственно-патриотических аспектов подготовки курсантов и фактическим состоянием созданных для этого психолого-педагогических условий, учитывающих патриотическую миссию офицерской профессии, динамику развития военного дела и изменение характера противоборства с противником, когда война приобретает новые свойства и характеристики («интеллектуальная», «психологическая», «информационная» и др.) [1;2; 5; 9].

Перед военной психолого-педагогической наукой стоит задача максимально способствовать тому, чтобы военные вузы готовили будущего офицера не только как квалифицированного специалиста, но и гражданина-патриота России с развитыми профессионально-личностными качествами и государственным мышлением.

Следует также учитывать, что современное военное образование, как и высшее образование в стране, развивается в условиях, когда наряду с классическими ценностями (профессионализм, ответственность, честь, совесть, справедливость и т.п.), появляется «рыночный культурный пакет современных ценностей» (информированность, толерантность, социабельность, адаптированность и т.п.). Высшая школа испытывает влияние псевдокультурных и антикультурных тенденций, а организация подготовки специалистов осуществляется без должной акцентуации государственно-патриотических идей и высоких нравственных традиций. При этом искажается смысл понятия «образованный человек» (с понятия «культурный», на понятие «информированный») и т.п. Итогом такой ситуации становится дефицит социально ответственных личностей, в которых остро нуждается экономика, техника, наука, культура и, конечно, военное дело, сама сущность которого переплетается с государственно-патриотическим отношением офицеров к избранной профессии.

В этих условиях, государственно-патриотическая идея становится важнейшей основой образовательного процесса на основе реализации синергии традиционных и инновационных форм подготовки курсантов, направленных на формирование требуемого уровня их государственно-патриотического сознания [3; 7; 8; 9 и др.].

Патриотизм — одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, являющаяся важнейшим духовным достоянием личности, характеризующая высший уровень ее развития и проявляющаяся в активно-деятельностной самореализации на благо Отечества.

Анализ научной литературы показывает, что учёные работают над концептуальными подходами к духовно-нравственному развитию и воспитанию высоконравственных, творчески мыслящих и компетентных граждан России, воспринимающих судьбу Отечества как свою личную, осознающих ответственность за настоящее и будущее своей Родины, укоренённых в её духовных и культурных традициях. Патриотизм, как базовая национальная ценность, рассматривается в тесной связи с социальной солидарностью, выраженной в доверии и уважении к государственным институтам, справедливости, милосердии, чести и достоинству личности, ее служении Отечеству как правовому государству, в котором соблюдается законность и порядок, свобода совести и вероисповедания.

В этой связи следует отметить, что преданность Отечеству всегда понималась в российской армии как высшее проявление всех добродетелей, поскольку офицеры только тогда достойны звания защитника Отечества, когда они «должность и ревность к службе и собственную свою честь в единственный вид и способ своего благополучия заключат» (П.А. Румянцев) [3].

В свое время полковник Генерального штаба М.С. Галкин в статье «Новый путь современного офицера» отмечал, что офицер стал «подвижником,… он не только учитель, он воспитатель армии, он принимает участие в великом деле воспитания народа», и армия непременно «трудами тысяч офицеров-воспитателей должна обратиться в огромный дом нравственного и умственного развития и гигиены, оставаясь в то же время школой чести, доблести, дисциплины, здорового, надежного патриотизма» [4].

Во все времена считалось, что «... при быстрой и непрерывной смене низших чинов одни только офицеры являются настоящим кадром армии, хранителями ее вековых традиций и боевых преданий. Посреди массы граждан, отбывающих воинскую повинность лишь по обязанности, корпус офицеров должен составлять как бы рыцарское братство, служащее по призванию. Только такие офицеры, увлекающиеся своею специальностью, фанатически преданные ей, могут быть полезными для дела» (Е.И. Мартынов) [3].

По мнению С.Л. Франка, «патриотизм, как чувство внутренней принадлежности единой родине, это единство соборно-духовного бытия есть основа, на которой только и может быть утвержден внешний механизм армии» [10].

В данном контексте также принципиально важным является вывод И.А. Ильина о необходимости веры «в духовную правоту своей Родины, своего государства и своего жизненного дела». Он считал недопустимым заниматься военной подготовкой без духовного воспитания, так как «армия вне достоинства и чести эфемерна как воинская сила, но подлинна как источник государственного разрушения и гибели», она всегда «была школой русской патриотической

верности, русской чести и стойкости. Армия невозможна без характера, патриотизма и жертвенности. Это и есть школа характера и государственно-патриотического служения. Ее лозунг – жить для России и умереть за Россию» [6].

В современных условиях внимательное изучение многовекового опыта государственно-патриотического воспитания офицеров, извлечение из него уроков, их критическое осмысление и творческое использование в учебно-воспитательном процессе военного вуза предстаёт как императив (непреложный закон) военно-профессиональной подготовки курсантов.

Психолого-педагогические исследования в ВВШ (И.А. Алёхин, А.В. Барабанщиков, В.Н. Герасимов, В.Н. Гуляев, М.И. Дьяченко, А.Г. Караяни, П.А. Корчемный, Ю.А. Ленёв, И.М. Хаертдинов, С.А. Чернов и др.) показывают, что подготовка будущего офицера должна осуществляться в формате психолого-педагогический системы интеллектуального и общекультурного развития личности (её самореализации, стремления к достижению, культивируемых обществом и государством ценностей и идеальных качеств офицера), позволяющих выпускнику военного вуза успешно осуществлять профессиональную деятельность в условиях мирного и военного времени и входить в разряд интеллектуальной и духовной элиты российского общества.

Исследование, проведенное авторами в ряде военных вузов, показало, что успех этого процесса зависит от определённых условий, в числе которых:

- проектирование в курсантских коллективах психолого-педагогических ситуаций совместного переживания патриотических чувств;

- патриотическое содержание взаимодействия будущих офицеров с окружающей военно-учебное заведение социальной средой.

Следует отметить, что, в контексте нашего исследования, в числе приоритетных задач командного и профессорско-преподавательского состава военных вузов - формирование устойчивой, избирательной предпочтительной связи курсантов - субъектов с объектами военно-социальной действительности, когда эти объекты, выступая в своем государственно-патриотическом значении, приобретают для будущих офицеров личностный смысл, расцениваются как нечто значимое для жизни российского общества и их самих [1;2; 5 и др.].

При этом речь идёт, во-первых, об идентификации курсантами себя как продолжателей воинских традиций; во-вторых, о восприятии ими военно-профессиональной подготовки как государственного и патриотического служения; в-третьих, о повышении уровня общественно-государственной подготовки и социального интеллекта, достижении высокой социальной компетентности; в-четвертых, об интериоризации положительного образа «Я - будущий российский офицер».

Например, как показало исследование, комплексные программы воспитательной работы с курсантами на весь период их обучения (с приоритетным отражением психолого-педагогических компонентов государственно-патриотического воспитания) направлены на качественную организацию образовательного процесса с участием всех категорий командного, профессорско-

преподавательского состава, офицеров воспитательных структур и самих будущих офицеров, включенных в образовательный процесс в качестве его субъектов и соавторов.

Вместе с тем, психолого-педагогические факторы социализации личности курсанта отражают уровень его самосознания, ценностно-смыслового ядра мировоззрения, содержание которых указывает на то, что будущий офицер берет себе из военно-социального опыта и государственно-патриотической идеи, сколько берет, и как происходит процесс интериоризации (как личность эти приобретения качественно перерабатывает, какое придает им значение для своего роста).

Необходимо отметить, что в силу многогранности и многофункциональности различных компонентов и других обстоятельств, государственно-патриотическое воспитание, во-первых, носит трансцендентный (лат. transcendens – выходящий за пределы) характер; во-вторых, оно должно удовлетворять требованиям перманентности, фундаментальности и универсальности, антропологизма и демократизма; в-третьих, его реализация осуществляется в контексте «базовых» общенациональных российских ценностей (духовности, державности, народности и др.) и идеальных потребностей (служения Родине, созидания, творчества, самосовершенствования и др.).

При этом весьма важным является экзистенциально-жизненный, футурологический аспект - понимание курсантами «неразрывности» своей будущей офицерской «судьбы» с «судьбой» государства.

Вместе с тем, как показало исследование, качество государственно-патриотического воспитания динамично и всегда имеет возможность для постоянного совершенствования, стремясь к «идеалу» в реальном и потенциальном проявлениях. Мотивационную основу и регулятивную роль в данном процессе выполняют у курсантов (n=179): познавательные государственно-патриотические интересы (59%), отношение к саморазвитию и собственной идентичности (27%), отношение к идеям личного достоинства и свободы (5%), другие детерминанты (4%).

Следует также учитывать, что, во-первых, в настоящее время духовная сфера армии подвержена воздействию противоречивых и негативных процессов, происходящих в жизни общества. Во-вторых, государственно-патриотическое мировоззрение, свободное от догматизма и начетничества, позиция примера офицера-патриота не привносятся в готовом виде извне. Они вырабатываются в упорной работе мысли, в сопоставлении различных точек зрения, в ходе всего учебно-воспитательного процесса высшего военно-учебного заведения.

Государственно-патриотические аспекты психолого-педагогического содержания образовательного процесса в высшей военной школе схематично представлены на рис. 1.

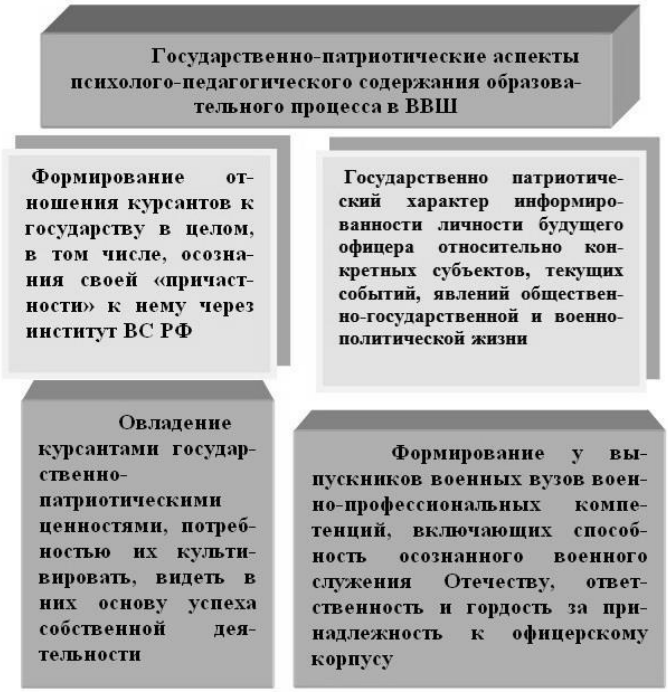

Рис. 1. Государственно-патриотические аспекты психолого-педагогического содержания образовательного процесса в ВВШ

В исследовании установлено, что психолого-педагогические аспекты готовности будущих офицеров к служению Отечеству отражают сформировать у будущих офицеров чувство любви к Родине, готовность в случае необходимости беззаветно ее защищать. Такой результат – это продукт образовательного процесса в целом, нацеленного на то, чтобы не только сформировать и даже не только воспитать, а найти, поддержать механизмы самореализации, саморазвития, адаптации, саморегуляции, самозащиты, самовоспитания и другие, необходимые для становления офицера-патриота, его готовности к эффективному взаимодействию с подчинённым личным составом армейских подразделений, успешному решению военно-профессиональных задач в условиях мирного и военного времени.

Следовательно, формирование патриотических качеств курсантов военных вузов - это многоаспектный психолого-педагогический процесс развития и формирования государственно-патриотического сознания, общественно-государственной и культурной идентификации, профессиональной адаптации и творческой самореализации будущих офицеров, в ходе которой происходит их вхождение курсанта в жизнь военного социума, его культурных обычаев и героико-патриотических традиций, развитие общественно значимых творческих способностей и возможностей.

В основе этой системы лежит инновационная деятельность органов военного управления, профессорско-преподавательского состава и других субъектов, которые создают в них государственно-патриотическую среду, обеспечивают её актуальное научное содержание и ценностно-содержательное проектирование, в том числе реализацию соответствующего воспитательного потенциала дисциплин гуманитарного и социально-экономического цикла, который де-

терминирует самоосознание государственно-патриотических и нравственных ценностей, их рефлексивное и субъектное освоение, а также смысловые ориентиры духовного самосовершенствования и социально-нравственный «заряд» поведения будущего офицера [2; 5; 9 и др.].

В психолого-педагогическом понимании речь идёт о развитии субъектных свойств личности курсанта: самостоятельности, самодисциплины, самоконтроля, самоуправления, саморегуляции, способности к рефлексии и др.

Однако развитие личности курсанта происходит в системе социальных процессов, норм, отношений, функционирования военного социума, учебно-воспитательного процесса военного вуза. Будучи транссубъективным и индивидуальным, ее содержание включает понимание ценностных основ коллектива, Родины, права, государства, службы, профессии и специальности: своеобразную объективность социальной реальности и действительности.

В частности, весьма важным является экзистенциально-жизненный, футурологический аспект - понимание курсантом «неразрывности» своей будущей офицерской «судьбы» с «судьбой» государства.

При этом следует учитывать, что в настоящее время духовная сфера армии подвержена воздействию противоречивых и негативных процессов, происходящих в жизни общества. Эта особенность ситуации и заставляет думать о совершенствовании и налаживании воспитательной работы в военных вузах. Она должна наполнять будущих офицеров энергией, закалять духовно, нацеливать на решение стоящих задач.

В связи с этим, психолого-педагогические основания государственно-патриотического воспитания курсантов предполагают действие механизмов духовного противостояния глобальной деидеологизации, реальной утилитарно-прагматической практике повседневной жизни, с которой курсанты сталкиваются в увольнении, в отпуске и др.

Как показывает анализ научной литературы, для развития и формирования государственно-патриотического сознания особенно важно учитывать специфику этого феномена:

— характер переживаний, связанных с нормами или отклонениями от норм и идеалов (например, в оценке содержания, развития и реализации государственно-патриотической идеи);

— волевые устремления в реализации нравственных, патриотических поступков;

— готовность к разрешению противоречий, способность выполнять деятельность на оптимальном уровне активности, психическая устойчивость по отношению к трудностям;

— проявление активности, инициативы;

— единство познавательных, чувственных, смысловых, мотивационных и волевых моментов, направленных на развитие индивидуальных способностей личности курсанта;

— развитие способности совершать нравственные поступки, честное и добросовестное отношение к овладению профессией офицера, умение оценить

«государственную» общественную значимость своих поступков и поведение сослуживцев с точки зрения общественной морали и государственно-правовых норм;

— сознательное отношение курсантов к своим действиям, их стремление к нравственному самосовершенствованию, саморегуляции, самооценке, самокритичности и самоконтролю на основе соотношения целостным образом своих действий с действиями других, с поставленными задачами и событиями.

Желаемый конечный результат государственно-патриотического воспитания – сформировать у будущих офицеров чувство любви к Родине, готовность в случае необходимости беззаветно ее защищать – это продукт учебно-воспитательного процесса в целом (с учетом личностно-ориентированных подходов), которые заключаются в том, чтобы не только сформировать и даже не только воспитать, а найти, поддержать механизмы самореализации, саморазвития, адаптации, саморегуляции, самозащиты, самовоспитания и другие, необходимые для становления офицера-патриота, его взаимодействия с людьми, природой, культурой, цивилизацией; сохранения духовного здоровья, смысла жизни, личной свободы, нравственности и др.

Таким образом, формирование патриотических качеств курсантов военных вузов - это многоаспектный психолого-педагогический процесс развития и формирования государственно-патриотического сознания, общественно-государственной и культурной идентификации, профессиональной адаптации и творческой самореализации будущих офицеров, в ходе которой происходит их вхождение курсанта в жизнь военного социума, его культурных обычаев и героико-патриотических традиций, развитие общественно значимых творческих способностей и возможностей.

С позиций государственно-патриотического воспитания курсантов, в качестве идеальной цели воспитания мы рассматриваем формирование личности курсанта в соответствии с моделью молодого российского офицера 21 века, которого, на наш взгляд, должны характеризовать: преданность государственно-патриотической идее; военный профессионализм, стремление к успеху; способность принять на себя всю меру ответственности за результаты своей деятельности; воля к победе; самоотверженность и способность к преодолению трудностей и лишений; гуманизм и нравственность; чувство собственного достоинства; приверженность к ценностным ориентирам, определяемым высокими понятиями – Отечество, Честь, Долг.

Как показало исследование, стремление к идеальной цели не исключает и даже предполагает постановку, определение вполне реальных целей. Но простого ответа на вопрос о соотношении идеальных и реальных целей нет. Поэтому логично искать его, обратившись за помощью к самим курсантам. Их мнения о наиболее значимых для офицера качествах отражены в таблице 1.

Таблица 1.Наиболее значимые качества личности офицера (по мнению курсантов)

№ п/п	Наиболее значимые качества личности офицера	Ответы (% от числа респондентов)				
		1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс
1	Честность	18	12	12	11	13
2	Ответственность	13	17	13	9	9
3	Профессионализм	11	10	11	18	19
4	Любовь к России	10	11	12	7	8
5	Мужество	12	13	15	13	13
6	Порядочность	11	12	9	11	12
7	Дисциплинированность	8	9	9	7	6
8	Воля и целеустремленность	7	9	8	11	7
9	Забота о подчиненных	10	7	10	13	13

Представляет интерес разница в оценках наиболее значимых качеств, необходимых офицеру, на разных курсах. Первым ранговым номером у первокурсников предстает честность; у второкурсников – ответственность; у третьекурсников – мужество, старшекурсников – профессионализм.

Любовь к Родине, долг перед Россией, как показывает исследование, в представлении курсантов также занимает, в подтверждение наших сделанных ранее теоретико-методологических оценок, одно из доминирующих мест. В то же время мы видим, что курсанты в оценках продемонстрировали тенденцию к прагматичности взглядов на свою будущую профессию. Результаты исследования позволяют говорить о необходимости последовательного (от курса к курсу) развития у будущих офицеров государственно-патриотической доминанты в сочетании с другими аспектами развития личности, когда формируется и развивается государственно-патриотическое сознание; конкретизируется профессиональная направленность, развиваются необходимые способности; повышается чувство долга, ответственности, рельефнее выступают индивидуальность, жизненная позиция, социальная, духовная и нравственная зрелость. В том числе, речь идёт о том, что на основе интенсивной передачи и усвоения социального и военного опыта у курсантов формируются необходимые компетенции, повышается удельный вес самовоспитания и самообразования, крепнет самостоятельность и военно-профессиональная готовность к будущей практической работе.

Применительно к государственно-патриотическому воспитанию будущих офицеров в интеллектуальной сфере личности курсанта необходимо формировать объем, глубину, действенность знаний об общественно-значимых ценностях: государственно-патриотические идеалы, принципы, нормы поведения (гуманность, представления о долге, офицерской чести, ответственности за себя).

Применяемые в этом направлении формы государственно-патриотического воспитания можно условно объединить в 4 группы.

К первой группе относятся общие формы (занятия, информирование, диспуты, тематические вечера, лекции, беседы, показ кино и видеофильмов, просмотр теле- и радиопередач с патриотической направленностью). Вторую группу составляют мероприятия, связанные с воинскими ритуалами. В третью

группу входят формы непосредственного общения с носителями воинских традиций, историческими документами и реликвиями. Четвертая группа включает различные формы участия курсантов в уходе за воинскими памятниками и захоронениями, оказании шефской помощи ветеранам, работе патриотических клубов, поисковых отрядов и т.д.

При этом все усилия должны быть направлены на то, чтобы помочь курсанту, целостному субъекту культуры и деятельности, сформировать ценностное отношение к офицерской профессии и к самому себе («найти самого себя» в профессии и жизни в целом).

Речь идёт о том, что становление будущего офицера в военном вузе не может быть направлено только на формирование специалиста узкого профиля (ограничиваться «формальной образованностью вне веры, чести и совести» (И.А. Ильин), а должно быть подчинено «глобальной», «стратегической» цели подготовки военного профессионала, «впитавшего» в себя образцы отечественной и мировой культуры, лучшие традиции офицерского корпуса и обладающего чувством ответственности за результаты своей деятельности, за судьбу Отечества.

Этот процесс тесно взаимосвязан с формированием мировоззрения курсантов, которое рождается в сознании в уникальной, неповторимой форме. Каждый по-своему осознает свое отношение к миру, свои потребности, интересы, цели и пути их достижения. Мировоззрение будущих офицеров не тождественно знанию той или иной доктрины, а является, в конечном счете, жизненной мудростью, которая формируется под определяющим воздействием гуманистических и государственно-патриотических идей и всего образа жизни (П.В. Петрий и др.).

Такой подход призван давать курсантам «масштаб духовных исканий», ощущение и переживание полноты жизни, кругозор, стремление к новому, к познанию самого себя и в духовном, и в «душевном» плане, а также способствовать гармоничному «балансу» индивидуального и социального.

Сегодня широкомасштабные инновационные процессы в ВВШ направлены на подготовку будущих офицеров как подлинных военных профессионалов, обладающих гуманитарной культурой, лидерскими качествами, способностью самостоятельно решать учебно-боевые задачи. Содержание их подготовки обогащается новым опытом практической деятельности войск (в том числе опытом выполнения боевых задач в локальных войнах и военных конфликтах) [1; 2; 5; 9 и др.].

Таким образом, благодаря государственно-патриотическому воспитанию и собственной субъектной активности будущие офицеры обретают индивидуальность, развивают интеллект, познают ценности человеческого бытия и вырабатывают способность к продуктивной деятельности в военно-профессиональной сфере.

Литература

1. Алехин И.А., Караяни А.Г. Проектирование технологии подготовки кадров в системе военно-профессионального образования // Мир образования - образование в мире. 2012. № 2. С. 146-152.
2. Алёхин И.А., Караяни А.Г., Гожиков В.Я. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст // Мир образования, образование в мире. 2015. №3. С.179-188;
3. Во имя России: Российское государство, армия и воинское воспитание. / Под ред. В.А. Золотарева, В.В. Марущенко, С.С. Антюшина. – М.: «Русь-РКБ», 1999. – 356 с.
4. Галкин М.С. Новый путь современного офицера // О долге и чести воинской в Российской армии: собрание материалов, документов и статей. М. 1990. С.201.
5. Гожиков В.Я., Шевцова С.В. Психолого-педагогические факторы становления у курсантов военных вузов ответственного отношения к профессии офицера // Мир образования, образование в мире. 2014. №3. С.118-125.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Собр. соч. в 10 томах. Т.1. – М.: Русская книга, 1993. С.328-341.
7. О долге и чести воинской в Российской армии: собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; под ред. В.Н. Лобова. – М., 1990. С.22-39.
8. Указ Президента РФ от 12 октября 2012 года «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания». М. 2012.
9. Ульянова В.Г. Формирование гуманистических ценностей будущих офицеров в образовательном процессе военного вуза: Дис. … канд. пед. наук. Челябинск, 2007 и др.
10. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. С.175-193.

НЕВЕНЧАННЫЙ С.В.,
кандидат психологических наук,
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ПАТРИОТИЗМ, КАК ДУХОВНАЯ ОСНОВА ВОИНСКОГО СЛУЖЕНИЯ

В статье проведен психологический анализ понятий любовь к Родине и патриотизм, как духовной основы воинского служения.

***

При самом поверхностном рассмотрении воинского служения, как модели поведения военнослужащего, становится очевидно, что это понятие прямо связанно с понятиями любовь к Родине и патриотизм. Такие ассоциации, скорее всего, связаны с тем, что в основе воинского служения лежит особый мотив. Рассмотрение понятий любовь к Родине и патриотизм позволят нам понять психологическую мотивацию воинского служения.

Аристотель писал, что цель человеческого существования – прожить жизнь определенным образом [1, с.138]. Понимание целесообразного образа жизни человека в течение истории в различных научных направлениях и школах менялось неоднократно. И сейчас мы не имеем универсального набора правил, по которым прожить жизнь целесообразно.

Однако, при осмыслении этого вопроса мы неизбежно приходим к понятиям «ценность» и «цель». Сущностный анализ этих понятий позволит приблизиться к пониманию «целесообразного образа жизни».

Итак, под «целью» мы понимаем – моделирование потребного будущего (Н. Бернштейн), а под «ценностью» – определение значения для субъекта чего бы то ни было, в том числе и «целей» [2, с.83].

«Цель» характеризует процесс деятельности технологически, а «ценность» — содержательно, идеологически. А значит идеология является теоретическим обоснованием системы ценностей.

Говоря о ценностных основаниях воинского служения, необходимо уточнить, что его объектом, как правило, является не официальная структура в лице государства, а более возвышенные, надгосударственные понятия – Отечество, Родина.

В связи с этим, психологический анализ воинского служения, полагаем целесообразным свести к рассмотрению переживания, как психологической формы ценностного отношения к Отечеству, любви к Родине, как деятельности

составляющей психологическое содержание воинского служения и патриотизма, как качества военнослужащих.

Под переживанием понимается особый эмоциональный процесс, который зарождается на уровне обыденно-практического сознания и восходит на уровень осознаваемого чувства, духовного чувства [2, с.163].

Поскольку переживание ценности Отечества является не физиологической реакцией человека, а духовным переживанием, оно имеет социально-психологический характер. Следовательно, переживание определяется не природными, а социокультурными потребностями, а значит оно может быть доступно не только военнослужащему, но и воинскому коллективу, как совокупному субъекту. В этом смысле переживания, лежащие в основе воинского служения могут усваиваться как военнослужащим от коллектива, так и в обратном порядке.

Рассматривая любовь к Родине, как деятельность, определяющую содержание воинского служения, следует отметить, что в современной психологии нет достаточного четкого определения собственно понятия любви. Несмотря на это, ряд исследователей предприняли довольно продуктивные попытки определить содержание любви, которое даст нам возможность приблизиться к пониманию этого понятия применительно к Отечеству.

Эрих Фромм выделяет четыре формы любви, независимо от ее объекта и интенсивности. Это забота, ответственность, уважение и знание [6, с. 115]. Забота и ответственность означают, что любовь к Родине – это деятельность, а не страсть, захватывающая человека.

Ключевой составляющей здесь является ответственность. Этимологический анализ показывает, что быть ответственным – значит быть готовым отвечать. Именно ответственность является центральным понятием в основе любви к Родине.

К проявлению переживания ценности Отечества и любви к Родине способен военнослужащий, который является носителем качества, которое мы и определяем, как патриотизм. При таком подходе патриотизм является характеристикой военнослужащего, его качеством, свойством.

Рассматривая патриотизм со стороны внешнего его проявления, приходим к краткому и точному его определению, как бескорыстному оказанию услуг государству (Оговоримся, что патриотизм может быть ориентирован не только на государство. Однако, мы говорим именно о государственном патриотизме, так как рассматриваем его в контексте воинского служения).

Современные ученые патриотизм рассматривают исключительно с позиций педагогического знания. Сколь-нибудь серьезного психологического анализа данного понятия не предпринималось.

При рассмотрении любого понятия в психологии, в том числе и патриотизма, целесообразно примерить его к экзистенциально-гуманистическому и эволюционно-биологическому знаниям.

Итак, если рассматривать патриотизм с позиций эволюционно-биологического объяснения, то можно сказать, что в его основе лежит инстинктивное стремление к сохранению и развитию рода.

А если мы будем настаивать на том, что патриотизм имеет социальное происхождение, тогда подходы к его происхождению разделим на две группы: корыстные и бескорыстные.

Рассматривая корыстное объяснение патриотизма, приведем две теории.

Если говорить о патриотизме в рамках теории социального обмена, под ним будет пониматься обмен «психологическими услугами» между людьми и государством: признанием, любовью, уважением и т.п. Поступая патриотично, человек это делает расчетливо – рассчитывая на такое же ответное отношение к себе со стороны государства.

Вторая теория, через которую так же рассмотрим патриотизм, теория замаскированного эгоизма. В этом случае будем утверждать, что человек проявляет патриотизм, чтобы получить самоудовлетворение, гордиться собой, заслужить расположение окружающих, повысить самооценку и другие личные потребности.

Две следующие теории позволят нам взглянуть на патриотизм с бескорыстной точки зрения.

Теория эмпатии, говорит о том, что поведением человека может руководить естественная способность сочувствовать, сопереживать людям. Правда при этом подходе нам необходимо свои рассуждения довести до максимума и сказать, что патриотичный человек проявляет эмпатию по отношению сразу ко всем людям Отечества – по отношению к народу.

Если рассматривать патриотизм в рамках социально-нормативной теории, мы скажем, что люди ведут себя патриотично, потому что они усвоили социальную норму, которая предписывает всем людям всегда вести себя подобным образом.

Строго говоря, нельзя ограничиваться только этими теориями при рассмотрении патриотизма, просто по мнению автора, освещение этих подходов является исчерпывающим. Вместе с тем, надо понимать, что эти теории не являются альтернативными, а наоборот взаимно дополняют друг друга.

В заключении необходимо отметить, что разведение понятий любовь к Родине и патриотизм в данной статье не случайны. По мнению автора, любовь к Родине, как выше уже отмечалось – это процесс, деятельность, а патриотизм - это качество, тех людей, которые реализуют вышеуказанную деятельность.

Литература

1. Блэкберн С. Этика: Краткое введение/ перевод с английского Крижевской Ю.В. – М.: Астрель: АСТ, 2007.
2. Каган М.С. Философская теория ценности – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
3. Коупленд Н. Психология и солдат/ перевод с английского Сапронова А.Т. и Катеринича В.М. – М.: Воениздат, 1991.

4. Немов Р.С., Алтунина И.Р. Социальная психология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008.
5. Сорокоумова Е.А., Невенчанный С.В. Агрессивное поведение военнослужащих по призыву: психолого-педагогический аспект/ Монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013.
6. Фромм Э. Психоанализ и этика – М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998.

НОСОВ А.В., кандидат психологических наук, доцент, ВПО «Военный университет» МО РФ

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОФИЦЕРА В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: *в статье на основе эмпирического исследования рассматриваются особенности самоопределения офицеров в пространстве служебной деятельности, выделены типы самоопределения офицера в служебной деятельности, охарактеризованы психологические предпосылки стратегий взаимодействия и поведенческих установок офицеров, в зависимости от типа самоопределения.*

Ключевые слова: служебное поведение, служебная деятельность, служение, самоопределение офицера, тип самоопределения офицера.

***

Условия функционирования Вооруженных Сил РФ и требования, которые предъявляются военнослужащим, в настоящее время требуют повышения внимания к психологическим основаниям служебной деятельности военнослужащих. Вооруженные Силы РФ находятся на этапе преобразования в интересах повышения боеготовности и эффективности выполнения стоящих перед ними задач. Уже несколько лет обеспечение Вооруженных Сил материальными ресурсами, техникой и вооружениями является приоритетом руководства страны. За это время армия показала, что способна решать практически любые задачи с требуемой результативностью. Однако, эффективность деятельности пока остается невысокой – для достижения поставленных целей приходится прикладывать гораздо больше усилий. Большая проблема с которой сталкиваются Вооруженные Силы, да и страна в целом это несоответствие психических характеристик военнослужащих и воинских подразделений тем задачам и целям, которые стоят перед ними.

Существующие представления о социально-психологических основах и психологических механизмах служебной активности военнослужащих, их актуальном состоянии, не позволяют эффективно выстраивать психологическую и воспитательную работу в целях максимальной реализации кадрового потенциала Вооруженных Сил. На данный момент отсутствует системное представление о психологических и социально-психологических основах служебной деятельности военнослужащих [2,3].

Определение понятия «служебная деятельность» сталкивается со значительными трудностями, в первую очередь, в связи с тем, что это понятие часто используется в руководящих и нормативных документах, но при этом практически не определено в науке.[3] Чаще всего приходится иметь дело с феноменами и явлениями, которые однозначно относятся к области служебной деятельности, но при этом определяются через другие термины. В словарях такое понятие отсутствует, однако есть понятия «служба» и «служение», которые является основным для формирования представления о служебной деятельности.

В большинстве словарей первое и основное толкование понятия «служба» рассматривается как - делать что-нибудь для кого-чего-нибудь выполняя чью-нибудь волю, приказания, направлять свою деятельность на пользу чего-нибудь (высок.). Служба своему народу. Служба искусству [4].

Второе значение практически в каждом словаре связано с обозначением военной службы – исполнения обязанностей военной службы, воинского долга. Таким образом, значение слова служба и связанных с ним прилагательных в первую очередь относится к деятельности посвящённой внешним целям, как правило общественно-значимым и чаще всего связанным с защитой Отечества, как наиболее выраженного проявления службы.

Другое понятие, напрямую связанное с предметом настоящего исследования - «служение». Это слово используется для определения деятельности направленной на достижение личностно-значимых целей, при этом, как правило, считающихся важными для общества.

Служение *(ст. слав. - общинная служба)* - это тип отношения человека к своей деятельности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высоко продуктивно выполнять любую взятую на себя работу. И это независимо от того, каково руководство, каковы условия. Служение - это бескорыстие общественно ценных мотивов. Служением может быть помощь и поддержка кого-нибудь, строгое и точное, с самоотдачей выполнение своих прямых профессиональных функций, выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции. В этом смысле говорят о служителях веры, науки, Аполлона (поэзии) и т.д. Не зря в народе закрепились афоризмы о «служение верой и правдой», «служение делу, а не лицам», «служение Отчизне», «служение народу» и т.д. Служение - это высокий долг гражданина и христианина, не опускающегося до лести, выгоды и карьеризма [1].

Таким образом, анализ значения терминов, связанных с определением служебной деятельности показывает, что в языке присутствует два главных аспекта в понимании этого феномена. Первый - деятельностный или можно сказать функциональный - связанный с представлением о службе, как о деятельности направленной на достижение общественно значимых целей в системе четко определённых отношений между человеком и организацией, которая создана обществом и государством для реализации этих функций. Второй, описывающий служение как личностное отношение к целям, ценностям и деятельности в целом, которое переносится на предмет активности и трансформируется в субъектную позицию специалиста. И в том и в другом случае предполагается

отказ от проявления собственной индивидуальности в пользу требований должности и функциональных обязанностей, приоритет общественно значимых целей перед личными, что требует значительных психологических усилий. Это противоречие решается военнослужащими в разной степени эффективно и основным механизмом его разрешения является самоопределение. Процесс самоопределения предполагает выработку военнослужащим субъектной позиции, определение целей и смыслов служебной активности, выработку ориентиров в сложной системе взаимодействий, составляющих служебную деятельность.

Понимание того, как и каким образом представляют себя и собственную субъектную позицию в пространстве служебной деятельности реальные офицеры, является основой для построения адекватной системы психологической и воспитательной работы с военнослужащими. В целях определения психологических характеристик самоопределения офицера в пространстве служебной деятельности нами было проведено эмпирическое исследование. Исследование было построено на основе опросника Е.Ю. Шогоревой, предполагавшего определение особенностей самореализации офицеров на военной службе. В исследовании приняли участие 30 старших (82,1%) и младших (17,9%) офицеров, имеющих достаточный опыт службы на различных должностях в системе по работе с личным составом.

Анализ результатов, полученных с помощью опросника Е.Ю. Шогоревой, методом факторного анализа позволило выделить компоненты, определяющие структуру пространства самоопределения офицера в служебной деятельности (см.: таблицу 1). Наиболее важные из них, детерминируют 60% дисперсии данных по выборке.

Табл. 1. Характеристики компонентов самооценки профессиональной позиции.

	Итого	% Дисперсии	Кумулятивный %
Призвание	9,45	16,017	16,017
Успех	7,129	12,082	28,099
Удовольствие	6,817	11,555	39,654
Стеснение	5,982	10,139	49,793
Желание уйти	5,628	9,539	59,331

Выделенные компоненты, интерпретируются следующим образом:

1-й фактор - «призвание», объединяет утверждения, оценивающие соответствие службы призванию офицера, которое ощущалось в процессе обучения и подтверждается в процессе службы, выраженное соответствие службы способностям и склонностям офицера в процессе обучения, утверждения, отражающие представления о себе как о самодостаточном человеке.

2-й фактор - «успех» отражает отношение к службе сформировавшееся в процессе профессионального становления и деятельности офицера, он объединяет утверждения связанные с пониманием службы как сферы самоутверждения позволяющей добиться успеха и признания, прежде всего форме лидерства и подчинения себе других людей, возможности ощущать себя состоявшимся. В этом факторе объединились три группы утверждений - утверждения, связанные с соответствием военной службы способностям и склонностям офицера, утверждения, отражающие стремление офицера к лидерству, как во время учёбы, так

и реализацию этого намерения на службе, утверждения по поводу успешности карьеры и реализации возможностей добиться успеха, которые предоставляет военная служба.

3-й фактор – назван «удовольствие» объединяет высказывания, связанные с эмоциональным удовлетворением, переживаемым в связи со службой – утверждения, отражающие гордость, удовольствие и удовлетворение испытываемое офицером от военной службы, утверждения, отражающие ощущение себя состоявшимся и успешным, близкие испытывают гордость за военную службу, утверждения о том, что офицер нашел себя в службе.

4-й фактор – «стеснение» связан с проявление эмоционального неудобства от нахождения на военной службе, он включает утверждение о том, что если бы можно было выбирать, то офицер выбрал бы другую специальность, ощущение стеснение от ношения военной формы, утверждения о том что еще при обучении возникали мысли бросить профессию военного но не было понятной альтернативы.

5-й фактор – «желание уйти» включает утверждения, касающиеся того что, служат они, так как не хотят что-то менять в жизни, часто возникающих мыслей об оставлении службы, а также утверждения о том, что ощущения ошибочности выбора военной службы возникло еще в процессе обучения.

Таким образом, была определена латентная структура получившегося опросника, которая отражает основные компоненты, формирующие самоощущение офицера и понимание им своей позиции как военного.

Дальнейшая работа с полученными данными была связана с определением типичных для испытуемых позиций, характеризующих самоопределение офицера в пространстве служебной деятельности и её роль в жизни. Кластерный анализ позволил разделить выборку на два кластера в соответствии с выявленными факторами (см.: рис. 1):

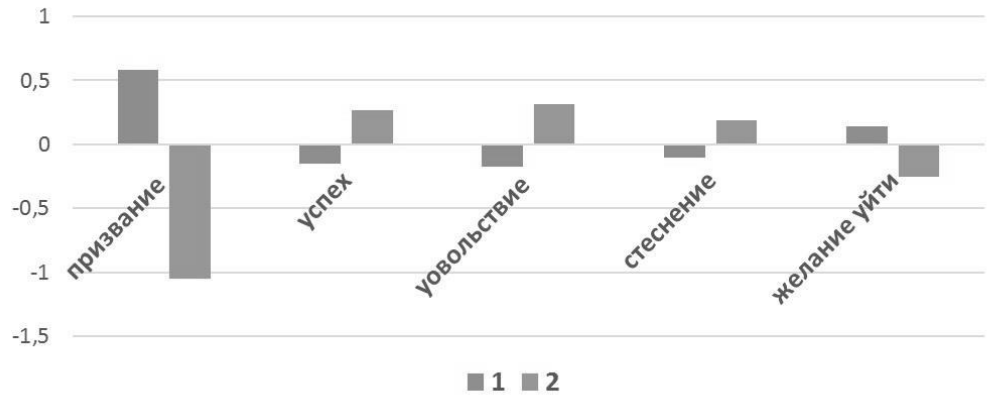

Рис. 1 Характеристики типов самоопределения офицеров.
Примечание: 1-й тип - личностно ориентированный,
2-ой тип социально ориентированный.

1-й тип – можно определить, как личностно ориентированный – характеризуется убеждением, что военная служба является его призванием, при этом такие офицеры, считая себя самодостаточными, скептически относятся к уровню собственной успешности на военной службе и в меньшей степени склонны

испытывать удовольствие и удовлетворение от неё, и, хотя у них проявляется неудобства и стеснения по поводу службы, зачастую возникают мысли о том, чтобы уйти.

2-й тип можно определить как социально ориентированный, их позиция характеризуется представлением, что военная служба не является призванием, однако эта сфера деятельности позволила им реализовать собственное стремление к лидерству и добиться успеха, состоятся как специалиста и человека, они оценивают собственную карьеру как успешную, считая что нашли себя в службе, и хотя, у таких офицеров проявляется некоторое стеснение и ощущение неудобства в связи со службой, у них, как правило, отсутствует желание уйти.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что существуют значительные различия в представлениях офицеров о себе, как субъекте служебной деятельности, связанные с тем с какими установками по отношению к службе в армии они попали на военную службу. Можно предположить, что для 1-ого типа офицеров (личностно ориентированный) характерны представления об армии, сформировавшиеся задолго до поступления в вуз. Скорее всего их идеализированные взгляды на армию и приводят к более низким оценкам, как собственной успешности в службе, так и удовлетворённости этой деятельностью, что закономерно приводит к желанию уйти со службы.

Для 2-го типа (социально ориентированный) офицеров характерно представление о военной службе как сфере деятельности пусть и не являющейся призванием, но позволяющей максимально раскрывать способности и соответствующей характеру, и наклонностям, добиваться успеха и чувствовать себя состоявшимся человеком. Эти представления являются более рациональными сформировавшимися в процессе адаптации и продиктованы существующей на военной службе системой отношений, которую они смогли освоить и присвоить. При этом ощущение успешности и удовлетворения достигнутыми результатами связано с некоторой дезадаптацией, диктуемой проблемами идентификации с военной службой.

Таким образом, различия в системе самоопределения офицеров лежат как в области идентификации с образом военнослужащего - более выраженной у 1-го типа и относительно слабой для 2-го, с одной стороны. А с другой, в системе адаптации к системе отношений реально существующей на военной службе которая более выражена у 2-ого типа и в меньшей степени присутствует у 1-ого.

Распределение полученных типов офицеров в выборке (см.: рис. 2) показывает, что офицеров, относящихся к 1-ому типу – 64,3%, ко 2-ому типу относится 35,7%. Практически две трети исследуемых, следовательно, рассматривают собственное положение на военной службе как однозначно успешное и удовлетворяющее.

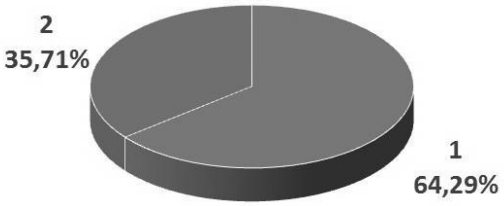

Рис. 2 Распределение типов офицеров в выборке.
Примечание: 1-й тип - личностно ориентированный, 2-ой тип социально ориентированный.

Важным для исследования является влияние типа самоопределения офицера на стратегии его поведения в различных ситуациях, как в системе взаимоотношений, так и по отношению к системе норм и правил, регламентирующих служебное поведение военнослужащих.

Диагностика предпочитаемых стратегий поведения в межличностных взаимоотношениях при помощи методики К. Томаса (в адаптации представленной в АРМ ВП).

Анализ результатов показал наличие различий между офицерами, в зависимости от типа (см.: рис.3):

Рис. 3. Стратегии взаимодействия офицеров в зависимости от типа.
Примечание: 1-й тип - личностно ориентированный, 2-ой тип социально ориентированный.

Для 1-ого типа характерна ориентация на стратегии сотрудничества и приспособления. Обе ориентации предполагают принятие партнера в ситуации взаимодействия и стремление к согласованию позиции или в крайнем случае ориентации на сохранение отношений, в целом реакция интрапунитивная, то есть отталкивающаяся от собственной и не предполагающая конформизм. Повышение показателя конфликтности свидетельствует о готовности прервать отношения при отсутствии встречного стремления к взаимовыгодным взаимоотношениям.

Для офицеров, относящихся ко второму типу более приемлемыми являются стратегии соперничества и компромисса. Это свидетельствует, во-первых, о внешне ориентированной или экстрапунитивной реакции, а также о стремлении занять доминирующую позицию, совсем или мало учитывающую мнение окружающих. В целом наблюдается относительно меньшая заинтересованность в сохранении отношений.

Таким образом, проведенное исследование показало, что даже на небольшой выборке устойчиво выявляются различия в типе самоопределения в пространстве служебной деятельности офицеров. Выделается, по крайней мере, два типа такого самоопределения – 1-й тип – ориентированный на собственные представления о ВС и целях задачах и средствах служебной деятельности военнослужащих, 2-ой тип – ориентированный на сложившиеся в военной организации условия – систему взаимоотношений, неформальные и внеформальные нормы и требования. В зависимости от типа наблюдаются различия, как в системе мотивации, так и в стратегиях взаимодействия и установках по отношению к служебному поведению. Знание механизмов формирования соответствующих позиций позволит более эффективно прогнозировать поведение и особенности служебной деятельности офицеров.

Литература

1. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург. 2000 г.
2. Караяни А.Г. Теоретические основы психологического обеспечения служебной деятельности. // Юридическая психология № 2., 2013г.
3. Носов А.В. Проблемы социально-психологического анализа служебной деятельности военнослужащих. Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 132-134.
4. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.2005 г

КАЗАКОВА Л.П., кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

МИРОНОВА Т. Ю., кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ КУРСАНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

В статье изложены результаты исследования профессиональной самоидентификации курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». Произведен качественный и количественный анализ семантических пространств конструктов «я», «идеальный я», «идеальный офицер», «идеальный заместитель командира по работе с личным составом», «идеальный психолог», «идеальный военный психолог». Представлены эмпирические результаты, обнаруживающие высокую степень рассогласованности данных конструктов. Определены основные направления организации целенаправленной работы по формированию профессиональной идентичности у курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности».

Ключевые слова: профессиональная идентичность, личностная идентичность, профессиональная идентификация, образ профессии.

***

Исследования идентичности становятся в настоящее время актуальной междисциплинарной проблемой. В исследованиях идентичности выделяются такие ее аспекты, как личностная и социальная идентичность, относительно стабильные и текучие ее формы, рассматривается негативная и позитивная идентичность.

По мнению Д.А. Леонтьева[1], социальная идентичность связана с ощущением принадлежности к какой-либо социальной группе (этнической, профессиональной…), личностная идентичность связана с необходимостью принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность, соизмеряя это не с внешней, а с внутренней точкой опоры. Идентичность – результат активного процесса, отражающего выработку и поддержание представления субъекта о себе, о своем развитии и жизненном пути.

Ведущим механизмом формирования идентичности является идентификация. По Ю.П. Поваренкову, «психологический смысл идентификации заключается в сопоставлении, сравнении субъектом системы своих ценностей и целей, которым нужно соответствовать, в принятии необходимых ценностей и отказе от тех, которые не нужны, в конечном счете, в отождествлении себя с кем-либо или чем-либо» [3; с. 54].

Профессиональная идентичность – один из важнейших аспектов исследования идентичности. По мнению Поваренкова Ю.П. [3], профессиональная идентичность - ведущая (субъективная) характеристика профессионального развития человека. Она свидетельствует о степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития.

Если Д.А. Леонтьев относит профессиональную идентичность к социальной идентичности, то Ю.П. Поваренков, считает, что «профессиональная идентичность – это интегральная характеристика личности» [3, с. 58], и она не может быть сведена лишь к социальной идентичности, но также не может быть ограничена самоидентичностью, и в «в структуре профессиональной идентичности представлены обе формы идентичности» [3, с. 58].

Шнейдер Л.Б. понимает профессиональную идентичность как «осознавание себя, выбирающего и реализующего способ взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности» [5, с. 155].

По мнению Л.Б. Шнейдер, профессиональная идентификация — «это объективное и субъективное (т. е. данное в переживании) единство с профессиональной группой, делом, отдельным человеком, которое обусловливает преемственность профессиональных характеристик (норм, ролей и статусов) личности. Обратный процесс, связанный с объективным и субъективным отвержением этого единства и ломкой профессиональных характеристик личности, есть профессиональное отчуждение» [5, с. 158].

Процесс профессиональной идентификации тесно связан с формированием образа профессии, профессионального образа «Я», образов профессионала и профессиональной общности, профессиональным самоопределением личности. В психосемантических исследованиях В.Ф. Петренко показана роль профессионального типажа-стереотипа (персонифицированного образа самой профессии или обобщенного образа типичного профессионала) в качестве эталона, мерки для самосознания студента-будущего профессионала [4].

По мнению исследователей, процесс профессиональной идентификации происходит и в вузе, и продолжается у выпускников вуза. При этом данный

процесс характеризуется рядом проблем, противоречий и даже кризисных явлений. Повышенное внимание к формированию специальных профессиональных знаний и умений при обучении в вузе часто не подкрепляется целенаправленными усилиями по формированию образа профессионального «Я», образа профессии, профессиональной идентичности. По мнению Л.Б Шнейдер, «в ряде случаев представление старшекурсников о себе как субъекте профессиональной деятельности далеко не всегда является более полным по сравнению с представлениями учащихся младших курсов»[5, с.139].

Профессиональная идентификация затрудняется и в случае вынужденного, маргинального, компромиссного выбора профессии и вуза [3; 5]. Последствия такого выбора связаны с отчуждением будущего как такового, что сопровождается со стремлением человека освободиться от восприятия профессиональной информации (знаний); от необходимости целеполагания; от необходимости совершать профессиональный выбор; от фрустрирующих переживаний; от компонентов профессиональной деятельности [5, с. 163].

Профессиональная идентификация зависит от условий ее протекания, характерных особенностей вуза. Так, обучение психологии с целью подготовки военных кадров, с нашей точки зрения, предполагает возникновение ряда противоречий и трудностей в профессиональной идентификации курсантов военного вуза. В частности, профессиональная идентификация курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности», на наш взгляд, имеет специфику, связанную с несколькими «координатами» или «точками отсчета» при определении себя в будущей профессии (то есть несколькими профессиональными группами и ролями, с которыми может себя соотнести учащийся в ходе обучения в вузе). С одной стороны, это профессиональная роль офицера (звание, которое получает курсант после окончания вуза), с другой стороны, это роль заместителя командира по работе с личным составом (далее ЗКРЛС) (которая более конкретно определяет характер будущей профессиональной деятельности) и, наконец, роль психолога, военного психолога, которая подразумевается в названии специальности и усваиваемых в процессе обучения компетенциях. На основе этого нами были высказаны следующие гипотезы:

Гипотеза 1: в ходе профессиональной самоидентификации курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности»(далее ПСД) наблюдаются противоречия, связанные с объективными различиями профессионально важных качеств офицера (военнослужащего) и психолога. Если в представлениях курсантов о психологе будут выражены черты, связанные с субъект-субъектным взаимодействием, общением с людьми, то в представлениях об офицере, будут выражены маскулинные черты, востребованные в ходе решения задач в жестко регламентированных условиях воинской службы и управления подчиненными. В представлениях о военном психологе и ЗКРЛС проявятся противоречия, которые затруднят формирование образа идеального представителя данных воинских специальностей.

Гипотеза 2: выбор узкой специальности «ПСД» для значительного числа курсантов, обучающихся по данной специальности, явился малоосознанным, зависящим от случайных факторов, по сути, «выбором без выбора». Желание стать офицером у многих курсантов не подкреплялось адекватным представлением о выбранной узкой специальности и желанием ее осваивать. При этом затрудняется профессиональная идентификация. Ее реализация происходит в период обучения в выбранном вузе, а, возможно, откладывается и на более поздний период. **Характеристика выборки**.

В исследовании (май-июнь 2016 года) приняли участие 72 военнослужащего МО РФ.

Методы и методики, использовавшиеся в исследовании: методика «Кто Я?» (модификация Тхостова А.Ш., Рассказовой Е.И., Емелина В.А.); униполярный личностный семантический дифференциал (Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю.) с рядом дополнительных шкал, в соответствии с задачами исследования; методика «Уровень субъективного контроля» (адаптация Бажин Е.Ф., Голынкина С.А., Эткинд А.М), авторская анкета для выявления профессиональных ассоциаций испытуемых.

В данной статье будут представлены результаты исследования с помощью анкеты и метода СД.

Анкета содержит следующие вопросы:

1) Почему Вы решили поступить в этот вуз?

2) Почему Вы выбрали специальность «Психология служебной деятельности»?

3) Какая профессиональная позиция (должность) для Вас кажется самой приемлемой после окончания вуза?

4) Планируете ли Вы поступление в адъюнктуру?

5) Какие образы более всего ассоциируются у Вас с приведенными ниже понятиями (это могут быть образы конкретных людей – укажите, каких; исторических личностей - укажите, каких; персонажей книг, фильмов, телепередач - укажите, каких) и т.д.? Понятия: «офицер», «психолог», «заместитель командира по работе с личным составом», «военный психолог».

Анализ результатов анкеты показал, что при ответе на 1 вопрос 40% испытуемых в качестве основания выбора вуза назвали доминанты, связанные с воинской службой; 18% - ситуационные факторы внешнего локуса; 17% - высокое качество обучения в Военном вузе; 15 % - стремление занять определенное высокое место в обществе; 6% идентифицировались со значимыми другими, и 4% отметили, что обучение в военном вузе способствует их развитию.

При ответе на вопрос о выборе специальности «ПСД» категории ответов во многом совпадали, но их значимость была иной: 34% назвали ситуационные причины внешнего локуса; 27% пояснили выбор интересом к психологии; 14% стремлением работать в сфере «Человек-человек»; 11% - стремлением помогать людям; 8% предрасположенностью к профессии психолога; для 4% доминанта выбора была связана с воинской службой; более 1% назвали в качестве основа-

ния выбора востребованность профессии психолога и стремление разобраться в себе.

Таким образом, при поступлении в вуз у большинства доминанта выбора связана с военной службой, а при выборе специальности эта категория лишь на 6 месте (4%), на 1 месте - ситуационные факторы внешнего локуса 34%.

Ожидаемая должность после окончания вуза у 84% испытуемых связана с воинской службой, 5% назвали профессии, не связанные с воинской службой, 11% не определились. Наиболее частотные ответы: 56% хотят быть ЗКРЛС, 11% выбирают должность начальника психологической бригады, 11% ответили «не знаю»; 5% отметили позицию «командир».

Значительная часть испытуемых (60%) планирует продолжить обучение в адъюнктуре; 29 % не имеют таких планов, и 11% пока не определились.

Ассоциации, возникающие у испытуемых с предложенными профессиональными позициями, представлены в таблице.

Табл. 1. Ассоциации, вызываемые профессиональными образами.

Ассоциация	**Частотность, %**	**Ассоциация**	**Частотность, %**	**Ассоциация**	**Частотность, %**	**Ассоциация**	**Частотность, %**
Офицер		**Психолог**		**ЗКРЛС**		**Военный психолог**	
Военные деятели Российской империи	5	Отечественные ученые-психологи	5	Отечественные военные деятели	16	Нет	30
Советские военные деятели	3	Зарубежные ученые-психологи	5	Преподаватели ВУ	24	Преподаватели ВУ	26
Персонажи кинофильмов	5	Преподаватели ВУ	6	нет	20	Отечественные военные деятели	8
Правители Российского государства		Нет	4	Офицер подразделения, где служил курсант	2	Офицер подразделения, где служил курсант	2
Офицер подразделения, где служил курсант		Другое		Персонажи художественной культуры	7	Легендарные исторические персонажи	2
Нет		Персонажи художественной культуры		Другое	12	Другое	8
Легендарные исторические персонажи		А.В. Суворов, военный деятель					
Отец		"Родитель"					

Анализ результатов показал, что не все курсанты могут подобрать ассоциации к тем или иным профессиональным образам. Чаще всего испытуемые не дают ассоциаций с образом военного психолога (39%), затем с образом ЗКРЛС (25%), затем с образом психолога (14%) и, наконец, образ офицера не вызывает ассоциаций лишь у 5% испытуемых. Таким образом, стереотипные образы профессий офицера и психолога складываются под влиянием широкого социального окружения и микросреды, чего нельзя сказать об образах «узких

специалистов»: военного психолога и ЗКРЛС. Если среди ассоциаций с образом офицера отсутствуют преподаватели ВУ МОРФ, то среди ассоциаций с психологом, и особенно – военным психологом и ЗКРЛС - доля ассоциаций с преподавателями очень высока (соответственно 3, 2 и 2 место в рейтинге частотности ассоциаций).

Обращает на себя внимание, что среди преподавателей, с которыми ассоциируется у курсантов образ психолога, 81% мужчин; военного психолога - 100 % мужчин.

В ходе исследования с помощью метода семантического дифференциала курсантам предложены для оценки конструкты «Я», «Идеал Я», «Идеальный офицер», «Идеальный заместитель командира по работе с личным составом», «Психолог», «Военный психолог», «Настоящий мужчина». Использовались 74 униполярных шкалы.

Обработка результатов семантического дифференциала показала, что часть протоколов заполнены некачественно, и впоследствии они были выбракованы. В исследовании с помощью семантического дифференциала осталось 62 протокола. Невнимательное отношение к исследованию было связано, на наш взгляд, как с низкой мотивацией участия, так и с отсутствием интереса некоторых курсантов к психологическим исследованиям и, возможно даже, к содержанию специальности.

Для обработки данных семантического дифференциала использовался метод семантических универсалий, предложенный Артемьевой Е.Ю.[4].В нашем исследовании, учитывая специфику выборки и характер оцениваемых конструктов, были получены достаточно однозначные оценки. В связи с этим принято решение выбрать 2 градации однозначности оценок - 10% и 5%.

В семантических универсалиях данных конструктов выявлено сходство. Так, все конструкты активные, не замкнутые, не глупые, организованные, не подлые, тактичные, не безалаберные, не недоброжелательные, не неприятные, не изнеженные, не вредители, ответственные.

Ни в одну групповую семантическую универсалию не входят дескрипторы: открытый, самокритичный, самодовольный, твердый, грубый, скромный, обаятельный, вспыльчивый, гибкий, эмпатичный, тонкий, холодный, мечтательный, отходчивый, честолюбивый, посредственный, красивый, праздный, поэтичный, консервативный, строгий.

Рассмотрим некоторые специфичные черты семантических универсалий конструктов подробнее. В скобках далее будут указаны средние значения по соответствующим шкалам. Групповой семантической универсалией оценки представлений о себе при 5% интервале отступа является следующий список дескрипторов: с высокими оценками - мужественный (2,50), доброжелательный (2,48), оптимист (2,47), активный (2,44), добрый (2,42); с низкими оценками - изнеженный (0,37), подлый (0,40), неприятный (0,42), вредитель (0,44). При 10% интервале отступа: с высокими оценками - общительный (2,39), подвижный (2,39), ответственный (2,37), организованный (2,37), патриот (2,37), смелый (2,37), тактичный (2,35), простой (2,34), естественный (2,34), расчетливый

(2,32), честный (2,31), сильный (2,31); с низкими оценками - глупый (0,53), безалаберный (0,55), замкнутый (0,56), недоброжелательный (0,56).

В данной семантической универсалии присутствуют дескрипторы, которые не включаются ни в один «идеальный» конструкт: естественный и простой (с высокими оценками).

С другой стороны, в данную семантическую универсалию не включаются следующие дескрипторы, которые входят во все «идеальные» конструкты: умный, трудолюбивый, опытный, знающий (с высокими оценками); неопытный, рассеянный, скованный, неуверенный, закомплексованный (с низкими оценками).

Групповой семантической универсалией оценки представлений о субъективном идеале при 5% интервале отступа является следующий список дескрипторов: с высокими оценками - мужественный (2,82), смелый (2,81), сильный (2,77), общительный (2,77), ответственный (2,76), тактичный (2,76), организованный (2,74), добрый (2,71), активный (2,71), подвижный (2,71); с низкими оценками - замкнутый (0,19), неуверенный (0,21), вредитель (0,21), безалаберный (0,24), закомплексованный (0,24), глупый (0,26), недоброжелательный (0,26), неприятный (0,26), неопытный (0,27), скованный (0,27), подлый (0,29), рассеянный (0,31).

Групповой семантической универсалией оценки представлений об идеальном офицере при 5% интервале отступа является следующий список дескрипторов: с высокими оценками – мужественный (2,95), организованный (2,94), опытный (2,94), смелый (2,92), ответственный (2,90), умный (2,84), сильный (2,84), знающий (2,84), тактичный (2,82), трудолюбивый (2,82), патриот (2,82); с низкими оценками - скованный (0,10), изнеженный (0.15), неуверенный (0,15), глупый (0,15), подлый (0,18), замкнутый (0,18), неприятный (0,18), неопытный (0,19), рассеянный (0,21), пассивный (0,23), безалаберный (0.23), вредитель (0,23).

Групповой семантической универсалией оценки представлений об идеальном психологе при 5% интервале отступа является следующий список дескрипторов: с высокими оценками - умный (2,94), спокойный (2,84), общительный (2,84), организованный (2,84), опытный (2,84), ответственный (2,84), трудолюбивый (2,81); с низкими оценками - глупый (0,10), неуверенный (0,10), вредитель (0,11), безалаберный (0,11), неприятный (0,13), подлый (0,15), закомплексованный (0.18), рассеянный (0,21), неопытный (0,21), недоброжелательный (0,23), скованный (0,23), замкнутый (0,23).

Групповой семантической универсалией оценки представлений о настоящем мужчине при 5% интервале отступа является следующий список дескрипторов: с положительными оценками - мужественный (2,90), смелый (2,85), организованный (2,85), опытный (2,85), трудолюбивый (2,84), активный (2,84), сильный (2,84), тактичный (2,84), ответственный (2,82), умный (2,79); с отрицательными оценками - безалаберный (0,11), глупый (0,19), изнеженный (0,19), неприятный (0,21), рассеянный (0,21), подлый (0,19), неопытный (0,21), неуверенный (0,23), недоброжелательный (0,24).

Групповой семантической универсалией оценки представлений об идеальном ЗКРЛС при 5% интервале отступа является следующий список дескрипторов: с высокими оценками – организованный (2,87), ответственный (2,87), общительный (2,84), активный (2,84), умный (2,84), мужественный (2,82), опытный (2,81), смелый (2,81), патриот (2,79), подвижный (2,79), спокойный (2,77), знающий (2,76), тактичный (2,76), сильный (2,74), толерантный (2,74), доброжелательный (2,74);с низкими оценками – глупый (0,18), подлый (0,18), неприятный (0,19), неуверенный (0,21), изнеженный (0,23), вредитель (0,23), замкнутый (0,24), рассеянный (0,26), недоброжелательный (0,26), пассивный (0,27), безвольный (0,27), лицемерный (0,29).

Конструкт «Идеальный ЗКРЛС» оценивается испытуемыми максимально однозначно.

Групповой семантической универсалией оценки представлений об идеальном военном психологе при 5% интервале отступа является следующий список дескрипторов: с высокими оценками – умный (2,87), тактичный (0,84), общительный (2,82), ответственный (2,81), трудолюбивый (2,77), опытный (2,77), активный (2,76), организованный (2,76); с низкими оценками – изнеженный (0,11), подлый (0,13), безалаберный (0,13), неприятный (0,15), неуверенный (0,18), недоброжелательный (0,18), вредитель (0,18), глупый (0,24), неопытный (0,24), закомплексованный (0,26).

Конструкт «Я» и все идеальные конструкты однозначно оцениваются как «добрые», «общительные» и «доброжелательные», кроме «Идеального офицера».

Все конструкты однозначно оцениваются как «спокойные», кроме «Я» и «Идеального офицера». С другой стороны, идеальный офицер однозначно воспринимается как доминирующий, в отличие от всех других конструктов, оценки которых по этому дескриптору не столь однозначны.

Групповая семантическая универсалия субъективного идеала содержит дескрипторы «не тревожный» и «остроумный», в отличие от других конструктов.

Групповые семантические универсалии личных конструктов («Идеал Я» и «Я») содержат дескриптор «оптимист», в отличие от других конструктов.

Групповая семантическая универсалия конструкта «Идеальный ЗКРЛС», в отличие от других конструктов, содержит дескриптор «творческий». А также выделяется специфичный дескриптор не «корыстолюбивый» в оценке «Идеального офицера» и «Идеального ЗКРЛС».

В групповые семантические универсалии «Идеальный ЗКРЛС» и «Идеал Я» содержат конструкт «эрудированный», в отличие от других конструктов.

Групповая семантическая универсалия конструкта «Идеальный психолог» содержит, в отличие от других конструктов дескриптор не «нахальный», и, напротив, не содержит дескрипторов «сильный», «мужественный», «смелый», «подвижный».

Групповая семантическая универсалия конструкта «Идеальный военный психолог» содержит, в отличие от других конструктов, дескриптор не «эгоистичный».

Групповые семантические универсалии идеальных профессиональных конструктов, которые предполагают общение с людьми как основное условие их деятельности («Идеальный психолог», «Идеальный военный психолог», «Идеальный ЗКРЛС») в отличие от всех других конструктов, содержат такие дескрипторы, как «толерантный» и не «безалаберный».

Таким образом, анализ показал определенные различия в групповых семантических универсалиях оцениваемых конструктов, при этом наблюдаются «акценты», связанные с отсутствием некоторых маскулинных дескрипторов конструкта «Идеальный психолог». В универсалиях идеальных профессиональных конструктов, связанных с общением с людьми, присутствует такой дескриптор, как «толерантность». В то же время ни одна из универсалий не содержит таких важных для психолога качеств, как эмпатичность и открытость.

Идеальный военный психолог и идеальный ЗКРЛС интегрируют и черты мужественности, и черты, необходимые для успешного общения, которые отсутствуют в универсалии идеального офицера.

Интересно, что дескриптор «патриот» отсутствует в универсалиях «Идеал Я» и «Идеальный психолог».

В ходе обработки данных СД с помощью метода кластерного анализа были получены следующие результаты. Анализ матрицы средних показателей конструктов по всем шкалам, вполне ожидаемо, показывает разбиение всех конструктов на 2 неравных кластера: 1 - «Я» («Я реальное») и 2 - «идеальные» конструкты (рис 1).

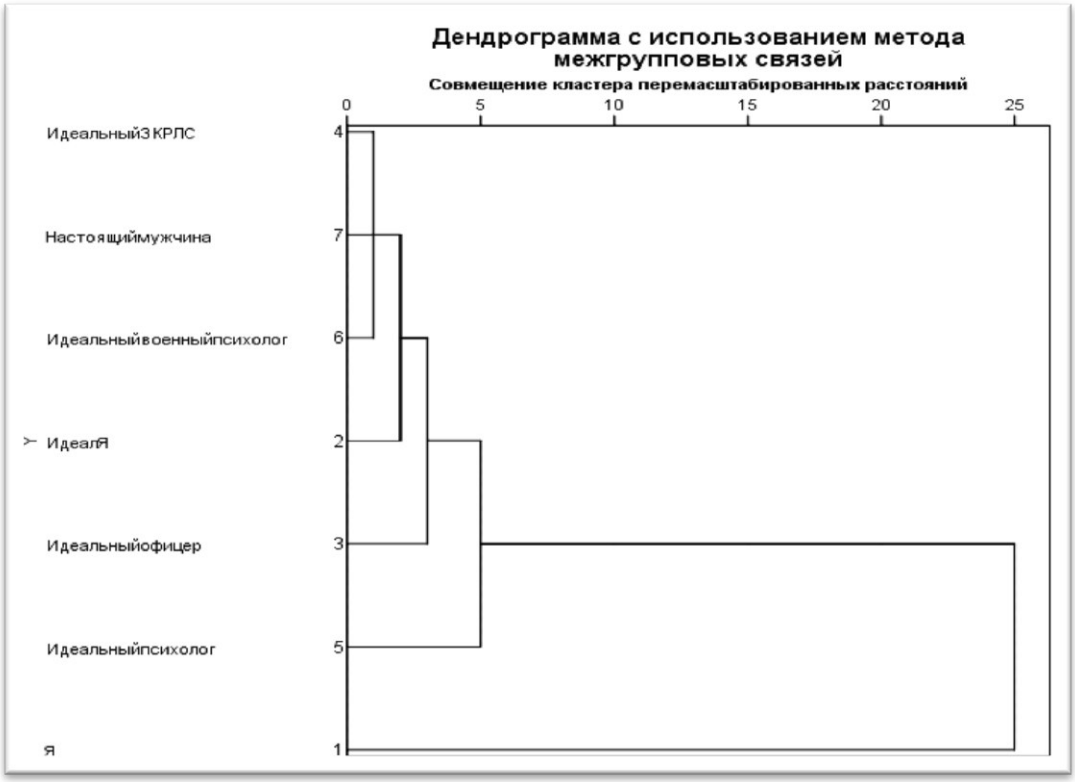

Рис. 1 Результаты кластерного анализа.

В кластере идеальных конструктов ближе всего друг к другу оказываются конструкты «Идеальный ЗКРЛС», «Настоящий мужчина» и «Идеальный военный психолог» далее к этому объединению добавляется «Идеал Я», далее – «Идеальный офицер», и лишь затем – «Идеальный психолог». Таким образом, можно сказать, что «акцентом» идентификации испытуемых является стремление стать настоящим мужчиной, а конструкт «Настоящий мужчина», по нашему мнению, является центральным в ходе идентификационных процессов испытуемых.

Для выявления различий оценок конструктов использовался критерий Манна-Уитни (выбран уровень значимости не ниже 0,05). Среди «идеальных» конструктов меньше всего значимых различий с другими «идеальными» конструктами имеет конструкт «Настоящий мужчина». Отметим некоторые, наиболее интересные, различия между конструктами.

Получено большое количество значимых отличий конструкта «Я» с каждым из «идеальных» конструктов (в общей сложности 332), что можно интерпретировать как проявление возрастных особенностей испытуемых: существенный разрыв представлений о реальном Я и желаемом, идеальном Я в юношеском возрасте; недифференцированность «Идеального Я» и не вполне реалистичные представления о возможном, желательном будущем.

При сравнении «идеальных» конструктов обнаруживается, что конструкт «Идеальное Я» имеет больше всего значимых отличий с «Идеальным офицером» и далее – с «Идеальным психологом», меньше всего различий – с «Настоящим мужчиной».

Конструкт «Идеальный офицер» имеет больше всего различий с «Идеальным Я» и «Идеальным психологом»; меньше всего различий – с «Настоящим мужчиной».

Конструкт «Идеальный ЗКРЛС» имеет больше всего различий с «Идеальным офицером» и «Идеальным психологом», меньше всего различий с «Идеальным военным психологом», и затем – с «Настоящим мужчиной».

Конструкт «Идеальный психолог» имеет больше всего различий - с «Идеальным офицером» и - далее - с «Идеалом Я»; меньше всего различий с «Идеальным военным психологом».

Конструкт «Идеальный военный психолог» имеет больше всего различий с «Идеальным офицером» и минимальные различия – с «Идеальным замполитом» и чуть больше различий - с «Настоящим мужчиной».

Наконец, конструкт «Настоящий мужчина» имеет больше всего различий с конструктом «Идеальный психолог» и меньше всего различий - с «Идеальным ЗКРЛС» и «Идеальным офицером».

Итак, можно отметить «приближенность» конструкта «Настоящий мужчина» к почти всем идеальным профессиональным конструктам (исключая «Идеального психолога»). Также обращают на себя внимание относительно большие различия профессиональных конструктов «Идеальный офицер» и «Идеальный ЗКРЛС»; «Идеальный офицер» и «Идеальный военный психолог».

Несмотря на то, что в различных исследованиях (например, Петренко В.Ф. [2])показано, что у студентов наблюдаются представления о больших различиях собственной специальности и «смежных» специальностей, что является следствием стремления сильнее идентифицироваться с представителями своей специальности, в нашем исследовании «Идеальный военный психолог» и «Идеальный ЗКРЛС» - это очень близкие конструкты.

Значимые различия оценок конструктов могут быть описаны содержательно. Так, конструкт «Идеальный офицер» имеет значимые различия со всеми конструктами по шкале «добрый» (уровень больше 0,001), «грубый» (уровни 0,01 и 0,05); «Идеальный офицер» и «Идеальный психолог» различаются по 17 конструктам: «Идеальный офицер» более сильный, твердый, грубый, вспыльчивый, патриотичный, смелый, доминирующий, строгий, нахальный (0,05), холодный (0,01). «Идеальный психолог» более добрый, спокойный, общительный, доброжелательный, мечтательный (0,01) и поэтичный (0,05).

«Идеальный офицер» и «Настоящий мужчина» различаются по 3 конструктам: «Настоящий мужчина» более добрый, обаятельный и поэтичный (значимость различий высока – более 0,01). Но лишь один конструкт входит в структуру семантической универсалии «Настоящего мужчины» - добрый.

Между конструктами «Идеал Я» и «Идеальный офицер» 20 различий. «Идеал Я» оценивается как более добрый, обаятельный, мечтательный (0,01); красивый, умный, честный, изнеженный (0,05).«Идеальный офицер» оценивается как более организованный, опытный, патриотичный (0,01); мужественный, твердый, грубый, скованный, доминирующий, холодный, знающий, ответственный, толерантный, строгий (0,05).

Между конструктами «Идеал Я» и «Идеальный психолог» 14 различий. «Идеальный психолог» более спокойный, умный (0,01); доброжелательный, знающий, опытный, толерантный (0,05); «Идеал Я» оценивается как более сильный, твердый, вспыльчивый, строгий (0,01); мужественный, смелый, глупый, грубый (0,01).

Между конструктами «Идеал Я» и «Настоящий мужчина» 4 различия. «Настоящий мужчина» более эгоистичный, трудолюбивый и опытный (0,05), а «Идеал Я» - более мечтательный (0,05).

«Идеальный военный психолог» и «Идеальный офицер» имеют 8 различий. «Идеальный офицер» оценивается как более грубый, мужественный, смелый, доминирующий (0,01); твердый, организованный (0,05). «Идеальный военный психолог» оценивается как более добрый (0,01) и общительный (0,05).

«Идеальный военный психолог» и «Настоящий мужчина» имеют 4 отличия. Настоящий мужчина оценивается как более эгоистичный, обаятельный (0,01); твердый, мужественный (0,05). То есть можно сказать, что, по сравнению с «Настоящим мужчиной» у «Идеального военного психолога» не выражены специфические профессиональные черты, «Идеальный военный психолог» обладает некоторыми менее выраженными мужскими чертами.

«Идеальный военный психолог» и «Идеальный психолог» имеют 6 значимых различий. «Идеальный военный психолог» оценивается как более силь-

ный, строгий, патриотичный (0,01); творческий, твердый, вспыльчивый (0,05). Таким образом, военный психолог воспринимается более маскулинным, патриотичным и творческим, чем психолог.

«Идеальный военный психолог» и «Идеальный ЗКРЛС» имеют 2 значимых различия. «Идеальный ЗКРЛС» воспринимается более обаятельным (0,05) и творческим (0,008). Возможно, испытуемые считают, что военный психолог работает строго по нормативным документам, а «замполиту» приходится сталкиваться с внештатными ситуациями, на которые необходимо реагировать оперативно, а, возможно, и нестандартно.

Конструкты «Идеальный ЗКРЛС» и «Настоящий мужчина» имеют 3 значимых различия. «Идеальный ЗКРЛС» более творческий, толерантный (0,05), а «Настоящий мужчина» более эгоистичный (0,01). Таким образом, различия обнаруживаются как по маскулинному, так и по профессиональным качествам. То есть «замполит» имеет профессиональную специфику в оценке. Нужно сказать, что «Идеальный психолог» занимает 2 место по «творческости» после «Идеального ЗКРЛС», однако различия с другими конструктами не достигают уровня значимости 0,05, а различия между военным психологом и ЗРКЛС должны быть дополнительно исследованы.

Конструкты «Идеальный ЗКРЛС» и «Идеальный офицер» имеют 9 значимых различий. «Идеальный офицер» более грубый и холодный (0,05), а «Идеальный ЗКРЛС» более добрый и поэтичный (0,01); обаятельный, доброжелательный, творческий, спокойный, общительный (0,05).

Конструкты «Идеальный ЗКРЛС» и «Идеальный психолог» имеют 9 значимых различий. «Идеальный ЗКРЛС» оценивается как более сильный, твердый, вспыльчивый, патриотичный, мужественный, строгий (0,01); грубый, смелый, доминирующий (0,05).

Итак, в оценке профессиональных конструктов наблюдаются значимые различия, выражающиеся в том, что оценки «Идеального офицера» выше по маскулинным качествам, а «Идеальный военный психолог» и «Идеальный ЗКРЛС» имеют более высокие оценки по качествам, связанным с «мягким» общением с людьми. При сравнении «Идеального офицера» и «Идеального психолога» различия маскулинных качеств более выражены. Наиболее специфичны оценки «Идеального ЗКРЛС», поскольку выделяются более высокие оценки креативности, по сравнению со всеми профессиональными конструктами, кроме конструкта «Идеальный психолог», а также акцентируется толерантность.

Таким образом, в результате проведенного исследования гипотезы нашли свое подтверждение. Учитывая данные исследования, можно предположить, что необходима целенаправленная работа по формированию профессиональной идентичности у курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». В ходе такой работы должны создаваться условия для позитивного разрешения кризисов профессиональной идентичности, интенсификации идентификационных процессов и личностного роста обучаемых. С этой целью, на наш взгляд, можно было бы предложить:

1. Создание курса «Введение в специальность» для первокурсников.

2. Целенаправленное формирование имиджа профессий военного психолога и ЗКРЛС в имиджевой аудитории курсантов с привлечением имиджей ведущих преподавателей.

3. Преподавание отдельных разделов курса «Военная психология» на младших курсах или более активная интеграция проблематики военной психологии в психологические курсы.

4. Изучение проблем различных психологических дисциплин, в том числе и военной психологии, на основе рефлексии курсантами собственного опыта.

5. Расширение сферы выбора курсантами видов и форм учебной работы, содержания учебного материала в ходе факультативных и внеаудиторных занятий.

В заключение хочется привести слова Д.А. Леонтьева: «Решение проблемы множественных, неустойчивых и нередко конфликтных идентичностей современного человека возможно, если этим займется не представитель некоторого множества социальных групп и общностей, а автономная личность, имеющая в себе точку опоры, независимую от того, в каких социально-ролевых категориях или индивидуальных характеристиках она может дать ответ на вопрос «кто я»» [1, с. 10]. Таким образом, работа по формированию профессиональной идентичности должна руководствоваться принципом субъектности, организации субъект-субъектного взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Литература

1. Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки, 2009, № 10, с. 5-10.
2. ПетренкоВ.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
3. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал, № 24, 2006, с.53-58.
4. Серкин В.П. Методы субъективной семантики и психосемантики. М.: Издательство ПЧЕЛА, 2008.
5. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. - М.: МОСУ, 2001.

ПЕТРОВ В.Е., кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

РЫЖОВ Б.С., преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ КЛИМАТА В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Статья посвящена анализу основных психологических аспектов оптимизации климата в воинских коллективах. Среди психологических характеристик воинских коллективов выделены и раскрыты такие как: сплочённость, информированность, дисциплинированность, активность, организованность. Показана роль командиров (начальников) по оптимизации социально-психологического климата в коллективах подразделений, а также при индивидуализации работы с личным составом. Материал позволяет расширить представление о роли психолого-педагогического знания в обеспечении высокой морально-психологической готовности военнослужащих к несению службы путём активизации потенциала воинского коллектива.

Ключевые слова: социально-психологический климат, воинский коллектив, сплочённость, взаимоотношения, личность, психологическая работа.

***

Профессиональная деятельность (служба) военнослужащих в значительной своей части протекает в условиях активного межличностного взаимодействия, под влиянием воинского коллектива, поведения руководителей (командиров, начальников)и отдельных сослуживцев. Поэтому учёт психологических закономерностей управления воинскими коллективами является значимым потенциалом повышения эффективности несения службы, а также совершенствования работы с личным составом.

Известно, что далеко не всякая группа может считаться коллективом, тем более, служебным или воинским [5, 6]. *Воинский коллектив* – это социальная общность военнослужащих, объединенных на основе общих целей и задач во-

енной службы. От того, как члены коллектива проявляют себя на службе и во взаимодействии, складывается характер межличностных отношений в воинских подразделениях, формируются групповые интересы, нормы поведения, создается общественное мнение о коллективе (боеспособный, сплочённый, дружный, склочный и т.п.).

Совокупность социально-психологических характеристик дает представление о состоянии воинского коллектива, которое называется *социально-психологическим климатом* коллектива. Благоприятный социально-психологический климат – непременное условие результативности служебной деятельности, работоспособности и развития воинского коллектива [5]. Дух сотрудничества, взаимопомощи, поддержки и взаимной требовательности, чёткость организации и согласованность усилий военнослужащих – далеко не полный перечень резервов, которые позволяют повысить эффективность военной службы.

В воинских коллективах основными *психологическими характеристиками* можно считать сплочённость, информированность, дисциплинированность, активность, организованность.

Сплочённость – это социально-психологический феномен, который указывает на объединение всех членов коллектива в их совместной деятельности и создает целостное единство группы [4, С. 4-6]. Это мера «притяжения» членов коллектива друг к другу и к воинскому коллективу.

Необходимость движения к общей цели – служению Отечеству – предполагает наличие определённой общности взаимодействия между военнослужащими. Если общность цели и взаимодействие захватывают всех членов коллектива, если они вовлекаются в процесс психологического сближения (единения), то без внимания остаются многие неурядицы, личные неприязни, антипатии и т.п. У сплочённого воинского коллектива меньше проблем в общении, меньше напряженности и недоверия, выше показатели служебной деятельности.

Асоциальные межличностные и межгрупповые отношения внутри коллектива, моббинг (неуставные отношения), девиации поведения, несправедливое распределение обязанностей между военнослужащими, финансово-материальные трудности прохождения службы, организационные просчёты и т.д. снижают сплочённость коллектива, потенцируют межличностные конфликты.

На состояние сплочённости коллектива большое влияние оказывает психологическая совместимость военнослужащих, которая, к сожалению, учитывается не всегда. Обеспечение совместимости достигается в первую очередь правильным подбором и расстановкой военнослужащих.

Информированность является одним из основных условий сознательного поведения военнослужащего в соответствии с поставленными целями и задачами, а также с учётом социально-психологического коллектива в воинском коллективе.

Хорошо организованная, структурированная и доведённая до личного состава информация, адресованная всем и доходящая до каждого, делает военно-

служащего сопричастным к жизни коллектива, к его целям. В таких случаях меньше остается равнодушных, пассивных военнослужащих. Ни один из командиров не может рассчитывать на поддержку воинского коллектива (в т.ч. в экстремальных условиях), если он не использует или слабо использует все каналы информации (устные приказы и распоряжения, информирование, личные беседы, боевые листки, приказы, отданные в письменной форме, средства мультимедиа и т.п.).

Под *активностью* понимается деятельность, которая совершается личностью не столько в силу необходимости выполнения служебно-должностных обязанностей, сколько как свободное самовыражение. В этом случае активность личности есть стремление к удовлетворению потребности в труде (службе) и познании.

Военнослужащий стремится полнее реализовать и раскрыть свои способности и наклонности. Именно этим осуществляется его всестороннее, целостное развитие как личности. Степень проявления активности и развития инициативы военнослужащего в значительной мере зависит от того, действует ли он наедине с собой или в условиях прямого контакта с сослуживцами. Как известно, и чувства, и морально-психологическое состояние, и сознательная активность, и регуляция поведения человека на людях заметно отличаются от его поведения в одиночестве. Отношение военнослужащих к службе, их активность и добросовестность выполнения поручаемых задач находятся в прямой зависимости от характера взаимоотношений командира и подчинённых, а также отношений внутри воинского коллектива.

Организованность обеспечивается чётким определением и упорядочением функций, прав и ответственности военнослужащих. Она проявляется в характере реакций конкретного подразделения на изменения внешней среды, условия несения службы, на внутреннюю и внешнюю информацию. От организованности процесса управления силами и средствами зависит отношение личного состава к службе и состояние воинской дисциплины.

Командиру легче служить в высокоорганизованном коллективе, но для создания такого коллектива от него требуются большие усилия, психолого-педагогическая компетентность. Дело в том, что на организованность воинского коллектива влияет очень много объективных и субъективных факторов: и характер деятельности, и напряженность службы, и потенциал коллектива, и общее состояние дисциплины, и другие.

Для оценки климата коллектива можно использовать как прямые (психологические), так и косвенные (внепсихологические) показатели. Среди психологических выделяются анкетирование, диагностические обследования, наблюдение, интервьюирование[2]. Внепсихологические опираются на показатели служебной деятельности, текучесть кадров, состояние дисциплинарной практики, уровень заболеваемости и травматизма, количество жалоб и обращений в различные органы и организации (например, комитет солдатских матерей, прокуратуру и т.п.).

Одним из важнейших факторов формирования социально-психологического климата коллектива в воинских коллективах, вне всякого сомнения, является грамотная деятельность руководителя. В Вооруженных силах любой страны установлен принцип единоначалия. Единоначалие означает, что командир несёт всю полноту ответственности перед государством и руководителями оборонного ведомства за выполнение задач, возложенных на возглавляемое им подразделение. При этом руководящий состав наделён соответствующими правами, которые позволяют оперативно управлять подчинёнными подразделениями и отдельными военнослужащими, решать кадровые вопросы.

Высокая культура взаимоотношений предполагает чёткое знание и твердое соблюдение норм и процедур межличностного общения её носителей [7]. Главный его императив – это объективно задаваемое командирами предписание взаимодействовать военнослужащими между собой в обмене равными предоставлениями и получениями в качестве равных, свободных и формально независимых друг от друга лиц. Необходимое условие конструктивного общения – развитые и упрочившиеся в общественном сознании представления о достоинстве каждого отдельного индивида (коллектива), признание первостепенной значимости, ценности его автономии и свободы. Доброжелательное отношение к сослуживцам (как к старшим по званию, так и к подчиненным) – непременное условие высокой культуры взаимоотношений военнослужащих.

Личность руководителя – это один из центральных слагаемых успешного управления. Так, командир – всегда волевой человек. Его, как правило, характеризуют разумная настойчивость, решительность, энергичность, упорство в достижении цели, высокая самодисциплина, целеустремлённость, собранность, отсутствие боязни принимать решения в ответственных ситуациях и стремления переложить ответственность на других.

Немаловажное значение для руководителя имеет контактность – общительность, интерес к подчинённым, способность располагать к себе военнослужащих, выслушивать, понимать и убеждать их, способность взглянуть на проблему глазами другого. Важной психологической характеристикой является также стрессоустойчивость – интеллектуальная и эмоциональная защищенность в проблемных ситуациях, самообладание и трезвость мышления при принятии индивидуальных и коллективных решений.

В массе неотъемлемых психологических качеств командира выделяется доминантность, которую следует понимать как свойство властности, честолюбия. Эти качества предполагают стремление к личной независимости в любых обстоятельствах, готовность к бескомпромиссной борьбе, отсутствие преклонения перед авторитетами, самоуважение, соседствующее с высокой самооценкой, высокий уровень притязаний.

Среди деловых качеств выделяются психолого-управленческие знания и умения. Так, например, для командира глубокое знание военного дела – это основа службы. В качестве наиболее важных навыков (умений) отмечается: умение видеть перспективу, найти главное звено в работе, изучать, подбирать и расставлять кадры, готовность идти на оправданный риск, своевременно при-

нимать решения и претворять их в службу, делегировать полномочия, мотивировать подчинённых, организовывать личный труд, отстаивать интересы своего коллектива.

Особая роль в формировании социально-психологического климата в воинском коллективе отводится индивидуальному подходу [4, 6]. Являясь неотъемлемой составной частью комплексного подхода к решению психолого-воспитательных задач, он позволяет наиболее полно учитывать особенности личности, её запросы, устремления и интересы, на этой основе определять наиболее эффективные формы и методы управленческого воздействия на личный состав, направленные на устранение или компенсацию отрицательных черт, развитие положительных качеств.

Задачи профилактики, обучения (подготовки) и воспитания личного состава можно претворять в жизнедеятельность более успешно, если хорошо знать подчинённых, уровень их психического развития, общеобразовательной и специальной подготовки, мотивацию и способности, если глубоко понимать и учитывать в своей работе возрастные, физиологические и психологические особенности военнослужащих[1, С. 8-9]. По сути, речь идёт о системе психолого-педагогических воздействий на подчинённого с учётом его личностных особенностей, конкретной ситуации в целях всестороннего развития индивидуума и успешного выполнения им служебных задач. В ходе прохождения военной службы инициируются саморазвитие и самосовершенствование военнослужащего [3]. Работа проводится со всеми военнослужащими и сочетается с коллективными формами работы с личным составом.

Индивидуальный подход в работе с воинскими коллективами имеет свои особенности, среди которых, в первую очередь, следует выделить такие как:

— подход обладает наибольшей целеустремленностью и конкретностью, т.к. проводится всегда с конкретным человеком и преследует конкретные актуальные для каждого момента цели;
— подход характеризуется оперативностью, когда работа может проводиться в любое время, в любой боевой обстановке, наиболее доступна всем субъектам психолого-воспитательного процесса;
— подходу присущи высокая результативность и действенность, это обеспечивается применением самых разнообразных психолого-педагогических средств и методов влияния на военнослужащих с учётом их индивидуальных особенностей, как в общем плане, так и с учётом реакции на коррекционное воздействие в конкретной ситуации.

Изучение личности военнослужащего включает в себя оценку профессионально важных качеств, на которые следует опираться командиру, уровня развития особенностей личности, необходимых ему в учебно-воспитательном процессе, но развитых недостаточно, наличия отрицательных качеств, затрудняющих индивидуально-воспитательную работу с ним или снижающих эффективность несения службы.

Основные требования, предъявляемые к современным военнослужащим, кроятся не только в их операциональных возможностях, но и в способности к

обучению, способности перемещения (мобильность), умении работать в группе. Успех боевой задачи во многом зависит от активности и личностной позиции каждого военнослужащего, дисциплинированности и сплочённости коллектива, готовности взять на себя ответственность за выполнение поставленных задач.

Таким образом, в настоящее время актуальным является кадровое обеспечение военной службы, предполагающее создание стройной системы оценки, подбора, воспитания и развития, а также подготовки военнослужащих. В этих условиях особую актуальность начинают приобретать вопросы, относящиеся к повышению культуры взаимоотношений, совершенствования работы с личным составом. Привлечение достижений современной психологии и педагогики в управление воинскими коллективами позволяет повысить раскрыть потенциал личности и воинского коллектива, обеспечить высокую морально-психологическую готовность личного состава к выполнению возложенных на подразделение задач.

Литература

1. Марьин М.И., Мальцева Т.В., Петров В.Е., Сафронов А.Д. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. 195 с.
2. Петров В.Е. Анализ ценностно-ориентационного единства для изучения социально-психологического климата // Психопедагогика в правоохранительных органах / Омская академия МВД России. Омск, 2006. №1(25). С.18-21.
3. Петров В.Е., МальцеваТ.В. Психологическое консультирование сотрудников органов внутренних дел: монография. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 168с.
4. Петров В.Е., Просвирин А.В. Сплочение служебных коллективов органов внутренних дел Российской Федерации: психологический тренинг: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2012. 73с.
5. Попов Д.Г. Морально-психологическое состояние сотрудников и социально-психологический климат служебного коллектива // Юридическая психология. 2009. № 4. С.26-29.
6. Психология служебной деятельности: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности» / В.Л. Цветков, А.Г. Караяни, М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 367 с.
7. Разин А.В. Этика: учебник для вузов. М.: Академический Проект, 2006. 624с.

НЕСТЕРОВА Е.Н., кандидат биологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

КАРАВАЙЦЕВ Я.И., ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ПРИМЕНЕНИЕ МОДИФИЦИРОВАННОЙ МЕТОДИКИ «СИСТЕМЫ ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛОВ» ДЛЯ ОТБОРА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПО ПРИЗВАНИЮ К СЛУЖЕНИЮ РОДИНЕ

Предложена методика отбора военнослужащих по призванию к служению Отечеству и ее апробирование на примере курсантов военного вуза.

Ключевые слова: методика отбора военнослужащих, смыслы жизни, служение, патриотизм.

***

Как существо сознательное, каждый человек задумывается над смыслом своей жизни, который формируется под влиянием общества, культуры, воспитания и многих других факторов. И каждый по-своему отвечает на этот вопрос: кто-то видит смысл жизни в карьере, кто-то в политике, кто-то в семье, кто-то в служении науке, кто-то в служении богу, а кто-то в служении Родине.

«Родина - отечество, отчизна, страна, в которой человек родился, исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов» (Исторический словарь, 2013).

Человек, сделавший выбор служения Родине осознано, может руководствоваться многими причинами: для кого-то это льготы, социальная и материальная защищенность, для кого-то это семейная традиция, кто-то считает, что это его призвание – служить, защищать, быть на страже своего государства.

Призвание это жизненное предназначение и направленность человека, придающие целесообразность, осмысленность и перспективность его деятельности. Осознание призвания предполагает развитое самосознание и культуру самоанализа, осмысление своих потребностей, самооценку способностей, опре-

деление путей реализации целей, которые согласуются со смыслом жизни личности. Таким образом, призвание, прежде всего, связано с выбором профессии.

Служить Родине в нашем понимании это значит быть патриотом своей страны, который любит свое Отечество не за то, что оно дает ему какие-то блага и привилегии, а потому, что родная земля и интересы его страны – это высшая ценность. Доказательством тому служат многочисленные примеры из военной истории прошлого и настоящего. В наше время военнослужащим российской армии тоже приходится выполнять непростые задачи, как на своей территории, так и за её пределами. И все подвиги и поступки по защите своей страны и ее интересов являются примерами служения Родине, которые были совершены с высоким проявлением патриотизма.

В 2015 году нами было проведено исследование смыслов жизни курсантов военного вуза по методике Котлякова В.Ю. «Исследование системы жизненных смыслов» (2013) [4]. По результатам исследования было выявлено, что доминирующими жизненными смыслами курсантов военного вуза были категории семейная, статусная, альтруистическая и экзистенциальная.

На наш взгляд, в данной методике не выявляется один из глубинных жизненных смыслов военнослужащих – это служить Родине - защищать и быть готовым отстаивать интересы своего государства. Поэтому нами была проведена модификация этой методики, которая заключалась в добавлении к уже существующим смысложизненным категориям еще одной – патриотической, которая дает возможность курсантам проявить немаловажный для них потенциал.

Актуальность и новизна работы заключается в исследовании смыслов жизни у военнослужащих с помощью модифицированной методики.

Гипотеза исследования состоит в том, что для военнослужащего доминирующим смыслом жизни является служение Родине.

Целью исследования является выявление жизненных смыслов и их соотношений в системе жизненных смыслов курсантов 3 курса военно-гуманитарного факультета Военного университета по модифицированной нами методике.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) Модификация методики В.Ю. Котлякова (2013)«Исследование системы жизненных смыслов» с целью добавления в нее категории «Патриотическая».
2) Апробирование модифицированной методики.
3) Анализ и интерпретация полученных результатов.

Для модификации методики мы добавили к 24 жизненным смыслам еще три: «*чтобы служить Отчизне», «чтобы быть достойным сыном Отечества», «чтобы защищать Родину*» которые, на наш взгляд, характеризуют патриотическую смысложизненную категорию.

В ходе апробирования модифицированной методики было проведено обследование отдельных военнослужащих военного вуза.

Респонденты, принимавшие участие в опросе, в количестве 42 человек

были в возрасте 20-23 года. Среди принимавших участие в исследовании респондентов многие имели различные сроки службы в действующих войсках. Согласно нашей методике обследуемым курсантам было предложено 27 жизненных смыслов, на которые человек может ориентироваться в своей жизни:

1. … чтобы помогать другим людям
2. … чтобы быть свободным
3. … чтобы получать удовольствие
4. … чтобы совершенствоваться
5. *... чтобы служить Отчизне*
6. … чтобы быть с близким человеком
7. … чтобы передать все лучшее своим детям
8. … чтобы понять себя самого
9. … чтобы делать добро
10. *... чтобы быть достойным сыном Отечества*
11. … чтобы испытывать личное счастье
12. … чтобы осуществить себя
13. … чтобы сделать хорошую карьеру
14. … чтобы чувствовать, что кому-то нужен
15. … чтобы жить ради своей семьи
16. … чтобы познать Бога
17. … чтобы улучшать мир
18. … чтобы любить
19. … чтобы получать как можно больше ощущений и переживаний
20. … чтобы реализовать все свои возможности
21. … чтобы занимать достойное положение в обществе
22. … чтобы радоваться общению с другими
23. … чтобы помогать своим родным и близким
24. … чтобы понять жизнь
25. … чтобы добиваться успеха
26. *... чтобы защищать Родину*
27 ...чтобы просто жить

Обследуемые произвели рейтинговую оценку предложенных жизненных смыслов распределив их с 1 по 9 места по три смысла на каждое место.Все жизненные смыслы были распределены по 9-ти категориям: Альтруистическая, Экзистенциальная, Гедонистическая, Самореализация, Статусная, Коммуникативная, Семейная, Когнитивная, Патриотическая.

Интерпретацию ведущих категорий жизненных смыслов можно представить следующим образом:

- *альтруистическая категория* жизненных смыслов, включает в себя бескорыстную помощь другим людям, оказание содействия, добра, служение общему благу, пренебрегая собственной выгодой;

- *экзистенциальная категория* жизненных смыслов, придаёт ценность самой жизни, желанию иметь свободу выбора, испытывать любовь во всех ее проявлениях;

- *гедонистическая категория* жизненных смыслов, выражается в желании получать удовольствие от жизни, быть счастливым, наслаждаться всем разнообразием доступных человеку эмоций и ощущений;

- *категория самореализации* включает желание исполнить свое предназначение, реализовать все свои способности и возможности, совершенствовать свою личность и отношения с окружающим миром;

- *категория статусных* жизненных смыслов, выражается в стремлении занимать высокое положение в обществе, активно строить карьеру, добиваться успеха и признания в глазах окружающих;

- *коммуникативная категория* жизненных смыслов, включает желание общаться с другими людьми, переживать эмоции, связанные с общением, чувствовать свою нужность и причастность к жизни других людей;

- *категория семейных* жизненных смыслов проявляется в заботе о членах своей семьи, жизни ради нее, а так же передавать все лучшее своим детям, участвовать в судьбе родных и близких людей;

- *категория когнитивных* жизненных смыслов это желание познавать жизнь, разбираться в противоречиях окружающего мира и собственной личности, искать смысл и причины происходящего.

- *патриотическая категория* жизненных смыслов - это любовь к Отечеству, преданность своему народу, ответственность передним, готовность защищать и отстаивать интересы своего государства;

В зависимости от полученной суммы ранговых значений по каждой категории, можно оценить представленность каждой из них в личной системе жизненных смыслов обследуемого по следующим критериям:

20 - 27 балла - категории игнорируемых жизненных смыслов;

11 - 19 баллов - категории нейтральных жизненных смыслов;

3 - 10 баллов - категории ведущих жизненных смыслов.

Таким образом, согласно методике, чем меньше сумма ранговых значений, тем большее значение имеет эта категория в системе жизненных смыслов обследуемых, и наоборот.

Результаты исследования

По результатам обследования курсантов было составлено ранжирование категорий жизненных смыслов обследуемых, которое представлено в таблице.

Табл. 1. Ранжирование жизненных смыслов курсантов по категориям

n\n	Категории жизненных смыслов /баллы	20– 27 б игнорируемые	11 – 19 б нейтральные	3 – 10 б ведущие
1.	Альтруистическая	12 чел.	20 чел.	10 чел.
2.	Экзистенциальная	9 чел.	25 чел.	8 чел.
3.	Гедонистические	15 чел.	23 чел.	4 чел.
4.	Самореализация	5 чел.	30 чел.	7 чел.
5.	Статусные	7 чел.	25 чел.	10 чел.
6.	Коммуникативные	6 чел.	27 чел.	9 чел.
7.	Семейные	4 чел.	15 чел.	23 чел.
8.	Когнитивные	16 чел.	20 чел.	6 чел.
9.	Патриотическая	8 чел.	16 чел.	18 чел.

На основании полученных данных были построены профили жизненных смыслов обследованных курсантов военного вуза, где на горизонтальной оси диаграммы обозначены категории жизненных смыслов, на вертикальной – баллы по каждой из категорий (рис.1).

Исходя из полученных данных письменного опроса для большинства курсантов ведущими категориями жизненных смыслов (3-9 балов) оказались семейная и патриотическая категории - соответственно 55% и 43%.

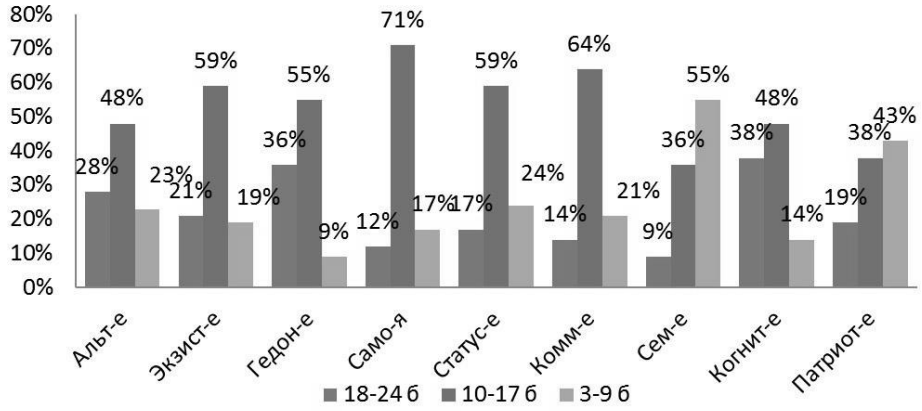

Рис. 1. Профили жизненных смыслов курсантов Военного университета.

Следующими по количеству курсантов выбравших ведущими категории своих жизненных смыслов оказались статусная и альтруистическая - 24% и 23 % соответственно, что можно видеть на рисунке 2.

Интерпретацию ведущих категорий жизненных смыслов можно предста-

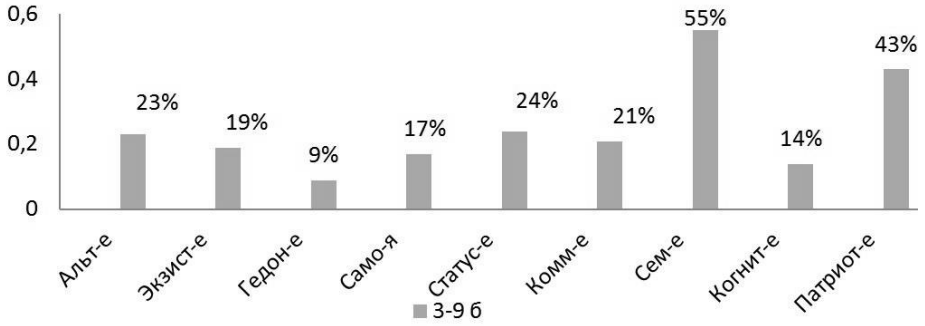

Рис.2 Ведущие категории (3-9 балов) жизненных смыслов курсантов Военного университета.

вить следующим образом:

Интерпретация данных. В зависимости от полученной суммы ранговых значений по каждой из категорий, вы можете оценить представленность каждой из категорий в вашей личной системе жизненных смыслов.

По результатам исследования системы жизненных смыслов с помощью модифицированной методики у военнослужащих военного вуза можно сделать следующие выводы.

Для 55% обследуемых военнослужащих ведущей категорией жизненных смыслов является «семейная». Высокий показатель данной категории совпадает с нашими исследованиями в 2015 г. по методике «Исследование системы жизненных смыслов» (Котляков В.Ю., 2013) [3].

Для 43 % военнослужащих ведущей категорией жизненных смыслов оказалась «патриотическая», что подтверждает нашу гипотезу о доминирующем смысле жизни военнослужащих – служение Родине.

Эти результаты дают обоснование нашей модификации методики Котлякова В.Ю. (2013)«Исследование системы жизненных смыслов» для военнослужащих.

Статусная и альтруистическая категории жизненных смыслов являются ведущими для 24% и 23% обследуемых военнослужащих соответственно, что так же соотносится с предыдущими результатами исследований.

Остальные ведущие категории жизненных смыслов были представлены у меньшего числа обследуемых. Наименьшее значение среди ведущих категорий получили такие категории смыслов жизни как когнитивная (14%) и гедонистическая (9%).

Модификация нами методики В.Ю. Котлякова (2013) «Исследование системы жизненных смыслов» позволила глубже понять смыслы жизни и их соотношение у военнослужащих на примере курсантов военного вуза.

Таким образом, наша гипотеза, предполагавшая, что патриотическая категория жизненных смыслов окажется в числе ведущих у большинства курсантов военного вуза в результате апробирования модифицированной методики подтвердилась и может указывать на осмысленный выбор большинства курсантов своей профессии – военного психолога и готовность пройти все трудности военной жизни для процветания и обороноспособности своей страны – Российской Федерации. Это позволяет использовать модифицированную методику исследования системы жизненных смыслов для отбора военнослужащих по призыву и по контракту в различные подразделения по призванию к служению Родине.

Литература

1. Вайзер Г.А., Незнаева Т.В. О смысле жизни курсантов высшего военного училища. Психологические проблемы смысла жизни и акме. Материалы XIV симпозиума /Под ред. Г.А. Вайзер, Н.В. Кисельниковой. – М.: ПИ РАО, 2009.
2. Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Служение Отечеству как смысл российского патриотизма. Научно- популярное издание. — Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2005. – С. 119.
3. Котляков В.Ю. Методика исследования системы жизненных смыслов. Вестник КемГУ 2013 № 2 (542) Т. 1. - С. 148-153.
4. Нестерова Е.Н., Каравайцев Я.И. Модификация и апробирование методики «Исследование системы жизненных смыслов» В.Ю. Котлякова (2013), Вестник Института мировых цивилизаций 2016 №12 «Материалы Международной научно-практической конференции «Россия и мир: столкновение цивилизаций в XXI веке» VI ежегодные научные чтения Москва – 2016. - С.144-150.
5. Нестерова Е.Н., Каравайцев Я.И. Особенности понимания личности человека в экзистенциальной психологии на примере изучения системы жизненных смыслов курсантов». Сборник научных статей: «Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности. – Вып. 4.- Москва, ВУ МО, 2015. - С 38-44.
6. Нестерова Е.Н., Каравайцев Я.И. Изучение системы жизненных смыслов у курсантов Военного университета. Вестник МАНЭБ, Брянск-С-Пб, том 20. №3., 2015.- С.146-153.

ПОЛЯКОВ С. П., доктор педагогических наук,
профессор кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО
РФ, профессор

ПЕТРОВ В.Е., кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ПСИХОДИАГНОСТИКА В ПРОГНОЗИРОВАНИИ УСПЕШНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Статья посвящена разработке модели прогнозирования успешности деятельности сотрудников правоохранительных органов. В качестве диагностического инструментария выступил Пятифакторный личностный опросник. В ходе лонгитюдного исследования были установлены статистически значимые различия между личностными особенностями успешных и неуспешных сотрудников полиции (Госавтоинспекции и службы участковых уполномоченных). Основу регрессионной прогностической модели составили такие показатели опросника как «нейротизм», «сознательность» и «уживчивость». Предлагаемый подход позволяет, осуществляя превентивную психологическую диагностику, существенно улучшить показатели работы с личным составом, а также повысить результативность правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: психодиагностика, прогнозирование, регрессионная модель, профессиональный психологический отбор, успешность деятельности, показатель.

***

Объективно возрастающий объём служебных задач, высокая психическая напряженность профессиональной деятельности, изменение привычных условий труда, затруднённые условия профессионального общения личного состава правоохранительных органов и многие другие факторы могут создавать сложности в адаптации и прохождении службы молодым сотрудникам, не имеющим

необходимого для службы уровня развития определённых личностных качеств. Одним из аспектов данной проблемы является неэффективное решение задач по определению профессиональной психологической пригодности к службе, а также распределение кандидатов по должностям подразделений и служб в соответствии с их специализацией и требованиями к уровню образования, опытом работы и профессионально важным качествами. В контексте вопроса о совершенствовании отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы чрезвычайно сложным, но перспективным выступает психодиагностическое прогнозирование успешности профессиональной деятельности [1].

Прогнозирование успешности освоения професии и эффективности последующей деятельности сотрудника в обычных и экстремальных условиях является одной из важнейших задач практического психолога [7, 9]. Использование результатов социально-психологического изучения при интегрировании с данными психологического обследования независимо от класса специальностей позволяет повысить прогностичность итогового заключения о профессиональной пригодности.

В целях разработки психодиагностической технологии прогнозирования успешности профессиональной деятельности нами было проведено соответствующее научное исследование. В его теоретико-методологической части проводился анализ профессионально важных качеств личности сотрудников полиции (применялся контент-анализ литературных источников[3, 4, 5], фокусированное интервьюирование руководителей относительно слагаемых успешного труда, анализ результатов деятельности). Так, в качестве базовых психологических характеристик сотрудников полиции нами были выделены блоки индивидуально- и социально-психологических качеств, таких как, морально-нравственные качества, качества характеризующие интеллектуально-мыслительный потенциал личности, качества обеспечивающие психологическую устойчивость (способность переносить стрессовые нагрузки, в том числе длительно, сохранять при этом эмоциональное равновесие и работоспособность), а также определённые коммуникативные качества. Выделенные на основе профессиографического анализа качества были сведены к диагностическим индикаторам методик, после чего уточнены в ходе соответствующего эмпирического исследования.

Эмпирическая разработка и проверка модели прогнозирования успешности деятельности сотрудников полиции была проведена в период с 2013 по 2016 годы. В этих целях экспертным путем были образованы две контрастные по степени успешности профессиональной деятельности группы по 40 человек (по 20 сотрудников Госавтоинспекции и участковых уполномоченных полиции). Решение принималось экспертной группой (руководитель структурного подразделения, непосредственный начальник, психолог). Также принимались во внимание объективные показатели – дисциплинарная практика в отношении сотрудника, показатели служебной деятельности (количество составленных административных документов, отзывы населения и др.).

1 группа сотрудников – 40 человек (успешные сотрудники).

2 группа сотрудников – 40 человек (неуспешные сотрудники).

При выборе метода для эмпирического исследования мы исходили из особенностей профессиональной деятельности ведущих служб полиции. Так, рассматривая сегодняшние условия труда, приходится признать, что оперативное решение каких-либо задач, связанных с привлечением самих сотрудников, (например, исследование профессионально важных качеств) предопределено следующей особенностью профессиональной деятельности: большой объем рабочей нагрузки в течение рабочего дня. Это заставляет использовать нетрудоемкие и не занимающие много рабочего времени методы. К тому же, анализ программ массовых психологических и иных исследований показывает, что при их составлении предпочтение отдается таким заданиям, которые требуют кратких ответов или простого указания, а не таким, которые предполагают обстоятельные ответы. Краткие ответы способствуют объективности оценки, они уменьшают возможное влияние беглости речи и снижают возможность различного истолкования задания, предложенного человеку[11].

С учетом вышеуказанной особенности профессиональной деятельности, а также в связи с большим организационным преимуществом для экспериментально-психологического исследования был выбран стандартизованный тест.

Критериями выбора методики психодиагностического прогнозирования выступали: 1) возможность оценки ведущих (устойчивых) характеристик личности сотрудников полиции, не отличающихся высокой динамикой возрастного развития и влиянием ситуативных переменных, 2)хорошие психометрические характеристики методики; 3) технологичность (время обследования – до 30 минут, минимальная вовлеченность психолога в процедуру тестирования, удобство обработки и интерпретации полученных результатов) процедуры психодиагностического обследования. Был проведен анализ диагностического инструментария, включенных в состав автоматизированного комплекса «Мультипсихометр».

В качестве прогнозирования Пятифакторного личностного опросника (NEO Five-Factor Inventory). Диагностические индикаторы – экстраверсия (Extraversion), добросердечность или согласие (Agreeableness), добросовестность или сознательность (Conscientiousness), эмоциональная стабильность (Emotionalstability) и интеллектуальность или открытость опыту (Intellect / Opennesstoexperience) – удачно сочетались с прогнозируемыми (по результатам профессиографического анализа) профессионально важными качествами [2, 6, 8, 10, 12, 13].

Результаты обследования по методике FFI свидетельствует о том, что сотрудники и 1 и 2-ой группы готовы прийти на помощь человеку, проявить сочувствие и понимание, для них характерно стремление к успешной коммуникации. Учитывая особенности служебной деятельности сотрудников Госавтоинспекции и участковых уполномоченных полиции, вышеперечисленные качества необходимы для успешного осуществления данной профессиональной деятельности.

Существенные различия отмечены по шкалам N, E, A и C, индексам «Психологическая готовность к несению службы с оружием» и «Адаптационный потенциал индивида» (табл. 1).

Табл. 1 Сравнительный анализ факторов методики FFI для групп успешных и неуспешных сотрудников (сырой балл)

Фактор	Успешные		Неуспешные		t-критерий
	Xср	СКО	Xср	СКО	
N	18,79	2,59	25.90	3,34	7,5206**
E	44,84	5,49	41.85	4,51	1,8830
O	35,37	3,6	35.25	2,29	0,0940
A	47,20	3,60	44.30	3,43	2,6601*
C	50,80	4,22	47.50	4,39	2,4500*

Примечание:
** - уровень значимости p<0,001;
* - уровень значимости p<0,05.

По шкале нейротизма у данных контрастных групп получилась наибольшая разница в коэффициентах. Эта характеристика говорит о тенденции неуспешных сотрудников испытывать негативные эмоции (такие как тревога, страх, грусть, депрессия, раздражение, враждебность). Успешные, наоборот, достаточно хорошо уравновешены и социально адаптированы, в основном испытывают положительные эмоции.

Несмотря на определённые различия в данных по шкале «Экстраверсия», мы пришли к выводу, что как сотрудникам 1 группы, так и сотрудникам 2 группы характерен экстравертированный тип поведения. Иначе говоря, сотрудники с таким типом поведения очень общительны, социально активны, жизнерадостны, оптимистичны, имеют хорошо развитое эмоциональное реагирование, отличаются высокой гибкостью поведения, стремлением к постижению нового, инициативностью и импульсивностью. Это объясняется тем, что для лучшего выполнения служебных обязанностей сотрудникам полиции необходимы коммуникабельность, бесконфликтность, социальная смелость и активность в социальных контактах, готовность иметь дело с незнакомыми обстоятельствами и людьми. Они держатся свободно, раскрепощенно, чувствительны и отзывчивы. Им свойственна хваткость, сообразительность, быстрота и оптимистичный взгляд на жизнь.

Сравнительный анализ сырых данных психодиагностического обследования указывает на статистически значимые различия по факторам N (значимость на уровне 0,001), A, C (значимость на уровне 0,05). В то же время сравнение показателей по шкале станайн указывает на достоверность различий лишь по фактору N (значимость на уровне 0,001). Можно сделать вывод, что прогнозирование успешности будет более точным при анализе данных в первичных (сырых) баллах. Таким образом, в качестве исходных данных для разработки модели психологического прогнозирования успешности профессиональной деятельности выберем сырые баллы по шкалам N, A и C.

R = 0.37*A+0.11*C-N

где А (Добронравие/ уживчивость - альтруизм, доверие и симпатия к людям, стремление помочь и готовность самому обратиться за помощью, честность, уступчивость, скромность, чуткость, заботливость), С (Сознательность – целеустремленность, чувство долга, пунктуальность, последовательность, компетентность, организованность, обязательность, исполнительность, стремление к профессиональным достижениям, самодисциплина, взвешенность), N (Нейротизм – тенденция испытывать негативные эмоции (такие как тревога, страх, грусть, депрессия, раздражение, враждебность)).

Правило прогнозирования будет следующим: если значение R больше 4 баллов, то прогнозируется высокая успешность профессиональной деятельности кандидата, соответственно данная кандидатура «рекомендуется в первую очередь»; от 1 до 4 баллов - «рекомендуется»; от -1 до -4 баллов – «условно рекомендован»; ниже -4 баллов - «не рекомендуется», так как прогнозируется низкая успешность его дальнейшей профессиональной деятельности. Значения R в диапазоне от – 1 до + 1 являются зоной неопределенности. Точность прогнозирования успешности деятельности сотрудников полиции составляет 95%, при этом точность прогнозирования не успешности - 95%. Существенен временной период прогнозирования, в нашем случае он оказался от 1 года до 3 лет.

Кандидаты, показавших низкие результаты, не должны приниматься на службу даже в том случае, если существует значительный некомплект, поскольку они имеют слишком мало шансов для успешного ее выполнения. Данная категория лиц характеризуется проявлением таких качеств как, склонность к депрессии, тревоге, раздражению, страху, выраженными признаками депрессивного состояния (утрата интереса к жизни, несостоятельность), повышенная тревожность, враждебность по отношению к людям, цинизм. Свойственна беспечность и безразличность к исполнению обязательств, характерна аморфность к формированию целей, значимых для себя и для общества. В межличностных взаимоотношениях и социальных контактах характерен поиск выгоды, стремление манипулировать людьми для достижения значимых для себя целей.

Помимо приведенного тестового инструментария в прогнозировании успешности профессиональной деятельности сотрудников полиции необходимо учитывать данные полученные в результате:

- социально-правового отбора (проверка соответствия установленным требованиям по социальным и демографическим данным, образованию, отношению в военной обязанности, специальности, трудовому и жизненному опыту, характеристикам, криминологическому и наркологическому учетам, достоверности представленных сведений, документов, а также отсутствия негативной информации на ближайшее окружение претендента);
- медицинского отбора (определение соответствия состояния физического и психического здоровья установленным требованиям);
- отбора по уровню физической подготовленности (определение соответствия основных физических качеств установленным требованиям).

Проведенное нами исследование позволило разработать технологию психодиагностического прогнозирования успешности профессиональной деятельности сотрудников полиции, которая, по нашему мнению, значительно совершенствует процесс и повышает качество профессионального отбора специалистов при трудоустройстве.

Литература

1. БурлачукЛ.Ф. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. СПб.: Питер, 2002. С. 536.
2. Князев Г.Г., Митрофанова Л.Г., Бочаров В.А. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов большой пятерки» // Психологический журнал, 2010. Т. 31. № 5. С. 100-110.
3. Кокорев А.Н., Лаврентьева М.С. Организация деятельности участковых уполномоченных милиции: учебное пособие. М. КНОРУС, 2010. 352 с.
4. Мартиросова Н.В. Расстановка кадров в подразделениях охраны общественного порядка на основе компетентностного подхода // Психопедагогика в правоохранительных органах / Омская академия МВД России. Омск, 2013. № 2 (53). С. 16-18.
5. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе внутренних дел: Справ. пособие / Б.Г. Бовин, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронов. М.: НИЦ проблем медицинского обеспечения, 1997. 342 с.
6. Петров В.Е. Психологическая диагностика: Учебное пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2008. 365 с.
7. Петров В.Е. Психодиагностическое прогнозирование успешности деятельности сотрудников полиции // Медико-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. С. 29-34.

ГУРЛЕВ В.А., психолог в\ч 78705
БАРСУКОВА Е.Г., психолог в\ч 78705

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАЧАЛЬНИКА И ПОДЧИНЕННОГО В КОНТЕКСТЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОХРАНЯЕМОМ ОБЪЕКТЕ

В статье раскрываются основные аспекты эффективных взаимоотношений руководителей и подчиненных государственных структур, которые зависят от уровня профессиональной подготовки, знания и применение правовых актов, высокой морально-психологической подготовки, мотивации и этической ориентации военнослужащих всех степеней, при выполнении совместной деятельности на охраняемом объекте.

Ключевые слова: благородство, боевая слаженность, верность, военная присяга, военнослужащий, воинская дисциплина, воинский коллектив, достоинство, правовое воспитание, правовая культура, сплоченность, справедливость, Устав Вооруженных Сил Российской Федерации, уставные правила взаимоотношений, честь.

***

Соблюдение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, как важнейшее условие сплоченности и боевой слаженности воинского коллектива.

В настоящее время в социально-правовом пространстве и во всех видах жизнедеятельности человека происходят существенные изменения в содержании и структуре общения, взаимодействия людей. Отметим, что такие изменения происходят и в воинских коллективах [5, с.424]. В силу особого характера совместной образовательной, военно-профессиональной и служебной деятельности проблема взаимоотношений начальника и подчиненного на охраняемом военном объекте, ее организационно-правовой и нравственно-психологический аспекты приобретают особую значимость и актуальность.

Отметим, что порядок организации, культура взаимоотношений между военнослужащими становится все более действенным фактором, который непосредственно влияет на формирование здорового нравственного климата в коллективе, что в свою очередь позволяет военнослужащему более эффективно использовать имеющийся профессиональный, психологический и духовный потенциал при прохождении службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и выполнении воинского долга по защите Отечества.

Необходимость укрепления морально-психологического состояния и психологической устойчивости военнослужащих, повышения их готовности и способности к выполнению задач в любых условиях и обстановке обусловила продолжающуюся в настоящее время реорганизацию системы воспитания, обучения и подготовки личного состава.

Важной и поставленной на сегодняшний день перед обществом задачей является - обеспечение гармоничного развития человека в целях реализации его сущностных сил на благо российского народа.

Решающая роль в решении этой задачи принадлежит военным управленцам. Зрелые отношения, душевный настрой военнослужащих и хорошее морально-психологическое состояние военнослужащих способствуют эффективной деятельности и соответственно эффективному выполнению воинского долга.

Для эффективного и качественного выполнения поставленных боевых, служебных и учебных задач личным составом необходим комплексный подход в обеспечении и решении проблем военнослужащих разными должностными лицами и специалистами. Совместная тесная деятельность специалистов, офицера по ОГП, военно-социальной работы, военного психолога, военного юриста, воспитателя и командиров разных уровней, при проведении мероприятий по психологической профилактике и сохранению психического здоровья военнослужащих, обеспечивает улучшение взаимоотношений военнослужащих и оказывают существенное влияние на эффективную деятельность при выполнении задач на охраняемом объекте [3, с.86].

При рассмотрении структурных элементов психологической совместимости, которая влияет и на взаимопонимание военнослужащих и на их взаимоотношения при выполнении различных задач М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович выделяли, что: «для совместимости необходимо не только психофизиологическое соответствие в быстроте реакций, энергозатратах и т.д., но и единство взглядов на задачи общей деятельности, готовность к сотрудничеству, взаимное приятие партнеров, основанное на сходстве ценностных ориентаций». В эту же схему вписывается и позиция, зафиксированная в трудах А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского: «ценностные ориентации, социальные установки, интересы, мотивы, потребности, характер, темперамент, темп и ритм психофизиологических реакций и другие, значимые для межличностного взаимодействия, индивидуально-психологические характеристики». А С.Е. Поддубный, в свою очередь, считает, что в основе психологической совместимости лежат положительные эмоциональные установки людей друг на друга, взаимовнушаемость, общность интересов и потребностей, сходство динамической направленности психофизиологических реакций. Процесс совместимости на физиологическом уровне представляется довольно простым и, скорей всего, заключается лишь в совпадении физиологических характеристик индивидов. Но по мере включения психических, социальных процессов становится все более сложным. В системе уровней совместимости, верхний – социально-идеологический – может сознательно регулироваться. Включение сознания и эмоционально-волевой сферы в

регулирование взаимодействия обеспечивает в большей или меньшей степени совместимость людей и влияет на их взаимоотношения при выполнении задач.[2, с 27]

Опираясь на эти положения, представляется возможным предположить, что взаимодействие на физиологическом, психологическом и социально-идеологическом уровнях проецируется на личностный уровень взаимодействия, определяя личностные оценки других военнослужащих.

Также очень интересна точка зрения С.В. Круткина, который выделяет личностную и ситуативную совместимость. Личностная совместимость – свойство субъекта как предрасположенность к взаимодействию с партнером, дающая ему эмоциональное удовлетворение от данного взаимодействия, базирующаяся на соотношении их личностных свойств [2, 28].

В установлении здоровых нравственных отношений в воинском коллективе решающая роль принадлежит командирам всех степеней.

Руководитель, знающий все психологические и моральные тонкости человеческого общения в воинском коллективе, не сможет смотреть на подчиненного лишь как на объект воздействия.

В воинском коллективе отношения на уровне координации неразрывно связаны со связями субординации. Основным принципом для руководителя любого звена является принцип уважения к человеку.

Обеспечение боевого дежурства и караульной службы имеет свою специфику, при выполнении задач на охраняемом объекте. Психологическое обеспечение задач, связанных с несением боевого дежурства и караульной службы, является важной предпосылкой и условием эффективного функционирования психики военнослужащих в процессе их выполнения и предупреждения негативных психических явлений и процессов. Психологическое обеспечение как вид деятельности характеризуется комплексом мероприятий по формированию, укреплению и развитию у военнослужащих психологических качеств, обеспечивающих их высокую психологическую устойчивость и готовность выполнять боевую (учебно-боевую) задачу в любых условиях и обстановки. Основной целью психологического обеспечения является достижение устойчивого и эффективного функционирования психики военнослужащих в процессе выполнения задач воинской деятельности на охраняемом объекте [4, с.84].

Основными задачами военного управленца для построения уставных взаимоотношений между военнослужащими, которые выступают важнейшим условием сплоченности и боевой слаженности воинского коллектива, являются:

а) всестороннее изучение социально-психологических условий боевой деятельности: выявление негативных факторов влияющих на психику военнослужащих; выработка и практические рекомендации по их профилактике и преодолению и др.;

б) выявление у военнослужащих психологических качеств и состояний, препятствующих им возможности несения ими службы, а также оценке психологической совместимости дежурных смен (боевых расчетов, караула);

в) обучение военнослужащих приемам психической саморегуляции, позволяющим активизировать служебную деятельность и предупредить возникновение негативных состояний;

г) восстановление психических и физических сил военнослужащих после смены с дежурства, боевого дежурства, караула [4, с.86].

Работа, проводимая должностными лицами, управленцами должна осуществляться строго с соблюдением устава и правил уставных взаимоотношений между военнослужащими, что дает возможность последним формировать высокие профессиональные умения и навыки, развивать высокую психологическую устойчивость, слаженность, сплоченность и готовность выполнять задачи в любых условиях и обстановке.

Триадой, которая дает единообразное понимание выполнения боевых и служебных задач, защищенность, устойчивость, слаженность, сработанность в сложных экстремальных условиях и принятие верного решения командирами и военнослужащими различных категорий является «правовое воспитание и культура - правовая подготовка - профилактика преступлений и правонарушений».

Профессионально-правовое воспитание военнослужащего- это глубокие, объемные и формализованные знания законов и подзаконных актов, понимание принципов права и задач правового регулирования жизни и деятельности военной организации, осознанное отношение к праву и практике его применения в строгом и точном соответствии с правовыми предписаниями или принципами законности, то есть высокая степень владения правом в предметно-практической деятельности. Соответственно, для военного специалиста, управленца это степень обладания правовой компетентностью, уровень специально-юридической подготовки, который формируется в различных звеньях системы непрерывного военного образования и зависит от эффективности всех элементов педагогического воздействия на личность специалиста. [3, с.16]

Основы правового воспитания, правовой культуры офицера закладываются в стенах военного вуза, а совершенствуются, «шлифуются» в различных сферах военно-служебной деятельности в процессе выполнения свих должностных обязанностей. Правовое воспитание и правая культура предстают в качестве важных компонентов эффективности правовой компетентности офицера, и соответственно основой гармоничных, уставных взаимоотношений между начальником и подчиненным на охраняемом объекте.

Структурно и содержательно правовое воспитание и правовая культура включают ряд важнейших компонентов, к наиболее социально значимым из которых необходимо отнести следующие: [3, с.17]

1. Профессионально-правовое мастерство, всестороннее и глубокое знание норм военного законодательства, специфики их практической реализации, качественный уровень правового мышления, оптимизация правовой подготовки и эффективность использования специальных средств.

2. Основательная область знаний по различным, в том числе и смежным, областям права, степень глубины патриотического, политического и экономи-

ческого мышления в анализе складывающихся реалий в государстве, кругозор в сфере специфических проблем Вооруженных Сил РФ.

3 Моральные качества офицера, профессиональная безупречность, служебная дисциплинированность, добросовестность и честность.

4. Социально-политическая и гражданская ответственность за защиту Отечества, безопасность государства, выступающие не только как ценности, но и общенародные интересы.

В целом, правовое воспитание и правовая культура, при таком подходе, представляют собой интегральное явление, характеризующее сущность правового состояния индивида и общества. В этом смысле они не только представляют сумму правовых знаний, но и выступают через высокий уровень внутренних убеждений личности, юридически обоснованный и достаточный профессионализм. Данный процесс по своему характеру двусторонен и обеспечивает развитие как правового воспитания и правовой культуры общества, так и профессиональной правовой культуры офицера [11, с. 198].

Правовое воспитание личного состава Вооруженных сил РФ всегда будет зависеть от уровня правосознания офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации [2, с.203].

Профессиональное правосознание офицера - это представления о праве, формирующееся у офицеров профессионалов, специалистов, на основе мировоззренческой правовой идеологии и специальных юридических знаний. Правовое сознание военного специалиста формируется в период обучения в военном вузе при правовой подготовке.

Важность правовой подготовки военнослужащих как фактора, влияющего на взаимоотношения начальника и подчиненного на охраняемом объекте, определяется следующими аспектами:

- во-первых, правовая подготовка выступает в качестве мощного средства воздействия на сознание личного состава, является средством поддержания высокого морально-психологического состояния военнослужащих, и важнейшей составляющей процесса обучения и воспитания всех категорий военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации;

- во-вторых, политическая ситуация, сложившаяся в обществе, в стране и в мире, ставит перед офицерами Вооруженных Сил Российской Федерации все новые, более ответственные задачи. Государство должно быть заинтересовано в повышении уровня правового сознания военнослужащих;

- в-третьих, изменения в системе комплектования современных Вооруженных Сил требуют поиска новые путей, способов и методов правовой подготовки и обучения военнослужащих, формирования у них профессиональных качеств.

Офицеры должны быть не только специалистами в области военного материально-технического обеспечения, они должны владеть знаниями в области международного гуманитарного права, но иметь полное представление о специфике всех отраслей права, знать нужды военнослужащих, уметь работать с

документацией, использовать средства массовой информации, следить за изменениями правовых основ военной службы.

Для предупреждения преступности военнослужащих на общесоциальном уровне первостепенное значение имеют масштабные общегосударственные меры. Вооруженные Силы должны избавиться от позорных, несовместимых с их предназначением криминогенных явлений и процессов и занять достойное место в обществе. Необходимо обеспечить социальный престиж воинской службы, реальную профессионализацию войск, соответствие всего личного состава современным, качественно новым требованиям. Только на этой основе могут успешно решаться задачи по предупреждению преступлений среди военнослужащих [1, с.382].

Наряду с устранением, нейтрализацией или уменьшением степени воздействия неблагоприятных факторов, влияющих на преступность, необходимо обеспечивать выявление и внедрение новых, благоприятно воздействующих на преступность, факторов или использовать уже существующие факторы такого рода. Например, необходимо учитывать положительное влияние на военнослужащих системы правового воспитания и правовой культуры, строгую регламентацию жизни и быта военнослужащих уставами, обеспечение личного состава предметами первой необходимости и др.

С учетом интересов предупреждения преступлений и других правонарушений следует решительно очищать воинскую среду от командиров и начальников, запятнавших себя аморальными, антиобщественными, а тем более противозаконными действиями.

Важнейшим регулятором поведения военнослужащих является осознание ими ответственности, в чем большую роль играют групповые нормы.

К психолого-этическим нормам, регламентирующим особенности взаимоотношений военнослужащих, а именно начальника и подчиненного, на охраняемом объекте относятся такие категории как:

1. Профессиональная компетентность и грамотность. Данную категорию составляют такие качества как: грамотность, доверие, честность, корректность, надежность, взаимовыручка, взаимопомощь и т.п.
2. Личная ответственность офицеров, военнослужащих за полученные результаты (пропаганда офицерами здоровых нравственных отношений в военном коллективе, их гражданская и нравственная ответственность за результаты и психологический климат в коллективе, забота о коллективе и каждом военнослужащем о нравственном благополучии и пр.).
3. Профессиональное достоинство, совесть, долг, которые проявляются при добросовестном отношении к профессии, сознании профессиональности, военном мышлении, уставном отношении к своим коллегам, взаимоуважении, недопущении негативных методов общения (сплетни, ярлыки, лесть, злопамятство, мстительность, шельмование и др.)и пр.

Стоит также отметить, что профессиональная честь, выступая духовно-нравственной ценностью, является важнейшим фактором формирования самосознание управленца и самоконтроля, которые необходимы при соблюдении

уставных взаимоотношений начальника и подчиненного при прохождении военной службы в Вооруженных силах.

В настоящее время актуальные проблемы в воинском коллективе имеют нравственный, психолого-этический смысл, они так же формируют и развивают профессиональную этику военных кадров в современных условиях[5, с. 38].

Этаким образом, эффективные взаимоотношения руководителей и подчиненных зависят от уровня профессиональной подготовки, знания и применение правовых актов, высокой морально-психологической подготовки, мотивации и этической ориентации военнослужащих всех степеней, при выполнении совместной деятельности на охраняемом объекте. Система эффективных взаимоотношений военнослужащих, учет их психологических (знания, навыки, умения, опыт), этических качеств, высокая правовая подготовка личного состава дают потенциальную возможность преодолевать трудности и успешно решать задачи по выполнению воинского долга - защите Отечества.

Литература

1. Анцупов А.Я., Насиб. Проблемы сплочения воинских коллективов в ВС Сирии.- М.: ГА ВС, 1994.
2. Авдеев Е.С., Влияние психологической совместимости на эффективность совместной деятельности сотрудников, входящих в состав пограничного отряда. ГПА, 2009.
3. Военная психология: методология, теория, практика: Учебно-методическое пособие: В 2-х ч. / Под ред. П.А.Корчемного. - М., 1998.
4. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. Учебное пособие. – М. 2016. С.84-90
5. Корень В.Л., Петрий П.В. Этика военной деятельности.- М., ВУ МО, 2015
6. Ким Н. В. Преступность среди военнослужащих и ее предупреждение // Молодой ученый. 2015. №2. С. 380-381.
7. Крючкова Е.А. Правовая подготовка в военном вузе, как система: сущность и задачи // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 30. С. 202-207.
8. Радченко П.А. Формирование правовой культуры как доминанта в правовой подготовке офицерского состава Вооруженных Сил России // Вестник Самарской гуманитарной академии. №2. 2008. С.10-18.
9. Сыромятников И.В. Организация психологической работы в воинской части в мирное время. М., 2011. 263 с.
10. Тухбиев Х.Г. Проблемы формирования культуры общения военнослужащих в системе военно-профессиональной подготовки // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 10. С. 424-426.
11. Утлик Э.П. Психология дисциплины. - М., 1992. С.198-201

ШАЛИМОВА А.М., кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

СОДЕРЖАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С КУРСАНТАМИ ПО ВОСПРИЯТИЮ КОНЦЕПТА «СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ»

Статья содержит теоретические предпосылки и практические разработки по работе с курсантами, направленной на восприятие ими концепта «служение Родине».

Ключевые слова: Служение, военная служба, военнослужащий, я-концепция, я-образ.

«Офицеры должны знать свой долг и чувствовать всю важность своего звания; их то есть непременная обязанность не только во всех случаях подавать пример повиновения, терпения, веселого духа и неустрашимости, но внушить и вкоренить те же качества, те же чувства в своих подчиненных».

Воронцов М.С.

***

Система высшего образования в РФ обеспечивает выпуск специалистов как в гражданской, так и в военной сфере. Для каждого из данных направлений характерны свои специфические особенности. Студент может выбирать любое направление профессиональной деятельности, не обязательное связанное с полученной специальностью. Курсант, достигнув статуса офицера, обязан посвятить себя служению Родине. В данном случае существует большая степень определенности будущего профессионального пути человека. Ясность предполагаемого жизненного пути, однако, не является гарантией отсутствия внутренних конфликтов у курсантов. На наш взгляд, в восприятии молодым пополнением армии своей профессии, сейчас существуют некоторые трудности. В статье мы предприняли попытку показать предпосылки возникновения таких трудностей и способов достижения смысловых ориентиров военной службы у молодого пополнения.

Исследования, посвященные изучению ценностей современной российской молодежи, демонстрируют предпочтение гедонизма (развлечения), успеха (достижения), новизны. Наименее часто предпочтение отдается ценности традиции и власти. Выявлено несоответствие между называемыми приоритетами и реальными действиями молодежи. Так, молодые люди отмечают важность самостоятельности в своих поступках, однако в реальных ситуациях руковод-

ствуются возможностью удовлетворения ценности гедонизма, то есть получения удовольствия и наслаждения жизнью [9]. Следовательно, возможен выбор между самостоятельным решением проблем, преодолением трудностей во имя достижения поставленных целей, и получением удовольствия и удовлетворения своих потребностей в ситуации «здесь и сейчас», комфортной и известной. Молодые люди скорее предпочтут второй вариант – более легкий, доступный, не требующий внутренних и внешних преодолений. Кроме того, в данный момент существенно возросла ориентация на материальные достижения. Общество, названное французским философом Жаном Бодрийяром «обществом потребления» [3], в полной мере реализуется в современной России. Важную роль играют материальные и карьерные достижения. В условиях экономического кризиса, способность быть успешным ценится особенно высоко. Перечисленные ценности не соответствуют смысловой нагрузке деятельности военнослужащего. Однако, составляя основную характеристику социальной среды, оказывают влияние на индивидуальные ценностные ориентации и поведение курсантов, обучающихся в военных вузах. Помимо непосредственной миссии защищать страну, молодые военнослужащие включают в сферу своих интересов высокое благосостояние, возможность получения жилья, социальную защищенность, карьерный рост, престижное положение в обществе. Это неплохо, однако, изначальная цель и результат получения военного образования – статус офицера и осуществление служения Родине. Такая направленность профессиональной деятельности ставит материальные ценности на менее важные позиции в сравнении с моральными, духовными, патриотическими. Несоответствие двух жизненных ориентаций создает условия для возникновения внутриличностного конфликта у курсантов. Это одна из проблем, требующих внимания и коррекции.

Другим вопросом, вызывающим тревогу, является несоответствие представления о роли военнослужащих, ее смысла, в обществе и у курсантов. Как показывают опросы ВЦИОМ (февраль 2016 года), общественное мнение относительно социальной роли офицера преимущественно положительное, и во многом признает ее нравственную и высокоморальную составляющую. Так, наиболее популярными ответами на вопрос «Что первое приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово «офицер российской армии» - это «защитник» (22 %), «гордость» (9 %) и «достоинство, честь» (8 %). Рейтинг доверия офицеру российской армии составил 3,97 по пятибалльной шкале (для сравнения, в 2014 году данный показатель составлял 3,77) [11]. Последние несколько лет Вооруженные Силы являются приоритетным направлением государственной политики, что сказывается на улучшении материального поощрения военнослужащих, обеспечения их социальными приоритетами и льготами, повышении их социального статуса. Как видно из предыдущего примера, восприятие военнослужащего в обществе стало заметно более позитивно и наполнено положительными моральными характеристиками. Сами курсанты оценивают выбор своего профессионального пути как правильный, положительный, находят в нем массу преимуществ. То есть, внешняя оценка деятельности военнослужащих оцени-

вается как важная для общества, для страны, однако не всегда соответствует индивидуальной интерпретации самих военнослужащих о ее содержании.

Наконец, еще один вопрос, требующий, на наш взгляд, особенного внимания, это понимание курсантами смысла военной службы, и отличия службы от работы. Как правило, в ходе процесса обучения основное внимание преподавательского состава направлено на усвоение учебных дисциплин, составляющих ту или иную военную специальность. Будущие офицеры получают профессиональные навыки, необходимые им в дальнейшей деятельности. Однако, в учебной программе не предусмотрены занятия, посвященные раскрытию смысловой нагрузки военной службы как служения Родине. Отличие служения от выполнения профессиональных обязанностей – вопрос, не включенный ни в одну из дисциплин. Реализация слов «работать» и «служить» несет за собой разные действия. Согласно словарю С.И. Ожегова, «работать» - «приводить в действие, управлять чем-нибудь», «обслуживать кого-что-нибудь своим трудом», «находиться в действии»[5]. «Служить» в этом же источнике интерпретируется, как «выполнять свое назначение», «иметь своим назначением что-нибудь», «нести, исполнять службу»[5]. Необходимо актуализировать, добиться четкого разграничения и осознания различия этих двух понятий у курсантов. Нами разработана программа практического занятия, направленного на помощь курсанту в восприятии концепта «служение Родине». Такое мероприятие позволило бы будущим офицерам уяснить представление о своей деятельности как о служении, трактуемом, например, как «строгое и точное, с самоотдачей, выполнение своих прямых профессиональных функций, выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции»[1]. Далее приведен примерный план занятия, обозначены его смысловая и содержательная направленность.

На начальном этапе работы, после обозначения целей и правил работы группы, следует познакомить участников друг с другом. Многие задания в данном занятии основаны на содержании «я-концепции». К. Роджерс был первым, определившем ее суть как сумму представлений индивида о своих характеристиках, способностях, возможностях, ценностях, целях и идеях. Нам кажется особенно важным, что все авторы, работающие над обоснованием «я-концепции» человека, подчеркивают ее динамическую природу, способность изменяться. То есть, любое представление человека о себе самом, и о своих особенностях, может стать другим в течение жизни. Существуют различные модели, представляющие категории, структуру Я-концепции, наиболее универсальным является представление «я», состоящего из «Я-реального», «Я-идеального» и «Я-зеркального». «Я-реальное» воплощает в себе представления индивида о том, кем он является на данный момент, о его актуальных способностях, ролях, статусе. «Я-идеальное» - представления индивида о том, как он хотел бы стать. Наконец, «Я-зеркальное», в полной мере обоснованное и объясненное Ч. Кули, состоит из мнения индивида о том, каким его воспринимают окружающие люди [2]. Такая классификация удобна для практической работы психолога. Представление об актуальном образе, и о желаемом состоянии, поз-

воляет составить наиболее полный образ человека, предположить, найти путь, соединяющий эти два представления, в случае, если они не совпадают.

В первом упражнении мы работаем с «Я-реальной» составляющей «я-концепции» участника в социальном статусе военнослужащего. Каждый представляется, называя свое имя, далее говорит «я – военнослужащий, и это значит, что….». Далее он называет три характеристики, раскрывающие суть данной роли. Таким образом, уже в начале работы с группой, помимо имени, мы узнаем, что в первую очередь значит для участника его род деятельности. После выполнения упражнения можно обсудить результаты с группой, сравнить те определения, которыми курсанты наполнили понятие «военнослужащий». Ведущий занятия может акцентировать внимание на тех объяснениях, которые указывали на важность несения военной службы, ее жертвенность, сложность и необходимость. Далее предлагается представить образ военнослужащего с помощью перечисления его отличительных черт характера, поведения. Каждый называет несколько основных эмоциональных и поведенческих «признаков» военнослужащего (например, «сильный», «исполнительный», «находчивый»), ведущий фиксирует их. Затем из всех перечисленных определений группе дается задание в процессе обсуждения оставить десять наиболее подходящих. В итоге, каждый может сравнить себя с типичным образом, созданным коллективом, оценить свои характеристики, сказать, насколько они помогают или мешают несению военной службы. Так же, в данном задании возможно обсуждение мыслей великих отечественных военноначальников, и составление на их основе образа идеального военнослужащего. К примеру, фразу А.В. Суворова «послушание, обучение, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость – победа», можно взять за основу для составления перечня характеристик, к которым должен стремиться в своем развитии курсант. Так же, работа с высказываниями полководцев может быть изначальным заданием в группах неактивных и неготовых активно высказывать свое мнение курсантов.

В ходе занятия предусмотрено несколько упражнений, имеющих своей целью формулировку участниками наиболее важных по смыслу слов, отражающих их жизненный выбор. Например, группе дается задание сформулировать определение таких слов, как «служение Родине», «Родина», «военнослужащий». Участники объясняют данные термины самостоятельно, после чего озвучивают свое мнение, либо получают задачу прийти к общему, коллективному определению в результате групповой дискуссии.

Часть упражнений посвящена обсуждению примеров, демонстрирующих воплощение важности службы Отечеству. Каждому участнику предлагается назвать от одного до трех исторических персонажей, известных благодаря реализации в своем жизненном пути задачи служения Родине. Это могут быть примеры героических поступков, руководства армией, литературной, просветительской или церковной деятельности, оказавшей сильное влияние на события в стране и мире. Помимо рассказа о личности, вдохновляющей участника занятия, предлагается обосновать, почему был сделан именно такой выбор, чем он актуален для современных офицеров, какие практические рекомендации можно

дать курсантам, исходя из предложенных вариантов. Таким образом, возникает образ «я-идеального» военнослужащего, и предложенные варианты могут помочь курсанту понять, к чему именно он будет стремиться в своем профессиональном служении. Так же, в обсуждении данных упражнений, важно обратить внимание участников на трудность пути военнослужащего и обязательные лишения и препятствия, моральные и физические, сопровождающие такой путь.

Отдельный блок упражнений предлагается посвятить решению внутриличностного конфликта, возникающего у любого, решившего связать себя с военной службой. Прежде всего, необходимо сформулировать все возможные противоречия, возникающие в ходе несения военной службы. Это могут быть любые варианты, демонстрирующие несоответствие между личностными и профессиональными потребностями, трудности в восприятии личностной свободы и формализованной жизнью военнослужащего. Все названные конфликтные ситуации записываются на доске или флип-чарте, после чего участники ищут возможные способы решения данных конфликтов. Проведение данных упражнений не значит, что в будущем офицеры не будут сталкиваться с подобными конфликтными ситуациями, однако осознание их возможности, и понимание того, что из любого конфликта возможен выход, сможет помочь им более спокойно и безболезненно переживать такие кризисные моменты.

Любые практики целеполагания и планирования времени невозможны без представления о желаемых результатах своей деятельности. В рамках предлагаемой работы мы считаем важным формулировку участниками своей профессиональной перспективы. Учитывая предыдущие упражнения, позволившие сфокусировать внимание и понимание курсантов на деятельности офицера, как преимущественно служения Родине, следует несколько заданий, направленных в будущее. Участникам предлагается подумать и описать лучший вариант развития своей жизни через пять, десять и пятнадцать лет. Нужно отметить от пяти утверждений о своих будущих достижениях и объяснить, почему именно они важнее остальных. При обсуждении результатов обратить особенное внимание на предполагаемые результаты, связанные с осуществлением профессиональной деятельности военнослужащего, найти в обосновании их важности моральные ценности, ценности служения Родине, стране.

Таким образом, в результате проведения предложенного практического занятия, «я-реальный» и «я-идеальный» образ офицера в сознании курсанта становится более четким и осмысленным. Разграничиваются понятия службы и работы, акцентируется содержание процесса «служения» Родине. Участие в предложенном практическом занятии позволяет также сформулировать особенности профессионального пути и их понимание у курсанта. Проговаривание перспективы и возможных конфликтов становится хорошей профилактикой сложных ситуаций в дальнейшем. Уточнение и формирование более полного образа военнослужащего и его деятельности, позволит соединить как личностные, так и общественно значимые представления о военной службе. Ясность, или, хотя бы, большая точность в «Я-концепции», станет инструментом, помогающим курсанту в процессе обучения в ВВУЗе чувствовать себя более ком-

фортно, осознавать свою социальную роль и быть готовым к дальнейшему пути офицера Вооруженных Сил РФ.

Литература

1. Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург, 2000.
2. Бернс Р. Развитие я-концепции и воспитание. Прогресс, 1986.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
4. Маклаков А.Г. Общая психология. – Питер., 2016.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Мир и образование, 2012
6. Першина Л.А. Возрастная психология. - М.: Академический проект, 2004.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Мастера психологии, 2002.
8. Рувинский Л.И. Нравственное воспитание личности. М., 2001.
9. Шашкина А.О., Конюхова К.О. Исследование ценностей современной российской молодежи // Молодой ученый . – 2015. №8 с. 868-871
10. Эльконин Д.Б. Введение в психологию развития. М.: Тривола, 2004
11. Электронный ресурс:http://wciom.ru/, пресс-выпуск № 3042 от 19.02.2016.

МОИСЕЕВ А.А. , аспирант заочной формы обучения Московского государственного социального университета

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

В статье проведен анализ основных подходов к пониманию профессиональной направленности, на основании которого установлено содержание и динамическая структура военно-профессиональной направленности. Автором определены и обоснованы структурные компоненты направленности, характерные для воинского коллектива (военно-профессиональная направленность), такие как способности, мировоззрение, потребности, мотивы профессиональной деятельности. Показанпсихологическиймеханизмформированиявоенно-профессиональнойнаправленности.

Ключевые слова: направленность, профессиональная направленность, военно-профессиональная направленность, способности, мировоззрение, потребности, мотивы профессиональной деятельности.

***

По данным Федеральной службы государственной статистики России 2015 года, всего около 40 % работоспособного населения страны в возрасте до 30 лет работают по специальности, которую получили в образовательных учреждениях [14] (из них: 41,0 % – проживающие в городской местности, 38,2 % – проживающие в сельской местности). Остальные же работающие граждане России (около 60 %) осуществляют свою профессиональную деятельность по специальностям, не связанным с полученной в учебных заведениях специализацией. Предполагаемыми факторами невозможности осуществления работы по специальности могут быть: уровень оплаты труда, условия труда, разочарование в полученной специальности, частичная потеря трудоспособности и др. В большей или меньшей степени наличие данных факторов детерминировано низкой эффективностью проводимых мероприятий профессионального самоопределения на всех этапах социализации личности, то есть степенью профессиональной направленности человека к выбранному виду профессиональной деятельности.

Деятельность по защите и обороне государственного суверенитета России требует от военнослужащих особых свойств, качеств, способностей, которые, в свою очередь, определяются их военно-профессиональной направленностью.

Определение структуры военно-профессиональной направленности, взаимосвязи ее элементов на различных этапах развития личности позволит выявить основные факторы, влияющие на процесс профессионализации личности как защитника Отечества, своевременно и эффективно скорректировать образовательные программы учебных учреждений по вопросу выбора человеком направления профессиональной деятельности, исходя из присущих ему интересов, задатков и др., что, в свою очередь, приведет к удовлетворенности военнослужащих в выполнении служебных задач, повышению эффективности защиты и обороны государства и т. п.

Роль профессиональной направленности в процессе профессионального самоопределения отмечена в работах многих ученых.

С.Л. Рубинштейн считал, что направленность личности составляет систему побуждений или мотивов, определяющих её деятельности [13, с. 414].

А.Н. Леонтьев установил, что «…в зависимости от общественно-экономической формации и классового положения семьи ребенка или подростка изменяются цели, мотивы, способы, уровни, результаты игры или учения. В зависимости от этих условий определяется конкретная форма труда – физического или умственного, а также включение его в определенную систему производственных отношений» [8]. Тем самым он определил отдельные элементы структуры профессиональной направленности (цели и мотивы), а также показал социальную сторону процесса формирования профессиональной направленности.

М.И. Дьяченко определил, что преобладающие мотивы, которые возникают в ходе деятельности, определяют направленность человека к этой деятельности, следовательно, установление динамики и особенностей мотивов человека позволит понять его направленность [3]. Данный факт позволяет автору рассматривать мотив в качестве основной составляющей направленности.

М.С. Неймарк, в ходе проведенного анализа установил, что система доминирующих мотивов определяет целостную структуру личности и её направленность [10, с. 12].

А.Г. Ковалёв определил место и роль потребностей, интересов и идеалов в структуре направленности личности, доказал зависимость профессиональной направленности от ориентировки человека [6, с. 82].

Р.И. Цветкова считает, что «стремление человека к самореализации, к росту и развитию в той или иной сфере жизнедеятельности - важнейшая характеристика личности, в которой выражается её направленность» [12, с. 138]. Данное утверждение позволяет предположить, что направленность выступает основной характеристикой, определяющей направление деятельности личности, в том числе профессиональной деятельности.

В.А. Бодров считает, что профессиональная направленность выступает основным элементом профессионализации личности в период с 11-12 лет до пенсии [1, с. 129].

Е.А. Климов в своих исследованиях показал, что развитие человека как субъекта труда зависит от процесса формирования профессиональной направ-

ленности, то есть «… (развитие интересов к миру труда, людям труда, его целям и смыслам, орудиям, средствам, процессам, объектам, результатам, к системе трудовых постов в обществе, развитие потребности в продуктивной общественно ценной деятельности, соответствующих убеждений и других мотивов)…» [5, с. 88], а также профессиональной ориентировки личности, усвоения способов действий (выработанных людьми в процессе цивилизации) и использования орудий труда.

Военная служба, как особый вид профессиональной деятельности, имеет свои особенности, такие как: решение специфических задач по защите Отечества (обороны, в условиях военного и чрезвычайного положения, в период мобилизации и вооруженных конфликтов); необходимость беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни (в условиях боевых действий, чрезвычайного положения, вооруженного конфликта, а также выполнения задач в соответствии с международными договорами); специальное материальное обеспечение и социальные льготы; преимущественное выполнение служебных задач с оружием в руках, повышенная ответственность военнослужащих за совершение ряда преступлений и других правонарушений, значительные законодательные ограничения основных прав и свобод военнослужащих и др. особенности. Следовательно, и военно-профессиональная направленность будет иметь свою специфику.

Профессиональная направленность военнослужащих в той или иной степени изучалась в научных трудах таких известных военных исследователей, как Л.Ф. Железняк, А.Г. Караяни, И.С. Ковальчук, А.А. Невмовенко, И.В. Сыромятников, О.В. Черненко и др.

В частности, Л.Ф. Железняк профессиональную направленность военнослужащих определил, как внутренне согласованную устойчивую систему осознанных побуждений, целей и установок по овладению профессией и совершенствованию в ней, а военно-профессиональную направленность офицера – как глубоко мотивированную устремлённость по овладению военной профессией и осуществлению профессиональной деятельности [4].

Также им были установлены структурные элементы профессиональной направленности, такие как: военно-профессиональные идеалы, интересы, мотивы, потребности, склонности, убеждения, проявляющиеся в служебной деятельности офицера через систему его военно-профессиональных целей, установок, намерений, стремлений и перспектив.

Другой военный ученый, И.С. Ковальчук, исследовавшая особенности мотивации профессиональной деятельности военнослужащих-женщин, доказала преобладание в структуре направленности военнослужащих-женщин мотивационного компонента [7].

Значительный вклад в исследование профессионализации личности военнослужащего внес отечественный военный психолог А.Г. Караяни.

Он считает, что задачи профессионализации личности будущего психолога решаются в высших учебных заведениях, в которых у человека формируются представления о специфике его профессии, формируются профессионально не-

обходимые навыки и умения, а также профессиональная направленность личности [4,с.37]. Утверждение об основополагающей роли военных учебных заведений в формировании профессиональной направленности также справедливо и в отношении военнослужащих.

По мнению А.Г. Караяни, оценка мотивов профессиональной деятельности и военно-профессиональной направленности является неотъемлемой составляющей профессионального психологического отбора психологической работы в мирное и военное время [4. с.94-95], а социально-психологическое изучение военнослужащих, наряду с анализом условий воспитания и развития личности, основных мотивов, оценки социальных, нравственных качеств личности и других мероприятий, также предполагает изучение общей военно-профессиональной направленности [4,с. 95].

В его работе установлены понятия позитивной и негативной направленности при проведении социометрии [4,с. 107], что позволяет автору статьи предположить возможность измерения степени военно-профессиональной направленности.

Исследуя особенности психологической работы в ходе ведения боевых действий, А.Г. Караяни отметил, что основным решающим компонентом военнослужащего в боевых действиях, определяющим его поведение, выступает направленность личности, которая, в свою очередь, определяется преобладающими мотивами воина [4,с. 188-189]. Также ученый доказал, что от уровня направленности личности во многом зависит устойчивость военнослужащего к действию психотравмирующих факторов боя, сохранение боевой активности [4, с. 194], а «общая психологическая подготовка к современной войне достигается путем формирования у военнослужащих … определенной мотивации, целеустремленности, направленности, а также интеллектуальных, эмоциональных, волевых и других качеств, необходимых для эффективного решения задач воинской деятельности…» [4,с. 228].

В работах военных ученых обозначены составляющие профессиональной направленности, такие как: способности, мировоззрение, потребности, внутренняя предрасположенность, мотивы профессиональной деятельности.

Автор статьи, изучив мнения исследователей по данному вопросу, предположил, что военно-профессиональная направленность – это внутренняя предрасположенность, мотивация, способности, склонности и задатки индивида к военной службе, понимание её сущности, совокупность индивидуальных свойств военнослужащего, её черт, качеств, ценностных ориентаций, взглядов, и побуждений, а также готовность применения указанной совокупности компонентов в процессе выполнения профессиональных обязанностей по защите и обороне государства.

На основании вышеизложенного, формирование профессиональной направленности в современном мире может быть представлено в следующем виде.

Кандидат на военную службу по контракту, оценив свои способности (задатки, психофизиологические качества и др.), имея сформировавшееся миро-

воззрение (интересы, склонности, идеалы, ценностные установки), принимает решение о поступлении на военную службу по контракту, в ходе которой, как думает кандидат, удовлетворяется максимальное количество его потребностей. Определяющее значение на данном этапе оказывают факторы социальной среды, в которой находится человек.

После поступления на военную службу по контракту, в ходе осуществления служебных задач, военнослужащий оценивает полноту удовлетворения своих потребностей, в том числе, сопоставляет свои способности, задатки, знания, навыки и умения со спецификой выполняемой деятельности, выявляет противоречия особенностей своего мировоззрения с особенностями профессиональной деятельности (религиозные взгляды, семейные традиции и др.).

Оценив все указанные показатели можно утверждать, что у военнослужащего возникает комплекс мотивов профессиональной деятельности, составляющий его военно-профессиональную направленность.

Необходимо отметить, что военно-профессиональная направленность может градуироваться от положительной до отрицательной. Причём, данный факт зависит от степени доминирования мотивов профессиональной деятельности над остальными. Отрицательная же военно-профессиональная направленность служит поводом для смены специфики профессиональной деятельности, либо, в своей крайней форме, принятия военнослужащим решения об увольнении. См. Рис.

Рис. Структура военно-профессиональной направленности.

Исходя из выведенной структуры военно-профессиональной направленности, процесс профессионализации личности может быть осуществлен через его подготовку к деятельности по охране и обороне государства (формирование профессионально-значимых способностей, общей культуры, патриотизма, морально-психологической готовности и др.), причем этот процесс начинается с детства и осуществляется во всех социальных институтах (семье, учреждениях среднего (среднего профессионального), высшего образования и др.).

Показателем эффективности данного процесса выступает успешность военнослужащего в служебной деятельности (продвижение по службе, наличие государственных (правительственных) наград, отличие в боевой подготовке и т. д.). Основным условием в профессиональной деятельности является учет врожденных психофизиологических характеристик человека в процессе формирования у него профессионально-значимых качеств. Формирование военно-

профессиональной направленности происходит непрерывно в процессе учебы и служебной деятельности.

Таким образом, военно-профессиональная направленность представляет собой систему отношений мотивов военной службы и имеет свои структурные составляющие: способности, мировоззрение, потребности и мотивы профессиональной деятельности; основными составляющими для изучения динамики военно-профессиональной направленности являются потребности и формирующиеся на их основе мотивы профессиональной деятельности; на уровень военно-профессиональной направленности оказывает влияние наличие тех или иных мотивов профессиональной деятельности, которые приобретают или утрачивают свою значимость под влиянием внутренних (способности, условия развития человека и др.) и внешних (условия работы, семейное положение, социальная сфера и др.) факторов.

Литература

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: учебное пособие для вузов. М. : ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
2. Дьяченко М.И., Феденко Н.Ф. Основы психологии: учебное пособие. М. : Издательство «ВПА», 1962. 296 с.
3. Железняк Л.Ф. Военно-профессиональная направленность личности советского офицера. М. : учебное пособие. ВПА, 1979. 170 с.
4. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология: учебное пособие. СПб. : Питер, 2006. 480 с.
5. Климов Е.А. Введение в психологию труда: учебник для вузов. М. : Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 350 с.
6. Ковалев А.Г. Психология личности: учебное пособие. М. : Издательство «Просвещение», 1965. 288 с.
7. Ковальчук И.С. Мотивация профессиональной деятельности военнослужащих-женщин вузов МО РФ: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2003. 21 с.
8. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 2 изд. М. : Мысль, 1965. 570 с.
9. Невмовенко А.А. Формирование профессиональной направленности специалиста (на опыте курсантов вуза МВД России) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. СПб., 2007. – № 17(43), ч.2: Педагогика и психология, теория и методика обучения. С.182-185.
10. Неймарк М.С. Опыт экспериментального исследования направленности личности подростка // Вопросы психологии. 1963. № 1. С 3-12.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: труды. СПб. : Издательство «Питер», 2000. 712 с.
12. Цветкова Р.И. Мотивационная сфера личности современного студента: факторы, условия и средства ее формирования в процессе профессионального становления: дис. ... д-ра психол. наук. Хабаровск. 2007. 530 с.

13. Черненко О.В. Социально-психологические факторы профессиональной карьеры офицеров: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2007. 23 с.
14. Таблица соответствия работы полученной (получаемой) специальности и планы по дальнейшему обучению и трудоустройству по этапности обучения в 2013/14 и 2014/15 учебных годах. [Электронный ресурс] : URL : http://www.gks.ru (дата обращения: 19.09.2016 года).

МИХАЛЬЦОВ Н.Г., кандидат технических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ ФГКВОУ ВПО
«Военный университет» МО РФ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УТВЕРЖДЕНИЯ СЛУЖЕНИЯ, КАК ДОМИНИРУЮЩЕЙ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ, ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

В статье рассматриваются психологические аспекты и движущие силы служения. Автор статьи рассматривает самоутверждение в процессе служения как сложный социально-психологический комплекс и желание закрепить за собой определённый социальный статус, который сталкивается с интересами, взглядами и эмоциями окружающих. В статье подчеркивается, что задача созидания обновленной России может быть решена во многом путем утверждения служения, как доминирующей формы деятельности в области государственной, военной и общественной деятельности.

Ключевые слова: служение; социальная престижность служения; альтернативы служения; «эго» и «суперэго»; самоутверждение в процессе служения; служители веры.

***

Термин «служение» в словаре В.И. Даля, отождествлен с понятиями «служить», «служба», т.е. употребление, польза, угода, деятельность, жизнь для других, услуга, полезное дело. «Служить» – это, в соответствии со словарем, «состоять на государственной или общественной службе, при должности, занимать место с известными обязанностями, быть при месте».

С точки зрения психологии, это понятие трактуется более широко, и подразумевает преданность делу, идее, интересам, строгое и точное выполнение своих функций не из обязанности, а по внутреннему убеждению, с полной самоотдачей, вплоть до самопожертвования. Служение – это выполнение долга, дело чести, чуждого выгоды, лести и карьерных устремлений. В этом смысле принято, как правило, говорить о служителях веры, науки, искусства (Аполлона (поэзии), Мельпомены (театр) и т.д. Примеры самозабвенного служения обществу, государству, в той или иной мере, свойственны личностям, посвятившим себя военной службе, медицине, политической, государственной и общественной деятельности.

То есть служение - это, прежде всего бескорыстие общественно ценных мотивов. Альтернативой служению по своим мотивам выступает стяжательство. Следует признать, что тонкая грань между ними не всегда является явной. Для её выявления важно определить приоритеты – что правит человеком во

время служения – идея или выгода, честолюбие или тщеславие. Как правило, общество, давая оценку личности, ощущает это на интуитивном уровне. Да и сама личность, воспринимая моральные и этические нормы общества, в той или иной степени, осознает это.

Таким образом, социальное служение непосредственно связано с потребностями общества. Социальное служение - важнейший инструмент гражданского общества, и его точная целевая направленность – необходимое условие эффективности и социальной престижности.

Опираясь на учение З. Фрейда, главной движущей силой социального служения является развитие своего «Эго» при сохранении приоритета общественной пользы, определяющего влияния «Суперэго»[3.С. 334]. Такой конструктивный тип самоутверждения – естественный процесс для человека, стремящегося реализоваться в обществе. Самоутверждение, в лучшем его понимании, необходимо для человека. Истоки этого феномена – в естественном отборе как основном факторе природного развития, в желании доминировать. По мнению А. Адлера «…движения человеческого стремления происходит из сочетания чувства общности и жажды личного превосходства. Оба этих фактора проявляются как социальные образования: первый как врожденное, укрепляющее человеческую общность, второй как понятное желание использовать общность для достижения собственного превосходства…» [1.С.17-18].

Недостаточное чувство общности является эквивалентом ориентации на бесполезную жизнедеятельность. Индивиды с недостаточным чувством общности составляют проблемные группы, для которых характерны эгоистические проявления, тщеславие и амбиции. Поэтому наряду с великими культурными достижениями писателей, учёных, героизмом защитников отечества, высотами духовного совершенства священнослужителей история сохранила немало примеров страшных преступлений. Большинство их было совершено в попытке самоутвердиться, выделиться, привлечь к себе внимание, заявить о себе людьми с низким уровнем общественного сознания.

Самоутверждение — это сложный социально-психологический комплекс. Естественное желание закрепить за собой определённый социальный статус сталкивается с интересами, взглядами и эмоциями окружающих. Происходит взаимодействие и взаимовлияние личностей. Формируются морально-этические установки в обществе. Возникает потребность в общественном признании, осознании собственной ценности. Американский писатель и философ Элберт Грин Хаббард говорил: «Мы трудимся для того, чтобы стать кем-то, а не для того, чтобы получить что-то».

Конструктивное самоутверждение важно для личности, так как это побуждающий фактор для самореализации, главная цель которой, по мнению К. Роджерса, состоит в росте и углублении осознания себя. В результате самораскрытия (самореализации) формируется уверенность в себе, конструктивное утверждение своего «Я» как в обществе, так и в собственном сознании [2.С. 48-50].

Понятие самореализации иногда путают с понятием социальной успешности, но это не одно и то же. Успешность в общественном сознании неразрывно связана с благосостоянием, популярностью, властью.

Действительно, успешный человек имеет не только гораздо больше возможностей наиболее полно удовлетворить свои потребности, но и эффективно реализовать свою общественную полезность. Вместе с тем, самой по себе успешности недостаточно для чувства удовлетворённости собой.

Обращаясь к государственной и военной службе в России, как одной из возможных форм служения обществу, следует признать, что бескорыстное и честное служение обществу является эталонной, общественно признанной моделью такой деятельности. Корыстные мотивы, оправдываемые обществом для других видов профессиональной и творческой деятельности, для государственных служащих воспринимаются негативно. Более того, условия, в которые зачастую ставятся соответствующие служащие, свидетельствуют о том, что служение является для них едва ли не заурядным и даже обязательным.

То есть общество предполагает служение на государственной службе, как нечто обыденное, повседневное, что резко снижает общественную оценку и мотивацию служащих. И это естественным образом приводит к росту материальных мотиваций, в том числе фактам стяжательства, мздоимства и коррупции.

Применительно к военной службе, которая неразрывно связана с необходимостью осознания возможности самопожертвования и героизма, как высшего проявления служения своему делу и военной профессии, подобный подход означает рутинное отношение к подвигу и совершающим его героям. Хотя принимать в расчет подвиг и героизм при планировании и решении задач подготовки и применения войск неоправданно, а в некоторых случаях – преступно.

Что можно сделать для повышения эффективности деятельности на государственной службе, путем придания ей качеств служения, исходя из его психологических особенностей?

Очевидно, необходимо стремиться создать условия службы, исключающие, или сводящие к минимуму необходимость «повседневного героизма». Организовывать и планировать работу таким образом, чтобы приемлемый результат достигался без чрезмерного напряжения сил. Обеспечить достойное, и что важно, справедливое вознаграждение за честный и добросовестный труд.

Кроме того, постоянно пропагандировать в обществе служение, как высшую достижимую форму реализации личности. Популяризировать честное, ответственное отношение к интересам общества, важность и значимость добросовестного труда на благо общества. И наоборот, придавать гласности негативные примеры некомпетентного, халатного отношения к своим обязанностям, факты стяжательства и лихоимства, а также справедливого и неотвратимого наказания за эти преступления.

Надо сказать, что работа в этих направлениях ведется государством. Можно лишь говорить о количестве, качестве и эффективности таких действий.

Вместе с тем, существенно меньшее и явно недостаточное внимание уделяется такой важной составляющей возможности самоутверждения личности

служащего, как повышение оценки его труда в обществе и формализация этой оценки в виде неких знаков признания его общественной значимости.

Проблема имеет давние корни. Исстари в России труд чиновника не был в особом почете. Чиновник представал в глазах общества этаким Акакий Акакиевичем из Гоголевской «Шинели». И даже окутанная ореолом романтики военная служба не минула аналогичного пренебрежительного взгляда на повседневный воинский труд, нашедшего отражение в известном выражении «тыловая крыса». Немудрено, что ряд чиновников компенсировали такое отношение в обществе эмуляцией собственного гипертрофированного значения и важности, проявляя по отношению к просителям спесь, хамство и высокомерие, активно расставляя бюрократические барьеры.

«Силовая борьба» с этим явлением не дает ощутимых результатов. Анализ психологических особенностей мотивации служения дает возможность предположить, что альтернативой может стать система нематериального поощрения служения в виде различных общественно значимых наград, званий, знаков и символов отличия, позволяющих судить как обществу, так и индивиду о степени его полезности.

Нельзя отрицать значение материального поощрения. Оно является существенным стимулом, но его денежное выражение плохо сочетается с психологическими мотивами служения государству и обществу, не соответствует истинным целям такой деятельности, в основе которой лежит общественное признание.

Грандиозная задача - созидание обновленной России может быть решена во многом путем утверждения служения, как доминирующей формы деятельности в области государственной, военной и общественной деятельности.

Создание благоприятных психологических условий для самореализации и самоутверждения государственных служащих, может стать основой для возникновения истинного честолюбия, побуждающего личность к преодолению препятствий и достижению высоких результатов на пути к общественному признанию заслуг, с одной стороны, а с другой, выявит истинные духовные ориентиры в обществе, укрепит сплоченность (соборность) и жизнеспособности нации, страны, усилит экономическую и военную мощь государства.

Литература

1.Адлер А. Наука жить, К. 1997 г.
2.Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия (пер. В.Лях, А. Хомик) «Рефлбук», «Ваклер», 1997 г.
3.Фрейд З. Лекции по психоанализу. Лекция № 31, М. 2005 г.

РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ, УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ «СЛУЖЕНИЯ»

ДАНИЛОВ С.И., кандидат философских наук, доцент кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ, доцент

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Автор статьи рассматривает формирование профессиональной идентичности военнослужащего как предпосылку его психологического здоровья, необходимое психологическое условие подлинной мотивации служебной деятельности. Сделан вывод о том, что профессиональная идентичность придает личности военнослужащего жизнестойкость, выполняя функцию защитного механизма в периоды различных ё испытаний и противоречий. Даны рекомендации по укреплению военно-профессиональной идентичности.

Ключевые слова: психология служебной деятельности; военно-профессиональная идентичность; кризис идентичности; психологическая защита; психологическое здоровье.

***

Массовое сознание рыночного общества склонно рассматривать любую деятельность как услугу, оцениваемую рынком, который, в свою очередь, определяет ее стоимость. В языке это отражается в употреблении таких словосочетаний как «образовательные услуги», «медицинские услуги», «транспортные услуги», «услуги связи», «ритуальные услуги» и т.п. Очевидно, что из этого спектра выпадают искусство, наука, церковь, армия, государственная служба и т.п., - сферы таких видов деятельности, целеполагание которых лежит за пределами вкусов и настроений, моды, соображений выгоды, частных интересов и сиюминутной конъюнктуры, приверженность которым так любит демонстрировать «человек массы».

Нерыночный характер определенных видов деятельности находит отражение и в специфике профессиональной идентичности людей, занятых в этих сферах. Специфика состоит в том, что в идентификационном комплексе этих людей центральное место занимает *идея служения* (музам, истине, Богу, Отечеству), благодаря чему выбор профессии и мотивация профессиональной деятельности не связаны напрямую с «рыночным спросом» и непосредственной выгодой, а «продукт» такой деятельности обладает характером абсолютной

ценности, не имеющей, по сути, «цены» (таковы научная истина, красота, добро, милосердие, любовь, служение, безопасность). Разумеется, коммерциализация / меркантилизация затрагивает и эти сферы (например, науку и искусство). Но служение как ядро идентичности определяет некоторые пределы/границы, за которыми подлинность деятельности утрачивается. Например, социолог или другой ученый-исследователь перестает быть ученым, если результат исследований целиком зависит от денег заказчика или задачи освоения бюджета. Врач, не оказавший помощи тяжелобольному лишь потому, что не получил от родственников «аванс в конверте», превращается в потенциального убийцу. И, если профессор может фактически торговать своими знаниями, выбирая вуз с более выгодными условиями оплаты труда, то военный инженер, военный летчик и т.п. не может выбрать себе более подходящую армию или другое государство, не став предателем, не изменив Отечеству. Иначе горя, есть сферы, требующие людей особого склада, для которых служение будет на протяжение длительного периода жизни абсолютным приоритетом, закрепленном в их профессиональной идентичности.

Однако поступление в учебное заведение военного профессионального образования не является достаточным доказательством готовности молодого человека к служению Отечеству и образцовому исполнению воинского долга. Например, по данным социологического исследования, проведенного среди курсантов одного из военных институтов внутренних войск МВД России, 62% от общего числа опрошенных считают получаемое образование залогом успешного продвижения по службе и карьерной лестнице, однако, 38% с этим не согласны: для 11,6% из них обучение в военном институте — это всего лишь промежуточный этап, и после получения диплома об образовании они уволятся из войск и будут работать на гражданке, 12,2% ответили, что им нужны только предметы юридической направленности, а 2,1% респондентов получаемое образование вообще не интересует [9, с. 36]. И на дальнейшем профессиональном пути военнослужащего поджидают «подводные камни»: в силу специфики воинской службы дилемма личного и общественного, частного и государственного, свободы и служебной необходимости приобретает в жизни военного человека наиболее острый характер. Достаточно представить те случаи, когда военнослужащий должен ограничивать себя в общении с родными и близкими, поступиться личными интересами или благополучием семьи ради нового назначения, идти на риск, выполняя боевую задачу. Любая из названных ситуаций может в экзистенциальном плане вызывать по-настоящему драматические переживания, которые не лучшим образом будут сказываться на морально-психологическом состоянии военнослужащего, усиливая тяжесть и без того нелегкой воинской службы. Не всякий способен преодолеть встречающиеся «пороги» достойно, сохранив верность воинской профессии.

Правда, исследователи отмечают снижение значимости для кадровых военнослужащих традиционных для воинской «корпорации» ценностей и меркантилизацию их ожиданий от службы: общая тенденция меркантилизации ценностных ориентаций затронула все категории военнослужащих [9, с.36]. Может

быть, обильное материальное стимулирование сделает свое дело и обеспечит подлинное служебно-должностное рвение, избавит человека от духовных терзаний в ситуациях выбора? Однако, не будем забывать что в полном соответствии с законами Йоркса-Додсона, усиление материального стимулирования при заведомо сложной и напряженной служебной деятельности не будет вести к пропорциональному усилению ее интенсивности, добросовестности и эффективности. И это еще один аспект проблемы подлинной мотивации служебной деятельности.

В арсенале военной психологии выработаны различные подходы к осмыслению обозначенной проблемы, а также практические рекомендации военным психологам по оказанию психологической помощи военнослужащим по преодолению возможных внутренних конфликтов [6, 7, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 20]. Однако, по нашему мнению, становление и укрепление военно-профессиональной идентичности необходимо рассматривать в широком смысле как задачу обеспечения психологического здоровья личности военнослужащего (акцент на анализе экзистенциальных аспектов идентичности), а не только как средство адаптации к воинской службе (такой подход преобладает при акцентировании внимания на социальной роли идентичности) [4, 5, 8, 12].

Наша *гипотеза* состоит в утверждении о том, что профессиональная идентичность военнослужащего может выполнить функцию психологической защиты в периоды различных жизненных испытаний и противоречий. Военно-профессиональная идентичность обеспечивает верность подлинному смыслу и мотивации деятельности военнослужащего и тем самым придает его личности большую жизнестойкость. Напротив, кризис профессиональной идентичности военнослужащего негативно сказывается на его психологическом здоровье и эффективности его служебной деятельности.

Говоря о защитной функции идентичности, мы имеем в виду, что защите подлежит целостность личности от обусловленных спецификой служебной деятельности возможных внутренних психологических конфликтов и когнитивных диссонансов. Экзистенциальный смысл такой защиты - сохранение чувств самозначимости, самоуважения и самоприятия в неоднозначной ситуации сложного выбора на основе приоритета служения. Социальное значение такой психологической защиты — сохранение человека в воинской профессии, обеспечение эффективной служебной деятельности.

Идентичность есть результат активного процесса, отражающего представления субъекта о себе, собственном пути развития, и сопровождающийся ощущением собственной непрерывности, тождественности, качественной определенности, что дает возможность субъекту воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и единства сознания, целостности жизненных целей и повседневных поступков, действий и их значений, которые позволяют действовать последовательно [21].

Перевод с английского слова «identification» дает нам спектр значений: «отождествление», «узнавание», «опознание», «идентификация» (со значимым

другим лицом); слово «identical» означает: «тождественный», «тот же самый». Немецкое «die Identitat» есть тождество.

Выражения «personal identity (тождество личности)», «I-identity (Ich-Identat), тождество Я и «sense of identity (чувство самотождественности)» более или менее тесны связано с такими терминами как «self-feeling» (чувство себя), «I-feeling» («чувство Я»). Выражение identity formation означает близкую, но другую реальность и переводится как самоопределение [21].

Дж. Мид и Ч. Кули рассматривали идентичность как фактор и результат социальной интеракции — способность человека воспринимать свое поведение и жизнь в целом как связанное, единое целое.

Широкое распространение термина “идентичность” и его введение в научный обиход связано с именем Э. Эриксона, который определил идентичность *как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, как важнейшую характеристику ее целостности и зрелости, как интеграцию переживаний человеком своей неразрывной связи, отождествления себя с определенными социальными группами.* Это определяет систему ценностей, идеалы, жизненные планы, социальную роль индивида, его потребности и способы их реализации. Идентичность характеризует именно то, что остается постоянным, несмотря на все изменения и развитие данного человека на протяжении его жизни. Обладать идентичностью — значит, во-первых, ощущать себя, свое бытие как личности неизменным, независимо от изменения ситуации, роли; во-вторых, это означает переживание своего прошлого, настоящего и будущего как единого целого, то есть одним из основных компонентов личности является осознание Я-идентичности — ощущение своей целостности и непрерывности во времени [22].

Идентичность - это сложный феномен, сложная психическая реальность, обнаруживающаяся на бессознательном и сознательном уровне, включающая в себя индивидуальные и коллективные, онтогенетические и социогенетические основания.

Понятие идентичности вбирает в себя такие понятия как соответствие, самобытность, целостность, единство, тождественность, самость, подлинность. На противоположном по отношению к идентичности смысловом полюсе располагаются понятия противоречивости, неустойчивости, непоследовательности, отсутствия преемственности и целостности, личностной неразвитости, самоутраты, дезориентации, обезличивания, отчуждения.

Идентичность характеризует качественную определенность «Я» в переживании «Я-целостности» и самотождественности на протяжении жизни. Однако это «Я-единство» есть одновременно и «многоединство» различных идентичностей, среди которых *«эго-идентичности»* («я отец семейства», «я интеллигентный человек») и различные *коллективные «мы-идентичности»* («мыказаки», «мы сибиряки», «мы болельщики ЦСКА», «мы любители джаза», «мы туристы»); есть *базовые идентичности* — национальная, этническая, гендерная (подавляющее количество людей с необходимостью осознают себя либо мужчинами, либо женщинами, либо русскими, либо немцами, евреями и т.д.); есть

необязательные (временные, ситуационные, неустойчивые) идентичности («мы пассажиры круизного теплохода», «мы обманутые дольщики», «мы участники Дня донора»).

Профессиональная идентичность - разновидность коллективной идентичности. Исследованию профессиональной идентичности военнослужащих и психолого-педагогических условий ее формирования посвящены многочисленные работы последних лет [6, 7, 9, 10, 11, 13, 15, 16, 17, 18, 20].

Структура всякой, в том числе военно-профессиональной коллективной идентичности включает:

— *элементы самоопределения*, включающие также утверждение, что плохо или хорошо в рамках данного коллектива (в случае военно-профессиональной идентичности, например, -*«военная выправка», «решительный и волевой», «железные люди», «защитники», «находчивый как разведчик», «смелый как морпех», «экипаж — одна семья», «ответственность», «раньше думай о Родине, а потом о себе»*);

— *конструирование границ*, на утверждении которых строится самоопределение, и являющихся основным признаком профессиональной идентичности, придавая определенность и конкретность внутреннему пространству жизни коллектива (*«десантники», «Боги войны», «краповые береты», «голубые береты», «элита ВС», «суворовцы», «нахимовцы»* и т.п.);

— *осознание общего опыта, ценностей и возможностей данного коллектива* (*«армия-освободительница», «солдат ребенка не обидит», «наследники Суворова»* и т.п.);

— *символические соглашения,* которые имеют место внутри группы относительно деятельности во внутренней и представления себя во внешней сфере.

Примерами последних элементов структуры военно-профессиональной идентичности являются воинские убеждения, установки и ценности типа: *«Никто, кроме нас!», «Своих не бросаем!», «Воин, действуй по уставу — завоюешь честь и славу!»* и т.п. В группу ценностей воинской корпорации входят суждения, с которыми в обществе связываются представления о военнослужащих и офицерском корпусе: особые нравственные устои и стиль поведения, объединяемые понятиями «воинская честь» и «достоинство», «воинская доблесть», «повышенная ответственность за судьбу России и ее безопасность».

Опыт боевых действий российских военнослужащих в Сирии обогатил идентификационный комплекс российских военнослужащих убеждением о большем профессионализме и превосходстве российских ВКС, российских спецназовцев над представителями армий других стран коалиции.

Об идентичности можно говорить тогда, когда человек демонстрирует активное отношение к ценностям, нормам, идеалам того профессионального сообщества, в рамках которого он осуществлять свою профессиональную деятельность. Человек с гордостью говорит о своей профессиональной принадлежности, отстаивает ценности профессионального сообщества, на деле подтверждает приверженность профессиональным ценностям и традициям, постоянно соотносит собственные интересы, ценности, идеалы, нормы с интересами,

ценностями, идеалами, нормами военного профессионального сообщества. Едва ли является носителем военно-профессиональной идентичности человек в форме, живущий принципами: «Солдат спит — служба идет», «Пусть думают командиры».

Профессиональная идентичность военнослужащего может, по нашему мнению, носить как позитивный, так и негативный характер: первая естественно, связана с положительными чувствами переживания своей профессиональной принадлежности, вторая - с отрицательными и противопоставлением воинской профессии другим, более «достойным» [см.: 1].

Наличие *позитивной* или *негативной идентичности* зачастую обнаруживается в речи военнослужащих, «казарменном фольклоре»: «Как одену портупею, все тупею и тупею…»; «Шея в мыле, морда в грязи - это наши войска связи…» (негативная идентичность); «Никто кроме нас!» (позитивная идентичность).

Военно-профессиональная идентичность связана с общей интенцией личности, возникающей, как правило, задолго до непосредственного профессионального выбора. Результаты опроса летчиков высокой квалификации, проведенного А.А. Вороной, Д. В. Гандером, В.А. Пономаренко показали, что у летчиков-истребителей выбор летной профессии состоялся в подавляющем большинстве случаев (81%) в школьном возрасте. А ведущий отечественный ученый в области авиакосмической психологии В.А. Пономаренко утверждает, что профессионализм для летчика начинается до овладения профессией [10].

Сформированная военно-профессиональная идентичность имеет большое значение для психологического здоровья личности и успешной профессиональной деятельности военнослужащего.

Психологическое здоровье - интегральная характеристика полноценности психологического функционирования индивида, совокупность установок, качеств и функциональных способностей, которые, в частности, позволяют индивиду адаптироваться к среде. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, психологическое здоровье — это состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества [23].

Размышляя о фундаментальных условиях человеческого существования, Э. Фромм ставит психологическое здоровье в зависимость от удовлетворения чисто человеческих потребностей и страстей, вытекающих из особенностей положения человека в мире: потребности в преодолении ограниченности собственного существования, системе ориентации и поклонения, чувствах приобщённости, укоренённости и тождественности. Потребность в чувстве тождественности, основанном на переживании своего «Я» в качестве субъекта и реализатора собственных способностей, «настолько важна и настоятельна, что человек не мог бы сохранить душевное здоровье, если бы не нашёл какого-нибудь способа удовлетворить её». В книге «Здоровое общество» Фромм, по сути, пишет об идентичности как имманентном свойстве духовно здоровой личности,

причём в двух её (идентичности) измерениях: индивидуальном, отражающем уникальное в человеке (освобождение от кровосмесительной привязанности к роду и земле, осознание реальности вне нас и в нас самих, самотождественность), и социальном, характеризующем личность как представителя некой общности и носителя надличностных свойств (приобщённость, укоренённость, система ориентации, способность к любви и созиданию) [19].

В соответствии с подходами Всемирной организации здравоохранения, выделяются следующие *критерии психологического здоровья*:

— осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»;
— чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях;
— критичность к себе и своей собственной психической продукции (деятельности) и её результатам;
— соответствие психических реакций (адекватность) силе и частоте средовых воздействий, социальным обстоятельствам и ситуациям;
— способность самоуправления поведением в соответствии с социальными нормами, правилами, законами.
— способность планировать собственную жизнедеятельность и реализовывать эти планы.
— способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных ситуаций и обстоятельств.

Эти критерии напрямую или косвенно связаны с идентичностью, следовательно, идентичность – это важнейшее слагаемое психологического здоровья.

Фромм указывает на то, что идентичность нуждается в своей актуализации: личность должна иметь возможность проявить себя, реализовать свои способности, выразить свою сущность. Невозможность самоосуществления может быть вызвана или несформированностью, или *кризисом идентичности*, которые оборачиваются настоящим *экзистенциальным кризисом*: разорванным самосознанием, дефектами воли, утратой идеалов и личностных смыслов, проблемами социализации и коммуникации, аполитичностью, инфантильностью, затруднением с профессиональным самоопределением - всем тем, что в совокупности может быть определено как духовное нездоровье [19, 2].

О кризисе военно-профессиональной идентичности можно говорить, когда у военнослужащего наблюдается:

— длительная неудовлетворенность профессиональной деятельностью;
— разочарование в ценности добросовестной, творческой профессиональной деятельности;
— утрата интереса к профессиональной деятельности;
— исчезновение профессиональных амбиций (желания более высоких профессиональных достижений, внедрить инновации, подняться по карьерной лестнице и т.п.);
— нежелание выполнять поставленные задачи;
— нежелание участвовать в воинских ритуалах;

— отсутствие у военнослужащего заботы о своем имидже;
— потеря гордости за свою принадлежность к военной профессии;
— систематическое нарушение воинской дисциплины;
— пристрастие к алкогольным или наркотическим веществам как способ «бегства от себя», отказа от собственной личности.

Очевидно, что военнослужащий в состоянии кризиса идентичности не может эффективно и надежно выполнять служебные и боевые задачи: в состоянии кризиса идентичности не может быть крепким командиром и оказывать необходимое влияние на подчиненных.

Напротив, ясное и прочное осознание военнослужащим своей военно-профессиональной идентичности:
— *придает ему духовную силу;*
— *помогает стойко переносить тяготы военной службы;*
— *обеспечивает подлинность мотивации служебной деятельности, связанную с осознанием неслучайного для данного военнослужащего характера его военно-профессиональной деятельности, осознание призвания, миссии, личной ответственности;*
— *предохраняет от возможных сомнений по поводу правильности сделанного жизненного и профессионального выбора;*
— *предотвращает попытку уйти из профессии.*

Духовно-психологическое здоровье позволяет правильно расставлять жизненные приоритеты, осуществлять выбор, избегая фрустраций, неразрешимых ценностных противоречий между личным и общественным, желанием и долгом, сиюминутной конъюнктурой и долгосрочными интересами. Все это крайне необходимо людям, находящимся на особом положении, посвятивших свою жизнь служению Отечеству, особенно представителям экстремальных профессий в ВС, МВД, МЧС и ФСБ.

В целом духовно-психологическое здоровье напрямую зависит от идентичности человека, насколько ему комфортно, насколько он удовлетворен и доволен (имеются ввиду не только физиологические потребности, такие как пища, вода, кров, сон), а более высокие: потребность в принадлежности (любовь, общение, дружба), самореализации, самоутверждении, самосознание важности своего труда.

Профессиональная идентичность личности выступает для нее опорой в ситуациях, когда личность нуждается в *психологической защите*. Это, в первую очередь, те ситуации, когда личность как целостность и самотождественность периодически «раздирается на части», когда жизнь пытается превратить ее в функцию обстоятельств. Психологическая защита — это бессознательная деятельность «Я» как непроизвольная реакция на представляющие для него опасность побуждения и аффекты. Защита имеет огромное значение для предотвращения внутренних конфликтов и снятия напряжения в психической жизни личности.

Например, личностный конструкт «служения», входящий в идентификационный комплекс военнослужащего, *предотвращает возможную фрустрацию*

путем отождествления личности с некоей более могущественной инстанцией (экипажем, полком, дивизией, Отечеством и т.п.).

Глубоко укорененное в личности чувство собственной идентичности выполняет функцию психологической защиты, так как влияет на *перестройку всей системы установок личности*: в этом случае внутриличностный конфликт либо не возникает вовсе, либо чрезмерное эмоциональное напряжение существенно снижается.

Идентичность выполняет роль основания для постоянной *переоценки ценностей*- своего рода щита, защищающего личность от неимманентных, чужеродных принципов, смыслов и целей. Например, представления о значимости профессии, собственном профессиональном призвании, ценность идеи служения наряду с представлениями о «долге», «ответственности», «чести», «достоинстве», «миссии защитника Отечества» - то, что составляет неотъемлемую часть профессиональной идентичности военнослужащего, - помогают разрешить дилемму «сохранить профессию или изменить своим принципам» даже в том случае, если человек подвергается сильному давлению со стороны общества, навязывающего личности свои - внешние - «критерии успеха».

Идентичность может быть и основой защитного механизма *компенсации*, позволяющей пережить горе утраты, проигрыша, неполноценности в чем-либо. Компенсаторная роль идентичности заключается в том, что она позволяет человеку поверить, что ему удалось сохранить нечто не менее ценное (например, честь и достоинство), дает человеку взамен нечто более значимое (например, уважение ближних, самоуважение, верность самому себе). Компенсация зачастую осуществляется путем противопоставления человеком себя другим людям, принадлежность к которым изначально неприемлема («торговцы», «коррупционеры», «ловкачи», «эгоисты», «гедонисты», «люди с рыночным характером»), с одновременным обозначением своей «когорты» («государственники», «благородные», «бедные, но гордые», «люди с чистой совестью» и т.п.).Человек ясно осознает, что самоутрата - самая тягостная потеря, что потерять в себе «большого человека» (личность) было бы хуже, чем, к примеру, упустить материальную выгоду, карьерный рост, комфорт, различные личные «дивиденды» (и в это смысле: «последние да станут первыми!...»).

Например, когнитивный диссонанс «Я образцовый офицер (много времени провожу на службе) / Я плохой отец (мало времени уделяю семье и ребенку)» разрешим на основе переоценки критериев «плохой / хороший отец»: буду ли я хорошим отцом, если у моей семьи не будет оснований гордиться мной как отличным офицером? разве плохо то, что у ребенка перед глазами живой пример человека служения - человека долга и чести («Есть такая профессия – Родину защищать!»? и у него есть шанс вырасти благородным человеком, для которого понятия служения и долга – не пустые слова?).

Идентичность есть отражение базисной потребности человека:

—в *самоопределении и самополагании*, а значит - в свободе;

— в *самооправдании и признании*, следовательно, — в принадлежности. Психологическая защита, осуществляемая с опорой на идентичность, способ-

ствует приятию человеком ситуации, совершению им правильного выбора, так как сознанию открывается простая дилемма: *либо служение, либо самотчуждение* (самоутрата, потеря себя как личности, отказ от собственной сущности).

Следовательно, необходимость заботы о формировании и укреплении военно-профессиональной идентичности продиктована ее высокой практической значимостью, непосредственно связанной с проблемами обеспечения психологического здоровья военнослужащего, эффективности его профессиональной деятельности, профессиональной адаптации, профессионального обучения, профессионального развития в целом. Анализ теоретических источников, результатов научных исследований и непосредственных наблюдений дает основание утверждать, что *в военно-профессиональной идентичности заключается значительный психологический ресурс личности военнослужащего — его психологического здоровья, воли, морально-психологической устойчивости, силы психологической защиты и профессиональной надежности*.

Глубокое прочное чувство военно-профессиональной идентичности — залог духовно-психического здоровья личности военнослужащего, крепости воинского духа и воли: если понимать волю как дух, достигший стадии самоопределения, то тогда воля напрямую связана с идентичностью, так как идентичность как целостность, самотождественность личности, единство человека с самим собой — это важнейшая ипостась духа [2].

В связи свышеизложенным целесообразно принять во внимание следующие *рекомендации по формированию профессиональной идентичности военнослужащего*:

1. Укреплять историческую память. Например, проводить систематические информации на патриотическую тему «О великих подвигах».

2. Акцентировать внимание на особой государственной важности воинского труда. Находить в современной жизни ВС примеры героизма и широко пропагандировать их.

3. Чествовать воинские династии.

4. Совершенствовать систему позитивного подкрепления добросовестной и образцовой служебной деятельности.

5. Обеспечивать здоровые межличностные отношения в воинском коллективе. Проводить собрания для обсуждение и решения насущных проблем.

6. Совершенствовать стиль руководства воинским коллективом. Культивировать отношения доверия, взаимовыручки, крепкой дружбы, честности и открытости, неравнодушия, личной ответственности каждого за общее дело и заботы всех о каждом.

7. Проводить тематические дни посвященные определенной должности (День заместителя по работе с личным составом, День командира роты и др.).

8. Проводить профессиональные праздники (например, День военного психолога, День военного юриста, День пограничника, День специалиста минно-торпедной службы ВМФ РФ, День штурмана и т.п.).

9. Создавать условия для реализации военнослужащими религиозной и этнической идентичности.

10. Развивать систему связей с общественностью (встречи с представителями общественных организаций; дни открытых дверей для родителей и членов семей военнослужащих, для подростков и молодежи и т.п.).

11. Шефство коллектив военнослужащих над учебными заведениями, детскими домами и т.п.

12. Стимулирование всевозможных видов творчества военнослужащих.

13. Приобщение военнослужащих к духовной, исторической и философской литературе.

14. Поощрение участия военнослужащих в деятельности молодежных клубов исторических реконструкций.

15. Укреплять систему социальной защищенности военнослужащих и членов их семей, тем самым укрепляя у них уверенность в том, что ни при каких обстоятельствах военнослужащий и его семья не окажется без внимания и заботы государства.

16. Устранение возможных барьеров, которые препятствуют становлению и укреплению военно-профессиональной идентичности (например, несправедливости решений командиров, неуставных отношений, неоправданных отвлечений курсантов или военнослужащих хозяйственными работами в ущерб ведущей деятельности - учебе в военном учебном заведении или боевой учебе в частях).

Литература

1. *Гудков Л.* Негативная идентичность: ст. 1997-2002 гг. М., 2004.
2. *Данилов С.И.* Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 130-134.
3. *Диденко А.А.* Динамика профессиональной структуры внутренних войск МВД России : дис. …канд. социол. Наук. Ростов Н/Д, 2013. 190 с.
4. *Емельянова О.Я.* Формирование профессиональной идентичности с целью адаптации работника к деятельности по специальности // Вестник Воронежского гос. ун-та Сер. Экономика и управление. 2005. №2. С. 153-156.
5. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала. М., 2008.
6. *Карлова Е.Н.* Социально-политические механизмы формирования военно-патриотической идентичности у курсантов военного вуза : диссертация ... кандидата социологических наук : 23.00.02. Саратов, 2009. 202 с.
7. *Константинов В.В., Дьяков В.В*. Социальная идентичность военнослужащих и их адаптация к воинской среде // теория и практика общественного развития. 2014. №9. С. 39-42.
8. *Красникова Ю. В.* Профессиональная идентичность как основной элемент профессионального воспитания [Текст] // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). — Уфа: Лето, 2013. С. 167-169.

9. *Кравец А.В., Утюганов А.А.* Профессиональная идентификация офицера и ее формирование у курсантов военного вуза // Новые тенденции развития общественных наук / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Ростов-на-Дону, 2015.
10. *Медведев И.А. Профессиональная идентичность курсантов военного училища //* Современные научно-практические решения и подходы. 2016: материалы Пятой Международной научно-практической конференции (г.Москва, 15 августа 2016 г.) / отв. ред. Д.Р.Хисматуллин. Москва: Издательство Инфинити, 2016. *С. 68-72.*
11. *Некрасов А.С.* Развитие профессиональной идентичности личности курсанта военного училища: Дис. … канд. филос. наук: 19.00.01. Краснодар, 2005. 158 с.
12. *Поваренков Ю.П.* Психологическое содержание профессиональной идентичности // Сибирский психологический журнал. 2006. №24. С. 53-58.
13. *Романова Е.Н.* Повседневность военного училища как формирование военно-патриотической идентичности // Вестник Поволжского института управления. 2008. №3. С. 190-195.
14. *Сапожникова Р.Б.* // Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. №1. С.13-17.
15. *Саранских В.Е.* Социальная идентификация офицеров Вооруженных сил Российской Федерации: современное состояние и пути оптимизации: (социоло-гический анализ): Дис. … канд. соц. наук: 22.00.08. М., 2003. 203 с.
16. *Симаков А.А.* Формирование профессиональной идентичности у курсантов военного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 116-118.
17. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В.* От национальной идентичности к военной и информационной безопасности: эволюция войны и многообразие ее форм в условиях духовной деволюции современного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 4. С.158-163.
18. *Субботин И.Б.* Развитие профессиональной идентичности офицеров воспитательных структур в процессе подготовки в вузах: Дис. … канд. психол. наук: 19.00.03. М., 2003. 210 с.
19. *Фромм Э.* Здоровое общество. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009.
20. *Худайназарова Д.Р.* Барьеры на пути становления профессиональной идентичности женщин-военнослужащих, обучающихся в военных вузах // Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник» 2015 №1 (4). С. 129-144
21. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001. 272с.
22. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С.12.
23. Всемирная организация здравоохранения. Официальный сайт. Психическое здоровье. —http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs220/ru/

СУХАРЕВ А.В., доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН

ЛАВРОВА В.А., кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии, ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СЛУЖЕНИЯ С ПОЗИЦИЙ ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Выработка стратегии служения должна базироваться на этнофункциональной концепции образования, в которой используется этнофункциональный подход, разработанный А. В. Сухаревым. Этнофункциональный подход определяет конкретное содержание и последовательность соответствующих стадий учебно-воспитательного процесса. Восстановление целостности этнофункционального развития личности направленно на формирование способности к служению.

Ключевые слова: служение, этнофункциональная концепция, этнофункциональный подход, элементы этносреды.

***

Для конкретизации теоретико-методологических аспектов психологического исследования проблемы служения и его практического осуществления необходимо учитывать этническое самосознание военнослужащих. Служение как программа реализации личности в социуме, не может быть реализована без соответствующего воспитания, осуществляемого, как в сфере семьи, так в сфере образования. Понятие «служение» несет в себе несомненную морально-нравственную коннотацию, являющуюся в данном случае ведущей.

До последнего времени при разработке образовательных концепций практически не учитывалось этническое мировоззрение, которое для современной эпохи стало «болевой точкой» и одним из смыслообразующих факторов в поведении человека. В кризисной ситуации люди начинают искать опору в не-

преходящих ценностях и обращаются к той реальности, которую можно описать словами Ю.В. Бромлея: «Человечество - это народы» [1].

Современная концепция образования должна учитывать современное кризисное состояние общества в целом, в том числе и кризис культуры. Необходима разработка принципиально новых подходов в образовании и активно внедрять их на всех уровней образовательного процесса. Только такая стратегия создаст возможность адаптации личности к новым условиям социальной среды, выработке стратегии служения, как в отношении своей профессиональной деятельности, так и в отношении своего государства.

Особенно значимо этнические проблемы проявляются в условиях процесса глобализации, при котором происходит смешение культур, в связи с массовыми миграциями и информационной революцией, что ведет к утрате морально-этических ценностей, базирующихся в основном на исторически сложившихся представлениях, имеющих этнические истоки. По мнению многих философов, ученых, деятелей культуры и образования на современном этапе у значительной части населения наблюдается нарастание страха перед будущим, усиливается чувство тревоги, неуверенности в завтрашнем дне, переживания бессмысленности существования.

Характеризуя современную эпоху, известный историк А. Тойнби отмечал «чувство всеобщего смешения», которое представляет собой пассивную замену чувства стиля и проявляется в ходе социального распада в религии, литературе, языке и искусстве, в чувстве «мучительного переживания оторванности от своих корней» [2]. Наиболее отчетливо эта проблема проявляется в молодежной среде. Отказ от традиционных ценностей отсутствие авторитетов в семье и обществе стали причиной уклонения от военной службы, массовой наркомании, преступности и т.п.

Одна из первых попыток «гуманитарного» осмысления психологической адаптации человека к культурно-историческим кризисам принадлежит Э. Эриксону, она нашла отражение в его концепции «психоисторического подхода» [3]. Основным понятием этой концепции является «идентичность».

Идентичность — это специализированная часть нашего «я». Каждое общество представляет собой широкий набор идентичностей: от идентичности ребенка, отца, матери до профессиональных, политических, этнических и т.д. Человек приобретает идентичность через взаимоотношения с другими людьми, которые его обозначают или идентифицируют, при этом у индивида происходит и самоидентификация. В результате взаимодействия самоидентификации и идентификации другими идентичность становиться реальностью.

Согласно предложенной Э. Эриксоном концепции исследование психосоциальной идентичности выявляет ее зависимость от трех взаимодействующих факторов. Во-первых — это личностные связи индивида с ролевой интеграцией в его группе. Во-вторых — это влияние направляющих его образов, формирующихся под воздействием идеологий его времени. В-третьих, — это его жизненная история, развивающаяся в связи с историческим моментом. Угроза потери идентичности связана с чувством «плавающей тревоги», при которой не

определяется ее причина, а также проявляется в виде конкретных страхов. Представляет опасность и формирование слишком широкой идентичности «человека вообще» вне расовых, религиозных и других типов идентичности. Искажение идентичности сопровождается симптомами депрессивного спектра, свидетельствующими об угрозе психологической дезадаптированности человека. Рассматривая возрастной кризис идентичности в период 13-19 лет, Э. Эриксон связывает его с явлением «диффузной идентичности». Это состояние проявляется в неспособности интегрироваться в личностное единство, наличие разноречивых внешних требований и внутренних побуждений. Таким образом, демонстрируется роль процесса идентификации для формирования личности, и ее адаптации в социальной среде. Сложившаяся идентичность способствует созданию активной жизненной позиции, целеустремленности способности к служению.

В настоящее время в России значительная часть населения, и в особенности молодежь, находится в состоянии формирования новой идентичности, что сопровождается сменой ценностных ориентиров. Это связано с чрезвычайно резким переходом от одной идеологии к другой, с распадом единого государства на ряд новых образований и массовыми миграциями населения. Процесс становления независимых стран привел к обострению межэтнических противоречий, что часто становятся причиной военных конфликтов между ними или этнических столкновений внутри отдельных территорий. В результате происходит осознанное или неосознанное переживание людьми кризиса собственной этнической идентичности, что проявляется в чувствах агрессии, страха, неполноценности, нарастании эгоистического поведения и пр.

Выход из создавшейся ситуации, на наш взгляд, возможен за счет разработки и внедрения альтернативной этнофункциональной концепции образования. Эта междисциплинарная концепция базируется на достижениях этнопсихологии, клинической, педагогической, юридической психологии, а также истории биологии, географии, фольклористики и других науках о человеке.

В этнофункциональном подходе развиваются, в частности, идеи Л.Н. Гумилева о роли этносов в исторических процессах [4].В своей концепции этногенеза Л.Н. Гумилев отводил решающую роль в этногенезе пассионарным личностям, у которых ярко выражена демонстрация служения своему народу. Таким образом, пассионарность можно рассматривать как этнопсихологическая характеристика индивида.

С конца 70-х годов XX века в отечественных и зарубежных социологических и этнопсихологических исследования отмечается возрастание роли этнических факторов в жизни как общества в целом, так и отдельного человека. В современной этнопсихологии человек характеризуется тремя группами соотносительных признаков: климато-географическими, расово-биологическими и культурно-психологическими.

Одной из новых разработок этнической психологии является этнофункциональный подход А.В. Сухарева, позволяющий оценить влияние современного этнического сознания человека на общий уровень адаптации и активности

человека в обществе[5]**.** В своих работах А.В. Сухарев отмечает, что современный этап культурно-исторического развития характеризуется крайней «этнокультурной мозаичностью». Поэтому, описание общественно-экологических процессов на планете может быть адекватно осуществлено лишь с позиций этнофункциональной парадигмы. [6]

В этнофункциональной парадигме система элементов внутренней и внешней среды человека рассматривается как этносреда. Она характеризуется природно-климатическими, культурно-психологическими, антропо-биологическими параметрами, а также введенным Сухаревым представлением о трансцендентных параметрах - Бог, духи природы и др. Следует иметь в виду, что с позиции этнофункциональной парадигмы субъект «погружен» в этносреду; поэтому его личностные качества являются характеристиками этносреды. В психологии рассматриваются представления этносреды в психике субъекта.

Этнофункциональный подход в психологии базируется на ряде методологических принципов.

Принцип этнофункциональности. Это базовый принцип этнофункциональной парадигмы - все составные элементы этносреды наделяются этнической функцией. В психологии с позиции этого принципа рассматриваются элементы образной сферы личности, ее отношения, социальные представления, содержание стадий и этапов развития личности и общества.

Принцип этнофункциональной системности. Согласно этому принципу, все параметры этносреды (и человека) находятся в неразрывной взаимосвязи, а ее нарушение обуславливает разрушительные процессы для данного человека, его личности и этнической системы в целом.

Принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма отражает аналогию в структуре общего плана развития личности и этносреды. Данный принцип введен как методологическая основа для изучения взаимосвязи развития человека, личности и этносреды.

Принцип этнофункционального развития. В соответствии с данным принципом, содержание и последовательность стадий развития здорового человека и его личности соответствует содержанию и последовательности этапов исторического развития этносреды.

Принцип этнофункциональной субъектности означает, что как личность, так и этносреда обладает своей духовной сущность, и, соответственно, инициирующей активную деятельность.

Принцип этнофункционального детерминизма означает, что те или иные конструктивные и деструктивные процессы в структуре и развитии человека и его личности в системе этносреды обусловлены нарушением или восстановлением целостности культурно-психологических и трансцедентных элементов этносреды.

Применение этнофункционального подхода на практике позволило разработать общую схему содержание учебно-воспитательного процесса, включая этап высшей школы, как заключительный.

Экспериментально-психологические исследования дают основание утверждать, что для начала воспитания эмоционально-мотивационной сферы оптимальным является возраст 1-5 лет (ведущие здесь образы природы и анимистические представления). Для нравственно-этических отношений -6-7 лет (ведущие - надэтнические религиозные представления) и для начала формирования профессионально-операционной сферы (естественнонаучного мышления-возраст 7-9 лет [6],[7].

Активное формирование способности к служению, как нравственный переход от узкоэгоистического, потребительского отношения к окружающей среде к формированию социально ориентированного поведения оптимально в возрасте с 7 лет, при обязательном усвоении содержания предыдущих стадий развития образов родной природы, природно-анимистических и героических представлений.

Преимущество данного подхода к развитию личности состоит в том, что в них может системно учитываться специфика различных культур и этносред в целом. Образование может быть мультикультурным и бикультурным. В возрастной группе 0-7 лет должно преобладать монокультурное содержание, постепенное нарастание объема мультикультурного содержания в образовании должно осуществляться с возраста не ранее 7 лет.

Этнофункциональный подход определяет конкретное содержание и последовательность соответствующих стадий учебно-воспитательного процесса с самого раннего детства и позволяет обеспечить повышение степени эмоциональной и интеллектуальной адаптации молодежи, выработки готовности к служению. Для этого личность должна в значительной мере наследовать всю систему отношений к этносреде ареала своего рождения и проживания.

Общим механизмом воспитания, обучения и психопрофилактики является восстановление целостности этнофункционального развития личности, ее образной сферы или ментальности, направленной на формирование способности к служению.

Литература

1. Бромлей Ю. В., Подольский Р.Г. Человечество - это народы. М.: Мысль, 1990.
2. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс,1991.
3. Эриксон Э. Детство и общество. Л.: Ленато,1996.
4. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Издательская группа Прогресс, 1993.
5. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания // Вопросы психологии. 1996. №4. С.81-93.
6. Сухарев А.В Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
7. Тимохин В. В. Этнофункциональный аспект психического развития: Автореферат, дис. канд. психол. наук. М.: 2005.

НИКИФОРОВ А.В., преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

СЛУЖЕНИЕ — ИНТУИТИВНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ ДУХОВНОГО ОПЫТА

В статье рассматриваются характеристики служения через призму интуитивного постижения духовного опыта. Автор раскрывает функцию интуитивной работы в постижении творческого опыта как определение подлинной мотивации, функцию интуитивной работы в постижении морального опыта как определение подлинных целей существования человека и функцию интуитивной работы в постижении религиозного опыта как обретение смирения.

Ключевые слова: служение, интуиция, подлинная мотивация, интуиция совести, смирение.

***

Служение, как особый вид деятельности и состояния, сопряжено с высшими проявлениями духа человека и формированием его духовности. Духовность определим как феноменальную категорию, содержанием которой выступает жизнь человека, проживаемая в полноте уникального опыта внутренних переживаний (чувств), опосредованных традиционными культурными средствами — символами; являясь проявлением духа в мире и человеке, духовность есть объединяющее начало общества, выражаемое в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированных, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства [3].

Что направляет психическую активность человека, его стремление проникнуть и постичь сущность духовного мира? По замечанию Линды Ретлисбергер, духовный мир является родиной интуиции. [6] Основываясь на этом, можно предположить, что интуиция, стремясь «вернуться на родину», руководит душевными силами человека. Под интуицией мы понимаем чувствительность субъекта к требовательному характеру явления, амбивалентно переживаемая в ситуации когнитивной неопределённости, осуществляемая символическими средствами и выраженная в познавательном результате [4]. За счет чего осуществляется формирование духовности?

В предложенной Мымриным А.В. модели выделяется три сферы человеческого опыта, наиболее значимые для формирования духовности: творческий, моральный и религиозный опыт [3.С.30-37].

Опираясь на предложенную модель, проанализируем место интуиции в постижении духовного опыта.

Служение как интуитивное постижение творческого опыта

Творчество характеризуется созданием качественного нового, ранее не существующего [1]. Чаще всего творческую работу приписывают только представителям профессий типа «человек-художественный образ». В действительности творческие акты могут сопровождать всякую деятельность человека, стремящегося преодолеть какое-либо противоречие (между требованиями и условиями ситуации, целями и средствами задачи и т.д.). Творческий процесс субъектом переживается как неудовольствие, напряженность, возбуждение и может проявляться в потере аппетита, сна, адекватной оценки актуальных событий и т.д. В быту мы называем эту ситуацию муки творчества. Закономерно встает вопрос зачем такие страдания? Ответ на этот вопрос человек обнаруживают через результат творческого акта. Через призму творческого продукта субъект определяет личностный смысл, а социальное окружение способно понять *ради чего(или кого)* человек страдал и терпел лишения. Например, ради счастья конкретного человека (ребенка, родителя, друга и т.д.), ради блага людей (рабочий и воинский коллективы, пострадавшие и т.д.), ради сохранения места (город, воинская часть, государство и т.д.).

Однако может возникнуть ситуация, когда продукты творчества не оценивается по достоинству социальным окружением. История изобилует примерами непризнанных при жизни гениев. Особенностью этих людей является то, что, не смотря на низкую оценку деятельности со стороны, чувство уверенности в необходимости и значимости своего дела для всего человечества побуждает их продолжать свою деятельность. При этом субъект может лишиться социальных благ (признания, социального статуса, денежного обеспечения и т.д.). Применительно к этой ситуации уже закономерен вопрос не ради, а *во имя чего (кого)* подобные жертвы? Ответ на этот вопрос предполагает определение не личностного, а абсолютного смысла деятельности, ее подлинной мотивации.

Абсолютный смысл, в отличие от личностного смысла, не имеет предметной отнесенности. Попытки рационально определить подлинную мотивацию сводятся к тому, что ее предметом является сама деятельность. В этой связи определение подлинной мотивации ложится на плечи интуиции. Интуитивная работа направлена на постижение творческого потенциала, заложенного в деятельности, что переживается субъектом как одержимость, т.е. передача своей активности во власть самой деятельности.

Результирующей интуитивного постижения творческого опыта является феноменальная неразличимость «Я» субъекта и некоего надиндивидуального творческого начала. В быту мы говорим, что на человека напало вдохновение, посетила муза и т.д. Хорошо иллюстрирует эти состояния в своем стихотворении М.В. Ломоносов:

«Устами движет бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,

Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота,
И облаком нестись, презрев земную низкость».

Результат интуитивной работы представляет субъекту символическое выражение творческого потенциала деятельности, что переживается человеком как могущество, красота, гармония и величие устройства мира.

Служение как интуитивное постижение морального опыта

Нравственная регуляция действий человека формируется и оформляется в ситуациях выбора. Внутреннее противоречие самих ситуаций обуславливается необходимостью сделать выбор между двумя столкнувшимися мотивами и отсутствием социального опыта у субъекта и установленного социального правила, определяющим правильное решение. Субъект стоит перед задачей самостоятельно, опираясь на свое субъективное мнение определить, что есть правильно, а что нет.

Чилийский философ Дарио Салас Соммэр в предисловии своей работы «Мораль XXI века» ставит проблему следующим образом: «человек постоянно сталкивается с ситуациями, когда он должен сделать правильный выбор с точки зрения морали, но не может, так как у него нет ясного представления о том, что на самом деле правильно. И это касается всех. Люди уже не различают, кто «хороший», а кто «плохой», границы морали стираются, а правила поведения становятся зыбкими, непостоянными и являются предметом манипуляций» [2].

Феноменально субъект переживает ситуацию морального выбора как муки совести. Разбором этих хитросплетений жизни занимается этика. В чем заключается задача этики? А.А. Ухтомский определял ее следующим образом: «в попытке определить те законы, через которые интуиция совести проникает в подлинный смысл вещей, в их правильную оценку, так что закон бытия становится законом возмездия, и заключается дело этики как науки...» [8].

Каковы законы интуиции совести? Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос задача сложная. И тем не менее, предпримем попытку приблизится к решению этой задачи.

«Сердце, интуиция и совесть — самое дальнозоркое, что есть у нас», писал А.А. Ухтомский, - «это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас как накопившийся опыт жизни, художества и совести народа и общества, в котором мы родились, живем и умрем» [8]. Л.Н. Толстой утверждал, что совесть, по своему происхождению, есть память общества, усвоенная отдельным лицом. П.В. Симонов подметил, что межличностное происхождение совести закреплено в самом названии феномена: «со-весть», т. е. весть, в которой незримо присутствует некто иной или иные, помимо меня посвященные в содержание данной «вести» [7]. Эти высказывания дают нам право зафиксировать социально-культурную природу совести. Из этого следует, что функция формирования и воспитания совести индивида ложиться на плечи педагогов, в широком смысле (родители, учителя, командиры, наставники и т.д.).

Процесс формирования совести, по нашему мнению, можно соотнести с этапами формирования умственного действия по П.Я. Гальперину. Где основной упор делается на этап ориентировки и составлении ориентировочной основы действия. Примерная схема может иметь следующий вид: выбор образца поведения (историческая личность, предок, литературный персонаж, реальный лицо, герой войны или труда и т.п.), разъяснить проблему, с которой столкнулся выбранный образец, раскрыть принципы и ценности, на которые опирался выбранный образец при принятии решения, дать оценку последовавшим событиям.

Какова роль интуиции в этом действии? По нашему мнению основная функция заключается, во-первых, в выборе соответствующего образца поведения для каждой конкретной ситуации и каждого конкретного человека, а во-вторых, выборе соответствующего момента и слов для разъяснения поведения образца. Психологическим механизмом, лежащим в основе интуитивного выбора, является метафоризация. Познавательный результат интуиции, выработанный когнитивной работой переживания педагога выражается в выборе того образца, который станет символом для идентификации «Я-образа» индивида с истинными ценностями его социального окружения (семья, трудовой или воинский коллектив и т.д.). Сложность выбора и преподнесения образца поведения служит одной из причин вечной проблемы отцов и детей.

Исполнительная часть формирования совести осуществляется в обрядах инициации, ритуальных действиях, выполнении традиций и т.д. На данном этапе важным обстоятельством является не столько возможность индивида рационально объяснить необходимость выполнения указанных действий, а интуитивное чувство важности и значимости их для себя и окружающих. В данном случае достаточно будет сослаться на многообразие примеров из воинской деятельности и литературы, описывающей подвиги российского воинства.

Контрольный этап формирования совести состоит в самостоятельном определении индивидуального принципа поведения и деятельности в ситуации морального выбора. По меткому замечанию Ф. Перлза, здоровая личность отличается от нездоровой тем, что заявляет «Я такой, какой я есть» [5]. В этом смысле, субъект совести осуществляет отказ от присвоенных образцов и принципов поведения, и на смену им провозглашает свое, персональное правило, интуитивно регулирующее его моральный выбор. С этого момента субъект становится не только самостоятельным, но и сам претендует на звание образца, которое он принимает со всей ответственностью и готовностью нести это звание.

Примером, иллюстрирующим наше положение, может служить стихотворение М.Ю. Лермонтова:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,

Мой ум немного совершить;
В душе моей как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!

Служение как интуитивное постижение религиозного опыта

В жизни каждого возникают ситуации, когда обращение к сверхъестественному это последнее, что остается человеку. Мы имеем ввиду ситуации, когда человек остается один на один со своей бедой - ситуации отчаяния, безнадежности, бессилия и т.п. Общими для этих ситуаций является осознание субъектом того, что помощи ждать больше не от кого и неоткуда.

Переживание обреченности обуславливает невозможность разрешить проблему «человеческими» силами, возникает потребность в силах нечеловеческих, сверхъестественных, мистических. Интуитивная работа состоит в обращении субъекта к области «внеземного», нереального, магического, божественного. Результатом работы интуиции становится символическое средство (ритуал, молитва, амулет и т.д.), в котором субъект находит утешение и восполняет свои духовные силы. В акте утешения человек переживает свою сопричастность с Высшим Существом, осуществляющим свое провидение. В свою очередь, переживание сопричастности обуславливает состояние смирения – безусловного принятия, веры и готовности отдать свою «земную» жизнь во имя «высшего» замысла.

Резюмируя вышесказанное можно сделать вывод, что:

— служение как интуитивное постижение творческого опыта – позволяет субъекту обнаружить абсолютный смысл, подлинную мотивацию своей деятельности;

— служение как интуитивное постижение морального опыта – позволяет субъекту определять подлинные цели своего существования;

— служение как интуитивное постижение морального опыта – позволяет субъекту обрести смирение.

Литература

1. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М., 1976. – Т. 25. Струнино – Тихорецк.
2. Дарио Салас Соммэр Мораль XXI века. – М.:КОДЕКС, 2014.
3. Мымрин А.В. Духовный опыт в зеркале психологического знания. Инициативы XXI века 2016. - №2.
4. Никифоров А. В. Интуиция: выбор без выбора. Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности Вып. 2 - М.: ВУ, 2013.
5. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. – СПб.: Петербург-XXI век, 1995.

6. Ретлисбергер Л. Интуиция. Как ее развить и научиться ею пользоваться. – М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008.
7. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. – М.: Наука, 1984.
8. Ухтомский А.А. Интуиция совести.- СПб.: Петербургский писатель, 1996.

ЧЕРЕПАНОВ А.С., кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СЛУЖЕНИЯ

Статья посвящена соотнесению явлений «творческая деятельность» и «служение». Анализируются их схожие и отличительные черты, а также взаимосвязь.

Ключевые слова: творческая деятельность, служение, искренность и целостность, самоотдача, формальность, ориентированность на реальность, ориентированность на идеал, уникальность, традиционность, эгоцентризм, социальная направленность.

***

В современном российском обществе вопросы творчества – популярная тема. Причем творчество стоит в одном смысловом ряду с понятиями свобода, выход за границы, преодоление шаблонности, разрушение стереотипов, а его ценность приобрела априорный характер. Между тем, классик экзистенциальной психологии Р. Мэй еще в семидесятые годы XX столетия говорил о том, что «культ спонтанности» в противовес регламентированности связан с «открытием ценности, заключающейся в детской игре», в то время как подлинно творческая (скажем – взрослая) личность предполагает не отвержение ограничений, а их преодоление [4]. Таким образом, Р. Мэй с одной стороны повторяет мысль Л.С. Выготского о том, что содержание творчества состоит в разрешении диалектического противоречия (между формой и содержанием [1], спонтанностью и ограничениями [4]), а с другой оригинален в том, что подвергает сомнению априорную ценность творчества. На наш взгляд данная позиция может быть уточнена в соотнесении творческой деятельности с понятием «служение».

В данной статье под творческой деятельностью, с опорой на мнение Мымрина А.В. [1 С.31], будем понимать деятельность по обнаружению, преодолению и преобразованию конфликтующих сторон реальности уникальными средствами.

К сожалению, нам не удалось в литературе обнаружить удовлетворительное определение служения. Анализ определений, предлагаемых толковыми словарями, позволяет выделить следующие его аспекты:

– направленность на деятельность («работать, трудиться во имя кого-либо, чего-либо, для пользы кого-либо, чего-либо»);

– высокое качество отношения к процессу реализации деятельности («добросовестность», «ответственность», «продуктивность», «усердие»);

– ориентация на внеличный результат («служение – это бескорыстие общественно ценных мотивов»; мотивы высокого порядка как побудители этой деятельности: «выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции») [9;11;12].

Представляется, что данные аспекты могут служить ориентирами для установления контекста служения.

На наш взгляд творческая деятельность и служение обладают феноменологической схожестью. Так и творческий опыт, и служение:

– связаны с искренностью и целостностью. В творческом акте переживание и выражение переживания соответствуют друг другу, что позволяет человеку ощутить свою целостность, единство, соответствия самому себе. Р. Мэй прямо на это указывает, обозначая творческий процесс как способ борьбы против дезинтеграции и осуществления гармонии и интеграции [4]. И, вероятно, это имел в виду К.С. Станиславский, когда описывал «состояние артиста во время нормального творчества» как «блаженное» [7 С.357-358]. В то же время без искренности невозможно обеспечить то качественное отношение к делу, которым характеризуется служение, а вне личностной целостности человек попадает в ситуацию постоянного внутриличностного конфликта. Таким образом, вне переживания искренности и целостности невозможны ни творческая деятельность, ни служение.

– связаны с самоотдачей. Творчество без полного включения в процесс невозможно. Не об этом ли говорит К.С. Станиславский, размышляя о творческом внимании [6]? Служение без самоотдачи перестает соответствовать выделенным выше содержательным характеристикам.

– нацелены на максимально возможный результат. Как нельзя обойтись полумерами, реализовать творческий порыв «вполсилы», остановиться на формальном соответствии чему-то, так и служение реализуется не по форме, а по содержанию.

Вместе с тем, нельзя не сказать о том, что творческая деятельность и служение обладают не только схожими, но и отличными друг от друга чертами:

– творческий опыт ориентирован на реальность. Преодолевая конфликт различных сторон реальности творчески, человек должен пропустить этот конфликт через себя, не отгораживаясь от него масками, ролями, психическими защитными механизмами. В основе же служения лежит ориентация на идеал, на образец, на то, как должно быть.

– творчество всегда связано с новизной, уникальностью. Недаром ряд специалистов утверждает, что в основе творческой деятельности лежит спонтанность (К.Г. Юнг [8], Я.Л. Морено [по 5]), а известный специалист по развитию творческого мышления Э. де Боно утверждает, что в ходе обучения творчеству человек должен осуществить выход за рамки установленных закономерностей для того, чтобы взглянуть на вещи по другому [2]. Служение же ориентировано на общечеловеческие ценности и в этом смысле традиционно, может

использовать уже существующие способы. Более того, без такой ориентации служение превращается в нигилизм. Таким образом, служение по отношению к творчеству может выполнять функцию «морального регулятора» с тем, не дать последнему выйти за рамки разумного, привести к хаосу, разрушению необходимых границ. Думается, что изобретение ядерной бомбы является результатом, когда служение не выполнило функцию ограничения творчества. Мы все являемся свидетелями современных случаев, аналогичных данному контексту. Это и печально известные Pussy Riot [13], и танцевальная постановка «Пчелки и Винни-Пух» [10] и др.

Таким образом, в служении и в творчестве конфликт преодолевается за счет разных средств.

В основе творческой деятельности может лежать эгоцентрическая направленность личности, стремление самовыражения ради самовыражения; в основе же служения всегда лежит социальная направленность, самореализация «через других».

Подытоживая вышесказанное, мы неизбежно приходим к выводу о том, что творчество и служение тесно взаимосвязаны. Творчество, реализуемое вне контекста служения, может приобретать преступный, противоправный и аморальный характер. Служение же вне творчества выхолащивается, формализуется и в конечном итоге перестает быть само собой.

Литература

1. Боно Э. Серьезное творческое мышление // Пер. с англ. Д.Я. Онацкая. - Мн.: ООО «Попурри», 2005.
2. Выготский Л.С. Психология искусства. - М.: Современный гуманитарный институт, 2001
3. Мымрин А.В.Духовный опыт в зеркале психологического познания. // Инициативы XXI века №2/2016. С.30-37
4. Мэй Р. Мужество творить. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008
5. Рудестам К. Групповая психотерапия. Психокоррекционные группы: теория и практика: Пер. с англ. / Общ.ред. и вступ. ст. Л. А. Петровской. - М.: Прогресс, 1990
6. Станиславский К.С.Собр. Соч.: в 8 т. Т. 2, М.: Искусство, 1955.
7. Станиславский К.С.Собр. Соч.: в 8 т. Т.3, М.: Искусство, 1955.
8. Юнг К.Г. Очерки по психологии бессознательного. / Пер.с англ. – Издание 2-е. - М.: Когито-Центр, 2013
9. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). [Электронный ресурс]: URL: http://spiritual_culture.academic.ru/2064 (дата обращения 25.09.2016).
10. Почему танец оренбургских школьниц обернулся всероссийским скандалом // Комсомольская правда от 14.04.2015 [Электронный ресурс]: URL: http://www.kp.ru/daily/26366/3248161/ (дата обращения 26.09.2016).

11. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. [Электронный ресурс]: URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/246167/ служить (дата обращения 25.09.2016).
12. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]: URL: http://enc-dic.com/ushakov/Sluzhenie-71171.html (дата обращения 25.09.2016).
13. Участники группы Pussy Riot задержаны по делу о хулиганстве в храме // Российская газета от 04.03.2012 [Электронный ресурс]: URL: https://rg.ru/2012/03/04/huligani-anons.html (дата обращения 26.09.2016).

ШАЛИМОВА А.М., кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

БАКЛАНОВСКИЙ С.В., доцент кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

РУСИНА Е.О., преподаватель кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ КУРСАНТАМИ ПРОФЕССИИ ОФИЦЕРА КАК СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

В статье дается оценка социально-психологических атрибуций и противоречий образов «профессии» и «служения» у курсантов военных вузов, выделены основные направления консультационной помощи в трудных ситуациях.

Ключевые слова: противоречие, профессия, служение, причины, образ, военнослужащий, трудная ситуация, оптимизация, альтернатива.

***

Система высшего образования позволяет обучающимся получить профессию, то есть, определяет «род трудовой деятельности, занятий, требующих специальной подготовки» [6, 526]. Согласно Большому энциклопедическому словарю, профессия является обычно «источником существования»[3, 327] человека. В большинстве своем, определения термина «профессия» отмечают две его основные характеристики – это наличие подготовки, которая делает человека специалистом в определенной области, и получение материальных средств за выполнение работы согласно своей квалификации. В ВВУЗах курсанты изначально относятся к категории военнослужащих, и после окончания обучения остаются в этом статусе. Получение специальности в данных заведениях также относится к высшему профессиональному образованию. Однако, если разо-

брать термин «военнослужащий», то самое простое его определение в словаре Ожегова и заключается в том, что это «человек, состоящий на военной службе»[6, 97]. Довольно понятный и логичный смысл, однако в нем есть слово, требующее дополнительной трактовки - «служба». Не всегда профессия является для личности служением, однако, священники и военные - служат. А службу, согласно тому же Ожегову, «исполняют», «имеют своим предназначением», выражают готовность «оказать услугу»[6, 526].

Ни о каких материальных вознаграждениях в данной категории упоминаний нет, скорей, служение относится к призванию, творчеству, духовному, а не материальному. Мы не просто так заострили внимание на смысловой нагрузке понятий «профессия», «военнослужащий» и «служба». На данный момент, на наш взгляд, существует проблема их понимания и реализации курсантами и молодыми офицерами.

В ходе учебных занятий преподаватели обсуждают с обучаемыми вопросы мотивации получения ими военного образования. Часто встречаются ответы, дополняющие категорию служения Родине другими смыслами. Нами был проведен опрос, в ходе которого курсанты отвечали на вопрос «Почему Вы хотите стать военнослужащим?» (открытый вопрос). Ответы, в большинстве своем, содержат упоминание служения Российской Федерации, однако не менее часто встречаются такие варианты, как «достойная заработная плата», «возможность вырваться из своего родного города, где нет возможности сделать карьеру», «возможность получить жилье», «следование семейным традициям», «более высокий балл поступления в другие ВУЗы». В разговорах члены учебных групп часто упоминают высокий уровень социальной защищенности военнослужащих - «всегда будет, где жить, что есть и надевать». Таким образом, понятие «служения» оказывается второстепенным по сравнению с важностью материальных и социальных составляющих жизни. Забота о своем благосостоянии вполне обоснована и понятна, однако, нам кажется важным вопрос понимания особенностей своего выбора курсантами. На данный момент в процессе обучения будущих офицеров не предусмотрено занятий, раскрывающих в полной мере понятия «патриотизм», «долг», «честь», «подвиг». Сам по себе выбор жизненного пути военнослужащего предусматривает наличие понимания и принятия данных категорий, однако, возможно, именно сейчас важно включать данные темы в процесс обучения. Находясь в армейской системе, курсанты получают некоторое представление об особенностях ее функционирования, и не всегда это позитивные знания. Таким образом, к пятому курсу часто можно узнать, что армия «для дураков», «любая инициатива наказуема», а приказ начальника, даже самый необоснованный, должен быть выполнен, иначе последуют санкции. За формальными правилами функционирования в военной структуре, обучающиеся нивелируют важность их деятельности для страны, общества. Смысл слова «служение» оказывается не таким важным, как потребность обеспечить себе наиболее комфортное и удобное существование. Часто при распределении после окончания военного вуза, можно услышать мнение о том, что главное в будущей службе – это спокойная обстановка, хорошее

начальство, отсутствие боевых действий. Мы ни в коем случае не утверждаем, что такие пожелания высказывает большинство молодых офицеров, но такая тенденция существует, и ее необходимо учитывать в преподавательской деятельности на каждом курсе с первого по пятый. Таким образом, мы считаем актуальным и необходимым формирование точного понимания смысла деятельности военнослужащего, в котором ценность служения Родине будет на первом месте по сравнению со всеми остальными ценностями. Здесь усматривается противоречие между образом «профессии» как таковой и образом «служения», которые складываются у будущего офицера в период его подготовки в военном вузе.

В данной статье рассмотрены варианты работы с атрибуцией курсантами своей будущей деятельности не только как профессии, но и как служения.

Само по себе соотношение того, как воспринимается «профессия» и «служение», давно вышло за пределы чисто теоретического обсуждения. Этот вопрос носит вполне практический характер. В постоянно изменяющихся условиях социального взаимодействия то, как человек выстраивает образ каждого из этих понятий применительно к своей жизни, становится руководством к действию. В данной статье рассмотрены варианты работы с формированием атрибуции курсантами своей будущей деятельности не только как профессии, но и как служения.

В ряде случаев попытки решения противоречия между восприятием «служения» и «профессии» получило вполне оформленный организационный характер не всегда соответствующий существующей системе ценностей.

В нашей стране действует международная неправительственная ассоциация Ротари Интернэшнл (*Rotary International*). Главный девиз Ротари Интернэшнл: «*Служение превыше себя*» (англ. «*Service above self*»), а другим является фраза «*Больше всех получают те, кто служит лучше всех*» (англ. «*They benefit most, who serve best*») [7]. Ротари-клубы позиционируют себя как нерелигиозные и неполитические благотворительные организации, открытые для всех стран, вне зависимости от национальной и расовой принадлежности, вероисповедания и политических взглядов. Следует отметить, что эта структура подвергается критике со стороны православной церкви, как вербовочная площадка для масонства.

Тем не менее, она регулярно проводит награждение выдающихся людей, как это было в 2016-м году в Тольятти. Почетный знак в виде символического золотого сердца, памятную медалью и дипломом получили заслуженный тренер России, член исполнительного комитета федерации прыжков на батуте России, директор одной из гимназий города – заслуженный учитель Российской Федерации, тренер-преподаватель высшей категории детско-юношеской школы олимпийского резерва, а также среди номинантов был награжден сотрудник полиции. Кроме этого организация предлагает и соответствующее оформление участия - членство в Ротари-клубе, ячейки которого существуют по всему миру [8].

Однако, идея служения в данном случае получает несколько иное оформ-

ление и воспринимается иначе, нежели служение Отечеству, народу и составе Армии РФ.

В связи с этим хотелось бы напомнить формулировку так называемой «теоремы Томаса». Американский социолог Уильям Томас сформулировал ее так: «Ситуации, определенные людьми как реальные, реальны по своим последствиям» [10. 477]. При ближайшем рассмотрении эта теорема указывает, что наша проблема реализуется на практике в соответствии с представлениями о реальном. На более глубоком уровне сама граница между «реальным» и «представлениями о реальном» начинает размываться. Мы получаем положение дел, при котором социальные отношения и их определения неразрывно связаны друг с другом - определение ситуации *и есть* сама ситуация. Таким образом, важно привести курсантов к восприятию своей деятельности, как «реальной» ситуации служения.

Вопрос, связанный с противостоянием восприятия курсантами таких понятий как «профессия» и «служение», может быть рассмотрен в рамках проблематики социальной психологии в рамках такого феномена как «ситуация». Определение, которое дается в данном случае, как нельзя лучше подходит для нашего вопроса - *ситуация* может рассматриваться как сложная субъективно-объективная реальность, где объективные составляющие представлены в виде субъективного восприятия и личностной значимости для участников ситуации.

Более того, в нашем случае речь идет о ситуации, которая порождает трудности для курсанта в ходе реализации себя в процессе служебной деятельности. По мнению Б. Шведина, *трудная ситуация* - это «взаимодействие личности со сложной обстановкой в процессе деятельности». Трудная ситуация характеризуется наличием сложной обстановки, активностью мотивов личности, нарушением соответствия между требованиями деятельности и профессиональными возможностями [1, 126].

Все это как нельзя лучше проявляется в существовании в восприятии курсанта образа «профессия», который в первую очередь связывается с достижением практических целей, с материальными благами и образа «служения», который выступает как идеальное понятие, выходящее за пределы материальных факторов, а, зачастую, требующее от человека жертв.

Из всего имеющегося списка трудных ситуаций, таких как ситуации деятельности, ситуации социального взаимодействия, ситуации внутриличностного плана, бытийные ситуации, нам для рассмотрения ближе вопросы социального взаимодействия и внутриличностного плана.

Возникновение и развитие такого рода трудных ситуаций обусловлено действием четырех групп факторов и причин: собственно, объективных, организационно-управленческих, социально-психологических и личностных. Первые две группы факторов носят в основном объективный характер, третья и четвертая - главным образом субъективный.

Наконец, следует заметить, что часто используемый тезис о плодотворности противоречий, скорее всего должен быть результатом нашего решения не мириться с ними. От противоречий нужно избавляться даже если это кажется

невозможным как в случаях если они порождены объективными трудностями К. Поппер даже предлагал отойти от использования термина «противоречие» и использовать такие менее обманчивые термины как «конфликт», «противоположная тенденция» или, может быть, «противоположный интерес» и т. д [9, 122].

К числу объективных причин противоречий можно отнести те обстоятельства социального взаимодействия людей, которые привели к столкновению их интересов, мнений, установок и т.п. Объективные причины приводят к созданию предконфликтной обстановки - объективного компонента предконфликтной ситуации.

Субъективные причины противоречий связаны с теми индивидуальными психологическими особенностями оппонентов, которые приводят к выбору именно конфликтного, а не какого-либо другого способа разрешения создавшегося объективного противоречия. В любой ситуации есть возможность выбора конфликтного или одного из неконфликтных способов ее разрешения.

В том случае, если мы хотим обеспечить хотя бы равновесие характеристик, связанных с исполнением профессиональных обязанностей и представлений о воинском долге, о достижении целей служения, то необходимо определить факторы, порождающие трудную ситуацию.

Действительно и в этом случае жесткое разделение объективных и субъективных причин конфликтов, а тем более их противопоставление вряд ли возможно. В реальной трудной ситуации, будь она связана с социальным взаимодействием или ситуацией внутриличностного плана, всегда усматриваются помимо субъективных и объективные причины [2, 102].

Разнообразие объективных причин велико. Как на уровне конфликта в целом, так и в конкретных ситуациях попытка их выявления носит достаточно непростой характер. Как нигде, в случае противостояния образов «профессии» и «служения» у военнослужащего вполне естественное столкновение значимых материальных и духовных интересов, связанных со служебной деятельностью, имеет огромное значение для военнослужащего. Кроме того, далеко нередки случаи, когда курсанту приходится сталкиваться с ситуацией слабой проработанности правовых и других нормативных процедур с одной стороны, и реальных возможностей для их реализации с другой, особенно, когда это касается разрешения социальных противоречий, возникающих в процессах учебы и службы. Наконец, в значительной степени на формирование представлений курсанта о перспективах военной службы оказывают стереотипы, которые, как в случае с исполнением профессиональных, обязанностей связаны в первую очередь с материальными благами.

Список этот может быть расширен, но уже этих причин достаточно для того, чтобы понять - объективные причины способны создать достаточный фон, определяющий различные аспекты жизни курсанта.

Не меньшее значение в определении отношения военнослужащего к вопросу соотношения служения и профессии носят организационно-управленческие проблемы, т.е. обстоятельства, связанные с формированием,

развитием и функционированием воинских коллективов.

Мы выделим с*труктурно-организационные* проблемы, которые связаны с достаточно частыми фактами, когда традиционная штатная структура учебного воинского коллектива сталкивается с требованиями той деятельности, с решением задач, которыми ему приходится заниматься. Учебные цели – подготовка офицера, во многом отвечающие идее служения, и которые курсантский коллектив должен достигать в первую очередь, предопределяют традиционный штат, но повседневная реальность отодвигает их на второй план.

Чем больше цели воинского коллектива (формирование личности офицера, защитника Отечества) не соответствуют требованиям текущей деятельности, которая определяется должностным положением, тем в большей степени усугубляется противостояние между восприятием себя как человека служения и человека-профессионала, просто зарабатывающего на жизнь.

Личностно-функциональные– несоответствие или неполное соответствие работника по его нравственным и профессиональным качествам требованиям занимаемой должности. Это часто становится негативным опытом в формировании личности курсанта, который убеждается в недостаточной значимости идеи служения, как фактора, определяющего карьерный рост офицера.

Во многом перечисленные выше причины могут быть компенсированы на уровне административной и организационной работы, тогда как следующий пласт причин требует специальных знаний, а по возможности и специальных психологических методов.

В первую очередь речь идет о социально-психологических причинах рассматриваемого нами противоречия, которые вытекают из самого факта непосредственного взаимодействия людей, их включенности в социальные группы, а в нашем случае - в воинские коллективы. Учебные коллективы курсантов играют значительную роль в формировании личности будущего офицера в целом и отношения к тому, как будет им пониматься в дальнейшем роль в его жизни профессии и идеи служения.

Хотелось бы отметить значение такой причины, как *различия в способах оценки результатов деятельности и личности друг друга.* Список критериев, которые используются для подведения итогов деятельности курсанта, воинского коллектива нередко различается у начальников и подчиненных. Еще в большей степени усугубляет положение дел выдвижение на первый план оценок служебной деятельности, которые вытекают из задач, не имеющих отношения к учебе курсантов.

Основные способы сравнения достижений: с возможным идеальным положением дел, с требованиями к данной деятельности нормативных документов, со степенью достижения цели должны ставится в соответствие со всем смыслом формирования будущего офицера. А это зачастую не соответствует реальности.

Межличностные отношения в воинском коллективе колеблются в диапазоне от благоприятных, где цели курсантов соответствуют целям обучения и подготовки в целом, до конфликтных, где отношения характеризуются напря-

женностью, а на первый план выходят личные интересы, взаимные негативные установки. В первом случае возможности для формирования личности офицера потенциально велики, во втором мы скорее получим индивидуалиста - специалиста по выживанию.

Не будем забывать и о *конкурентном характере взаимодействия,* который во многом присущ молодым людям, курсантам. Соперничество, если оно не подкреплено конструктивными целями, оценками становится самоцелью и чаще всего связывается в социальном восприятии с реальными материальными результатами.

Блок личностных причин напрямую связан с возможностями формирования будущего офицера. Список вероятных причин может быть достаточно велик. Мы остановимся на некоторых из них.

Завышенный или заниженный уровень притязаний способствует возникновению негативной реакции со стороны сослуживцев. Завышенная самооценка обычно вызывает негативную реакцию со стороны окружающих. Заниженная оценка имеет следствием повышенную тревожность, неуверенность в своих силах, тенденцию избегать ответственности. Тот и другой варианты скорее подталкивают будущего офицера к тому, чтобы сосредоточиться на решении практических задач. При этом идея служения оказывается за их пределами, служит напоминанием о том, что нужно жить в рамках привычной реальности, а не стремиться к реализации себя как защитника Отечества.

Оценка поведения как недопустимого. Ожидаемое поведение, общение, деятельность со стороны другого человека, являющегося партнером по взаимодействию, представлены желательными, допустимыми, нежелательными и недопустимыми вариантами. Характер поведения зависит от индивидуально-психологических особенностей человека, его психического состояния, отношения к конкретному партнеру по взаимодействию, особенностей актуальной ситуации взаимодействия. Если реальное поведение партнера укладывается в рамки желательного или допустимого, то взаимодействие продолжается бесконфликтно.

Недостаточная психологическая устойчивость к отрицательному воздействию на психику стрессовых факторов военной службы становится еще одной причиной нашего противоречия. Если возможно использовать такой термин, то выживание в реальных социальных условиях становится главной задачей военнослужащего. Итоговый результат здесь ясен - по выпуску из военного вуза мы получаем человека, может быть и подготовленного в профессиональном плане, но вряд ли готового к исполнению высокого предназначения офицера.

Комплекс причин трудных ситуаций, связанных с противоречивым восприятием образов «профессии» и «служения» может контролироваться и управляться. Системность воздействия в процессе подготовки курсантов, должна быть направлена, в первую очередь, на предупреждение и компенсацию влияния субъективных причин, что может обеспечить конструктивное восприятие будущими офицерами своей профессии и идеи служения.

Каким образом научить курсантов ставить в своей жизни на первый план военную службу? Как заинтересовать их заниматься военно-профессиональной деятельностью и совершенствоваться в ней? Как подготовить будущих офицеров ставить вопросы служения Отечеству на первый план?

Мы считаем, что в решении этих проблем значительную роль способно сыграть психологическое сопровождение курсантов. Оно должно осуществляться в рамках обучения и быть направлено как на создание социально-психологических условий и соответствующего восприятия социальных ценностей для успешной военно-профессиональной деятельности, и личностного роста курсанта. При этом психологическое сопровождение как система может включать не только деятельность психологов, но и традиционные формы воспитательного, а также управленческого воздействия начальников курсов и офицеров руководящего состава факультетов.

Безусловно, что потребности и противоречия, связанные с ними, в жизни человека разнообразны. А наша задача состоит в том, чтобы довести до курсантов, что потребность реализации офицера как личности, осмысление собственного назначения в жизни проявляется в самореализации и самоактуализации через служение. В решении этой задачи формы и методы психологического консультирования способны оказать серьезную поддержку традиционным методам работы.

Главным посылом в работе по формированию адекватного соотношения восприятия образа «профессии» и образа «служения» является учет консультационной практики.

Родина - это место, где человек родился и вырос и главное предназначение военнослужащего любить и защищать свою Родину. Если ты человек военный, то материальные ценности должны уйти на второй план. Прежде всего, ты становишься тем, кто в первых рядах, в случае, неприятельской атаки и нападения, пойдет защищать свое Отечество. Потому что только тебя обучили военному искусству, и только ты знаешь многое о военных стратегиях и тактике ведения боя.

Ещё А.В. Суворов отмечал, что с «солдатом без головы никакой баталии выиграть нельзя». Поэтому учёба должна не только вызывать интерес, заставлять думать и действовать курсантов в разных условиях, но и развивать их личностные качества, формировать соответствующее восприятие себя как защитника Отечества.

Служение - это и самопожертвование. Оно предполагает развитие высоких моральных качеств и самодисциплины у курсантов, так как готовность к самопожертвованию не мыслима без таких качеств.

В данном контексте психологическое консультирование как раз и призвано помочь решать сложные проблемы формирование личности. Р. Кочюнас отмечает, что целью такой работы является «помощь человеку понять происходящее в их жизненном пространстве и осмысленно достичь поставленной цели на основе осознанного выбора при разрешении проблем эмоционального и межличностного характера.» [5, 25].

Выбор служения военнослужащего своему делу, делу защиты Отечества в качестве своего жизненного предназначения и является целью этих усилий.

Мы не будем углубляться в детали подобной работы, а используем общую схему консультационного процесса и посмотрим, как она вписывается в общий контекст.

Используем так называемую эклектическую модель психологического консультирования [5, 26].

На первой стадии речь идет об исследовании проблем связанных с восприятием курсантов восприятия значения профессии и идеи служения. Каждый военнослужащий обладает способностями, которые присущи только ему. Поэтому командиры должны быть заинтересованы в выявлении и своевременном изучении их у своих подчиненных. Оценка способностей курсантов должна быть систематической, постоянной и иметь определенную цель. При этом главное максимально гармонично согласовать способности и возможности курсантов с требованиями конкретной военной специальности. Без соответствующего контакта, который достигается и психологом, и должностными лицами учебного подразделения в процессе воспитательной работы, решить эту задачу невозможно. Цель ее - достижение доверия, возможность говорить о своих трудностях, и проявление максимальной искренность, при отсутствии какого-либо манипулирования. Как итог, мы получим осознание сторонами тех противоречий, которые вызывают противоречия в восприятии курсантом себя с одной стороны, как профессионала (и которые были перечислены выше) и себя, как человека службе стран, народу с другой.

В оптимальном варианте работа с курсантами должна проводиться на когнитивном, эмоциональном уровнях. Вслед за тем как мы изменим мысли, поменяются их эмоции, а в дальнейшем наступает очередь и поведение. Таким образом следующим шагом в работе становится максимально точная характеристика противоречий в восприятии своих перспектив. Повседневное взаимодействие с подчиненным позволяет офицерам сделать это, а также понять причины противоречий, а зачастую установить и способы их разрешения.

Традиционная беседа, как элемент воспитательной работы, которая ведется командирами и начальниками способна вывести на достаточно открытое обсуждение возможных альтернатив в решении возникших противоречий. Повседневная служебная деятельность способна дать достаточное количество вариантов выбора в реализации и развитии личности курсанта. Важно побудить его найти их максимально возможное количество, но не навязывать собственного мнения. Одна из главных целей этого этапа – найти такие альтернативы решения противоречий, которые могут сделать образ служения максимально привлекательным, а восприятие профессионализма как главной возможности для этого.

Вполне естественно, что самостоятельный выбор решения противоречия даже при осознании многообразия альтернатив может быть затруднен**.** Служебная деятельность, командный состав, целенаправленная психологическая помощь и, содержание, целого ряда занятий по психологическим дисциплинам

должны помочь курсанту клиенту разобраться в том какие возможности для него являются реалистичными «с точки зрения предыдущего опыта и настоящей готовности измениться». Некоторые проблемы требуют слишком много времени; другие могут быть решены лишь частично посредством уменьшения их деструктивного, дезорганизующего воздействия на поведение.

В ходе повседневной служебной деятельности происходит последовательная реализация плана решения противоречий. Должностные лица способны помочь курсанту строить деятельность с учетом обстоятельств, времени, эмоциональных затрат, а также с пониманием возможности неудачи в достижении целей. Будущий офицер должен обладать такими качествами, как смелость и стойкость, мужественность, уверенность в своих силах, твердая воля, инициативность, военная хитрость и другие. Он должен усвоить и то, что частичная неудача — еще не катастрофа и следует продолжать реализовывать план решения проблемы, связывая все действия с конечной целью.

Вполне естественно, что закрепление результатов будет происходить при последовательной оценке уровня достижения цели (степень разрешения противоречий). Речь идет не только о формальном подведении итогов, но о последовательной индивидуальной работе с курсантом, а при необходимости и о возвращении к старым проблемам, к предыдущим стадиям работы. Необходимо увидеть своеобразие индивидуальной направленности каждого курсанта. Выявить отношение к профессиональному росту и служению Родине.

Таким образом, практическая деятельность по оптимизации восприятия курсантами себя как «профессионала» и человека «служения» предполагает учет всего спектра возможных противоречий объективного и субъективного порядка, возникающих в процессе повседневной служебной деятельности.

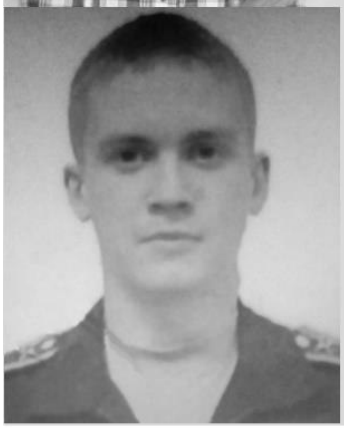
Наша работа предполагает использование потенциала психологического консультирования в процессе индивидуальных и групповых бесед, в ходе которых можно активизировать внутренние ресурсы курсантов, культурно-массовые мероприятия, организацию досуга, направленного на закрепление в восприятии идеи служения, посещение мест боевой Славы. И как итог - приоритета идеи «служения» в формировании личности будущего офицера.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. СПб, Питер, 2015
2. Анцупов А.Я., Баклановский С.В, Конфликтологии. Схемы и комментарии. М., Проспект, 2016
3. Большой энциклопедический словарь. – М. «Большая Российская энциклопедия» 2002.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000
5. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: «Академический проект», 1999
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М. Мир и образование, 2012

7. Ротари Клуб Москва. Сайт / Электронный ресурс http://www.rcmi.ru/russian
8. Ротари-клуб Тольятти наградил победителей конкурса/ Электронный ресурс http://tlt.volga.news/article/424694.html
9. Поппер К.Что такое диалектика? Вопросы философии. — 1995 — №1. — С. 118—138.
10. Robert K. Merton, *Social Theory and Social Structure*, Free Press, 1968, p. 477,

ЗАХАРОВА О.А., преподаватель кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

СТАРЧЕНКО Г.А., ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

МУЗЫКА, КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ БОЕВОГО НАСТРОЯ

В статье рассмотрены вопросы исследования музыки, как средства повышения боевого настроя. В ней рассматриваются факторы морально-психологического и психогенного свойства, определяющих поведение солдата на поле боя, а так же механизмы влияния музыки на физиологическое и эмоциональное состояние курсантов.

Ключевые слова: настроение, боевой настрой, эмоциональная разрядка, эмоциональное состояние, музыка, физиологическое состояние, саморегуляция.

«Музыка удваивает и утраивает армию...
С распущенными знаменами и громогласной музыкой взял я Измаил»
А. Суворов

***

Среди важнейших факторов морально-психологического и психогенного свойства, определяющих поведение солдата на поле боя, выделяют следующие:
— степень душевного и физического переутомления;
— воздействие стресса;
— наличие чувства страха;
— уровень мотивации;
— боевой настрой.

Боевой настрой- это духовная готовность и способность военнослужащих переносить испытания войной и добиваться победы над врагом [2].

В состоянии боевого настроя у настоящих бойцов становится очень сильным стремление сохранить, спасти жизнь окружающим соратникам, даже рискуя собой. И они будут спасать тебя, рискуя собой. Это психосоциальная основа сплочения и боеспособности армейского подразделения, части, всей армии.

Термин «настрой», согласно толковому словарю Ожегова, является синонимом «настроения». Настроение - это относительно устойчивое психическое состояние, характеризующееся наличием общего эмоционального фона, определяющего возникновение и протекание различных переживаний и в значительной степени влияющего на поведение человека [6].

Как и другие психические состояния, настроение определяется специфическим сочетанием внешних условий жизнедеятельности. Таким образом, сочетая определенные условия можно сгенерировать необходимое для данной ситуации настроение. Например, в ситуации предшествующей бою можно сгенерировать у военнослужащего боевой настрой.

На боевой настрой военнослужащего можно воздействовать разными средствами, одним из эффективных средств, который был выявлен еще с античных времен, является музыка.

Под влиянием музыки происходит актуализация эмоциональной памяти и воображения, что в свою очередь, является способом вызова определенного эмоционального состояния. Этот прием можно использовать в качестве саморегуляции. При прослушивании музыкального произведения военнослужащий мысленно обращается к различным ситуациям из своей жизни, которые сопровождались у него сильными переживаниями, а также может воображать некоторые эмоциогенные для него ситуации.

Исследования показали, что такие составляющие музыки, как ритм и тональность, способны вызывать определенные эмоциональные состояния у человека. Например, минорные тональности обнаруживают «депрессивный эффект», быстрые пульсирующие ритмы и консонансы действуют возбуждающе и вызывают отрицательные эмоции, «мягкие» ритмы и консонансы успокаивают. Физиологи определили, что сердечно-сосудистая система заметно реагирует на музыку, когда она доставляет удовольствие и создает приятное настроение: пульс замедляется, усиливаются сокращения сердца, снижается артериальное давление. При раздражающем же характере музыки сердцебиение учащается и становится слабее. Стали говорить о кодировании эмоций в музыке, о музыкальной эмоции, которая может быть представлена в виде различных формул.
К психологическому механизму музыкального воздействия относят катарсис – эмоциональную разрядку.

Таким образом, музыка оказывает влияние на физиологию и нервную систему человека, вследствие чего, может повышаться и уровень психической готовности к выполнению поставленных задач.

Музыка - это искусство звуков. Звук по законам физики распространяется в воздухе волнообразно. Это значит, что от звучащего предмета во все стороны расходятся звуковые волны. Колебания, передаваемые через воздух, заставляют

вибрировать наши барабанные перепонки, в результате чего мы и улавливаем звук.

В.М. Бехтерев считал музыку властительницей чувств и настроений человека, потому как, в одном случае, она способна ослабить излишнее возбуждение, в другом - перевести из грустного в хорошее настроение, в третьем - придать бодрость и снять усталость.

По инициативе Бехтерева в 1913 году в России было основано «Общество для выяснения лечебно-воспитательного значения музыки и ее гигиены». Были составлены своеобразные «лечебные каталоги музыки».

Музыка может снимать раздражение, нервное напряжение военнослужащего. Мелодия, доставляющая удовольствие, создает приятное настроение, снижает пульс, артериальное давление, расширяет сосуды. На музыку реагирует и температура тела. Громкая музыка с сильными ритмами может повысить температуру на несколько градусов и согреть в холод, в то время как мягкая музыка способна «охладить» нас. Как заметил Игорь Стравинский: «Ударные и басы действуют как система центрального отопления» [1].

В ходе многолетних исследований олимпийских чемпионов, учеными было выявлено, как музыкальное воздействие повышает работоспособность мышц во время физических нагрузок, что применимо и к военнослужащим.

Во время прослушивания музыки замечается улучшение результатов спортсменов, чья работа связана с тяжёлым физическим трудом. Это объясняется наличием заданного музыкального темпа, вследствие которого возникает синхронность телодвижений и ритма мелодии [4].

Музыкальный консонанс улучшает адаптацию и повышает стрессоустойчивость в боевой обстановке. У космонавтов существует такая традиция: перед запуском космических пилотируемых кораблей каждый из космонавтов действующего экипажа загружает два-три любимых трека. В дальнейшем треки служат основой для фонового плей-листа во время старта корабля. Данная техника может также быть использована в оперативно-боевых подразделениях.

Определены музыкальные инструменты благотворно влияющие на определенные органы. Духовная музыка восстанавливает душевное равновесие, дарит чувство покоя [3].

Дж. Альтшулер писал, что прослушивание печальной музыки приводит к снижению нейротизма и тревожности. При этом больший эффект достигается, если тревожность ситуативная, а не личностная. Что актуально в случае боевой обстановки.

А. Суворов придавал музыке огромное значение. Она поднимала боевой дух и патриотические чувства солдат. Главное, считал он, чтобы звучала она громко.

Песня всегда сопровождала солдата в походе и на привале, а иногда и в бою. Она помогала ему преодолевать трудности и лишения фронтовой жизни, поднимала боевой дух воинов, сплачивала их, шла с солдатом в бой, вливала в него новые силы, отвагу, смелость.

«Песня-боец» - так можно сказать о песне «Священная война». Если убрать слова, то можно в данном мотиве услышать четкий акцент на первую

долю ритма, он создаёт некий удар по вашим органам слуха, при этом, мы накладываем сверху этой мелодии слова данной песни («Вставай страна огромная, вставай на смертный бой») и начинает генерироваться особое эмоциональное и волевое состояние, а также и боевой настрой.

На четвертый день войны композитор А.В. Александров написал музыку на эти стихи, песню срочно разучил Краснознаменный ансамбль, она зазвучала по радио. Она стреляла, как пушка, стоявшая в засаде. С этой песней на вокзалах Москвы родные и близкие провожал солдат на смертный бой с фашизмом. Проникновенные слова и величавая мелодия песни звучала как воинская присяга.

А вот воспоминания другого нашего земляка Н.К. Гребнева: «В Землянке» пели везде, ведь та простая и мелодическая линия звуков и слова, которые лились из самого центра солдатской души могли успокоить органы слуха бойца, от свиста пуль и снарядов и придать ему теплых воспоминаний. Тут налицо, упомянутый выше, психологический механизм актуализации эмоциональной памяти и воображения.

Но не менее популярной среди фронтовиков была песня Никиты Богословского «Темная ночь» на стихи В. Агатова. По его словам: «Мы ее пели в часы отдыха: кто-то дремал, кто-то негромко заводил песню. У некоторых солдат на глазах блестели слезы, когда звучала эта песня…После этой песни особенно зло били фашистов». Эта песня также, как и «В землянке», сочетание колыбельного мотива и искренних слов- успокаивает нервную систему солдата, а слова являются неким генератором жизненной энергии, даёт смысл жизни.

Музыка может оказывать воздействие на боевую активность и психическую готовность военнослужащего через управление частотой пульса путем динамических изменений громкости и ритма. Существуют музыкальные произведения повышающие тонус организма, благодаря чему рождается чувство собственного всемогущества и бесконечного запаса сил [5].

Музыка из кинофильмов о войне (Офицеры, В бой идут одни старики) помогает уравновесить душевное состояние в армейских условиях жизни, приобрести уверенность и силу духа не только новобранцам, но также наполнить смыслом деятельность тех, кто служит уже давно. Особое значение имеют и строевые песни.

Музыка может воспитывать чувства долга перед родиной и предками, что пали ради её процветания, оказывать влияние на формирование волевых черт характера, так как, проникая в душу, она вызывает сильную эмоциональную реакцию, заставляет осмыслить отношение к окружающей действительности.

Познание армейского быта через художественный музыкальный образ обогащает личность солдата, способствует всестороннему развитию и формированию его мировоззрения.

Переживание эмоционального образа формирует моральные оценки. Следовательно, музыкальное воспитание необходимо использовать в целях формирования мировоззрения солдат.

Таким образом, по мнению ряда психологов и физиологов, музыка может использоваться в качестве одного из условий формирования необходимого психического и физиологического состояния, в том числе и состояние боевого настроя, который в свою очередь является одним из важнейших факторов морально-психологического и психогенного свойства, определяющих поведение солдата на поле боя.

Литература

1. Аболин Л.М. Эмоциональная устойчивость и пути ее повышения // Вопросы психологии. - 1989. - № 4.
2. Барабаш А. Влияние боя на психику воина // Ориентир. - 2004. - № 6.
3. Декер-Фойгт Г.-Г. Введение в музыкотерапию.- Питер,2003.
4. Симонов П.В. Мозговые механизмы эмоций // Журнал высшей нервной деятельности. - 1997. - № 2. - С. 320-328.
5. Шушарджан С.В. Музыкотерапия и резервы человеческого организма. – М., 1998.
6. Популярная психологическая энциклопедия. -М.: Эксмо. С.С. Степанов. 2005.

МИРОНОВА Т. Ю., кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

НЕКРАСОВА Е.А., преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

СЛУЖЕНИЕ В ПРОФЕССИИ ПСИХОЛОГА-ПРАКТИКА: ПРИНЯТИЕ И СОБЛЮДЕНИЕ НОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

В статье сделана попытка осмыслить категорию «служение» применимо к деятельности психолога-практика. Феноменология служения раскрывается через понятие профессиональной этики, ее роли в становлении и регуляции деятельности специалиста. Перечислены основные задачи, возникающие в ходе профессиональной деятельности психолога-практика, несвоевременное и некачественное решение которых не позволит говорить о служении профессии.

Ключевые слова: служение, служение профессии, профессиональная этика, психолог-практик, профессионализм.

***

Эта статья родилась в попытках осознать категорию «служение» и раскрыть ее смысл применимо к деятельности психолога-практика. Постановка данного вопроса продиктована ситуацией на рынке психологических услуг. «Модная», интенсивно развивающаяся наука психология привлекает все больше и больше тех, кто стремится оказывать психологическую помощь. Но есть ли в их практической деятельности элемент служения? По нашему представлению ответ на этот вопрос лежит в области этики психолога-практика.

Под служением мы понимаем — «тип отношения человека к своей деятельности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять любую взятую на себя работу» [2]. «Предметом служения делу может быть успешное продвижение к идеалу, мо-

рально высшему и - одновременно - к вершинам профессионализма, которые служат «маяками» в своем деле» [1, с. 205]. «Ответственность – не только «перед кем-то», но и «за что-то» - ориентирует, разумеется, на чистоту и возвышенность мотивов, но одновременно – это следует подчеркнуть – и на последствия: эффективность профессиональной деятельности» [1, с. 205]. Таким образом, эффективность деятельности психолога, как и других специалистов сферы «человек-человек», связана не только с профессиональными знаниями и навыками. Ориентация в своей работе на этические нормы выступает тем элементом, благодаря которому мы можем говорить о профессиональном взаимодействии между специалистом и клиентом. Именно соблюдение этических норм позволяет психологу-практику быть честным в отношении себя и консультативного процесса, быть открытым и конгруэнтным перед клиентом, реализовывать свою деятельность как служение. Данная точка зрения прослеживается и в современных представлениях о понятии «профессионализм». «Содержательный смысл профессионализма как социального явления выходит за рамки совокупности чисто технических умений и навыков работника. В содержание понятия «профессионализм» привносятся гуманистические и нравственные начала. Современный профессионал должен не только обладать некоторой суммой профессиональных знаний и умений, не только соответствовать требованиям сферы своей профессиональной деятельности, но и предвидеть ее последствия, нести за них личную ответственность» [9, с. 72].

Следует особо отметить, что служение предполагает наличие «высшей ценности», «идеала», «духовности». Нам близка позиция А.В. Мымрина, который говорит о том, что духовность человека - это «прежде всего нравственный строй, способность руководствоваться в своём поведении «высшими ценностями» индивидуальной и общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты». И далее: «В быту духовность предполагает такие формы деятельности человека, которые не обусловлены напрямую его наследственными генетическими программами, не направлены на реализацию низших биологических потребностей, не приносят человеку прямой материальной выгоды и т.д.» [4, с. 30]. Говоря о служение, мы полагаем, что психолог-практик в своей деятельности ориентирован не только на обеспечение себя материальными благами в виде заработной платы (либо на получение других «вторичных» выгод), но в первую очередь использует свои знания, умения и навыки для компетентной помощи обратившимся за таковой. «Из-за подмены ценностей прагматичными целями (отчасти навязанных обществом …) другие люди, процесс и даже сама жизнь психотерапевта становятся лишь средством для достижения цели. Примером прагматичных целей могут быть достижения социального признания, карьерного роста, количества «осчастливленных» клиентов, материальные достижения и т. д., в любом случае — достижения. … При прагматичных утилитарных целях нарушается диалогичный обмен. ... Ни социальный статус, ни карьерный рост, ни материальные блага не дают ощущения исполненности и затронутости» [10, С.113]. Для психолога-практика именно этика выступает тем

нравственным идеалом и ориентиром, который позволяет реализовывать свою профессиональную деятельность как служение.

С какими препятствиями может столкнуться специалист при реализации своей деятельности как Служения? Перечислим основные проблемы и задачи, возникающие в ходе профессиональной деятельности психолога-практика, несвоевременное и некачественное решение которых не позволит говорить о Служении профессии, и сведет его деятельность к лишь работе.

Во-первых, неспособность выстроить консультативный процесс в рамках профессионального взаимодействия, выход за границы «психологического пространства». Профессиональная психологическая помощь оказывается психологом-консультантом и существенно отличается от непрофессиональной. Непрофессиональная помощь может оказываться другом, который выслушает и посочувствует. Непрофессиональная помощь спонтанна и не определена никакими правилами. Профессиональная помощь определена специальными правилами, имеет четкую структуру и цель. Таким образом, психолог-практик берет на себя обязательства по созданию необходимых условий: обстановка позволяющая сохранять конфиденциальность, обозначение и соблюдение границ работы во времени и пространстве, выстраивание именно профессиональных взаимоотношений и т.д.

Во-вторых, неспособность психолога распределить ответственность и власть в процессе консультации. Специалисту важно знать границы своей компетентности и руководствоваться ими в профессиональной деятельности. Иначе восприятие этих границ может меняться подобно движениям маятника. С одной стороны, ощущение «всемогущества», позиция «наставника», «гуру», который знает ответы на все вопросы. Эта позиция опасна тем, что обратившийся за помощью не получает новых навыков, не выносит новых суждений о своей жизни, опыте, событиях, а лишь подстраивается под мнения и видение психолога. Неспособность распределить ответственность, нарушение правила равного партнерства может приводить к зависимости клиента от психолога. Еще одна опасность этой позиции заключается в стремлении консультанта «сохранить лицо» в трудной ситуации, вызывающей сомнение и замешательство. Это заставляет использовать различного рода защиты, жертвуя конгруэнтностью, и как следствие, эффективностью процесса. Не менее опасна обратная сторона «всемогущества» - ощущение бессилия. В этом случае психолог сосредоточен на своих переживаниях, что может обернуться разрывом консультативного контакта, манипуляциями со стороны клиента. Один из наиболее доступных путей снижение данных рисков – это постоянное повышение квалификации, активное и разносторонняя включенность в жизнь профессионального сообщества (участие в конференциях, семинарах, мастер-классах, чтение и написание статей по профессиональной тематике).

В-третьих, отрицание необходимости супервизорской и консультативной помощи самому специалисту. Профессиональная рефлексия – одна из наиболее важных задач психологического консультирования. Ее реализация зависит, в том числе и от готовности признать наличие затруднений и ошибок в консуль-

тативном процессе, влияние личных проблем психолога на ход этого процесса. Работа с психологами в разных профессиональных коалициях необходима, но зачастую остается на совести самого специалиста, особенно если он не входит в профессиональные ассоциации и организации, поэтому психолог должен быть замотивирован на подобную работу, знать о ее важности и видеть в ней не трату ресурсов, а возможность расти в личностном и профессиональном плане.

В-четвертых, нежелание повышать квалификацию, либо формальное отношение к этому вопросу. Профессии типа «человек-человек» наиболее склонны к профессиональному выгоранию и профессиональным деформациям. Осознанное и мотивированное регулярное повышение квалификации один из наиболее доступных способов профилактики. При этом именно обучение является важным фактором выработки индивидуального стиля профессиональной деятельности, опирающегося на базовые принципы психологической науки. «Умеренное честолюбие вещь вполне здоровая, если оно является естественным выражением творческих способностей. Но если человек работает, в прямом смысле "не покладая рук", то это наводит на подозрение, что истинным мотивом такого поведения скорее является возвышение своего «Я», чем беззаветное служение человечеству» [6]. Причинами неспособности психолога решить перечисленные выше задачи могут выступать не только отсутствие знаний и опыта в данной сфере, но и более или менее осознанное стремление удовлетворять потребности, не относящиеся ни к профессиональной самореализации, ни тем более к служению.

Подводя итог вышесказанному, отметим - современное состояние психологического консультирования как практической отрасли психологии, характеризуется высокими темпами развития, появлением большого числа подходов, методов и приемов психологической помощи клиенту. Часто будущие психологи-практики ориентированы лишь на изучение и использование конкретных техник и приемов психологического консультирования. Что же касается этических норм, есть опасность, что они принимаются безотносительно, как данность, и далеко не всегда соблюдаются, так как не происходит осознания и принятия их истинного значения. Донести смысл этических норм до начинающих психологов-практиков – задача, которая должна ставиться перед всем профессиональным сообществом, так как от этого зависит не только качество отдельных психологических консультаций, но и развитие всей практической отрасли в целом.

Литература

1. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / Монография / Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2005.
2. Безрукова В.С., Основа духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) Екатеринбург, 2000.
3. Корецкая И.А. Манухина С.Ю. Влияние этики на профессиональную деятельность// Вестник Университета (Государственный Университет Управления) №8 2014 С.188-191

4. Мымрин А.В. Духовный опыт в зеркале психологического знания// Инициатива XXI век №2 2016 С. 30-37
5. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М, Независимая фирма "Класс", 1994
6. Романова И.Е. Этический кодекс психологов и психотерапевтов// Живая психология №1 2014 С.45-51
7. Современный экономический словарь (Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б.). 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007.
8. Турчанинов Е.Е. Психология в социальных службах: профессионализм, искусство или служение №3 2013 С.57-61
9. Цвык В.А. Профессионализм как нравственная ценность// Сибирский Философский Журнал №4 2012 С. 72-77
10. Юдина Е.В. К проблеме синдрома выгорания у психологов-консультантов: экзистенциальный подход// Педагогика и психология С. 109-114

РАЗДЕЛ IV. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ СЛУЖЕНИЯ

ЕПИСКОП ОРСКИЙ ИРИНЕЙ,
кандидат богословия,
преподаватель Орского Гуманитарно-Технологического института

ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ О ДУХЕ ЧЕЛОВЕКА И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ О ДУШЕ – СХОДСТВО ИЛИ РАЗЛИЧИЕ?

***

Выпускник факультета психологии МГУ протоиерей Борис Нечипоров на вопрос о том помогает ли полученное психологическое образование в священническом служении, ответил: «Мне пришлось забыть то, чему меня учили в Университете – в храме совершенно иное понимание человека. Помогло знание психиатрии. Я могу понять, когда у человека психические проблемы и когда духовные. Могу отличить и отправить больного к врачу за таблетками или предложить кающемуся молитву и воздержание».

Нам известно, что психология – наука, имеющая множество направлений, объединенных изучением закономерностей развития психики человека.

О самом же понятии психики следует сказать особо. Так, профессор Московской духовной академии А.И. Осипов отмечает, что древнегреческое слово ψυχή («психи») в переводе на русский означает некую низшую душу, которая имеется и у животных. Это та душа, которая уже «застыла», нечто почти неживое. Знает ли психология что такое дух, сказать затруднительно. Вероятнее всего – нет. Ведь психологическая наука практически не говорит о духе. Но именно дух – по-гречески νοῦς («нус») – и определяет человека, в то время как психика присутствует и у животных, которые имеют инстинкты, память и простейшие эмоции.

Христианство говорит именно о духе. Святые отцы описывали то, что происходит с душой человека, а правильнее сказать – с его духом.

Величайшим сокровищем святоотеческой мысли является подробнейшее учение о страстях и о добродетелях, которые присущи каждой человеческой душе. Особое внимание здесь уделяется взаимосвязям грехов друг от друга и добродетелей, которые также являются логичным продолжением одна другой.

Внимательное наблюдение поколений святых за становлением человеческого духа определило важнейшую закономерность: преждевременные стремления к подвигам приводят человека не к совершенству, а к полному падению.

Преподобный Исаак Сирин говорит: «Необходимо смотреть на источник страстей и тогда ты поймешь, откуда у тебя появилась то или другое. Нужно

знать, что порождает что». Закон о связи греха и добродетели подробно описан у святых отцов.

Вильям Джеймс – американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма, человек далекий от религии, после знакомства с творениями преподобного Исаака Сирина не скрывал восхищения, сказал: «Вот величайший психолог мира!».

Можно предположить, что светская психология исходит из представления о том, что у человека все благополучно с внутренним миром, нет каких-либо серьезных его искажений. Если же имеют место какие-то отклонения, то причину их следует искать во внешних обстоятельствах.

Православное учение о духе человека исходит их того, что в каждом человеке присутствуют доброе и злое начала. От него самого зависит – признать свою слабость, страсть и бороться с ней. Или делать вид, что с его душой все хорошо. Несомненно, очень трудно, но все же необходимо признать свою греховную немощь. Важно каждому указать на его слабые стороны – болезни его души, чтобы исцелить их. Православная христианская психология занимается поиском путей исцеления глубинных недугов души, которые мы называем грехами.

В светской психологии отсутствует понятие страсти, покаяния и борьбы с грехами и пороками. Митрополит Иларион Волоколамский отмечает, что светский психолог может позволить себе сказать человеку, что у него не все так плохо. Психолог успокаивает человека, старается вселить уверенность в благополучном будущем. Но внутренние проблемы при этом, к сожалению, остаются неразрешенными. Психолог нередко не придает им должного значения, не указывает на них.

Относительно вопроса о сопоставлении православного учения о духе человека и современной светской психологии считаю уместным привести рассуждения игумена Нектария (Морозова), который отмечает, что: «Психология выявляет в нашей жизни определенные закономерности. Когда мы хотим что-либо узнать по определенному вопросу – то обращаемся к опыту тех людей, которые этим вопросом углубленно занимаются, поскольку у них накоплен большой материал, которым можно воспользоваться. Такое соединение знаний по психологии и опыта христианской жизни происходит – оно бывает очень полезно».

Священнику необходимы знания, в том числе и психологии. Не каждый священник может быть психологом, и не каждый священник может заменить психолога.

Путь священника — это путь борьбы. Чтобы быть священником, необходимо иметь душу редкой чистоты и силы сохранять эту чистоту. Очищением своей души, исправлением греховных привычек и навыков, православный священник должен заниматься всю жизнь. Благодаря этой колоссальной работе над собой он сам и окружающие его люди становятся истинными христианами, не по имени, но по духу.

Священник обязан дать внятный ответ на всякий вопрос того, кто к нему приходит, и при этом опасаться того, чтобы дать вопрошающему «вместо хлеба - камень, а вместо рыбы – змею» (Мф. 7, 9-10).

Духовник несет большую ответственность за судьбы людей. Как не имея навыков вождения и знаний правил дорожного движения, недопустимо садиться за руль, чтобы не погубить не только свою жизнь, но и многих других, так, тем более, не зная закономерностей развития человеческого духа – ни в коем случае нельзя браться за духовное руководство, ведь «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф., 15, 14). По этой причине многие святые отцы отказывались от принятия священного сана, считая себя недостойными.

Каждый принимающий священный сан должен не гордиться тем, что принял его, а признавать свое недостоинство и просить Бога о вразумлении и о благодатной помощи. Господь не оставляет нас, нам помогают мудрые наставники, добрые друзья и вразумляют прекрасные книги.

Священник должен знать путь к Богу, знать, как бороться со страстями и как побеждать грехи. Он обязан учить не от себя, но внимательно сверяя всякую свою мысль с учением Евангелия и святых отцов. Страшно когда священник начинает делиться своим духовным опытом и призывает окружающих следовать по его стопам, но при этом этот опыт резко отличается от опыта поколений святых. Необходимо передавать учение Православной Церкви и святых отцов, которые прошли этот тернистый путь, а не лично свое видение чего-либо. Поэтому так важно изучать святоотеческое наследие.

Любое духовное делание начинается с молитвы. Нельзя становиться на молитву с ожиданием чуда. Ты можешь молиться о чуде, об исцелении и о помощи человеку, однако не имеешь права ожидать того, что твоя молитва непременно увенчается исполнением просимого. Ты просишь, а Господь, видя твое сердце и горячую молитву, приходит на помощь. В молитве нужно быть внимательным, иначе можно молиться не Богу, а призракам. В лучшем случае – собственным представлениям о Нем, но не Ему. Это очень опасно, ибо такая молитва не избавит от страстей и от падений. И обо всем этом подробнейшим образом повествуют святые отцы.

Правильная молитва приводит к покаянию, к видению своих грехов. В Таинстве Покаяния православный священник — свидетель. В католицизме он – судья. Согласно учению Католической церкви он определяет необходимую меру наказания за совершенные грехи и в зависимости от категории греха накладывается епитимия, как воздаяние за совершенное дело.

В Православии священник — врач душ, а порой по его молитвам Господь врачует и тело. С Божией помощью священнослужитель должен дать человеку совет как избавиться от страсти. Православный священник также имеет право наложения епитимии, которая в Церкви понимается не как наказание, а как врачевание. Дается лишь для того, чтобы помочь человеку осознать свой грех, увидеть свое падение и вернуться на правый путь, ведущий к Богу. Путь, который будет спасителен и для него, и для тех, кто находится рядом.

Таким образом, я считают, что нельзя противопоставлять светскую и православную психологию. Каждая из них имеет свое значение для помощи человеку в трудной ситуации. Важно, если у священника есть знания этой науки, считаю, что это ему очень помогает по работе с верующими людьми.

МЫМРИН А.В., генеральный директор
ООО «Школа современных психотехнологий»,
старший преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ В ЗЕРКАЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В статье раскрываются основные психологические подходы к проблеме духовности человека и анализируются признаки, её определяющие. Феноменология духовности представлена через категорию опыта. Дано определение духовного опыта. Содержательно определены его виды и уровни: творческий, моральный, религиозный. Показан психологический механизм формирования и осуществления творческого опыта. Представлена авторская модель феноменологического дискурса лжи. Познание лжи. Переживание лжи. Проживание лжи. Противостояние лжи. Раскрыта психологическая структура религиозного опыта: религиозное знание, религиозное переживание и религиозный культ. Описан психологический анализ мистического опыта.

Ключевые слова: духовность; опыт; творческий опыт; моральный опыт; этапы морального опыта; религиозный опыт; мистика; культ; откровение; покаяние; идентичность; совесть; интуиция; ложь; обман; самообман; личность.

***

Духовность есть проявление духа. Русский мыслитель С.Л. Франк объясняет: «Если душа больше связана с индивидуальностью человека, то дух — с его личностью, дух — источник жизни души. Нет возможности определить точную границу между душой и духом, поэтому говорят об их взаимопроникновении, которое теоретически невыразимо. Дух ни трансцендентен, ни имманентен душе, а стоит к ней в каком-то третьем, уже несказанном отношении» [23].

В психологии есть два пути к познанию духовности: первый — через психологию религии и познание, прежде всего религиозной духовности; второй — путь непосредственного осмысления духовности, который предлагают гуманистическая и экзистенциальная психология.

Понятия духа, духовности постоянно ускользают от определения. Однако феноменология духа показывает нам, что, во-первых, духовность обнаруживается в преодолении повседневности (если это преодоление не принимает формы эскапизма), во-вторых, духовное преодоление повседневности является индивидуализированным: в пространство повседневности вносится личностное

начало; в-третьих, это преодоление повседневности не сводится к обращению к другой повседневности: духовность выражается в привнесении в повседневность дополнительных, но вместе с тем возвышающих смыслов.[1]

Проблема духовности как предмета психологии была поставлена в описательной или «понимающей психологии» конца XIX — начала XX в. Возникает само различение «наук о природе» и «наук о духе» с определением специфики последних (В. Дильтей), а духовность связана с ценностями (Э. Шпрангер). Во второй половине XX в. в послевоенной психологии проблема духовности рассматривалась в ряде подходов гуманистической психологии, преимущественно её трансперсональной и экзистенциальной ветвей.

Общим для многих исследований духовности является признание её связи с надындивидуальными смыслами и ценностями, божественными или космическими силами. Наряду со свободой и ответственностью духовность рассматривалась сущностным атрибутом существования человека, достигшего личностной зрелости.

Говоря о духовности человека, мы имеем ввиду прежде всего нравственный строй, способность руководствоваться в своём поведении «высшими ценностями» индивидуальной и общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты. В быту духовность предполагает такие формы деятельности человека, которые не обусловлены напрямую его наследственными генетическими программами, не направлены на реализацию низших биологических потребностей, не приносят человеку прямой материальной выгоды и т.д.

При достижении духовности на смену узколичным потребностям, жизненным отношениям и личностным ценностям, определяющим жизнь, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих и трансцендентных духовных ценностей. Человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде, и подключается к созидательной энергии надындивидуальных общностей или высших сил, выходя за свои собственные пределы и открываясь взаимодействию с миром на новом уровне. Духовные ценности содержательно мотивируют «свободу для», а их неиерархические взаимоотношения создают непредопределённость свободного выбора между ними.

Духовность мы можем определить как феноменальную категорию, содержанием которой выступает жизнь человека, проживаемая в полноте уникального опыта внутренних переживаний (чувств), опосредованных традиционными культурными средствами — символами; являясь проявлением духа в мире и человеке, духовность есть объединяющее начало общества, выражаемое в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированных, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства.

[1]Например, императив «Имей в себе Бога», который В.С. Соловьёв сформулировал как требование религиозной нравственности в наиболее строгом виде, выражает этот смысл духовности и показывает, что работа духа всегда представляет собой мистическую практику. Условием так понятого духовного возвышения является аскетика как сознательное противодействие искушениям плоти и слабостям души.

Перефразируя утверждение титана эпохи Возрождения Леонардо да Винчи о том, что «Мудрость есть дочь опыта», скажем, что «духовность есть дочь опыта» и достигается (проясняется, углубляется, развивается) не на путях пассивного наблюдения и восприятия жизни, а посредством активного, целенаправленного опыта заботы о жизненном мире, переживания и преображения его.

Применяя категорию опыта как чувственно-эмпирического отражения и преобразования внешнего мира к психологическому анализу духовности, условно можно выделить три сферы человеческого опыта, наиболее значимых для формирования духовности: творческий, моральный и религиозный опыт.

ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ

О творческом опыте лучше всего судить по его вершинам — высшим проявлениям в искусстве, науке, музыке, кинематографе, театре и т.п. Но как, ведь область таланта безгранична и вряд ли объяснима исчерпывающим образом? Неслучайно А.С. Пушкин в «Египетских ночах» говорит: «Всякий талант неизъясним» [16].

Связь творческого опыта и духовности подчёркивает автор труда «Психология духовности» А.И. Зеличенко, также отмечая, что психологический анализ творческого опыта — это всегда интрига: «…ценность содержания произведения определяется его духовностью, то есть тонкостью его материи» [9].

По нашему мнению, любые обращения к таланту и его творческому опыту только тогда обнаруживают его мощь, масштаб и значение, когда открывают его «трагедийное» (конфликтное) состояние.

В чём, к примеру, суть и смысл трагедии «Гамлет, Принц Датский» у Шекспира? Какую мысль интуитивно хочет высказать Л.С. Выготский, анализируя шедевр классика «Гамлет»? Мы явно начинаем понимать, что трагедия не в скорби одиночества, а в духовном преодолении этого состояния, через парадоксальное, если хотите, молитвенное воссоединение с её источником. Л.С. Выготский говорит о борьбе противоположностей, преодолении одного другим и в этом видит главный контрапункт подлинного произведения искусства [3].

Психическая реальность «другого» — это тоже шедевр, шедевр природы и многомиллионной эволюции живого мира. А работа с шедевром требует и налагает особую ответственность на мастера, взявшегося за его реставрацию. Здесь нет места шаблону, раз и навсегда установившемуся способу, нет универсального средства. Это всегда штучная работа, влекущая за собой весь спектр глубочайшего подлинного личностного переживания и мук творчества.

Перечитывая книгу Л.С. Выготского «Психология искусства» [3], невольно проводишь аналогию между работой художника, творящего свои произведения в терзаниях и муках творческого поиска, взлетах и разочарованиях в сотворении задуманного, и работой психолога. Последний должен погрузиться в бездну переживаний другого, стать подлинным сострадающим участником разыгравшейся трагедии на сцене психической реальности страдающего, созда-

вая условия освобождения, прозрения, понимания и в конечном счёте исцеления.

Проникнуть в тайну душевной жизни человека реального, как и «героя трагедии», крайне сложно, но есть, пожалуй, единственное условие при котором такая возможность появится. Это условие (я намеренно упрощаю язык) должно способствовать возникновению ситуации необычайной активности ума и духа «человека творящего», а в психологической практике и «человека страдающего». В этом месте, по моему мнению, состояния человека «творящего» и профессионально «помогающего» совпадают. Совпадают, прежде всего, переживания «ситуации необходимости и невозможности» участников этого действия. С одной стороны, человек испытывает потребность в решении жизненной (творческой) задачи, а с другой — понимает полную невозможность это сделать.

Разрешение противоречивой ситуации, по словам Л.С. Выготского, состоит в преодолении одного другим: невозможность — необходимостью; содержание — формой (К. Юнг); печальное — смешным (А. Бергсон); природное — культурным (З. Фред) и т.д.

Так, например, концепция выразительного действия и монтажа С.М. Эйзенштейна прямо соотносилась с психоаналитическим пониманием ошибочного действия. Выразительность движений актёра, по С.М. Эйзенштейну, строится на борьбе в нём противонаправленных сил, оно «ошибочно» по отношению к действию обычному, ибо оно изобразительно, и — наоборот. Чтобы изобразить движение к двери на сцене, нужно вначале сделать шаг от двери. Точно так же в основе монтажного соединения кадров лежит столкновение двух изображений. Результат — конфликтное напряжение между изображением и значением [30].

И сюрреалисты XX века для стимуляции творческого процесса практиковали упражнения заведомой ошибки и алогичности, создавая для себя конфликтную ситуацию, рекомендуя вести диалог, к примеру, на «безусловном языке», или «отталкиваясь» от слов. Возможно, этими находками в искусстве идейно «подпиталась» будущая гештальтпсихология.

Бесспорные, общепризнанные таланты и гении из разных областей искусства, науки и практики отмечают чрезвычайно напряжённую работу чувства и мысли, в этом состоянии «необходимости и невозможности». Человек в эти моменты пребывает в запредельных параметрах существования: «квазипотребностном» (Ф.С. Перлз), «пик переживаний» (А. Маслоу), «аутотеллическом» (М. Чиксентмихайи) состояниях, в определении которых всегда используется приставка «сверх».

Вот и К.С. Станиславский называет это состояние «сверхсознанием», в котором решаются «сверхзадачи». «Сверхсознание больше всего возвышает душу человека, и потому именно оно должно больше всего цениться и охраняться в нашем искусстве. Жизнь на сцене, как и в действительности — непрерывный ряд задач и их выполнение. Задача, возбудитель творчества и его двигатель. Задача — манок для нашего чувства. Процесс переживания состоит из

создания партитуры роли, сверхзадачи и из активного выполнения сквозного действия» [17].

Переживание роли в актёрском искусстве — это способность актёра при каждом исполнении роли переживать чувства и мысли изображаемого персонажа как свои собственные. Переживание является творческой основой системы К.С. Станиславского.

Кроме этого, необходимо подчеркнуть вневременной характер творческого опыта. Время вплетается в «ткань творения» и перестаёт существовать для субъекта самостоятельно, являясь его частью.

В своей работе «Психология как практическая режиссура» П.М. Ершов ссылается на высказывание В. Дорошевича о Ф. Шаляпине: «Публика любит думать, что её любимцы не работают совсем. — Вышел и поёт... Потому — талант! Шаляпин работает только столько часов, сколько не спит» [8]. Хотелось бы добавить к этому, что работает и тогда, когда спит.

Черты творческого опыта проявляются естественно и спонтанно. В быту можно услышать выражения «пришло вдохновение», «муза посетила». Ещё в античные времена утвердился канонический список наук и искусств, покровителем которых был олимпийский бог Аполлон. Этого бога окружали прекрасные создания — музы, каждая из которых олицетворяла один из видов науки или искусства.

В самом характере творческого труда заключена главная особенность, которая отражает уникальность и неповторимость происходящего, а вместе с ним и полученного творческого опыта.

Творческий опыт можно определить как феноменологическое состояние субъекта, «самоцельно» переживаемое в процессе осуществления деятельности и выраженное в обнаружении, преодолении и преобразовании конфликтующих сторон реальности уникальными средствами.

Уникальность и неповторимость творческого опыта, существующего в пространстве противоречий, задавала и задаёт проблему соотношения нормы и патологии. Особенно интересным фактом, к примеру, была неспособность психиатрии XIX–XX вв. отразить всё богатство души и её зависимость от духовности. Так, в начале 20-х гг. прошлого века психиатры коллективно оценили А.С. Пушкина — психопатом, Л.Н. Толстого — шизофреником, И.С. Тургенева — истериком, Ф.М. Достоевского — эпилептиком.

Классик психологии сознания У. Джеймс, признавая, что психические отклонения часто встречаются среди гениев, отказывается умалять их дела; напротив, он допускает, что именно болезненное сознание может служить причиной их духовного величия: «Если действительно существует нечто, дающее сверхчувственное знание о некой высшей реальности, то нет ничего невозможного в том, чтобы именно невропатический темперамент был одним из основных условий для восприятия такого знания» [7].

Если согласиться с классиком в вопросе о зависимости гениальности от душевной болезни, то допустимо предположить, что духовность гения имеет место «не благодаря, а вопреки».

МОРАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Духовность в реальной жизни человека чаще всего ассоциирована с сознательным принятием и переживанием универсальных образцов человеческой культуры как своих.

Определим моральный опыт как феноменологическое состояние субъекта, носителя и созидателя нравственных норм, ценностей, смыслов совместной жизнедеятельности и поведения людей.

Глубинная психология, прежде всего в фрейдовской версии, видит этот опыт в идентификации ребёнка с ценностями родителей (значимых других) и интернализацией этих ценностей в «супер-Эго». Бихевиоризм рассматривает его как результат научения посредством распределения наград и наказаний взрослыми и сверстниками.

В гуманистической психологии моральный опыт получает содержательную наполненность смысложизненными ориентирами. Но возникает вопрос: гарантирует ли присутствие в жизни смысла её духовность? «Есть ли у нашей жизни вообще какой-нибудь смысл?», — спрашивал В.С. Соловьёв [18, с. 83]. Если есть, продолжает далее русский философ, то имеет ли он нравственный характер, коренится ли он в нравственной области? Если да, то в чём он состоит, какое ему будет верное и полное определение?

Веками длящиеся философские дискуссии на эту тему есть доказательство того, что для человека и человечества сам поиск смыслов и идеалов является фундаментальной духовно-психологической потребностью и самоценностью, а смыслоутрата, «экзистенциальный вакуум», — тяжелейшим недугом [25].

Одухотворённый человек (личность в точном смысле слова) раскрывается в авторском «прочтении» социальных норм жизни. Он воспринимает и оценивает социальный мир по-своему, выстраивая персональный и неповторимый способ жизни (по А. Адлеру — стиль жизни; по К.Г. Юнгу — индивидуация, проявление архетипа «самости»), подчиняя поведение голосу собственной совести. Таким образом, *смыслом духовного опыта становится индивидуация — преломление и воплощение в особом индивидуально-неповторимом образе надличностной реальности культуры, её осуществление в уникальной жизненной траектории: именно через духовный опыт индивид становится личностью — «ликом» надличностной реальности.*

Эта мысль гениально резюмирована С.Л. Франком в работе «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии»: «Сущность всеединства как духа, как реальности самоценного и самозначимого бытия обретает последнюю определённость лишь в конкретной индивидуальности. Подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинной конкретностью индивидуального, подлинная общая правда со-впадает с жизнью» [24].

Наиболее близкая по смыслу категория в научной психологии благодаря американскому психологу и психоаналитику Э. Эриксону определяется как идентичность. В концепции Э. Эриксона, идентичность («Эго-идентичность») сохраняет и поддерживает целостность, неразрывность личностной истории.

Идентичность — это осознание человеком своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальной роли и эго-состояния. Она является ядром личности, обеспечивающим индивидуальность и неповторимость существования и, с точки зрения Э. Эриксона, является своего рода эпицентром каждого из восьми сменяющих друг друга жизненных циклов человека, составляющих основу его психосоциального развития [29].

Результирующая идентичность оформляется в качестве психологического конструкта в подростковом возрасте, и от её характеристик зависит качество существования личности во взрослой самостоятельной жизни, так как она выступает необходимым условием духовного здоровья личности [6, с. 130–134].

Фундаментальная духовная потребность человека состоит в поиске смысла жизни. В нахождении смыслов человеку помогает совесть, анализ которой мы находим в работе В. Франкла «Подсознательный бог» [25].

Духовное, по В. Франклу, является «духовным бессознательным», которое невозможно рефлексировать. В качестве отправного примера мыслитель анализирует совесть. Совесть погружена в глубину бессознательного, она иррациональна, «дологична». Доморальное постижение ценности, которое принципиально предшествует любой эксплицитной морали. Франкл поясняет: «Если мы, однако, зададим себе вопрос, почему совесть функционирует обязательно иррационально, то нам необходимо учесть следующий факт — сознанию открыто сущее, совести же открыто не сущее, а скорее, напротив, то, что ещё не существует, а лишь должно существовать. Это должное не является существующим, оно лишь должно быть осуществлено; это не действительность, а лишь возможность»[2] [25].

Совесть — это, по Франклу, интуитивное предвосхищение «должного», обозначенное им как «духовная антиципация»[25], смысловой орган, интуитивная способность находить и реализовывать смысл своей жизни.

У выдающегося представителя гуманистической психологии Эриха Фромма духовное здоровье и моральный опыт связаны с достижением подлинности человеческого существования — жизнью по принципу бытия, а не обладания («Иметь или быть» [20]), ориентацией на биофилические ценности жизни и творчества, созидания, роста и развития [22], преодолением отчуждения и обретением свободы как способности к самоосуществлению («Бегство от свободы» [19]).

Моральный опыт обретения подлинности бытия Фромм связывает с проблемой преодоления самообмана, когда «…часто индивид даже не осознаёт, что является действительным объектом его личного поклонения»[3] [22].

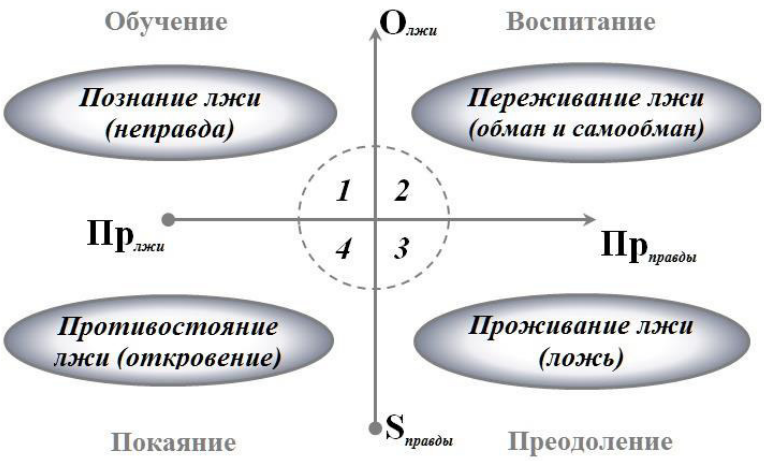
[2]Примечательно, в этом контексте, что интуитивна по своей сути и любовь. Она тоже усматривает то, чего ещё нет. В отличие от совести, однако, любви открывается не то, что должно быть, а то ещё не существующее, что может быть. Любовь видит и раскрывает возможную ценностную перспективу в любимом. Она тоже своим духовным взором предвосхищает нечто — те ещё не реализованные личностные возможности, которые кроются в любимом человеке

[3]Нетрудно заметить, что рассуждения светского гуманиста Э. Фромма тесно переплетаются с одним из ключевых новозаветных постулатов соборного послания святого апостола Иоанна Богослова: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?».

«Цель жизни, — пишет Фромм, — состоит в полном рождении», которое связано с достижением полноты жизни, свободой и подлинностью бытия [21, с. 672].

Фроммовское «полное рождение» созвучно представлениям о нравственном рождении личности в концепции А.Н. Леонтьева, который утверждал, что личность «рождается дважды»: первый раз в рамках социальных отношений, второй — индивидуально, подлинно проживая конфликтную ситуацию конфликта мотивов и осуществляя свободный моральный выбор.

И в том и другом случае моральное начало, истинность человеческого существования определяется его отношением, а главное, обращением с явлением неподлинного, ложного. Простыми словами, пробным камнем моральности, источником морального опыта является искушение ложью.

Познание лжи – ситуация, в которой субъект феноменально существует, как объект взаимодействия он пассивен, для него «ложь» как таковая (предмет) не существует; необходимо ее познать.

Переживание лжи – ситуация, в которой опыт обмана получен, предмет осознан, эмоционально оценён, но не присвоен; процесс переживания протекает непроизвольно, как эмоциональная оценка полученного опыта.

Проживание лжи – ситуация, в которой происходит нравственный выбор, произвольный и опосредованный по своему характеру и средствам («муки совести»).

Противостояние лжи – ситуация, в которой опыт испытания ложью завершается для личности открытием нового способа существования, обретением статуса морального человека с устоявшимся, ясным и определенным отношением к должному/истинному и недопустимому/ложному, способного естественно противостоять недопустимому.

$О_{лжи}/S_{правды}$ - объект/субъект, скрывающий или искажающий часть опыта.
$Пр_{лжи\,/\,правды}$ - содержание того, что подлежит сокрытию или искажению.

Рис. 1. Феноменальное поле лжи.

На рис.1 схематично представлена авторская модель «онтологии лжи» в феноменальном пространстве морального опыта человека.

Закон естества — быть проявленным, выраженным, узнанным, а следовательно, существующим и, как говорил М.М. Бахтин, СО-бытийным [1]. Всеобщая тенденция мира событийствовать ставит предмет нашего исследования — «ложь» — вне закона естественности и тем больше подогревает познавательный, а зачастую и нравственный интерес к нему.

В чём содержание и смысл той работы, которую выполняет ложь в жизни людей, автор попытался проанализировать в более ранней статье «Проблема лжи в психологии» [13, с. 19–22]. Здесь же мы опишем психологические механизмы и способы формирования морального опыта, приобретаемого через искушение ложью, когда ложь испытывает самого носителя лжи. См. рис. 1.

ЭТАПЫ МОРАЛЬНОГО ОПЫТА

1. Познание лжи

Ситуация познания лжи связана с уникальным состоянием человека, который в своей жизни ещё не знаком с ложью как таковой. Ложь как таковая субъекту неизвестна, он её не различает, а следовательно, она для него пока не существует. В классическом случае это обычный ребёнок: по своему психологическому возрасту ему ещё рано отличать правду от лжи, он только учится это делать; познание со всей очевидностью реализуется в ходе познания, обучения и самой жизни.

Познание лжи — ситуация, в которой ребёнок как участник присутствует, но пассивно, для него ложь не существует, равно как и правда.

Чтобы узнать и почувствовать существование правды, ребёнок должен хотя бы раз обмануть, соврать, и только в этом случае он получит возможность узнать и оценить ее (правды) естество. В языке, а часто и в речи детей можно фиксировать этот чувственный опыт как неправду. Неправда, как, впрочем, и любой другой опыт, сохраняется в лексическом строении языка и тем самым воспроизводится его носителем (для психолога это всегда дополнительный, а в некоторых случаях определяющий вербальный диагностический признак лжи).

Взрослый должен рассказать и показать маленькому человеку в доступной для него форме (игры, сказки, басни, детского спектакля или мультфильма, карикатурной раскраски альбома, домашних шуток и поговорок) существо нормального, морального и нравственного.[4] Ребёнок должен получить ответ на вопрос, поставленный Маяковским: Что такое хорошо и что такое плохо? Ему необходимо «выпукло», ярко представить персонажей «плохого», очерчивая красную линию с хорошим.

А пока перед нами ребёнок, получивший «прививку ото лжи», без всякой гарантии не быть поражённым этим вирусом вновь.

В этой ситуации может оказаться и взрослый человек, не способный распознать ложь, уже адресованную ему. В таком случае он (взрослый) по своему психологическому статусу идентичен ребёнку, который ещё или уже не узнаёт ложь. Сама ситуация законно ставит этого взрослого в положение ученика, познающего ложь.

2. Переживание лжи

Следующая ситуация: субъект уже обрёл опыт встречи с ложью. Ему уже известно, что правда — это хорошо, а ложь — это плохо. Но это привнесённый извне, заимствованный моральный опыт. Предстоит большой трудный путь по внутренней, эмоциональной переработке полученного первоначально опыта,

[4]Особо интересно в контексте обучения обратить внимание на содержание и психологический смысл детских сказок, в которых ребёнок получает едва ли не первый опыт «правды — лжи». Обыватель скажет: «Как же так? Иван дурак, ленивый, безответственный, «недалёкого ума» человек, а является героем многих народных сказаний. Чему же может научить детей такой опыт? В чём польза таких сказок?». Ответ очевиден. «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок», — гласит народная мудрость. От «обратного» опыта становится понятным и доступным нормальное, естественное. Детское мышление парадоксально, а проблема «оборотничества» — контрапункт его развития.

через его переживание, через эмоциональный, ещё до конца не осознанный диалог с самим собой.

Ситуация, в которой *обман* и *самообман* получат психологическое наполнение.

Как это будет происходить, показывает один из основателей московской школы психологии, первый декан факультета психологии МГУ А.Н. Леонтьев на примере, который вошёл в историю психологической науки под названием «эффекта горькой конфеты» [11, с. 203].

В классе, где будет происходить эксперимент, кроме А.Н. Леонтьева (адресат лжи) находится 4-летняя девочка, пока выступающая пассивным носителем лжи (объект лжи); ей будет предложено участвовать в игре, которая предполагает соблюдение правил, социальных установок, чаще запретов (предмет лжи), а значит, выбора (в примере А.Н. Леонтьева — нравственного выбора). Девочке предлагают, не вставая с места, достать предмет — книгу, находящуюся на значительном, недосягаемом для неё расстоянии. В качестве приза за выигрыш — конфета. Данные условия ребёнком приняты. Игра от «обратного» уже началась. А.Н. Леонтьев находится в классе и наблюдает за происходящим.

Я думаю, что читатель уже догадывается, что в данной ситуации девочке не удастся выиграть. Очевидно, мешает присутствие взрослого. А.Н. Леонтьев это хорошо понимает и выходит из класса, обещая скоро вернуться. Игра продолжается. Наступила классическая ситуация. Для ребёнка ситуация понятна: она одна; очень хочется выиграть; никого нет, никто не увидит и не узнает, как достигалась победа, а значит…

Через некоторое время А.Н. Леонтьев заходит в класс и видит радостное лицо девочки с книгой в руках и на условленном месте. Не подавая вида о вскрытом обмане, он начинает её хвалить за успех в этой игре и, как победителю, вручает конфету. Короткая пауза — и конфета уже во рту. А чуть позже, в полной тишине на глазах у ребёнка появляются слезы. Конфета, по своему смыслу, стала горькой, она получена незаслуженно, путём нарушения социальной договорённости, то есть обмана. Вот ситуация, в которой исследователь скажет: «личность родилась в первый раз», испытав проверку на совесть [11].

Психологически важно заметить, что обманщик сообщает только часть подлинных сведений (полуправда), одновременно он утаивает другую часть важной информации. Обман можно сравнить с коктейлем, приготовленным из лжи и правды, а будет ли он выпит собеседником с аппетитом, зависит от искусства его изготовителя. А способ воздействия на него единственный — воспитание.

Будем считать, что «урок правды» состоялся. Что будет дальше — покажет время, но впереди ещё второе рождение личности. Оно, возможно, произойдёт, но уже в принципиально иной ситуации — ситуации индивидуального, глубоко осознанного, пережитого личностью выбора.

Но пока этого не произошло, существует серьёзная и, к сожалению, типичная модель в жизни многих — отложить этот выбор на длительное время. Переживание лжи начинается с того состояния, когда опыт обмана человеку

известен, предмет лжи осознан, но эмоционально не оценён, не присвоен. В таком случае обращение лжи на своего носителя неизбежно. А в нашем анализе «переживания лжи» носитель лжи и её адресат совпадут.

В логике развития событий мы попадаем в ловушку, выход из которой даётся с большим трудом. Эта ловушка носит название самообман, когда человек обманывает себя сам. — Это как?! Зачем?! Почему?!

На языке специалиста-психолога ответ на эти вопросы будет звучать весьма лаконично — включился в работу защитный механизм, при котором позиция переживающего — оценочная, страдательная и, разумеется, ему не объяснимая. Филолог это состояние обозначит словом «самообман».[5]

В словарях защитный механизм определяется как способ устранения или сведение к минимуму негативных переживаний, сопряжённых с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта.

Что защищается и от чего в нашем случае самообмана как результата переживания лжи?

Опыт лжи получен, но он эмоционально неприемлем. «Я» человека будет защищаться от этого переживания, с каждым разом совершенствуя способы его (переживания) путём отдаления от себя, вплоть до полного запрета для сферы сознавания: нет переживания, нет и лжи.

Ложь есть, но она не осознаваема. Обычная для защитного механизма работа — это, устраняя переживание, скрыть и всё содержание предмета лжи, с ним связанное.

Как правило, переживания представлены классической триадой (невротической триадой К. Ясперса): тревога, вина, стыд [31]. Для нашего «Я» именно они представляют угрозы. От этих «спутников лжи» и будет защищаться наше слабенькое, по утверждению д-ра Фрейда, «Я». Для простоты изложения в дальнейшем все связанные с этим переживания мы схематично и будем маркировать как «ложь».

Убрать ложь из сознания, перестать осознавать, вытеснить за пределы психической жизни индивида — есть подавление — первый и далеко небезобидный способ манипуляций с ложью. Спрятал от сознания, но не избавился от неё. Оставил где? — В теле, где она, как артефакт, обязательно нарушит естественную работу организма в движениях и конструкциях тела, в поведении, в психическом облике. Недаром известный гештальт-терапевт Ф.С. Перлз утверждал: «Нарушение организма — признак подавления» [14]. Подобная защита в конечном итоге обрекает своего владельца на вынужденный отказ от подавления, а вместе с ним и возвращение былых дискомфортных переживаний.

Ложь, появившись в сознании, снова начнёт своё противоестественное дело, нарушая нормальную — естественную работу восприятия, мышления и речи, внимания и памяти.

---

[5]«Неправда» в первой фазе рассматриваемого морального опыта, так же как и «обман» во второй, основывается на неполноте или искажении информации, но в отличие от обмана «неправда» не утаивает известной информации, а говорящий не преследует иных целей кроме передачи сообщения. В случае «самообмана» человек верит в реальность существования ошибочной информации, сам того не осознавая и реализуя защитный механизм.

«Включается» другой механизм защиты — «*отрицание*» — попытка неприятия источника угрозы как реального события. Источник угрозы появился в сознании, а значит в речи, будет нарушать: «где логические ошибки, там и проблемы» (З. Фрейд) [26, с. 425–439].

В дальнейшем ложь упорно будет давать о себе знать, заставляя автора подбирать варианты оправдания, «удобное объяснение» неудобному положению (защитный механизм «рационализация»). Можно перенести предмет лжи на другой объект, тем самым снимая ответственность с себя (защитный механизм «проекция»). Можно заменить его противоположным («инверсия»). Но до конца защититься ото лжи всё равно не удастся. В народе говорят: «от себя не убежишь». Логика событий будет диктовать психике необходимость снижения чувствительности, а вместе с ней и «регрессию» способа реагирования на сам предмет лжи, а значит, заставит вернуться человека к ранним, незрелым моделям реагирования. Такие реакции, как заплакать, убежать, спрятаться, замолчать тему, — не спасут от переживаний, они вновь и вновь будут проникать в чувственную ткань сознания, настойчиво предлагая разрешить проблему всерьёз.

Это далеко не полный перечень способов, которыми пользуется «защитник лжи», оберегая себя от правды. Любая сфера жизнедеятельности человека может быть искажена «работой лжи», принося с собой перспективу разрушения духовного и физического состояния.

Таким образом, моральное (личностное) рождение человека в первый раз с очевидностью можно определить как факт переживания, а с ним и осознания человеком существующего конфликта мотивов. Окрепшие и уже явно ощутимые, телесные, поведенческие, логические или моральные ошибки в сознании станут платой за отказ от правды и с необходимостью должны поставить перед человеком серьёзный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?» моральным существом, который будет мучительно ожидать своего ответа.

Взрослый человек, находясь на этом уровне «обращения с ложью», в очередной раз защищаясь от посылов извне, испытает чувство тревоги, вины или стыда. К сожалению, не всем дано испытать прекрасное, невероятное по силе и глубине, освобождающее чувство правды, которое в языке выражено простым, а в душе чрезвычайно сложным словом — «Прости!».

3. Проживание лжи

Переживания лжи, манипуляции с ней результата не дали. Игры обмана и самообмана у носителя лжи закончились, прятать её уже нет сил и возможностей. Ложь стоит на пороге своего выражения с настойчивым устремлением быть узнанной. Сознание решительно отказывается от этой головоломки. Пути отхода закрыты. Ситуация достигла своей неотвратимой точки — точки невозврата, пика эмоционального напряжения.

Проживание лжи — ситуация, в которой происходит разрешение напряжённого конфликта мотивов, названных в народе «муками совести», а в нашем изложении — нравственным выбором. В физическом мире эту ситуацию назы-

вают точкой бифуркации — местом, где пространственно-временные параметры субстанции принципиально меняют свои характеристики. В языке этот кризис зафиксирован как собственно «ложь», а девочка в эксперименте А.Н. Леонтьева уже самостоятельно, в одиночку будет совершать этот сложный выбор.

Проживание ситуации психологически лишь усиливает личностное участие в ней человека: он внутри самой ситуации, её непосредственный участник, а не наблюдатель, как ранее. Принципиальный вопрос для человека преобразуется в задачу преодоления сложившихся обстоятельств. Преодолеть — значит пересилить, справиться с источником лжи, а не её спутниками — тревогой, виной и стыдом.

Для преодоления сложных обстоятельств необходимы усилия. Ближайшее в научной психологии приспособление для усиления — воля: необходимо волевое действие. На языке психологов сознания (Джеймс, Вундт), совершить психическое усилие — значит поместить в фокус сознания, сделать отчётливым и ярким, а на современном языке психологической науки — обратить внимание. Обратил внимание — появилась возможность преодоления. Как воля, так и внимание требуют средств — «психологических орудий» (по Л.С. Выготскому).[6]

Но в нашем случае мы имеем ситуацию психологического тупика, где настойчивая квазипотребность «естества правды» сочетается с полным отсутствием средств её выражения. «Как сказать? Что подумают? Какой позор!», — далеко не полный перечень выносимых самим человеком вердиктов, которые предваряют развязку этой драмы. Ситуация «необходимости и невозможности» — в полном смысле слова это ситуация кризиса в развитии личности. Необходимость выразиться, с одной стороны, и мобилизация психических сил до своих предельных возможностей — с другой, делают ситуацию уникальной. В ней появляется едва ли не единственная возможность решения жизненной задачи через проникновение в живую ткань самого переживания.

Прожить ситуацию — «взорваться изнутри» (Ф.С. Перлз) [14], получить персональный ответ на искомый вопрос. Прожить ситуацию значит измениться. Само проживание становится целью и средством своего решения, а результатом — открытие и нравственное откровение правды в ответе на гамлетовский вопрос, быть мне или не быть моральным человеком. Только в ответе на этот вопрос произойдёт персональное нравственное рождение личности во второй раз [11].

В ситуации проживания лжи осознанный конфликт мотивов разрешился установлением их соподчинённости. Личность решила вопрос об иерархии ценностей, смыслов, важного и неважного, первостепенного и второстепенного, высшего и низшего, подлинного и неподлинного. Конфликтующие мотивы заняли своё место в иерархической структуре мотивации личности, а мы вслед за

[6]В качестве примера можно воспользоваться спортивной метафорой «второго дыхания». Что делает спортсмен, чтобы преодолеть ощущение полного изнеможения и потраченных сил в ходе самого состязания? — Усиливает собственное представление себя (картинку себя в сознании) как победителя, уже стоящего на пьедестале почёта, или образ любимой девушки, ожидающей его на финише. В этот момент магическим образом приходят новые силы «второго дыхания».

А.Н. Леонтьевым психологически определим этот опыт как установление ценностной иерархии мотивов.

4. Противостояние лжи

Ситуация, замыкающая «жизненный цикл лжи», — опыт испытания ложью — завершается для личности нравственным выбором, открытием нового способа существования, обретением статуса морального человека с устоявшимся, ясным и определённым отношением к должному/истинному и недопустимому/ложному, способного естественно противостоять недопустимому.[7]

В психологической науке это состояние давно получило обозначение как послепроизвольная регуляция.

Феноменально, что человек в этом психологическом статусе обрёл опыт особого рода, который понятийно точнее всего выражается словом «откровение».[8] В акте откровения «ложное» перерождается в свою противоположность — «подлинное».

Механизм, реализующий осуществление и поддержание психологического статуса «противостояние недолжному», — покаяние.

Картина была бы не полной, если не зафиксировать случаи, когда искомый ответ складывается не в пользу правды. Прожив ситуацию, окунувшись в подлинность переживания человек, по какому-то парадоксальному закону, нелогичному стечению обстоятельств, уже осознанно выбирает стратегию обмана, тем самым нравственно ПЕРЕрождаясь, закрепляя за собой статус лгуна.

Психологический анализ обстоятельств этого события переносится в область психопатологии, где замедление, остановка, искажение, любое другое нарушение нравственного развития индивида обозначается как нравственная деградация, «моральное уродство». Герои романов Ф.М. Достоевского — эпилептоиды — одна из красочных, сложных для понимания, но убедительных иллюстраций этого феномена.

В такой трактовке понятие духовности и моральности служит антитезой эгоизму, жадности, похоти, агрессии, низменных инстинктов и т.д., что подкрепляет общеизвестное представление о духовном как пути отказа человека от большинства из «семи смертных грехов».

Последнее обстоятельство позволяет уже повзрослевшую девочку из эксперимента А.Н. Леонтьева с «горькой конфеткой» рассматривать как субъекта религиозного опыта.

---

[7]Русский философ и религиозный мыслитель С.Л. Франк скажет: «на словах или в отвлечённом мышлении большинство людей как будто ещё имеют какую-то веру: одни веруют в христианство, другие — в науку, третьи — в человека и т.п. Но мало у кого осталась та цельная, подлинная вера, определяющая всё поведение человека, выражающаяся в ясном и непосредственном понимании добра и зла, должного и недопустимого, в личной и общественной жизни» [23].

[8]Откровение — то, что неожиданно раскрывает истину, делает совершенно ясным, понятным что-н.; (религ.) истина, явленная в акте самообнаружения священной реальности; открытие Богом себя и своей воли людям; непосредственное волеизъявление божества или исходящее от него знание как абсолютный критерий человеческого поведения и познания.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ

Дух человека во многих религиозно-философских концепциях человека есть главное в его целостной телесно-душевно-духовной природе, источник жизни и средоточие активности души.

Само понятие «религиозный опыт», опыт «духа» в научный обиход ввёл У. Джеймс. Проблематика религиозного опыта оказалась в поле пристального внимания философских течений второй половины XIX — начала XX в., в отечественной философии представленных В.С. Соловьёвым, С.Н. Булгаковым, Н.О. Лосским, С.Л. Франком, И.А. Ильиным, Н.А. Бердяевым и др.

Религиозный опыт не является опытом в обычном его понимании: это специфический вид человеческого опыта — не чувственный, а сверхчувственный, порождённый общением с Богом и выражающийся в многообразных формах религиозного переживания. «Контакт» с божественной реальностью осуществляется в разных формах, но при этом все они воспринимаются и осознаются как уникальные бытийные состояния, присущие образу жизни верующего человека в отличие от человека, отчуждённого от общения с Божеством.

Определим категорию «религиозный опыт» *как сверхчувственное состояние психики, в котором человек переживает себя пребывающим в контакте со сверхчеловеческим существом или могуществом, ощущает свою причастность к инобытию, к запредельной обыденному миру реальности (трансцендентному).*

Духовность человека обнаруживает себя, когда становится способом жизни человека, когда открываются его личные отношения с Богом — высшей инстанцией бытия всего сущего. По-видимому, само понятие духовности имеет религиозное происхождение. Первоначальный предмет — Дух — имел обособленное от человека существование. Дух — первичное название Бога — в православии, одна из ипостасей Бога («Бог отец, Бог сын и Бог дух святый»). Затем это божественное начало было перенесено внутрь человека и стало его «душой».

Надо полагать, проникновение духа в человеческое существо определяет его, по словам А.С. Пушкина, в «соседство Бога», где сердце и разум человека открываются Высшему и обретают нужный для его постижения религиозный опыт.

С позиций светской науки религиозный опыт содержательно очерчен тремя сторонами: религиозным знанием; религиозным переживанием; религиозным действием (культом).

1. Религиозное знание

Когнитивная часть религиозного опыта представляет знание, рационально воссоздающее образ божественной реальности. Это может быть знанием о Боге, Рае, людях и т.д., а также знанием о собственном внутреннем мире: осознание своей «богоподобности», свободы и греховности, «прошлой жизни», «атмане», и т.д.

Это знание содержательно определяется вероучением, религиозно-мифологической, этической, лингвистической особенностью культурной традиции, к которой принадлежит носитель этого опыта.

Особенности культурной традиции определяют явленные в религиозном опыте образы божества или картины инобытия (например, сцены посмертного наказания грешников), содержание полученного наставления и т.д.

К общим для многих религий признакам когнитивного компонента данного опыта относят осознание абсолютной значимости и ценности воспринятых смыслов, их сакральной природы. Обретённое знание обычно расценивается как откровение Бога, Брахмана и др.[9]

Воссоздание когнитивного содержания религиозного опыта для многих представляет чрезвычайную трудность, поскольку полученное знание с трудом поддаётся (или вообще не поддаётся) словесному выражению, невербализуемо. В таких случаях средствами выражения могут выступать графические символы (например, мандала), звуки, изображения (например, иконы), музыка, поведенческие акты (например, смех) и иные способы передачи смыслов.

В этой части уместно вспомнить об одной из разновидностей религиозного опыта — опыте мистическом.[10]

Под мистическим опытом (от греч. — таинственный) будем понимать — целостное, вневременное (иновременное), интуитивное, необъяснимое и невыразимое переживание человека (таинство) сверхъестественного, божественного, таинственного.

В своей работе П.С. Гуревич «Мистика как культурная традиция» [5] даёт подробную характеристику признаков мистического опыта: невыразимость; интуитивность; кратковременность; безвольность.

Мистическое погружение в себя, по мнению Н.А. Бердяева, есть всегда выход из себя, прорыв за грани. «В мистике есть духовное дерзновение и почин внутреннего человека, глубочайших глубин духа», — пишет классик [2].

Мистическое состояние, состояние изменённого сознания. Современным ближайшим аналогом его может служить сознание как надличностное начало в трансперсональной психологии. Теория «базовых перинатальных матриц», в интерпретации С. Грофа, будет ярким аргументом в пользу мистического опыта [4].

Система интерпретаций мистического опыта, если они возможны, составят когнитивную базу религиозного опыта.

---

[9]В религиозной традиции «откровение» может исходить как непосредственно от Бога, так и через посредников. Оно выражается в тексте «писания» (в иудаизме и христианстве — Библии, в исламе — в Коране) и в «предании», также получающем письменную фиксацию (в иудаизме — в Талмуде, в христианстве — в сочинениях «отцов церкви», в исламе — Сунне).

[10] Слово «мистика» родилось, как считают специалисты, от глагола «мыин», который означал «закрыть глаза и рот». Вероятно, первоначальный смысл был связан с обетом хранить молчание, быть посвященным в мистерии — тайные культы, которые представляли собой пережитки древней религии поклонения Матери-Земле. Они сохранялись в гомеровскую и более поздние эпохи. Во времена классической Греции была тайна, которая скрывалась от посторонних и называлась «мистикой».

2. Религиозное переживание

Переживание религиозного знания составляет аффективную часть опыта. Вслед за У. Джеймсом постараемся проникнуть в содержание этой части религиозного опыта. Классик в своём знаменитом труде «Многообразие религиозного опыта» [7] различает понятия «личной религии» как персонально переживаемого человеком религиозного чувства и внешнего, обрядного действия культа. Модель Джеймса опирается по преимуществу на чувственный опыт по отношению к почитаемому Божеству, исключая из анализа обрядные, культовые действия верующего человека.

Научное знание рационально, религиозное знание опирается на веру, главными характеристиками которой, по У. Джеймсу, является «эмоциональность» и «интуитивность».

Обозначим смысловое пространство *интуиции (позднелат. Intuitio — созерцание, от глагола intueor — пристально смотрю) как особую чувствительность субъекта к требовательному характеру явления, амбивалентно переживаемую в ситуации когнитивной неопределённости, осуществляемую символическими средствами и выраженную в познавательном результате.*

Джеймс приводит многочисленные примеры мистического переживания религиозными людьми присутствия Бога, «чувство реальности невидимого». Наука не может объяснить этот опыт рационально, но из этого отнюдь не следует его ложность. Эмоциональность и интуиция верующего, по Джеймсу, может быть ближе к истине, чем самые изощренные логические выводы разума. Рационализм не может и не должен претендовать на полное понимание всего происходящего в мире — эта мысль часто встречается у Уильяма Джеймса.

Джеймс рассматривает некоторые типичные чувства, сопутствующие личному религиозному переживанию, такие как: торжественность, которую он отмечает особо; значительность переживания; чувство покорности, сопровождаемое тем не менее восторженностью и любовью; радостное настроение, которое может усиливаться при физических или духовных страданиях. «Религия делает для человека лёгким и радостным то, что при других обстоятельствах для него является игом суровой необходимости. Если религия — единственная сила, способная выполнить эту задачу, то ценность её, как проявления человеческого духа, стоит вне всяких сомнений», — заключает Джеймс [7].

К данному переживанию, с позиций носителя религиозного опыта, нелепо применять какие-либо критерии рациональности, потому что оно есть духовный процесс, возвышающийся над любыми интеллектуальными критериями объективности и субъективности. Но с позиций научного знания такой подход будет выглядеть малоубедительным.

Механизм аффективного осуществления религиозного опыта анализирует З. Фрейд в своем классическом труде «Тотем и табу», в котором проводит параллель между религиозными переживаниями и навязчивым неврозом. Религиозный опыт, утверждает классик психоанализа, порождается сублимацией либидозных переживаний [27].

А. Маслоу будет характеризовать это категорией «пикового переживания». Пик переживания — обобщающее понятие, введённое А. Маслоу для переживаний, связанных с внезапными ощущениями интенсивного счастья, полноты существования, которые нередко сопровождаются сознанием некоторой «абсолютной истины» или единства всех вещей [12, с. 284–287].

Венгерский психолог М. Чиксентмихайи характеризовал это состояние как аутотеллическое, предложенное им для обозначения самоцельного состояния, «состояния «потока», при котором действие эмоционально награждается его выполнением. Некоторое действие выполняется ради самого действия [28].

3. Религиозный акт — культ

Поведенческая часть религиозного опыта преимущественно может быть описана через понятие «культа*» (от лат. cultus, colo — возделываю, почитаю)*. Культ — поклонение святыням (коллективно значимым и принятым данной общностью идеальным ценностям), трансцендентный смысл которых символически выражен в зримой форме литургического хорового строя, ритуальных жестов, обрядов, магических формул и разного рода вещественных фетишей — от тотема-животного в архаических родовых группах до икон и абстрактных сакральных знаков развитых мировых религий. Но культ — это и нечто большее, чем поклонение: психологически и содержательно он есть «возделывание» практической связи с объектом поклонения и оформляется в своем внешне-практическом, действенном выражении, в своей экстериоризованной форме.

По способу возникновения религиозный опыт может быть спонтанным и искусственно вызванным. В первом случае он возникает без преднамеренных усилий человека, под влиянием каких-либо сильных внешних воздействий. Этим может быть великолепие природного ландшафта, угроза для жизни, состояния сна, болезни, клинической смерти и др. Во втором случае при искусственном продуцировании опыт вызывается особыми способами психологического или культового характера. К примеру, напряжённая молитвенная практика выражается в систематичном повторении «умных» молитв («Отче наш». Молитва Господня у христиан; «Первая сура Корана» у мусульман; «Амида» в Талмуде у иудеев), медитацией, ритуальными танцами и музыкой (ритмическим звучанием бубна), иными религиозными психотехниками.

Фундаментальное место в практической плоскости культовой деятельности занимает молитва — изначально присущая человеку потребность обращения к Богу. Молитва как дыхание души предполагала внутреннее состояние (молитвенное состояние), но чаще внешне-действенное выражение.

В некоторых религиях, например в шаманизме, ритуальная, культовая часть сама выступает стержнем мировоззренческой деятельности. Многие религии возникли (ислам) или существенно реформировались (иудаизм) благодаря тем личностям, интенсивный внешний религиозный опыт которых стал источником и мощным стимулом духовных и социальных преобразований.

В русской истории религиозный опыт Сергия Радонежского, видевшего Богородицу, ангела, небесный свет, слышавшего «глас Господень», был истол-

кован в условиях татаро-монгольского ига как знак заступничества со стороны «вышних сил», сыграв значительную роль в укреплении религиозного духа и патриотических настроений.

Некоторые культовые практики стимуляции мистического опыта предполагают использование наркотических и галлюциногенных веществ. В последние десятилетия эксперименты по продуцированию данного опыта в клинических условиях при помощи ЛСД и подобных психоделических препаратов проводились сторонниками трансперсональной психологии. («Холотропное» дыхание у С. Гроффа [4]).

Культовые практики всегда служили богатым источником развития не только религии, но и других сторон культуры человечества: изобразительного искусства, поэзии, музыки и др. В индивидуальной и общественной жизни культовые, обрядовые, ритуальные действия выполняют роль средств управления эмоционально-волевой сферой человека, служат средством совладания с трудными жизненными обстоятельствами.

***

Личностное развитие индивида — это накопление духовного опыта, но было бы неверным понимать его лишь как усложнение человеческого бытия, усиление психических функций, способностей и других индивидуальных свойств человека.

Предложив авторские определения творческого, морального и религиозного опыта, в своей статье мы попытались проанализировать психологические особенности и психологические механизмы реализации различных видов духовного опыта.

Было показано, что творческий опыт обретается человеком в ситуациях «необходимого и невозможного» и преодоления одного другим: невозможности — необходимостью, содержания — формой, печального — смешным, природного — культурным и т.п., — в состояниях наивысшего умственного и эмоционального напряжения («сверх-сознания»).

Моральный опыт в значительной степени связан с неизбежным в жизни испытанием ложью, при котором приобретённый опыт является следствием прохождения субъектом 4-х необходимых стадий: познания, переживания, проживания и преодоления лжи (авторская концепция).

Религиозный опыт связан с обретением религиозного знания, религиозным переживанием и религиозным поведением (культом) — осуществлением своей глубоко личной связи с трансцендентным (абсолютной святыней).

Предложенные выводы позволяют представить общую задачу духовно-нравственного развития личности в более операциональных категориях, что очень важно для конкретной психолого-педагогической практики.

Рассмотренные подходы к исследованию духовного опыта человека, очевидно, не исчерпывают многогранность этого явления, а лишь ставят новые и новые вопросы, усиливая этим наше понимание смысла и сути предмета исследования.

Литература

1. Бахтин М.М . Человек в мире слова. — М., 1995.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества. — М.: АСТ, 2011.
3. Выготский Л.С. Психология искусства. — М.: Современный гуманитарный институт, 2001.
4. Гроф С., Хелифакс Дж. Человек перед лицом смерти. — М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996.
5. Гуревич П.С. Возрождён ли мистицизм? Критические очерки. — М.: Политиздат, 1984.
6. Данилов С.И. Теоретическое обоснование подхода к формированию национальной идентичности как одной из важнейших основ духовного здоровья личности // Инициативы XXI века. — 2012. — № 3. — С. 130–134.
7. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта/ Пер. с англ. — М.: Наука, 1993.
8. Ершов П.М. Режиссура как практическая психология. — М., 1972.
9. Зеличенко А.И. Психология духовности. — М.: Изд-во Трансперсонального Института. 1996.
10. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. — М.,1993. — С. 414–424.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — С. 203.
12. Маслоу А. Психология бытия / Пер. с англ. — М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 1997. — С. 284–287.
13. Мымрин А.В. Проблема лжи в психологии // Юридическая психология. — 2013. — № 2. — С.19–22.
14. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. — СПб.: Питер, 2011.
15. Платонов О.А. Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации. — М.: Изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2001.
16. Пушкин А.С. Египетские ночи. — М.: Росмэн-Пресс, 2002.
17. Станиславский К.С. Работа актёра над собой. — М.: Азбука, 2015.
18. Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. — М., 1988.
19. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. — Минск: Попурри, 1998.
20. Фромм Э. Иметь или быть. Психоанализ и религия. — М.: Прогресс, 1990.
21. Фромм Э. Дзэн-буддизм и психоанализ. — М.: Айрис-Пресс, 2004.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: АСТ, 2015.
23. Франк С.Л. Религиозные основы общественной жизни // Путь: Орган русской религиозной мысли (I–IV). — М., 1992. — С. 8.
24. Франк С. Непостижимое. — М.: АСТ, 2007.
25. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990.
26. Фрейд. З. Я и Оно / Психология бессознательного: сб. произведений. — М.: Просвещение, 1990. — С. 425–439.
27. Фрейд З. Тотем и табу. — М.: Академический проект, 2007.
28. Чиксентмихайи М. Поток. Психология оптимального переживания. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011.

29. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. — М.: Прогресс, 1996.
30. Эйзенштейн С.М. Психологические вопросы искусства. — М.: Смысл, 2002.
31. Ясперс К. Общая психопатология. — М.: Практика,1997.

Об авторе: Мымрин Александр Валерьевич, генеральный директор ООО «Школа современных психотехнологий», старший преподаватель кафедры психологии ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ.

Тел. +7 (903) 111-66-40
e-mail: Psyschool@inbox.ru

СОЛОНИНА С.Н., преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ЧТО ДЕЛАТЬ СВЯЩЕННИКУ НА ВОЙНЕ?

В статье раскрывается специфика служения военного духовенства в условиях боевой обстановки, которая играет важную роль в вопросах психологического сопровождения деятельности войск, что, в свою очередь, оказывает влияние на повышение боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации. Актуальность данной темы обусловлена недостаточной исследованностью психологических особенностей деятельности военных священников в боевых условиях, необходимостью обобщения накопленного в этой сфере опыта, а также и совершенствования процесса психологической подготовки помощников командиров по работе с верующими военнослужащими для повышения эффективности их деятельности.

Ключевые слова: военный священник; служение; вера; армия; боеготовность; боеспособность; анализ; религиозная ситуация; поиск личностного смысла; морально-психологическое состояние; боевые условия.

> *«Казалось бы, совершенно простой вопрос: что делать священнику на войне? – на самом деле далеко не для всех был прост. Это служение можно свести к минимуму, но можно (и должно) расширять до бесконечности».*
>
> Протопресвитер Г. Щавельский

***

В современных условиях деятельность военных священников приобретает особую значимость в боевой обстановке и является примером служения воинам, которые ценой собственной жизни защищают жизнь и безопасность ближних.

Мы живем в эпоху глобализации, когда безжалостно уничтожаются духовно-нравственные ценности, исторические и национальные традиции, смыслы существования целых народов, происходит перестройка сознания и мировоззрения человека, ведется разноплановая война — идеологическая, психологическая, информационная, экономическая. Её направленность на радикальные изменения в области сознания и духа человека, на уничтожение религии, раз-

рушение духовной самоидентичности, ликвидацию суверенных государств, создаёт опасность для национальной и государственной безопасности России.

В 2015 г. Президентом РФ В. Путиным был подписан указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», где к традиционным российским духовно-нравственным ценностям отнесены: «приоритет духовного над материальным, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и т.д.» [14].

Россия как оплот православной веры, с её традиционными духовно-нравственными ценностями и принципами, является помехой на пути к достижению странами Запада, Великобританией и США доминирующего влияния на планете. И, сегодня, в обстановке широкомасштабной информационно-психологической агрессии, особая ответственность возлагается на тех, кто отвечает за идейную, патриотическую и духовно-нравственную работу в войсках.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», где изложены базовые положения её учения по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду общественно-значимых проблем, в гл. 8 п. 4 написано: «Церковь имеет особое попечение о воинстве, воспитывая его в духе верности высоким нравственным идеалам. Соглашения о сотрудничестве с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, заключенные Русской Православной Церковью, открывают большие возможности для преодоления искусственно созданных средостений, для возвращения воинства к веками утверждённым православным традициям служения Отечеству. Православные пастыри, как несущие особое послушание в войсках… призваны неукоснительно окормлять военнослужащих, заботясь об их нравственном состоянии» [7, с. 60−61].

В чем же заключается миссия военного священника и необходима ли его работа в современной армии?

Как известно, о силе нравственной составляющей войска, говорил ещё Наполеон, утверждая, что «нравственный элемент относится к физическому, как 3:1». Поэтому, главной задачей служения военного священника является забота о духовно-нравственном состоянии войска.

В своем Слове к воинам «Армия - школа нации» Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл указывал: «Убеждён, что источником подлинного мужества и несгибаемой стойкости воинов может быть только вера в Бога и любовь к Родине. Эти два начала неразрывно связаны, ибо обретение Родины немыслимо без обретения веры. Вера возвышает воинское служение до служения Богу» [9, с. 3].

Далее, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» в гл. 8 п. 3 выделены «основные принципы: любовь к своим ближним, своему народу и Отечеству; понимание нужд других народов; убеждение в том, что благу своего народа невозможно служить безнравственными средствами. Эти три принципа определили нравственные границы войны, которые были выработаны христианским миром в средние века, когда, применяясь к реальной ситуации, люди пытались обуздать стихию военного насилия. Уже тогда суще-

ствовала убеждённость, что война должна вестись по определённым правилам, что и сражающийся человек не должен терять своего нравственного облика, забывая, что его противник - такой же человек, как и он сам. Выработка высоких правовых норм в международных отношениях была бы невозможна без того нравственного воздействия, которое оказало христианство на умы и сердца людей. Требования справедливости в войне на деле далеко не часто удовлетворялись, но сама постановка вопроса о справедливости порой удерживала воюющих людей от чрезмерной жестокости» [7, с. 58−59]. Жестокость, являясь следствием безнравственности, уничтожает чувство любви и, как результат, душа становится опустошенной и эгоистичной. Различные пороки приобретают усиленное развитие. О чём и писал один из крупнейших психоаналитиков XX века К.Г. Юнг: «Сознание не может мириться с торжеством аморального, и возникают самые тёмные, подлые, низменные инстинкты, не только уродующие человека, но и приводящие к психическим патологиям» [13, с. 24−34]. Именно для порождения жестокости и уничтожения нравственности ведётся консциентальная война, которая полностью переформатирует сознание не только одного человека, но и общества в целом.

В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский вкладывает в уста беса потрясающие по своей актуальности и психологической глубине слова: «По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приниматься за дело! С этого, с этого надобно начинать, - о слепцы, ничего не понимающие! Раз человечество отречётся поголовно от Бога… то само собою, без антропофагии, падёт всё прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит всё новое. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человекобог. <…>… Ему «все позволено». <…> Для Бога не существует закона! <…>… и шабаш!»[2, с. 225−239].

И здесь мы приходим к пониманию того, что без Бога решать проблемы человека невозможно! Особенно в век стремительного развития информационных технологий, когда боевые действия ведутся, в первую очередь, не средствами традиционного вооружения, а посредством идей и образов.

Чтобы понять и найти Бога человеку необходимо на что-то опираться. Необходимо познать законы духовной жизни, знание которых имеет глубокое жизненное значение, поскольку каждый человек постоянно находится в поле их действия, соприкасается с ними ежечасно и ежеминутно, особенно в сложных экстремальных условиях боевой обстановки. К сожалению, они остаются неизвестными, хотя нарушение их имеет неизмеримо более серьёзные и трагические для воина последствия, нежели любых других. Поэтому присутствие в районе боевых действий священников является крайне необходимым, так как они помогают человеку осознать голос вечности в его душе. А это возможно лишь при диалогической установке обращения и приобщения, тогда, когда происходит духовный контакт собеседников. Когда отношения выстраиваются не по схеме начальник—подчиненный, а по принципу отцовского попечительства, позволяющего иметь опору от любящего, самого близкого человека.

Обратимся к работам Т.А. Флоренской, выдающегося исследователя психологии диалога и проблем духовного развития личности: «Рефлексивный опыт говорит нам о том, что в сложном многоголосии душевной жизни выделяются два основных голоса, которые образуют внутренний диалог: голос эмпирического обыденного Я с его темпераментом, характером и другими психологическими проявлениями, а над ним голос другого, высшего Я. <…>… Духовное Я и эмпирическое наличное Я нередко вступают в противоречие и конфликт.<…>… Духовное Я может не осознаваться или смутно осознаваться, но, даже будучи неосознанным, может руководить человеком, если его жизненные установки не противоречат вечным духовным ценностям»[12, с. 190−191]. В результате такого конфликта духовное Я оказывается вытесненным из сознания, что приводит человека к неудовлетворённости, бессмысленности существования, нежеланию жить и др. симптомам. И здесь задача священника — помочь человеку осознать реальность его духовного Я, так как человек, убеждённый в бессмертии души, лучше может помочь отчаявшимся в жизни, чем атеист, для которого со смертью человека все заканчивается [12, с. 203].

Духовное Я неизмеримо превосходит возможности эмпирического Я человека в понимании и осознании действительности. Перед нами множество примеров самопожертвования, героизма, мужества, которые объяснить с точки зрения «здравого смысла» невозможно и которые являются преодолением самого мощного инстинкта — инстинкта самосохранения. Сострадая героям, мы, в тоже время, испытываем радость победы духа над плотью и подтверждаем существование духовного Я.

Организация деятельности военного духовенства в условиях боевой обстановки дело сложное и новое. Но, несмотря на новизну этой деятельности, подобный опыт уже существовал в нашей истории. В связи с этим, возникает актуальная потребность обобщить и систематизировать этот опыт для использования его на практике.

Сотрудничество Церкви и Армии насчитывает не одно столетие, поэтому в сознании нашего народа воинское служение всегда связывалось с благочестием и искренней верой.

Институт штатного военного и морского духовенства был в основном оформлен и начал функционировать при Петре I. Он представлял собой централизованную организацию, предназначенную для отправления религиозных таинств и обрядов в армии и на флоте, а также для обучения и нравственного воспитания военнослужащих. Полковой священник обязан был, кроме отправления богослужений и треб, «смотреть прилежно» за поведением войска, обеспечивать регулярную исповедь «пасомых» и принятие ими святого причастия. При этом круг его обязанностей был ограничен твёрдым предписанием: «Ни в какие дела не вступать, ниже что по воле и пристрастию своему затевать».

С 1819 г. дети армейского духовенства должны были обучаться в армейской духовной семинарии, по окончании которой обязывались стать священниками военного ведомства. В результате чего военное духовенство стало своеобразным духовным сословием.

К началу XX века сформировалась структура духовной службы, соответствующая уровню развития русской армии. Были определены роль и место полкового священника в духовно-нравственном и патриотическом воспитании военнослужащих как в мирное, так и в военное время.

В соответствии с книгой 7 Свода военных постановлений, изданной в 1903 г., кроме основных обязанностей, совершаемых священниками в мирное время в полку, в военное время им дополнительно вменялось в обязанность помогать при перевязке раненых, совершать отпевание погибших и устраивать их погребение. Но их деятельность этими обязанностями не ограничивалась.

Существует множество примеров подвигов военного духовенства на полях сражений, когда священник в решительные минуты боя воодушевлял солдат рискуя жизнью, вёл их за собой в атаку, напутствовал и причащал раненых воинов, благословлял их на поле боя с большим риском для жизни, выполняя определённую военную задачу (например, спасение знамени полка), помогая медицинской службе, выносил раненых из-под обстрела и т.д. В рамках нашей статьи, посвящённой служению, вспомним священников, являвших пример самоотверженного служения на поле брани.

Так, известен подвиг священника Трофима Куцинского, который при штурме Измаила, после гибели командира полка, с крестом в руках повёл солдат на штурм.

Во время Отечественной войны 1812 г. священник Мирон Орлеанский в Бородинском сражении на протяжении нескольких часов шёл под шквальным неприятельским огнём во главе колонны московских гренадеров. И, несмотря на контузию, оставался в строю, продолжая воодушевлять сражавшихся воинов, исповедовать и напутствовать умирающих.

В 1829 г. во время русско-турецкой войны священник Иов Каминский вместе с воинами участвовал в переправе через Дунай. Во время ожесточённого боя он получил тяжёлое ранение.

Крымская война 1853–1856 гг. дала немало примеров самоотверженного пастырского служения военных священников. Из 200 священников, участвовавших в этой войне, 29 были награждены орденами Св. Владимира 3 и 4 степени, 29 - золотым наперстным крестом от Святейшего Синода, 2 - офицерским орденом Св. Георгия 4 степени, 58 - Золотым крестом на георгиевской ленте, 5 - Золотым наперстным крестом из Кабинета Его Императорского Величества.

Священник Иоанникий Савинов в ходе тяжелых боев за Севастополь, воодушевив солдат, повёл их в атаку и, впоследствии, несмотря на контузию, не покинул поле боя.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. мужество проявил протоиерей Доримедонт Поповицкий, который был ранен в грудь в момент утешения умирающего воина на поле боя.

Во время русско-японской войны около 250 священнослужителей были награждены и явили примеры мужества и героизма при выполнении своего долга. Особо следует отметить протоиерея Стефана Щербаковского, который

дважды ходил в атаку с крестом в руках и, будучи контуженным, напутствовал умирающих солдат.

Во время морского сражения 1904 г. судовой священник иеромонах Алексий (Оконешников) воодушевлял экипаж тонущего крейсера «Рюрик». Попал в плен, но сумел спасти знамя.

Священник крейсера «Варяг» Михаил Руднев во время последнего боя легендарного корабля ходил по палубе, напутствуя умирающих, оказывая помощь раненым и воодушевляя сражавшихся.

Священник Григорий Шавельский во время боевых действий был ранен и контужен.

Об особенностях деятельности военного священника в годы русско-японской войны мы можем узнать из мемуаров преподобноисповедника Сергия (Митрофана Серебрянского) «Дневник полкового священника»: «…Когда прекратится сражение, у меня сейчас мысль: ну окончилось внешнее сражение, затихли внешние неприятели, отдыхают полководцы, теперь, значит, пора нам, священникам, начинать духовную битву с внутренними врагами, им же имя легион: уныние, тоска по родине и близким, сомнения, физические страдания от ран, болезней, от непогоды — всё это то, с чем на войне особенно необходимо бороться. В окопах многие солдаты опухли от сырости. Вот и хочется хорошей погоды, чтобы можно было служить святые литургии, обедницы, молебны, беседовать и этим в самое сердце поражать внутренних неприятелей, дабы в новый бой воины шли бодрыми, воодушевленными.

Конечно, и во время сражений есть дело священнику. Но ведь каждый понимает, что под гром пушек и свист пуль много не побеседуешь. Тогда только благословение, краткая молитва, два-три слова в утешение - вот и вся проповедь, а главное дело иерея переходит в лазареты, перевозочные пункты - в места поближе к бою, туда, где, так сказать, небо сходится с землею и ангелы, по словам преподобного Серафима, едва успевают брать души человеческие. <…>…Как на особенность нашей здешней службы укажу на то, что на великом входе всегда поминаю «всех воинов, на поле боя за веру, Царя и Отечество живот свой положивших.»… <…> По правде сказать, такие приливы тоски по всему родному иногда нападают, что приходится употреблять всю силу воли и веры, чтобы смирить мятущийся дух….<…>…Не то же ли, думаю, переживают и нынешние воины? Несение ими креста: разлука с близкими и Родиной, ужасы войны и лишения — не есть ли высочайшая добродетель?» [11, с. 143−145].

В 1914 г. в Санкт-Петербурге, по инициативе Георгия Ивановича Шавельского, протопресвитера военного и морского духовенства, был созван I Всероссийский съезд военного и морского духовенства, в работе которого приняли участие 40 священников из войск и флотов. На съезде, среди прочих вопросов, рассматривалась работа священнослужителей в условиях военных действий. Съезд разработал и принял памятку-инструкцию военных священников, которая устанавливала, что во время боя его место на передовом перевязочном пункте. Поэтому от священника требовалось умение оказать первую медицинскую помощь. Он обязывался быть в готовности прибыть туда, где требовалось

его участие. В его обязанности входило поучать воинов «истинам православной веры и благочестия, применяясь к степени их разумения, духовным потребностям военной службы», больных — «назидать и утешать» в лазаретах, ограждать военнослужащих от «вредных учений», направлять их «нравственные недостатки, предотвращать «отступления от православной церкви». На практике они, помимо своих прямых обязанностей, обучали солдат грамоте, читали им письма от родных, помогали составлять ответные письма.

Перед Первой Мировой войной в штате состояло 730 священнослужителей. Всего во время войны в армии и на флоте служило более 5 тыс. военных священников. В боевых условиях священник был обязан ежедневно проповедовать «на современные, затрагиваемые обстоятельствами темы, освещая с патриотической и религиозной точек зрения события общественной, государственной и военной жизни», при этом рекомендовалось учитывать степень грамотности солдат. Предполагалось также проводить «внебогослужебные беседы» с личным составом воинских частей, останавливая внимание слушателей, прежде всего, на обосновании смысла и целей войны.

Рекомендовалось использовать экзотическое для того времени средство - кино для улучшения духовного просвещения воинов, организовывать библиотечки в каждом подразделении, распространять бесплатные листки и брошюры пропагандистского характера и иллюстрированные издания, создавать специальные витрины и вывешивать газеты.. Священник был обязан оказывать влияние и на офицеров, особенно на молодых, предостерегая их от критики и недовольства действиями властей, дабы эти разговоры не оказывали дурное влияние на настроение нижних чинов. Так же были учреждены должности армейских проповедников. Деятельность военных священников на фронтах Первой Мировой войны высоко оценил верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич: «Мы должны в ноги поклониться военному духовенству за его великолепную проделанную работу в армии».

В течении этой войны более 30 священников погибли и умерли от ран, более 400 получили ранения и контузии, более 100 попали в плен.

Священник Иоанн Соколов спас от захвата полковое знамя.

За проявленное мужество были награждены священники Парфений Холодный и Василий Шпичек.

Судовой священник заградителя «Прут» иеромонах Анатолий Смирнов не покинул гибнущий корабль и остался на борту, утешая оставшихся в корабельном лазарете раненых, которым суждено было погибнуть вместе с кораблем.

Игумен Нестор (Анисимов) добровольцем пошёл на фронт, организовал и возглавил санитарный поезд.

Иеромонах Евтихий (Тулупов) в 1915 г., выводя солдат из окружения с крестом в руках, был смертельно ранен.

После Февральской революции 1917 г. военное духовенство продолжало свою работу. В июле 1917 г. состоялся II Съезд военного и морского духовенства, где была учреждена выборность всех военно-духовных должностей.

С приходом к власти большевиков институт военного духовенства был упразднён. Так Декретом Народного комиссара РСФСР по военным делам 16 января 1918 г. № 39 была прервана многовековая история военного духовенства России.

Во время Гражданской войны военные священники остались только на стороне противников Советской власти.

К началу Великой Отечественной Войны 1941−1945 гг. духовенство было почти уничтожено. Расстреляны более 50 тысяч священнослужителей, сотни тысяч сосланы в лагеря, закрыты и разрушены тысячи храмов. Тем не менее, существуют данные об участии священников на фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них уходили на фронт, отбыв срок в лагерях, ссылках и тюрьмах.

Митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплёв) до войны был священником, в войну пулемётчиком, после войны вернулся к священническому служению. В своих воспоминаниях он рассказывает, что после гибели командира роты, ему приходилось вести воинов в бой.

Архимандрит Леонид (Лобачёв) в начале войны добровольцем вступил в ряды Красной Армии. После демобилизации вернулся к служению в священническом сане и в 1948 г. возглавил Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме.

Диакон Борис Васильев в битве под Сталинградом командовал взводом разведки, затем назначен заместителем начальника полковой разведки. Участвовал в разработке и осуществлении операций на Северном Донце и Юге Украины.

Святейший Патриарх Пимен (Извеков), будучи иеромонахом в 1941 г. был призван в действующую армию. Начав свой путь заместителем командира роты, дослужился до звания майора [4, с. 146].

Священник Александр Петин, впоследствии Никон, епископ Херсонский и Одесский, прославился тем, что провёл обоз, который остался в тылу немецких войск, по минному полю. После взрывов ни командир, ни политрук ситуацией уже не владели, а у бойцов была уверенность, что с «батей» они не пропадут. После демобилизации батюшка неоднократно отправлял обозы с продовольствием для госпиталей [10, с. 149].

На этапе современности, главное содержание жизни войск - это обеспечение боевой готовности и плановая боевая подготовка.

Определённый опыт служения священников в боевой обстановке уже имеется. Русская Православная Церковь в лице своих штатных и внештатных батюшек-добровольцев уже больше 20 лет вместе с Вооруженными Силами РФ присутствует в горячих точках и участвует во многих учениях и походах. Поэтому для повышения эффективности этой деятельности, совершенствования форм и методов подготовки военных священников целесообразно использовать отечественный дореволюционный опыт служения военного духовенства и зарубежный опыт работы капелланских служб, соединяя теорию и практику, изучая имеющиеся научные подходы к данной проблеме и практическую деятельность военных священников.

В «Основах концепции работы с верующими военнослужащими в Вооруженных Силах Российской Федерации» сказано, что «военные священники…<…> призваны непосредственно выполнять свои религиозные обязанности с учётом особенностей военной службы. Они должны быть способны на основе базовых ценностей христианства, ислама, буддизма и иудаизма, присущими им специфическими формами работы позитивно влиять на состояние социальной, духовной и нравственной жизни личного состава Вооруженных Сил в целях высокой результативности воинского труда» [6, с. 151].

В п.1 данной концепции прописаны цели и задачи органов по работе с верующими военнослужащими, где указаны, в том числе, и их обязанности в военное время:

— «изучать религиозную обстановку в воинских коллективах и местах дислокации войск (сил), анализировать ее влияние на выполнение задач в мирное и военное время и готовить соответствующие справки и предложения командованию;
— вести постоянную работу по оказанию моральной, психологической и духовной поддержки личного состава в походах, боевых порядках, а также в лечебных и оздоровительных учреждениях;
— активно содействовать поддержанию личного состава в состоянии высокой боеспособности, психологической устойчивости, наступательного духа, мужества, стойкости, терпения, самоотверженности и взаимовыручки в бою;
— содействовать работе по оказанию необходимой медицинской и психологической помощи раненым и пострадавшим, помогать преодолению последствий стрессовых ситуаций, заботиться о достойном погребении погибших и умерших» [6, с. 152−153].

В п.2 указаны формы работы с верующими военнослужащими в военное время:

«Богослужебные:

— совершение богослужений, таинств, обрядов, в том числе на поддержание высоких боевых качеств и морального духа личного состава, оказание помощи и поддержки раненым и пострадавшим, а также достойное захоронение и поминовение погибших и умерших.

Внебогослужебные:

— коллективная и индивидуальная работа с вооруженными силами в период подготовки к боевым действиям (возможность и необходимость работы священнослужителя в боевых порядках или на корабле в боевом походе определяется командованием). В основном его место нахождения в этот период должно быть в местах оказания медицинской помощи;
— посещение военно-медицинских и оздоровительных учреждений, а также войсковых подразделений, находящихся в отрыве от основных сил;
— участие в обустройстве мест захоронения погибших и умерших» [6, с.154−155].

Далее, в «Типовых должностных обязанностях помощника командира соединения (начальника) по работе с верующими военнослужащими» сказано,

что основные усилия в работе с личным составом в вопросах поддержания морально-психологического состояния военный священник должен сосредоточить на:

— «формировании у военнослужащих сознательной мотивации исполнения воинского долга в соответствии с военной присягой, готовности в любой момент выступить на защиту суверенитета и территориальной целостности РФ, а также таких качеств как честность, добросовестность в службе, верность боевым традициям Вооруженных сил РФ;
— оказании содействия командиру (начальнику) в укреплении единоначалия, разъяснении важности решаемых задач, поддержании воинской дисциплины, профилактике негативных проявлений в воинских коллективах, а также по отношению к местному населению и военнопленным;
— оказании моральной, психологической и духовной поддержки личного состава в полевых условиях, в походах, на учениях, стрельбах, боевом дежурстве, а также в лечебных и оздоровительных учреждениях, поддержании личного состава в состоянии высокой психологической устойчивости, наступательного духа, мужества, стойкости, терпения, самоотверженности и взаимовыручки;
— анализе религиозной обстановки в местах дислокации (базирования) и влияния этих факторов на выполнение задач по предназначению;
— проведении индивидуальной работы, изучении настроения и действия военнослужащих в различной обстановке с целью формирования у них нравственной составляющей мотивации военной службы;
— содействии работе по оказанию необходимой помощи раненым и пострадавшим, преодолении последствий стрессовых ситуаций, достойном погребении погибших и умерших;
— систематическом повышении уровня своей профессиональной компетенции в интересах полного и качественного выполнения должностных обязанностей и т.д.» [8, с.158−159].

К сожалению, в Вооруженных Силах еще сохраняется недопонимание роли военных священников в армии и на флоте. Это обусловлено рядом причин. Одной из причин можно назвать недостаточность знаний офицерами истории Вооруженных Сил, в особенности роли Русской Православной Церкви в строительстве армии и флота, незнании истоков побед русского оружия. Причиной является и попытка возложения на священников работы по борьбе с дедовщиной и укреплению воинской дисциплины. Это искажает действительный смысл служения военного духовенства, главной задачей которого является возрождение православного духа воинства России и возвращение высшего духовного смысла воинского служения.

Следующей причиной является недостаточность подготовки военных священников к работе в войсках. Прежде, чем приступить к своим обязанностям, священник должен знать и учитывать в своей деятельности традиции армии и флота, особенности несения воинской службы как в мирное время, так и в условиях боевых действий, так как, кроме отправления христианских треб и

богослужений, он должен участвовать и в других повседневных делах военнослужащих. Кроме того, военный священник должен иметь представление об особенностях мышления военнослужащих, учитывать их восприятие окружающего мира и ментальность, разбираться в побудительных причинах поступков, которые они совершают и могут совершить, особенно в экстремальных условиях военной службы, в условиях опасности для здоровья и риска для жизни. В силу своего пастырского и жизненного опыта, уметь работать со всеми категориями военнослужащих от солдата до генерала, вникая в заботы, нужды, душевные переживания всех членов воинского коллектива.

Далее, существует необходимость преодоления психологического барьера, так как на этапе становления института военного духовенства священнослужитель кажется, в некотором смысле, чужеродным в воинской части. Для преодоления этого барьера, военному священнику, участвующему во всей полноте армейской жизни, нужно сочетать проявление инициативы и настойчивости с тактичностью.

Развитие технических средств информационно-психологического воздействия обязывает священнослужителя иметь всестороннюю информированность в данном вопросе. Отсутствие специального образования также влияет на успешность деятельности военных священников в условиях боевой обстановки. По сравнению с предыдущими войнами, изменился формат ведения боевых действий, их динамика, методы и приоритеты в выборе средств поражения противника, поэтому очень востребованными являются психологическая и медицинская подготовка, физическая подготовка, знание языка страны, в которой происходят боевые действия т.д. Также существует необходимость взаимодействия со всеми заинтересованными службами в целях повышения боевой способности войск (сил) и составления методических указаний, связанных с учётом специфики воинских формирований и выполняемых ими задач. Так как работа помощника командира по работе с верующими военнослужащими схожа с функциями войскового психолога и продиктована необходимостью соблюдения морально-этических норм, - актуальна потребность разработки единого алгоритма деятельности по типу того, который имеется у военных психологов и военных медиков.

Для Вооруженных сил на данном этапе серьезной угрозой утраты боеспособности может стать духовное опустошение военных людей, потеря нравственных основ и духовных ориентиров жизни, особенно в условиях экстремальной обстановки, поэтому очень важным является возможность психологического влияния военного священника на процесс поиска личностного смысла боевой деятельности военнослужащих в особый период.

Актуальность этой задачи обусловлена спецификой служения священнослужителя в условиях боевой обстановки, которая носит экстремальный характер, обусловленный такими факторами, как опасность для жизни, неопределенность, внезапность, дефицит времени, риск, потери среди мирного населения и личного состава и т.д.

Так как психологическое содержание служебной деятельности проявляется в психических процессах, состояниях, образованиях и свойствах личности, включающих в себя умственные, эмоциональные, волевые и мотивационные компоненты, это требует от военного священника постоянной готовности к активным действиям, высокой эмоциональной устойчивости, гибкости и пластичности мотивационной сферы, выработанных профессиональных установок и практического опыта.

Поэтому, при рассмотрении вопросов, связанных с выполнением служебных задач, необходимо выделить и исследовать ряд особенностей, специальные способы и приемы осуществления деятельности военных священников в боевых условиях.

Во-первых, основным содержанием духовно-просветительной работы современного военного священника в войсках является не идеологическое обоснование войны, а разъяснение ее целей и задач и формирование на этой основе фундаментальной мотивационной основы участия верующего военнослужащего в боевых действиях. Воин, идущий на смерть должен понимать спасительный смысл Воскресения Христова, его учения о бессмертии души и заключительные слова Символа Веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века».

Во-вторых, военнослужащим очень нужны разъяснения по религиозно-нравственным вопросам войны и военного дела. Так важным является обоснование возможности нанесения ранения или даже уничтожения противника при принуждении его к миру. Как соотнести заповедь « Не убий» и необходимость вести вооруженную борьбу в бою. Как соотнести слова Христа: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, и молитесь за обижающих и гонящих вас» [1, с. 14] и Евангельские слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» [1, с. 178]. При этом, нацеливая воина на достижение победы, не допуская его озверения и превращения в хладнокровного убийцу, военный священник должен воспитывать в нём милосердие к мирному населению и великодушие к побежденному противнику.

В-третьих, в силу профессиональной специфики, военные священники работают индивидуально с конкретным человеком или с группой людей, устанавливая с ними доверительный контакт и, кроме главной для себя заботы о спасении души солдата или офицера, должны учитывать иные обязанности, которые выполняет военнослужащий, решая задачи в особый период.

В-четвертых, эта деятельность имеет и социальную и пастырскую направленность. Имея тесное сотрудничество с командным и офицерским составом, военный священник является своего рода отцом солдатам, защитником младших чинов, не конкурируя при этом с отцами-командирами.

В-пятых, военный священник участвует в оценке религиозной обстановки в районах дислокации войск (сил) и ее влияния на морально -психологическое состояние личного состава, выполняющего задачи по предназначению.

На основании вышеизложенного, можно предположить, что:

— деятельность военного священника имеет психологическое влияние на процесс поиска личностного смысла боевой деятельности военнослужащих в особый период;
— присутствие военного священника в особых условиях положительно влияет на динамику объективных показателей морально-психологического состояния личного состава;
— наличие военного священника в части в условиях боевой обстановки влияет на эффективность боевой деятельности личного состава и снижает эмоциональное напряжение военнослужащих;
— участие военного священника в мониторинге религиозной ситуации среди личного состава войск (сил) в местах их дислоцирования (базирования) оказывает влияние на выполнение задач по предназначению.

В настоящее время, актуальность данной темы обусловлена недостаточной исследованностью психологических особенностей деятельности военных священников в боевых условиях, необходимостью обобщения накопленного в этой сфере опыта, а также совершенствования психологической подготовки помощников командиров по работе с верующими военнослужащими для повышения эффективности их деятельности.

Таким образом, служение военного духовенства в условиях боевой обстановки играет важную роль в вопросах психологического сопровождения деятельности войск, что, в свою очередь, оказывает влияние на повышение боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил Российской Федерации.

Литература

1. Библия. Новый Завет — М.: Российское Библейское общество, 2006.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Полное собрание сочинений в 18 т. Т. 14. — М.: Воскресение, 2004.
3. Лукичев Б.М. Об истории военного духовенства в России / Сборник материалов по работе с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации. — М., 2012.
4. Монах, заключенный, воин / Вестник Военного и морского духовенства. — М., 2005.
5. Священники на фронте / Вестник Военного и морского духовенства. — М., 2005.
6. Основы концепции работы с верующими военнослужащими в Вооруженных Силах Российской Федерации / Сборник материалов по работе с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации. — М., 2012.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. — М., 2001.
8. Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации / Сборник материалов по работе с верующими военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации. — М., 2012.
9. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Армия — школа нации / Защитник Отечества. — М., 2015.

10. С батей по минному полю / Вестник Военного и морского духовенства. — М., 2005.
11. Серебрянский М.В. Дневник полкового священника. — М.: Марфо-Мариинская Обитель милосердия, 2009.
12. Флоренская Т.А. Метод духовно ориентированного диалога: теория и практика. / Живая вода: научный альманах. — Калуга, 2012.
13. Юнг К.Г. Психология бессознательного. — М., 2003.
14. http://base.garant.ru/71296054/

КУЗЬМИНА Е.И., доктор психологических наук,
профессор кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

РЕФЛЕКСИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ СЛОВА ВО ИМЯ СЛУЖЕНИЯ ОТЧИЗНЕ

При анализе служения как экзистенциального феномена личности акцент ставится на его ключевых показателях: активности, высоком уровне субъектности, свободном и ответственном выборе профессии, интересе к профессиональной деятельности, воспринимаемой как дело жизни, способности к транцендированию и экзистированию, готовности жертвовать собой ради идеи, во имя служения Отечества. Раскрывается возможность применения рефлексивно-деятельностного подхода к анализу воздействия слова на профессиональное самоопределение курсантов, изменение ими содержания собственной служебной деятельности, понимания своего участия в ней. Приводятся результаты эмпирического исследования влияния слова (смысла) на представление курсантов о служебной деятельности. Раскрывается содержание и эффект Ульяновского эксперимента по развитию мышления и свободы творчества, проведенного со студентами УлГПИ.

Ключевые слова: служение; воздействие слова на профессиональное самоопределение курсантов, рефлексивно-деятельностный подход, техника «совмещение логических уровней» (НЛП), слово преподавателя, Ульяновский эксперимент.

***

Устремленность к высшим гуманным ценностям, служение свободе, искусству, словесности, человеку, Отечеству, приверженность идее божественного предназначения являются духовными потребностями каждого гражданина, стремящегося к самоактуализации, сохранению и обогащению культуры. Служение, как способность жить и трудиться во имя благородной идеи (защита отечества, творческий труд, поиск истины и т.п.), само по себе, выступает одной из наивысших ценностей. История развития культуры нашей страны свидетельствует о бескорыстном служении на благо Отечества множества талантливых и гениальных людей – среди них художники (поэты и писатели, музыканты, танцоры, певцы, режиссеры, актеры, архитекторы), великие полководцы (А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ф.Ф. Ушаков, Г.А. Потемкин), промышленники и меценаты, вкладывающие средства в развитие культуры (Г.Г. Солодовников, Ю.С. Нечаев-Мальцев, П.С. Третьяков и С.С. Третьяков, С.А. Мамонтов, С.Т.

Морозов, С.И. Щукин), ученые, учителя, врачи. Весь народ с его пассионарными личностями, так и простыми тружениками в своём труде, облагороженном ценностью служения, представляет собой колоссальную силу защиты и развития государства. Не случайно, размышляя о самом важном для современной России, Президент отмечает: «Мы обязаны вернуть уважение к труду, поднять престиж тех профессий, на которых держится страна: инженеры, конструкторы, рабочие, фермеры, учителя, врачи. Всё это - запрос времени, и мы должны понимать, что создать сильную благополучную Россию можно только упорной работой. Любая созидательная деятельность: научные открытия, создание великих произведений искусства, организация успешных предприятий, работа у станка, в угольной шахте или за штурвалом комбайна - это вклад в развитие России, в повышение благосостояния нашего народа, и он должен получить достойную оценку" [7, с. 158]. Подчеркивается, что Россия является многонациональной страной, привлекательной для иммигрантов. В связи с этим становится актуальной задача сохранения русской культуры, русского языка, силы, красоты и богатства слова. «… И мы открыты для тех, кто готов уважать наши законы, культуру, традиции, язык… Время постоянно предъявляет нам новые вызовы, проверяет на прочность наше единство, готовность сообща защищать и отстаивать национальные интересы России... Многонациональный народ... он всегда жил с верой в добро и справедливость, умел отринуть всё, что мешает двигаться вперёд, все разногласия во имя любви к Отечеству. И сегодня именно единство и сплоченность делают нас сильнее. В чести у нашего общества были и будут достойное исполнение профессионального и гражданского долга, творческий поиск, стремление достигать новых побед, ответственность перед страной, доблесть и отвага" [7, с. 8, 15].

Без свободного и ответственного выбора профессии, которая воспринимается как дело жизни, без активного, продуктивного, творческого (с максимальной самоотдачей) движения в ней на благо народа, не бывает истинного служения, онтологическим основанием которого выступает свобода личности как осознание, переживание и изменение виртуальных границ возможностей. Обладающий внутренней свободой человек при столкновении с трудностями, препятствием в значимой деятельности осознаёт противоречие и поступает по внутреннему убеждению в соотношении с принятыми в обществе нормами, правами, законами - в соответствии с личными ценностными ориентациями, долгом, ответственностью [3; 4].

Феномен служения, как и другие экзистенциальные феномены - свободы, счастья, выбора, ответственности и т.п., трудно поддаётся психологическому анализу. Если выбрать для самооценки по методу Дембо-Рубинштейн шкалу, выражающую различную меру субъектности по параметру «служба» (в значении быть пригодным, полезным, как это указано в словаре В. Даля [2]), то противоположными полюсами в ней выступят «Служение» с максимальной субъектностью человека свободного, ответственного, готового жертвовать собой во имя правого дела, деятельного, с чувством собственного достоинства, и «Прислуживание» - с ролевой доминантой и минимальной субъектностью человека

(в пределе - раба). «Служба» в психосемантическом, оценочном (по методу Ч. Осгуда) своём виде представлена в виде шкалы, по которой каждый человек волей или неволей перемещается в силу жизненных обстоятельств и в ходе рефлексии может не только осознать, но и регулировать свое местоположение на этой шкале. Как лаконично и смело выразил свою личную позицию устами Чацкого в «Горе от ума» А.С Грибоедов: «Служить бы рад, прислуживаться тошно!». Ригидный, духовно-слабый, не стремящийся к интеллектуальному и культурному развитию человек, скорее всего, будет искать покровителя (повелителя) и прислуживать ему. Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» (главе «Великий Инквизитор») показал опасную возможность отказа людей от свободы, когда они не готовы к ней, предпочитают быть рабами, которым дадут работу и накормят. Таким людям, очевидно, свойственны мотивация избегания неудачи, страх перед новым и неопределенным; служение для них – сверхсложное, непонятное, а потому не нужное и даже опасное явление. Прагматики, конформисты, эгоисты находятся ближе к этому полюсу.

Экзистенциальное содержание служения предполагает способность человека к экзистированию (выходу за пределы себя) и трансцендированию (поиску смысла, следованию истине). Примеры жизни людей с развитой способностью к служению, их мысли о своем предназначении обогащают идеалы и мировоззрение современной молодежи, привносят особый заряд в личностное и профессиональное самоопределение.

Служению защите Отечества посвятил всю свою жизнь великий русский полководец А.В. Суворов. Несмотря на возраст и телесные недуги, он оставался сильным духом до конца жизни. Его слова, обращенные к офицерам и солдатам перед боем, поднимали настроение, придавали уверенность в победе (в конце разговора с солдатами он говорил «Победа будет за нами!»). Его мысли о служении являются, своего рода, заветом для современных военнослужащих. Он говорил: «Чувствую ныне и прежние мои раны, но доколе жив - служить, хотя иногда и отдыхать. Таков долг христианина! Чистый рассудок без узлов. Мой стиль не фигуральный, но натуральный - при твердости моего духа… Ищите истинной славы, идите по следам добродетели. Последней я предан, а первую замыкаю в службе Отечеству… Собственностью своею во всякое время жертвовать - правило высочайшей службы… Ноша службы легка, когда дружно подымают ее многие… Приучайся к неутомимой деятельности".

Слово обладает колоссальной силой воздействия на людей. Не зря говорят, что словом можно убить, а можно и окрылить, возвысить человека. Вспомним призыв к поэту в стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: «глаголом жги сердца людей!». Несомненно, сила слова заключается не только в когнитивной насыщенности и эмоциональной экспрессии, но и в его духовной сущности: высоком уровне духовного состояния человека, его устремленности и любви к истине, другому человеку, к Богу.

Божественный глагол всесилен.

«…Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,

Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел…»
(А.С. Пушкин. «Поэт»)

Талантливому человеку дискомфортно, когда вокруг него – пустые, ничего не говорящие для души, глаголы. И. Бродский пишет о бессилии лишенных смысла, «молчаливых» глаголов, прогнозирует их неизбежный конец: «не город они строят, <…> а собственному одиночеству памятник воздвигают».

Как важно для каждого и особенно для тех, чья профессия предполагает работу с людьми, желать и уметь говорить с ними не глухими глаголами, а звучными, живыми, восходящими к смыслу, одухотворяющими, наполненными божественным светом истины, добра и любви? Так могут говорить не столько просвещенные, владеющие ораторским искусством специалисты, сколько посвященные, «поцелованные Богом» талантливые и мудрые люди - философы, поэты, священнослужители. В «Священном писании» сказано: «От избытка сердца глаголют уста». Для священников и психологов экзистенциально-гуманистического направления эта способность является компетенциальной.

При обсуждении вопроса о необходимости совершать свое служение с искренней верой и желанием помочь людям, Патриарх Кирилл, говорил: «Слово священника звучит неубедительно, если оно не подкреплено живой верой и внутренней молитвой священника, поэтому одна из первых задач священника - хранение живой веры и связи с Богом<….>к искренним и чистым в своей вере священникам обычно приходит много людей<…>Слово пастыря убедительно, если он вкладывает в это слово опыт своей жизни».

Опыт своей жизни, любовь к мудрости и человеку воплощают в своих текстах и речах философы. Древнегреческий философ Платон советовал юношам, определяющимся в вопросе - к кому пойти учиться, выбрать философа - Сократа, а не специалиста по риторике. Известно, что Сократ предложил и использовал в своих беседах метод майевтики, меняющий не только строй мыслей, но и сознание учеников. В современной психологии особо эффективным для работы с ноогенными неврозами зарекомендовал себя метод логотерапии (лечение словом, смыслом), предложенный и разработанный В. Франклом.

А что делает с нами слово поэта! Ниже приводятся мои стихи, в которых читатель, надеюсь, заметит трансформацию, произошедшую в мировосприятии под воздействием слова, поэтической речи, личности любимого поэта- Бориса Леонидовича Пастернака. Эта трансформация не сконструирована. Рационально такое стихотворение не удалось бы написать. Как верно заметил А.А. Вознесенский: «Стихи не пишутся- случаются/ как чувства или же закат/ Душа – слепая соучастница/ Не написал - случилось так».

Пречистенка

Пречистенка — улица эта
Наполнена солнечным светом.
Здесь жили когда-то поэты.
Сам Пушкин к ним приходил.

К Денису Давыдову, другу,

И позже, лет через сто —
Борис Пастернак…, в его думы,
Дыханье и вирши его.

Зазимки. Стою перед домом,
Где комнату он снимал,
В десятые трудные годы
Творил, не спал, улетал.

В своём легкокрылом полёте,
Прорезывая пустоту,
Он видел Россию на взлёте,
Изломы её и черту.

Спиной, едва ощущая
Дубовой двери заслон,
Я вслушиваюсь, пытаюсь
Понять, что чувствовал он,

Когда выходил из дома.
Храмы, Кремль, купола,
Древней стены узоры,
Неба синь синева,

За перекрёстком скоро
Терра-фило-софия.

Там слово просветляет душу.
Наполненная солнечной энергией, она
Всё может пропустить через себя,
Нисколько не нарушив,

А лишь усилив звуки Бытия,
И распахнув границы зренья,
Знать больше, чем дарует сновиденье,
И видеть дальше, глубже, вкруг себя…

Как темь спускается устало
На сонмы парков и оград,
Как осень перелицевала
За утро весь Нескучный сад.

И ясен лес, и тих. Подробен
Узор из листьев, веток хруст,
И так душе моей подобен
Орешника зеленый куст.

Он грезит теплыми ночами.

Вдыхая лета запах тминный,
Он помнит, как его качало
При встрече той грозы с малиной.

(Елена Кузьмина, октябрь 2013)

В ходе написания этого стихотворения я вдруг почувствовала присутствие Бориса Пастернака. Я (или это был он?) шла по направлению института философии, а потом мне открылся нескучный сад с ореховым кустом. Пастернаковская строчка о «встрече той грозы с малиной», название его стихотворения «Зазимки» я сознательно включила в своё стихотворение, а его слова - «темь», «парков и оград» позже встретила в поэтическом сборнике. Каждый раз, когда читаю эти стихи, то слышу в них его дыханье и ощущаю его внутренний свет.

Святитель Феофан Полтавский писал: «Человек в даре слова получил нечто по образу творческого слова ... внутренний свет человека проявляет себя в слове». Читая тексты философов, священнослужителей, служителей словесности - поэтов, писателей, семиотиков о литературном творчестве (О.Э. Мандельштама, М.И. Цветаевой, И.А. Бродского, Ю.М. Лотмана и других) мы приобщаемся к высокой культуре, становимся богаче в духовном плане.

Работы психологов, специалистов по психолингвистике раскрывают нам механизмы речи, обозначают путь к пониманию сущности и силы воздействия слова на человека. Значимый вклад в изучение речи и её механизмов, сущности слова как единицы языка, инструмента мышления и речи внесли российские и зарубежные психологи (А.А. Потебня, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин; Дж. Миллер, Н. Хомски, Б. Уорф и другие). На протяжении всей своей жизни А.Р. Лурия изучал проблему речи и её формирования в онтогенезе, её функции. В учебном пособии «Язык и сознание» (1979; 1998) он рассматривает роль речи в формировании сознания человека. В своей работе "Слово и его семантическое строение" А.Р. Лурия пишет: "Нашей центральной проблемой является строение сознания, возможность человека выйти за пределы непосредственного, чувственного отражения действительности, анализ способности отражать мир в сложных, отвлечённых связях и отношениях, глубже, чем это может отражать чувственное восприятие. Мы говорим, что это отвлеченное и обобщенное отражение мира и отвлеченное мышление осуществляется при ближайшем участии языка... Слово обозначает вещи, слово выделяет признаки, действия, отношения. Слово объединяет объекты в известные системы, иначе говоря, кодирует наш опыт" [6, с.32]. Им были выделены функции речи: обозначения, понимания, сигнитификативная, регулятивная. Проблему связи смысла, слова и мышления решал Л.С. Выготский, с юности поставивший для себя цель выяснить причины и механизмы влияния искусства на человека. Театр был одним из его интересов и о силе актерского слова он знал не понаслышке.

На основе работ А.Р. Лурия и Л.С. Выготского о речи, представления о рефлексии С.Л. Рубинштейна, а также концепций рефлексивных уровней В. Лефевра и нейрологических уровней Г. Бейтсона можно предположить, что от-

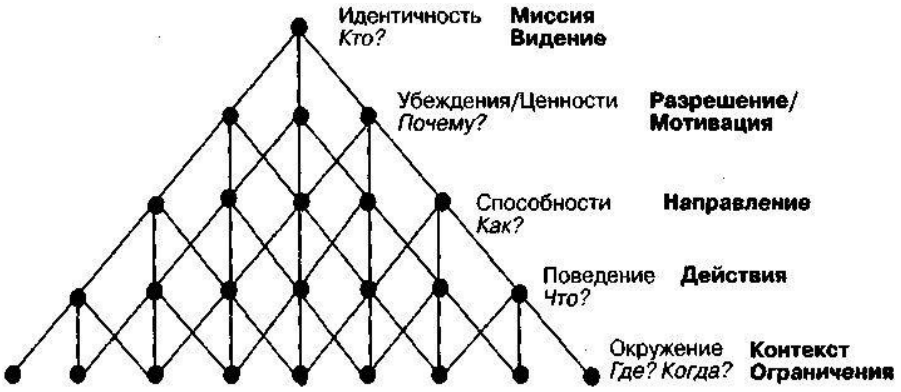
влеченное и обобщенное отражение мира, кодируемое в слове, может выводить человека при его восприятии и осмыслении на различные уровни рефлексии (с различной степенью обобщения "Я"). И дело здесь не столько в лексике или в терминах, а, как полагает В.И. Слободчиков, «… в базовых категориях, через которые эта реальность открывается. Категориях, через которые открывается духовная реальность, а через нее уже в свою очередь – реальность душевно-психологическая и телесная» [8].

Причем, преобладание у человека при решении им экзистенциальных задач, контакте с другим человеком рефлексии с тем или иным уровнем обобщения "Я" (по В.А Лефевру, рангом рефлексии – от нулевого уровня, на котором человек фиксирует собственные движения, до высоких рангов восприятия себя космическим человеком) свидетельствует о способе общения с собой и другим человеком и, соответственно, об уровне самосознания личности. Согласно классификации Б.С. Братуся, таких уровней – четыре: эгоцентрический, групповой, просоциальный и эсхатологический (духовный). *Эгоцентрический уровень* свойственен человеку, стремящемуся к собственному удобству, выгоде, престижу. К другим он относится потребительски, в зависимости от того, помогает ли другой личному успеху (друг) или нет (враг.) *Группоцентрический уровень* присущ человеку, идентифицирующему себя с какой-либо группой; его отношение к другим людям зависит от того, входят ли эти другие в его группу (свой) или нет (чужой). Свой обладает свойством самоценности, достоин сострадания, уважения, прощения и т.д. *Просоциальный* (гуманистический) уровень характеризуются внутренней смысловой устремленностью человека на достижение результатов деятельности, которые принесут благо человечеству в целом. *Духовный (эсхатологический) уровень* свойственен человеку, который воспринимает себя и других в соотношении с духовным миром, Богом. Другой человек приобретает в его глазах особую сакральную, божественную ценность [1]

При анализе влияния слова на человека нас, прежде всего, интересуют возможности (условия, психологические приемы) и механизмы влияния слова (психолога, психотерапевта, священника, военного руководителя – командира, полководца) на изменение его рефлексивной позиции (рефлексивного ранга) и эмоциональной реакции, на актуализацию (и развитие) того или иного уровня самосознания личности. Богатые возможности проведения такого анализа предоставляет ***рефлексивно-деятельностный подход***, предложенный и разработанный нами (1992; 1994) на основе учения И.М. Сеченова о рефлекторной природе психики, субъектно-деятельностной теории С.Л. Рубинштейна, теории развития высших психических функций Л.С. Выготского, концепции рефлексии В.А. Лефевра, а также множества философских и психологических работ зарубежных и отечественных ученых. Рефлексивно-деятельностный подход, предполагающий единство процессов рефлексии и деятельности при осуществлении и анализе планируемых и производимых субъектом действий по преодолению препятствий в ходе самореализации, помогает более глубоко - в психосемантическом пространстве (матрице), организованном двумя осями – системой деятельности и системой рефлексии, проводить анализ влияния слова (а также об-

раза, вызываемого им и выступающего его основой) на человека, его сознание и деятельность. Алгоритм рефлексивно-деятельностного анализа и конкретные примеры его осуществления приведены в монографии и учебном пособии по свободе (Кузьмина Е.И., 1994, 2007), а также в многочисленных научных статьях и тезисах выступлений на конференциях. В рефлексивно-деятельностный анализ встраиваются разнообразные психотерапевтические техники. Так, техника НЛП – «Нейрологические уровни», на наш взгляд, позволяет операционализировать эмпирическую часть исследования влияния слова на сознание и деятельность. Психотерапевт ведет клиента пошагово по восходящему (от первого шага – «окружение» до шестого – «Миссия») и нисходящему (от шестого шага к первому) пути. Клиент на каждом шаге (ступеньке своего движения) рассказывает о своей деятельности (учебной или профессиональной, хобби, взаимоотношении с кем-либо и т.д.). На нисходящем уровне, как правило, происходят изменения в рассказе о себе и своих действиях. Поскольку, как нам это представляется с позиций рефлексивно-деятельностного подхода, нейро-логические уровни (см. табл. 1) находятся в соответствии с уровнями деятельности, то изменение ответов клиента при повторном прохождении нейро-логических уровней (нисходящий путь) высвечивает его актуальную проблему на каком-то конкретном уровне деятельности.

Табл 1. Совмещение нейрологических уровней, согласно концепции Г. Бейтсона и Р. Дилтса

Так, первый и второй логические уровни (окружение и поведение) представляют отдельные стороны целереализации, третий и четвертый (способности и убеждения) - мотивационно-потребностной сферы и целеполагания (на четвертом логическом уровне возможен выход на рефлексивные процессы мотивационно-потребностной сферы, например, можно обнаружить противоречие между «хочу» и «могу»), пятый и шестой (идентичность и миссия) - оценки и самооценки. По разнице в ответах на одни и те же вопросы, заданные на восходящем и нисходящем уровнях, психолог может достаточно быстро обнаружить проблему клиента, определив место локализации противоречия, возникшего у клиента на конкретном уровне деятельности и построить дальнейшую работу с активизацией рефлексивных процессов на противоречие, поиск конструктивных путей его разрешения. Эта техника сильна тем, что в ней на шестом уровне человек восходит к смыслу своей деятельности и, осененный им, по-новому видит свою деятельность и себя в ней.

Технику НЛП - «Совмещение нейро-логических уровней», используемую нами, в основном, для анализа феномена свободы человека [5], мы применили и для анализа воздействия слова на профессиональное самоопределение (сознание и служебную деятельность) курсантов. В исследовании участвовали курсанты одного из военных вузов (две учебные группы). Служебная деятельность, наряду с учебной, выступает важной для профессионального становления курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». Как показало проведенное нами исследование в двух учебных группах, техника НЛП, встроенная в рефлексивно-деятельностный анализ, помогает курсантам, как мы и предполагали, открыть для себя сакральный, эсхатологический смысл служения и изменить своё видение служебной деятельности.

Как мы видим из таблицы №2, у курсанта после того, как он открыл для себя смысл выполняемой им служебной деятельности и проникся им (заметим, что на шестом шаге открывается не только смысл деятельности, но и личностный смысл, а возможно и смысл жизни на данном её этапе) и пошел по нисходящему пути, у него практически на каждом нейро-логическом уровне (и уровне деятельности) произошли изменения: усилилась субъектность – вместо «должен выполнять то, что в меня заложено с детства», появилась личная ответственность и чувство «могу», повысились самостоятельность и самооценка. В другой группе курсант - командир группы, на нисходящем уровне высказал желание быть внимательнее к членам своей группы, прислушиваться к их чаяниям, понимать и любить их. В обеих группах курсанты, которые прошли нейрологические уровни, в итоге сказали, что они получили для себя нечто очень важное.

Мы полагаем, что, будучи продолженным, наше исследование влияния слова во имя служения Отчизне принесет новые интересные и важные для профессионального самоопределения военнослужащих результаты. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» - написал Ф. Тютчев. Но, человек, по мнению С.Л. Рубинштейна, отвечает за всё, с чем (и с кем) ему довелось встретиться: за все содеянное и упущенное, за слова, обращенные к другому человеку, так они могут повлиять так, как мы и не думали.

Табл.2. Результаты работы по проблеме «Моя служебная деятельность».

№/п	***Нейро-логические уровни***	**Восходящий путь**	**Нисходящий путь**
1	*Окружение (где, когда)*	На границе, весной, я –командир, мои подчиненные – 20-30 человек.	В любой ситуации, везде
2	*Поведение*	На основе личного примера провожу воспитательную работу	Я делаю то, что я сам считаю нужным
3	*Способности и возможности*	За счет опыта, на основе личного примера осуществляю воспитательно-служебную работу с подчиненными с соблюдением требований УВС, стараюсь прочувствовать их	Я могу всё! У меня есть возможности!

		состояние	
4	*Убеждения и верования*	Реализую то, что заложено с детства (ценности: Родина, защита отечества, семья). Я как пионер, должен выполнять то, что требуется.	Кто, если не я? Я чувствую ответственность.
5	*Идентичность (кто я?)*	Я такой, каким хочу быть – героем, который порой жертвует собой, переступает границы возможного (как в кино)	Я – это я, такой, какой я есть
6	*Миссия*	Тот, кто образует, организует, сплачивает	

Мы, преподаватели, психологи обязаны думать и планировать как отзовется наше слово, сказанное другим, особенно тем, кто еще учится и сензитивен к слову преподавателя. Слово авторитетного преподавателя, сказанное на лекции или практическом занятии, обоснованное с точки зрения психологической теории и эксперимента и подкрепленное примером, имеет силу, влияет на сознание учащихся. Так, в Ульяновском многолетнем естественном формирующем эксперименте по развитию интеллекта и свободы творчества (1983-1994) у студентов физико-математического факультета УлГПИ преподаватели - Кузьмина Зинаида Васильевна и Кузьмина Елена Ивановна обучили психологии более одиннадцати тысяч студентов - будущих математиков школ города и области. Методологической основой нашего эксперимента послужили субъектно-деятельностная теория С.Л. Рубинштейна, культурно-историческая теория развития высших психических функций Л.С. Выготского, теория творчества Я.А. Пономарева, концепции проблемного обучения А.М. Матюшкина, А.В. Брушлинского, Т.В. Кудрявцева. В ходе этого эксперимента, ориентированного на личностное и когнитивное развитие студентов и учащихся школ, мы подготовили высококвалифицированные кадры, готовые работать по современным программам с применением инновационных методов обучения (в. т.ч. метода постановки проблемных ситуаций). На занятиях по психологии наши слова, обращенные к студентам о необходимости развивать речь и мышление детей, креативные способности у себя и учащихся, читать художественную литературу, мыслить, задавать вопросы, свободно и ответственно идти по жизни, уважительно относиться к себе и другим, не впускать пороки в свою жизнь и жизнь своих близких и т.п., имели установочное значение и не могли не повлиять на сознание молодежи города и области. Во многом благодаря ульяновскому эксперименту ульяновская область занимает первое место среди других областей по уровню образования и инновационной направленности преподавателей школ и вузов. После того, как мы уехали из Ульяновска в Москву на работу, некоторые педагоги и психологии почувствовали себя авторами нашего Ульяновского эксперимента и в своих работах не сделали ссылок на реальных авторов, которые потратил годы, реализуя задачу развития мышления и свободы творчества учащихся в процессе обучения.

Литература

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. М. : Мысль, 1988.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.3. М.: "Русский язык", 1978.
3. Кузьмина Е.И. Психология свободы человека. М.: Издательство Московского государственного университета, 1994.
4. Кузьмина Е.И. Психология свободы: теория и практика. СПб: Питер, 2007.
5. Кузьмина Е.И. Возможности применения техники «совмещение логических уровней» (НЛП) для осознания свободы как экзистирования /Психология познавательных процессов: Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции /По ед. Егорова А.Г., Селиванова В.В. (сборник статей) – Смоленск: Универсум. – 2008. С. 254- 258.
6. Лурия А.Р. Слово и его семантическое строение /Лурия. А.Р. Язык и сознание/Под ред. Е.Д. Хомской. 2-е изд. - М. Изд-во МГУ, 1998.
7. Мысли о России, Президент о самом важном. - М.: Центрполиграф, 2016. С. 158.
8. http://www.portal-credo.ru/Лента новостей [RSS | Архив новостей] 04 августа 2006. МОНИТОРИНГ СМИ: Психолог или духовник? Интервью с директором Института развития дошкольного образования Российской академии образования В.И. Слободчиковым.

ПОЛЯНСКИЙ М.С., доктор педагогических наук, профессор

ГЕРОИЗМ И СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ

В статье раскрывается сущность героизма, экстремальные ситуации и их влияние проявление героизма. Показан психологический механизм формирования и осуществления героического поступка в процессе служения Отечеству.

Ключевые слова: героизм; героический поступок; психология служения; психологические наклонности к самопожертвованию.

***

Герои и проявление героизма всегда привлекали к себе внимание. Героическое начало в личности тесно связано с социальной деятельностью человека, как форма проявления социальной активности. Известно, что люди, которые склонны к героизму, обладают склонностью к принятию самостоятельных решений. Признаками героизма являются проявление таких личностных качеств как самоотверженность и жизнелюбие, ответственность и уверенность в собственных силах. Героизм часто связывают с проявлением духовности, как фундаментального свойства человеческого бытия. Однако, героизм проявляется не у всех и не всегда. Люди, которые совершают героические поступки, отличаются от других уверенностью решить экстремальные задачи собственными силами, умением мобилизовать себя в ответственные моменты. Они выделяются готовностью и реальными действиями решить проблему и добиться успеха.

Служение Отечеству формирует и развивает в определенном смысле героическое начало в человеке, которое позволяет личности проявить свою сущность. Субъект героического поступка, в условиях воинской деятельности конкретный военнослужащий, берет на себя большую, чем другие меру ответственности, овладевает острым ощущением неотложной потребности в проявлении собственного «я», благодаря интеллектуальным, физическим, нравственно-психологическим качествам. Он готов действовать и существенным образом влиять на ход событий в процессе своего служения Отечеству. В таком значении понятие «героизм» выступает синонимом понятия «выдающаяся личность».

Так, Андрей Болконский - герой романа А.Н. Толстого «Война и мир», незаурядностью личности психологически близок к героям 14 декабря, о которых сказано «Это … богатыри, выкованные из чистой стали с головы до ног» [2.С.115].

По мнению исследователей феномена героизма, структура героического бытия человека составляет систему взаимообусловленных духовных, волевых и деятельно-практических качеств на основе единства идеалов, убеждений и моральных особенностей, реализуемых в замысле, намерении, мотивах и предпринимаемой деятельности [1].

Поведение героя может воплотиться в одномоментный поступок, «героизм порыва», военный подвиг или в продолжительное самоотверженное служение благородному делу или высокой идее. Общественное пространство проявления героического поведения чрезвычайно широко: от сферы политики, в том числе война и военное противоборство до экспериментально-исследовательской деятельности. Героизм во многом определяется энергетикой человека, высоким моральным потенциалом, внутренней свободой, сильным желанием реализовать себя именно таким образом. Проблема человека, подчеркивал Ж.-П. Сартр, это прежде всего, проблема свободы выбора: «Трус делает себя трусом, и герой делает себя героем». Героями не рождаются, ими становятся. Героизм это синтетическая и эстетическая категория, даже смерть благородного героя прекрасна. Идеалы героизма развивались на протяжении многовековой истории человечества. В истории философии, этике, в художественной и публицистической литературе исследуется и описывается феномен героизма, его суть, побудительные мотивы и практические последствия, генезис и эволюция. Мифологическая культура изображает героя как человеческое существо, которое наделено необыкновенным умом, способностями и силой, находится под эгидой богов и с их помощью осуществляет подвиги. Многие герои древних мифов были полубогами (Геракл, Ахилл, Гильгамеш). В античной Греции героями считались не только легендарные цари, военачальники, богатыри, но и те личности, которые даже после смерти продолжали влиять на общественное сознание. Героями называли основателей городов, знаменитых законодателей (Солон) и политиков, прародителей племен и общин, широко известных поэтов и художников. Отмечалось, что герои по-разному влияют на общественные события: положительно и отрицательно.

Мифологический герой наделялся в преданиях сверхчеловеческой силой. Веря в провидение, он не отделял того, что совершено им самим, от того, что явилось следствием рока. Поэтому героев эпохи следует признать проницательными людьми, а их действия и речи реализовывали злободневные ожидания большинства людей в конкретных условиях жизни общества. Великими людьми являлись те, кто лучше других понимал суть дела, их знания затем усваивали все остальные, одобряя их или примиряясь с ними.

Общество исключает героизм из повседневной жизни людей, поскольку в нем господствует дух практического расчета и обывательского благоразумия.

Герой часто свободен от социальных норм и запретов и сам способен создавать правила и системы ценностей. Античный герой обладает сверхчеловеческой силой и способностями, он представлял собой лучшее, что было в обществе, поэтому главная его задача заключалась в том, чтобы творить и созидать новое. Часто героя отличала воля к власти.

Известны и психологические объяснения героизму, согласно которым это «превращенная» форма фанатизма, психопатологические наклонности человека к самопожертвованию. Мотивы человека двинувшие его на героических поступок, могут быть для окружающих непонятны.

Героизм и человеколюбие - почти одно и то же. Но стоит чувству этому немного сбиться с пути, и любящий человечество герой превращается в свирепого безумца: освободитель и хранитель делается притеснителем и разрушителем [7].

Стать героем, а вместе и спасителем человечества можно героическим деянием, далеко выходящим за пределы обыденного долга. Эта служение общим масштабом в суждениях, критерием для жизненных оценок. Совершить такое деяние необыкновенно трудно, ибо требует побороть сильнейшие инстинкты привязанности к жизни и страха, и необыкновенно просто, ибо для этого требуется волевое усилие на короткий сравнительно период времени. Время предъявляет все новые требования к обществу, проверяя человека на жизнеспособность.

Именно таким видится истинный герой и его поступки. Великие люди, каким бы образом мы о них ни толковали, всегда составляют крайне полезное общество. Даже при самом поверхностном отношении, к великому человеку мы все-таки выигрываем от соприкосновения с ним [3].

Он - источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благодетельно и приятно.

Героизм - это доблесть, бесстрашие, стойкость, самопожертвование, проявляемое ради достижения высоких общественных и нравственных целей. Его источники различны: защита родины, верность гражданскому долгу, поиски правды, чувство любви, красоты и дружбы. Истинный героизм утверждает величие человека, его духовную силу и благородство.

Риск - один из самых бесценных компонентов героического поступка в структурной схеме понятия героизма. Герой всегда рискует, он вытесняет из своего сознания всё то, что мешает ему идти к цели. Если бы механизм вытеснения страха -осознанный и бессознательный - не работал, то у человека не было бы, возможности сосредоточится на достижении цели. Поскольку героическое означает повышенное осознание личностью своего призвания - не щадя сил, вплоть до самопожертвования участвовать в осуществлении общего дела, то - его можно назвать позицией, которая придаётся в любую эпоху. Героическое - это социально-нравственное поведение человека, выражающее его отношение к социальной действительности, поступки направлены на решение исключительной, по своим масштабам и трудностям задачи, самоотверженный труд направлен на постижение истины и достижение нравственного идеала.

Благородные цели, служение своему народу или избранной профессии, постоянный, непрерывный поиск истины, подвиг во имя свободы и жизни, во имя мира и справедливости на земле, - вот побудительные мотивы героического.

Обращаться к героизму в наши дни необычайно важно, особенно в процессе обучения и воспитания курсантов, военнослужащих, потому, что именно на данном направлении развития современная армия может гармонизировать свое оптимальное состояние, приобрести необходимую устойчивость и готовность к экстремальным ситуациям.

Литература

1. Бруно Дж., О героическом энтузиазме, пер. с итал., М., 1953; Яковенко В., Что такое истинный героизм?, "Мир божий", 1892, № 6;
2. Герцен А.И. Собр. соч. в 8-ми т. -М. 1975. Т.8 с. 115
3. Гусейнов А. А., Ирлитц Г. Краткая история этики. - М: Мысль, 1987
4. Писарев Д. И., Мыслящий пролетариат. Соч., т. 4, М., 1956, с. 7–49;
5. Рено. Героизм. Примеры героизма и нравственной энергии из истории всех времен и народов, пер. с франц., СПБ, 1896;
6. Шестаков В., Категория героизма в истории этики, "Вестник истории мировой культуры", № 2, 1960.
7. Шефтсбери А. Эстетические опыты. М., 1975.

РЕШЕТНЯК Н.А., член Союза журналистов России, Заслуженный работник печати Московской области, член общественного совета Химкинской городской библиотеки № 12 имени С.С. Каширской

СЛУЖЕНИЕ СЛОВОМ И СЛОВУ

***

Полвека живёт в подмосковных Химках А.А. Богданович – известный российский современный поэт, член Московского отделения Союза писателей России. Большой мастер поэтического слова – обладатель медали имени М.А. Шолохова «За гуманизм и служение России»; медали имени Н.А. Островского «За мужество, крепость духа и творческие успехи» и Диплома Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооружённых сил – МЕГАПИР); медали имени А.С. Пушкина «За верность слову и делу»; лауреат Первой национальной премии им. Е. Мухиной Паралимпийского комитета…

Третью, пушкинскую, медаль Анатолий Александрович получил уже в этом году в связи с 75-летним юбилеем и 50-летием поэтической деятельности.

Потомственного казака, чей прадед служил начальником штаба Кубанского казачьего войска, чей отец, казак, погиб в первый месяц Великой Отечественной войны, с юности влекла поэзия, хотя он пытался искать себя в других профессиях. Ориентиром стала служба в армии в Подмосковье, работа корреспондентом дивизионной газеты «Всегда начеку», затем окружной газеты «На боевом посту», редактором отдела поэзии издательства «Советская Россия».

Кроме отдельных восемнадцати изданий поэтических сборников, Анатолий Богданович выпустил трёхтомник Избранных произведений (в третьем, юбилейном для него томе, впервые даны прозаические произведения с «россыпью» интересных фотографий из семейного альбома).

Гражданская позиция автора, патриотизм, глубочайшая любовь к бескрайним степным просторам, уважение к людям ратного труда передаются читателю, не оставляют его равнодушным. Именно поэтому поэма «*Формула хлеба*» - о дважды Герое Социалистического Труда селекционере Павле Пантелеймоновиче Лукьяненко - всегда будет востребована современниками и переиздаваться, как и поэма «*Золотые цепи атамана»* - о последнем кошевом атамане Запорожской Сечи Петре Ивановиче Кальнишевском, как и «*Соты*» - свыше четырёхсот умнейших четверостиший, афористически, кратко, ёмко подающих авторскую мысль, которую грешно комментировать и продолжать дальнейшим стихосложением.

Примечательно, что одно из этих четверостиший было избрано Паралимпийским комитетом в 2010 году (Анатолий Богданович последнюю треть своей жизни вынужден в силу болезни, обратившей его в неподвижное состояние, пользоваться инвалидной коляской и полагаться на мужество и поддержку жены Нины Максимовны) для приветствия автором спортсменов перед соревнованиями в Москве:

Мишень какую б в жизни ни замыслил −
Нам право не дано на лишний выстрел.
Свой каждый день держите на прицеле −
В обойме семь патронов у недели.

Поэма *«Золотые цепи атамана»* воздаёт дань уважения и памяти кошевому атаману Запорожской Сечи Петру Ивановичу Кальнишевскому. О нём почти отсутствуют сведения, и лишь только на Соловках, последнем пристанище Кальнишевского, куда не имел физической возможности добраться поэт, кое-какие факты были почерпнуты. Национальный колорит, историческая связь украинцев и русских, общие усилия в борьбе с нашествиями турок, абреков, история Запорожской Сечи, ставшей после её разгрома прародительницей российскому казачеству на Кубани, за Уралом и так далее − всё это точными строками дано в поэме, написанной в 2008-2009 годы. Создать фактически «из ничего» туманную страницу истории - это ли не подвиг автора, его служение Словом и Слову, это ли не стремление обратить внимание читателя на наши корни, обогатиться историческими фактами и возгордиться своей родословной!

Ещё вчера абрека
Гнал по степи казак,
Спасая от набега
Рубеж. Курень. Казан.
И вот пора настала
Казачество обречь,
Сечи как не бывало,
Да и была ли Сечь?
Те за Днепром пропали,
Тех приняла Кубань…

И ещё существенная деталь. Анатолий Богданович первым в отечественной литературе написал в поэме образ – биографию недюжинного атамана Кальнишевского. В ноябре 2015 года Решением Украинской Православной Церкви Московского Патриархата Пётр Кальнишевский канонизирован. Митрополиту Киевскому и всея Украины Онуфрию пришлось преодолеть множество разногласий и убедительно доказать, что это русский святой, ибо раньше все славяне были православными. День памяти святого Петра Кальнишевского установлен 13 ноября.

За 85-летним атаманом последовали на Соловки три тысячи казаков, для коих он стал не только батькой, но и батюшкой, отправляя православную службу, утешая в минуты уныния:

– Зачем же не хочется жить?
Всё слышит Господь и накажет, –
Взял Библию, где серебром
Играли степные рассветы.
– Мы все, безусловно, помрём,
Но души-то наши бессмертны!
На пальцы свои посмотри,
Где каждый, что заповедь Божья.
Без устали благодари
За всё, в чём помог и поможет.

Анатолий Александрович не помнит своего отца, погибшего на фронте, так как родился спустя пять дней после начала Великой Отечественной… Но у него был замечательный отчим, по воинскому служению с семьёй базировавшийся по многим гарнизонам страны. С детства проникся Анатолий уважением к людям ратного подвига, гордостью и болью наполнены поэтические строки за их судьбы.

Десантник

Церковь белая, как свечка,
Купол пламенем горит.
Всё так близко. Всё так вечно.
И у входа инвалид.
Молодой и с виду крепкий,
Но в протезы прочно врос.
И мерцает в смятой кепке
Серебро солдатских слёз.
Из-под ворота рубашки,
Что нельзя не расстегнуть,
Потускневший клин тельняшки,
Будто вбит в худую грудь.
Жгут афганские тревоги,
Дыма крутятся столбы…
По небесной путь – дороге
Провожал он в ночь гробы.
Но однажды рухнул штабель,
Всё повергнув в темноту.
«Раздробило», – писарь в штабе
Под судьбой подвёл черту.
Приземлялись самолёты

И взлетали в свой черёд,
То с десантами пехоты,
То с гробами в небосвод.
Эти страшные посылки
Шли и летом, и зимой.
Он, простившись с другом в цинке,
На культях приполз домой.
Церковь белая, как свечка,
Купол пламенем горит.
Всё так близко. Всё так вечно.
И у входа инвалид.
Он стоит, собрав усилья,
А в глазах темно от гроз…
В кепку нищая Россия
Сыплет золото с берёз.

Эти строки были положены на музыку композитором лауреатом Всероссийского конкурса Б.М. Зиганшиным. Впервые восемь произведений этого песенного мастера (помимо названного, «Письмо», «Предзнаменование», «Покаяние любви», «Синева над землёй, синева», «Только Бог ещё, быть может, выше», «Осенний огонь», «О, моя доверчивая Родина» на тексты Богдановича) прозвучали на юбилейном музыкально-поэтическом вечере Анатолия Александровича в ноябре 2016-го. Что привлекло композитора, что почувствовал он в этих стихах, как сумел соединить в единой гармонии Слово и Музыку?

- Когда я чувствую поэта, его настроение, то, что заложено в стихах и воплощено его словом, это становится близко и мне, - говорит Борис Михайлович. - Не всякое стихотворение можно положить на музыку. Ведь оно, как правило, гораздо объёмнее, а песенный жанр подчиняется своим законам. Богданович - гибкий поэт, если нужно сократить какие-то строки не первостепенные, а, наоборот, усилить песню припевом, он охотно берётся за это и совместно с композитором преобразует текст.

Я обращаю внимание на духовную тематику, на военно-патриотическую. И в этом оказался близок мне Анатолий Александрович. В исполнении Заслуженного артиста России Василия Пьянова «Десантник» прозвучал так, что песню запомнили, и это творческая удача. Не секрет, что частенько даже в военкоматах инвалидам-афганцам, других горячих точек порой говорят на их обращения: «Я тебя туда не посылал»… Это стыдно произносить! Ведь солдат выполнял приказ!

Ещё такая черта. Художники, как правило, испытывают одиночество в своём профессиональном исканию, они ищут понимания. При всей помощи Нины Максимовны, Анатолий Александрович тоже одинок в творчестве, я это чувствую. Потому так сокровенно звучит его каждое слово, тем более оправдано его частое обращение к Богу. Мне тоже близка тема: человек – Бог. Я

надеюсь, что за этими восемью песнями на тексты Анатолия Богдановича последуют в нашем творческом содружестве и другие…

Преданность казачьим корням то и дело выплёскивает на большую высоту звучное Слово благодарности и благодати. Вот одно из последних стихотворений:

* * *

Оборвите телефоны –
Эта жизнь не для меня.
Закажу казачью форму,
Всё продам. Куплю коня.
По асфальтовой дороге
Рассыпая стук подков,
Еду я на зависть многим,
Как один из казаков.
Чуб, как дым из-под кубанки,
И на поясе кинжал…
И смолкают перебранки,
Где бы я ни проезжал.
Возле церкви на пригорке
Ветер травы клонит ниц,
И ломая хлеба корки,
Я кормлю небесных птиц.
Он явился ниоткуда –
На груди и крест, и свет:
«Нам без лошади так худо!
Кто б пожертвовал? Ан, нет…»
Конь щипал траву поодаль
И, мотая головой,
Не хотел, видать, чтоб отдал
Я его под кнут чужой.
И смотрел священник в небо
На сиянье куполов…
Раскошелиться тут мне бы,
Но ведь я из казаков.
След оставил дождь вчерашний
И ушёл за поворот…
Любовался я, как пашет
Конь церковный огород.

Служение Словом и Слову Анатолий Богданович совершает всю свою творческую жизнь. Его стихи не всегда радостно встречали в издательствах. Ещё шла работа по реабилитации имени теоретика космонавтики, когда-то механика элеватора в станице Крыловская на Кубани, Ю.В. Кондратюка (Шаргея), а поэтические строки уже называли учёного великим. И поэт твёрдо отстаивал

своё мнение, не переиначивая и не умаляя заслуг выдающегося человека. Прислушайтесь к Слову автора:

Зёрна

Кубань. Элеватор. Селяне.
У веялок пышут бока.
Как лунные горы, сияют
Пшеницы живой вороха.
Листвою растрёпанной слепо
Акация ловит лучи…
Над картою звёздного неба
Механик устало молчит.
Задумался снова о чём-то,
Забыв про шкивы и ремни.
Рисунки… Наброски… Расчёты…
Когда-то сгодятся они.
Литовками выпиты зори –
До самого неба страда!
И звёздная карта из зёрен,
И каждая манит звезда.
Снимает он возле майдана
Полхаты почти задарма,
Где в пыльной тиши чемодана
Ракетные дремлют грома.
Старуха корову подоит,
Вечерять его позовёт.
И всё мирозданье в ладони
Механик с собой унесёт.
Ничто безвозвратно не канет
Ни в Лету, ни в космоса тьму…
И памятник вырубит в камне
Потом Крыловская ему.
На стартовых точках рассветных,
Рванувшись вдогонку годам,
Фанерный, в наклейках конфетных,
Мы будем искать чемодан.
И станет мучительно зябко
При мысли – знавала о нём
Одна лишь российская бабка,
Что спит за железным плетнём.

Обратите внимание на образность речи. Ну, кто ещё так: «Станет мучительно зябко» или «Спит за железным плетнём»! Если восхититесь этим в присутствии поэта, глаза в глаза, они у него подёрнутся влагой.

Так же поступал он и в случае с несправедливой опалой Первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС С.Ф. Медунова, приглашая его к себе домой в гости, и не отказался от посвящённого ему стихотворения, которое сам гонимый называл «эликсиром в жизни». И так же упрямо и открыто обнародовал стихотворение в защиту русского слова:

Раздумья над «Родной речью»
На обложке – средняя Россия,
Рожь… Дорога… Сосны в вышине…
И над ними медленное, синее
Небо, что в полях сияло мне.
И душа, волнуясь, не привыкнет
К этой литографии никак.
Словно я Некрасова впервые
Прочитал в отрывочных стихах.
От макухи на страницах пятна.
И хотя учились мы с трудом,
Было всё нам близко и понятно
На великом языке родном.
Годы шли… С вооруженья сняли
Старые учебники давно.
Слово «рожь» сегодня поясняют,
Будто и не русское оно.
Мелкий шрифт. Обочина страницы.
Так выносят с поля сорняки.
Только рожь жива, и за станицей
Колоколят снова колоски.
Убегают дети спозаранок
В светлую родительскую степь.
Кто из них от пышного бурьяна
Отличить не может скромный хлеб?
Нет таких. И не было, наверно.
Этот сеял в поле, тот косил.
То, что булки не растут на ветках,
Я ещё до школы уяснил.
Рожь шумит. Цепляется за стремя
И пронзает синеву веков,
Тонкая, похожая на стрелы,
Коими разила Русь врагов.

Сколько уготовано ещё создать удивительных стихотворений страдающему физически, но мужественному жизнелюбу, борцу Анатолию Богдановичу, никто не знает. Одно ясно: его Служение Словом и Слову является редким феноменом в ряду нынешних поэтов, в том числе и песенников. И я до сих пор

удивляюсь, как в словарях значимое и замечательное понятие слова **«служение»** в первом значении отнесено к устаревшему, когда и во втором, высоком, значении оно современно и неизменно призывает трудиться во имя и во благо… И радостно слышать почти клятвенное из его строк обещание в служении Словом и Слову:

Я никогда не успокоюсь –
Мне вечно в рифмах штормовать.
Мне вечно плыть, искать свой голос
И никогда не унывать.
Пусть седина пылит мне волос,
Пусть чувства душу теребят…
Я никогда не успокоюсь,
И в том спокоен за себя.

АЛИЕВА С.Я., преподаватель кафедры психологии
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

СЛУЖЕНИЕ ДЕТЯМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В статье раскрываются результаты фундаментальных исследований о кризисном состоянии здоровья у представителей всех возрастных групп, особенно у детей. Наблюдается тенденция роста детей с ограниченными возможностями. Чтобы человек с ограниченными возможностями почувствовал себя полноценным членом общества необходимо создать условия для преодоления ограничений, возникших в его жизни, предоставить ему равные со здоровыми людьми возможности участия в жизни общества.

Ключевые слова: альтруизм, самопожертвенность, дети с ограниченными возможностями здоровья, психическое развитие, обучение, воспитание, коррекционно-развивающая работа.

Когда человек протягивает руку, чтобы помочь другому,
он прикасается к лику Божества.
Уолт Уитмен

***

Значение и смысл слова «служение» рассматривается в нескольких толковых словарях русского языка. Например, в словаре С.И. Ожегова и В.И. Даля, слово «служить» обозначает направлять свою деятельность на пользу своему народу, быть надобным, выполнять своё назначение. Служить на благо другим людям очень созвучно с понятием «альтруизм», - которое определяется как - понятие, которым осмысливается активность, связанная с бескорыстной заботой о благополучии других; соотносится с понятием самопожертвенность - то есть принесение в жертву своих личностных выгод в пользу общего блага.

Здоровье населения России находится в критическом состоянии. Результаты фундаментальных исследований свидетельствуют о кризисном состоянии здоровья у представителей всех возрастных групп, особенно у детей. В России, как и во всем мире, наблюдается тенденция роста детей с ограниченными возможностями. С конца XX столетия частота детской инвалидности в нашей стране увеличилась в 2 раза и по разным данным составляет от 6 до 9%. При сохранении этой тенденции прогноз будущего для населения нашей страны крайне пессимистичен. Для того, чтобы человек с ограниченными возможно-

стями почувствовал себя полноценным членом общества необходимо создать условия для преодоления ограничений, возникших в его жизни, предоставить ему равные со здоровыми людьми возможности участия в жизни общества [6].

Если общество оставляет инвалида вне своего внимания и заботы, то он целиком попадает во власть физических недугов, они определяют его характер, его отношения с людьми, собственное семейное положение, уровень его образования, карьеру. Вообще весь жизненный путь и даже длину этого пути. Если же социум берет человека под свою опеку, то влияние инвалидности отступает на второй или даже третий план.

Значительная часть детей с отклонениями в развитии, несмотря на усилия, принимаемые обществом с целью их обучения и воспитания, став взрослыми, оказывается неподготовленной к интеграции в социально-экономическую жизнь. Вместе с тем, результаты исследований и практика свидетельствуют о том, что любой человек, имеющий дефект развития, может при соответствующих условиях стать полноценной личностью, развиваться духовно, обеспечивать себя в материальном отношении и быть полезным обществу.

Дети с ограниченными возможностями здоровья - это дети, состояние здоровья которых препятствует освоению образовательных программ вне специальных условий обучения и воспитания [4].

Современный взгляд на процесс развития психики сложился в трудах отечественных психологов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева. Опираясь на теоретические и экспериментальные исследования, они установили, что психика человека, в отличие от индивидуального развития психики животного в онтогенезе, имеет свои специфические особенности и условия развития. В процессе развития психики животного основное значение имеет проявление двух форм опыта: видового - передаваемого генетически и индивидуального - приобретаемого на основе научения. В развитии психики ребенка, наряду с названными видами опыта, возникает и начинает играть ведущую роль особая форма опыта - социальный опыт, воплощенный в продуктах материального и духовного производства, который усваивается ребенком на протяжении всего детства [5].

Понятие «дети с ограниченными возможностями» охватывает категорию лиц, жизнедеятельность которых характеризуется какими-либо ограничениями или отсутствием способности осуществлять деятельность способом или в рамках, считающихся нормальными для человека данного возраста. Это понятие характеризуется чрезмерностью или недостаточностью по сравнению с обычным в поведении или деятельности, может быть временным или постоянным, а также прогрессирующим и регрессивным [8].

По мнению Т.В. Егоровой дети с ограниченными возможностями здоровья - это дети, состояние здоровья которых препятствует освоению образовательных программ вне специальных условий обучения и воспитания [7].

Таким образом, в качестве универсального, собирательного, применяемого в широком смысле термина, обозначающего недостаток физической или психической сферы человека. Понятие ограничения рассматривается с разных

точек зрения и соответственно по-разному обозначается в разных профессиональных сферах, имеющих отношение к человеку с нарушенным развитием: в медицине, социологии, сфере социального права, педагогике, психологии. В соответствии с этим, понятие «дети с ограниченными возможностями» позволяет рассматривать данную категорию лиц как имеющих функциональные ограничения, неспособных к какой-либо деятельности в результате заболевания, отклонений или недостатков развития, нетипичного состояния здоровья, вследствие неадаптированности внешней среды к основным нуждам индивида, из-за негативных стереотипов, предрассудков, выделяющих нетипичных людей в социокультурной системе [3].

Одной из важнейших задач обучения и воспитания детей с ОВЗ является помощь психологическому и социальному развитию детей, и в первую очередь формирование у них образцов позитивного социального поведения, ознакомление с культурой поведения в обществе, обучение навыкам повседневной деятельности. Каждый ребенок с нарушениями в развитии уникален как по своему состоянию, так и по темпу развития, поэтому ранняя коррекционная помощь является средством формирования тех навыков и умений, которые ребенок готов воспринять в данное время, и должна быть по возможности максимально индивидуализирована. При этом следует обеспечить максимальные возможности для его развития. Требуется целенаправленная, кропотливая и терпеливая работа. Педагоги должны иметь четкое представление о том, как и чему его учить, как относиться к его поведению и трудностям во время занятий, как учитывать его возможности, сглаживать особенности его состояния, вызванные болезнью и т.д. [5].

Цели, которые стоят перед специальным учреждением, - включение детей дошкольного возраста с тяжелыми нарушениями развития в специально организованную образовательно-развивающую среду, организация своевременного квалифицированного обучения детей, учитывающего их психофизические и возрастные особенности и направленного на предупреждение и преодоление дефектов развития [4].

При проведении коррекционно-развивающей работы необходимо учитывать различия между детьми по уровню личностного и речевого развития. Различна обучаемость этих детей - от почти полного ее отсутствия до возможности значительного продвижения, позволяющего ставить вопрос об изменении диагноза.

При изучении маленького ребенка с тяжелым нарушением развития необходимо обратить внимание на следующие стороны его состояния:

— сохранность эмоциональной сферы;

— правильность восприятия интонаций речи взрослого и дифференцирование близких;

— поведение, контакт с окружающими, способы общения (речь, жесты);

— состояние двигательной сферы;

— игру;

— возможность включения в целенаправленную деятельность и уровень развития разных видов деятельности (предметной, изобразительной, конструктивной и др.);

— состояние речи:

а) понимание обращенной речи;

б) понимание и выполнение ряда несложных инструкций;

в) активная речь (содержание, произношение);

—уровень представлений ребенка о себе и об окружающем мире;

— владение, хотя бы частичное, навыками самообслуживания, опрятности;

— состояние пространственных и временных ориентировок.

В дальнейшем эти сведения пополняются наблюдениями за состоянием внимания, работоспособностью и истощаемостью ребенка, его памятью, свойствами его характера и интересами [2].

Вся развивающая работа с ребенком, наблюдения и изучение его в повседневной жизни и на организованных занятиях дают возможность сделать обоснованные выводы о степени его обучаемости и о дальнейших перспективах, формах и методах работы с ним [1].

В дошкольном возрасте у ребенка в норме ведущей деятельностью является игра. Но у детей с тяжелой умственной отсталостью она не может развиваться в этом возрасте, если своевременно у них не была сформирована предметная деятельность. У таких детей главными коррекционно-воспитательными задачами становятся в это время формирование предметной деятельности, формирование предпосылок к игре и целенаправленное обучение предметно-игровым действиям.

Деятельность педагогов, по развитию предметных действий в осуществляется на занятиях по привитию санитарно-гигиенических навыков и самообслуживания, на которых детей учат одеваться, умываться, есть и т.д., на занятиях по развитию движений, где используются мячи, воздушные шары, обручи, флажки и т.д., на занятиях рисованием в действиях с мелом, краской, карандашом, бумагой [2].

Специальная работа по развитию предметных действий проводится на занятиях предметно-практической деятельностью по программе, в которой предусмотрено выполнение постепенно усложняющихся заданий с использованием разнообразных предметов, игрушек.

Формирование игровых возможностей детей осуществляется на специальных занятиях по обучению игре, используются также игровые моменты на всех других занятиях: по ознакомлению с окружающим миром, развитию речи, развитию движений на музыкально-ритмических занятиях.

Важнейшее значение в работе с аномальными дошкольниками имеет также организация общения детей со взрослым. Значительное снижение адаптационных возможностей умственно отсталых детей, несформированность их эмоционально-волевой сферы делает необходимым проведение такой работы [6].

Все психическое развитие ребенка - это процесс усвоения им социального опыта, который он может получить только во взаимодействии со взрослым человеком. Стремление к контакту со взрослым, желание подражать ему, обратиться за помощью присуще нормально развивающемуся ребенку. У детей с тяжелыми нарушениями интеллекта в силу несформированности познавательного интереса такое стремление неразвито, что резко затрудняет возможности направленной работы с ним. Начальный, чрезвычайно важный аспект работы с этими детьми - побуждение их к общению со взрослыми (педагогом, воспитателем, родителями), формирование положительного эмоционального отношения ко взрослым, стремление к контакту с ними [4].

Важно, чтобы общение со взрослым приносило ребенку радость, было приятно ему, вызывало положительные эмоции, педагогу же следует даже самый незначительный успех отмечать похвалой. Работа по развитию способности к общению со взрослым должна осуществляться в обыденной обстановке, на протяжении всего дня, эту работу рекомендуется проводить также и в специально организованных ситуациях. Побуждать детей к контакту со взрослым надо ласково, поощряя, одобряя ребенка, легонько прикасаясь к нему, обнимая.

Организация общения со взрослым не является отдельным разделом обучения. Оно происходит в повседневной жизни детей, в учреждении и в семье. Вместе с тем независимо от особенностей и возможностей ребенка в специальном учреждении воспитатель должен находить время для индивидуальной работы по установлению эмоционального контакта с ним.

Основным показателем способности детей к обучению является возможность включения их в какую-либо целенаправленную деятельность. Уровень сформированности целенаправленной деятельности служит интегративным показателем психического развития ребенка [5].

Обучение и развитие детей ведется на протяжении всего времени бодрствования: в процессе выполнения режимных моментов, в различного рода играх и на специальных занятиях [2].

Внимание педагогов в первую очередь должно быть обращено на организацию быта детей, соблюдение охранительного режима, сохранение спокойного, доброжелательного тона, максимальной внимательности к каждому ребенку, использование любой ситуации для общения с ребенком и оказания ему помощи. Воспитатель, проводя все режимные моменты с детьми, прививая им санитарно-гигиенические навыки, организуя игры детей, их досуг, кроме того, проводит занятия по расписанию, закрепляет материал, который дают педагог-дефектолог, логопед [6].

Эти специалисты проводят занятия с детьми по подгруппам и индивидуально.

Успех воспитательного процесса зависит не только от занятий, на которых применяются специальные методы, но и от умелого построения дня, от рационального сочетания различных видов занятий.

Дошкольники с тяжелой умственной отсталостью по своим психофизическим возможностям не могут долго заниматься одним и тем же видом деятель-

ности. Однако режимные моменты, свободные (организуемые) игры, занятия, прогулки в течение дня воспитатель использует для непрерывного воспитания и обучения детей.

В каждую конкретную деятельность (игру, лепку, рисование и др.) ребенок с выраженной умственной отсталостью должен включаться не под давлением педагога, а только по желанию ему подражать, под воздействием собственных импульсов к деятельности.

Очень часто негативизм ребенка объясняется его неготовностью принять задачи взрослого. Воспитательный процесс должен быть построен так, чтобы, с одной стороны, ребенок свободно действовал по своему желанию, с другой - чтобы педагог мог умело направлять эти желания и включать детей в организованную им деятельность.

Занятия в дошкольной группе проводятся в утренние и вечерние часы. Особенно эффективно должно использоваться время между завтраком и обедом, до прогулки [7].

В первой половине дня целесообразно выстроить такой порядок занятий: игры в игровом уголке с обязательным участием взрослого; ритмические занятия, сочетающиеся с речевой работой; работа за столом — занятия различными видами ручной продуктивной деятельности; подвижная игра или хоровод с песней; рассказывание сказки. Таким образом, все время от завтрака до прогулки посвящено организованным занятиям, переходящим одно в другое. Время, которое выделяет педагог на ту или иную часть занятия, определяется им самостоятельно, в зависимости от возможностей детей, и организуется им в соответствии с программой и возможностями детей.

После дневного сна планируется проведение игр, занятий по формированию навыков самообслуживания, досуговых мероприятий (показ кукольного театра, пение и танцы с воспитателем и др.).

У детей с тяжелыми нарушениями развития почти отсутствуют активность, интерес и внимание к окружающему. Следствием этого является и отсутствие таких необходимых условий для обучения, как положительное отношение к заданию, принятие задачи.

У детей с тяжелым нарушением интеллекта основные трудности при решении умственных задач заключаются в том, что они не могут правильно организовать свои действия, т.е. последовательно переходить от действия к действию, осуществляя связь между ними [3].

Очевидно, что на игровом, наглядном материале можно научить этому успешнее, чем на отвлеченном. Например, собирая многосоставную матрешку, подбирая последовательно ее части и вкладывая их одна в другую, дети руководствуются их величиной, что тоже требует умения последовательно переходить от действия к действию, устанавливая связь между ними. В этой деятельности ее результат виден и понятен ребенку (матрешка не может быть собрана, если части подобраны неправильно или вкладывались не в том порядке) [5].

Таким образом, содержание коррекционно-развивающей работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья развития должно быть построено

так, чтобы обеспечивать в каждый возрастной период выполнение, как общеобразовательных, так и специфических коррекционных задач. Необходимо включение детей раннего и дошкольного возраста с тяжелыми нарушениями развития в специально организованную образовательно-развивающую среду, с учетом их психофизических и возрастных особенностей, направленную на предупреждение и преодоление дефектов развития.

Литература

1. Бондаренко, Б.С. Комплексная реабилитация детей с ограниченными возможностями вследствие заболевания нервной системы: методические рекомендации. – М.: Владос, 2009.
2. Лебединская, К.С. Задержка психического развития. – М.: Педагогика. – 2007.
3. Лебединский, В.В. Нарушение психического развития. – М.: Педагогика. – 2004.
4. Маллер, А.Р. Воспитание и обучение детей с тяжелой интеллектуальной недостаточностью. – М.: Издательский центр «Академии», 2010.
5. Назарова, Н.М. Специальная педагогика. – М.: Академия, 2010.
6. Рубинштейн, С. Я. Психология умственно отсталого школьника: Учеб. пособие для студентов – М.: Просвещение, 1986.
7. Шипицына, Л.М. Психологическая диагностика отклонений развития детей младшего школьного возраста. – М.: ВЛАДОС, 2008.

ШУМАКОВ С.Б.,
ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ И ИХ ГОТОВНОСТИ К СЛУЖЕНИЮ ОТЕЧЕСТВУ

***

Современное российское общество характеризуется существенными и неоднозначными преобразованиями во всех сферах его жизни. В настоящих условиях развития Российской Федерации и её Вооружённых Сил, в области высшего военно-профессионального образования, особенно остро стоят проблемы личностного развития и профессионального обучения курсантов, в том числе развития лидерских качеств выпускников военных вузов и их готовности к служебной деятельности в войсках, к эффективному служению Отечеству [1; 2; 8; 10 и др.].

За этим стоит осознание того факта, что эффективное управление воинским коллективом предполагает глубокое знание и учет социально-психологических основ воинской деятельности, тех межличностных отношений, которые формируются между членами коллектива, факторов, из которых складывается его психологический климат.

Современной системе профессионального военного образования России нужны новые психолого-педагогические подходы к процессу формирования лидерских качеств у выпускников-офицеров, отвечающие результатам образовательной деятельности военных вузов и требованиям войсковой практики.

Вместе с тем, инновационные процессы в ВВШ базируются на разработанной в психолого-педагогической науке теории личности как субъекта творческой деятельности, индивидуальности и ее развития в деятельности (А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.А. Сластенин, С.Л. Рубинштейн и др.); теории учебной и профессиональной деятельности (П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, Т.В. Кудрявцев, А.Н. Леонтьев и др.).

При проведении научного исследования по данной проблематике используется широкий спектр методов и методик, в числе которых: социометрические методы; наблюдение, опрос, анкетирование и тестирование (модифицированная методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; тест-опросник Р.С. Немова «Организаторские способности лидера»; тест А.В. Батаршева «Ваша коммуникабельность»; ориентационная анкета Б. Басса «Определение направленности

личности»; опросник В.К. Гербачевского «Уровень притязаний личности») и др. [1 и др.].

Изучение научной литературы показывает, что необходимость создания в системе высшего военного образования психолого-педагогических условий для формирования лидерских качеств курсантов предполагает уточнение научно обоснованных рекомендаций по осуществлению этого процесса на основе создания личностно-ориентированной образовательной среды и реализации в военных вузах компетентностного подхода [2; 4 и др.].

В первую очередь речь идёт о повышении в воспитании у будущих офицеров лидерских качеств роли курсантских коллективов и формировании готовности выпускников военных вузов к профессиональной деятельности военных руководителей и воспитателей, осуществляющих миссию служения Отечеству.

Необходимо подчеркнуть, что история нашей страны знает немало поистине великих личностей, чьи деяния, в известной мере, изменяли облик современной им эпохи. К их числу относятся и великие полководцы, обладающие полководческим и организаторским талантом, достигшие впечатляющих успехов как лидеры своей эпохи.

Из таблицы 1 видно, что основными лидерскими качествами военачальников, являлись: стратегический ум, смелость, сила воли, решительность, храбрость, мужество, способность в критических ситуациях сохранять спокойствие и невозмутимость, умелое построение отношений с вверенными им людьми. Анализ качеств личности великих лидеров-военачальников показывает, что они практически служат хорошим примером для будущих их последователей и важны для системы высшего профессионального образования в плане развития лидерства в современной высшей военной школе.

Следует отметить, что лидерство как феномен нуждается в концептуальном анализе, что обоснованно предполагает углубленное изучение этого явления с позиций психологии и педагогики.

Поскольку в организации складываются формальные и неформальные отношения, правомерно говорить о двух типах лидеров: формальном и неформальном. Формальный лидер – руководитель (командир, начальник). Его роль заранее определена функциональными обязанностями и должностными полномочиями.

В системе неформальных отношений стихийно выделяется неформальный руководитель, обычно называемый лидером. И как бы кто-либо ни стремился стать лидером, он никогда им не станет, если окружающие не будут воспринимать его как лидера (М.В. Удальцова и др.).

Лидерские качества военачальников (полководцев), описанные в исследованиях А.В. Шишова, Н.А. Зеньковича [1 и др.] представлена в таблице 1.

В системе неформальных отношений стихийно выделяется неформальный руководитель, обычно называемый лидером. И как бы кто-либо ни стремился стать лидером, он никогда им не станет, если окружающие не будут воспринимать его как лидера (М.В. Удальцова и др.).

Таблица 1. Лидерские качества военачальников (полководцев)

Военачальники	Проявленные лидерские качества
Суворов Александр Васильевич	С молодых лет проявлял командирские способности и умение вести за собой людей в бой, способность действовать личным примером, решительность, гибкость, проницательность, основательность, быстроту принятия решений
Кутузов Михаил Илларионович	Храбрый, энергичный, инициативный офицер. Большая сила воли, полководческая мудрость. Терпение и оптимизм в воспитании кадетов. Обладал тонким умом, умел сохранять спокойствие в самых критических минутах сражений. Как великий стратег умел терпеливо ждать изменения обстановки и использовать фактор времени и ошибки противника
Барклай де-Толли Михаил Богданович	Отличная самостоятельность при принятии решений, предусмотрительность и осторожность, настойчивость в достижении поставленной цели. В больших сражениях всегда сохранял спокойствие и невозмутимость, не терял самообладания в критические минуты боя
Багратион Петр Иванович	Современников поражала неустрашимость генерала и решительность в критические минуты боя, завидная стойкость и решительность при отражении натиска вражеских войск. Равнодушие к опасности, основательность в трудах. Храбрость и твердость. Военный педагог и воспитатель подчиненных
Ермолов Алексей Петрович	Храбрость и умение в критические моменты брать на себя всю ответственность за исход боя. Отличался не только решительностью, смелостью, но и прозорливостью, независимым характером и большой властностью
Скобелев Михаил Дмитриевич	Обратил на себя внимание незаурядными способностями, прежде всего умением командовать людьми. Храбрость и личное мужество. Смелость и решительность в действиях. Обладал редкой способностью вести за собой войска на ратный подвиг
Брусилов Алексей Алексеевич	Проявлял разумную инициативу в сражениях. Заботился о том, чтобы подчиненные ему офицеры имели возможность проявлять собственную инициативу на поле боя, могли принимать самостоятельные решения по мере изменения обстановки, тем самым развивал ответственность каждого командира за исход боя
Жуков Георгий Константинович	Обладал природным дарованием управлять людьми. В военных операциях проявлял умелое руководство и мужество, вместе с тем, отличался способностью, верно оценивать самую сложную стратегическую обстановку. Большой силой воли и твердостью характера, высоко развитым чувством ответственности, даром предвидения в развитии крупномасштабных боевых событий и аналитическим умом, позволявшим верно и в краткий срок оценивать обстановку любой сложности, принимать смелые, неожиданные для врага решения.
Рокоссовский Константин Константинович	Показал себя отважным и умелым командиром. Отличался активностью и коммуникабельностью, скромностью, чувством справедливости, смелостью, отвагой, романтизмом, великодушием и чувством чести в отношении побежденных.

Руководитель назначается на свою должность независимо от того, считают ли его подчиненные достойным этой роли или нет. Следовательно, феномен руководства есть социальный феномен, а феномен лидерства – социально-психологический. Несмотря на различие понятий «руководитель» и «лидер»,

большинство исследователей по проблемам управления идут в контексте общих теорий лидерства, где под лидером и руководителем понимается человек, оказывающий влияние на группу, причем лидер - в системе неформальных отношений, а руководитель - в системе формальных отношений.

Люди, входящие в группу, не могут находиться в ней в одинаковых позициях по отношению к тому, чем занята группа (к целям ее деятельности), и друг к другу. Каждый член группы в соответствии со своими деловыми и личностными качествами, своим статусом, т.е. закрепленными за ним правами и обязанностями, престижем, который отражает меру его заслуг и вклада в общее дело, имеет определенное место в системе групповой организации. С этой точки зрения групповая структура представляет собой своеобразную иерархию престижа и статуса членов группы. Вершину этой иерархической лестницы занимает лидер группы, приобретающий право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие интересы всех членов группы. Обычно подчеркивается, что лидер может быть, а может и не быть официальным руководителем группы и что оптимальным является случай совпадения лидера и руководителя в одном лице. Если же такого совпадения нет, то эффективность деятельности группы зависит от того, как сложатся отношения между официальным руководителем и неофициальным лидером или лидерами.

В социально-психологическом смысле лидерство и руководство - это механизмы групповой интеграции, объединяющие действия группы вокруг индивида, выполняющего функцию лидера или руководителя. Между этими феноменами много общего, так как они:

— являются средством координации, упорядочения отношений внутри организации, средством управления ими;

— реализуют процессы социального влияния в коллективе;

— обоим феноменам присуща известная субординация отношений.

Вслед за С.А. Багрецовым, мы считаем, что лидерство - это степень ведущего влияния личности члена группы на группу в целом в направлении оптимизации решения общегрупповой задачи; лидер - это член группы, за которым все остальные члены признают право принимать наиболее ответственные решения, затрагивающие интересы всей группы и определяющие направленность ее деятельности.

Существуют принципиальные различия между руководителем и лидером. Руководитель - это лицо, на которое официально возложены функции управления коллективом и организации его деятельности. Руководитель несет юридическую ответственность за функционирование группы (коллектива), располагает строго определенными возможностями санкционирования - наказания и поощрения членов в целях воздействия на их активность. Лидер - авторитетный член группы, личностное влияние которого позволяет ему играть главную роль в социальных процессах, ситуациях. Авторитет и повседневное влияние лидера имеют неформальный характер, складываются стихийно и поддерживаются неофициальными средствами группового контроля перед выдвинувшей его груп-

пой. Существующие различия не позволяют отождествление данных понятий. Это отождествление будет методологически неправомерно.

Вместе с тем, феномены лидерства и руководства близки по своей психолого-педагогической сущности, но они не совпадают полностью. Будущие офицеры должны понимать, что сходство вышеперечисленных функций часто приводит к тому, что лидерство способно переходить в руководство, а руководитель - становится лидером (формальным и неформальным), что значительно повышает эффективность руководства в целом. Следовательно, в идеале каждый руководитель (командир, начальник) воинского коллектива должен к этому стремиться и готовиться к достижению данной цели начиная с курсантской скамьи.

Лидером на практике становится тот, кто не только имеет, что дать группе, но и хочет и умеет это сделать и принимается групповым мнением. Курсант-лидер в учебной группе военного вуза - это человек, который, находясь среди равных по возрасту, не боится осуждения своих действий. Лидер, как правило, является центром коммуникации, он осуществляет прием и передачу информации.

В этом плане лидерство следует понимать и как функцию ситуации, а саму ситуацию - как сумму психологических состояний членов группы в их взаимодействии. Важным элементом лидерства в группе (коллективе) является множественность выполняемых лидерских функций (интеллектуальное, эмоциональное и практическое лидерство) [1; 2; 3; 6; 7; 8; 11 и др.].

Поэтому структуру лидерских качеств, следует рассматривать в динамике, с точки зрения анализа социально-динамического развития поведения курсанта как будущего военного специалиста, воспитателя и руководителя коллектива.

Выпускник военного вуза должен быть готов установить контакт и полное взаимопонимание с подчиненными, позитивные межличностные отношения, организовать взаимодействие и сплотить подчиненный ему коллектив, добиться авторитета и уважения для того, чтобы в экстремальных и повседневных ситуациях под его руководством были выполнены учебно-боевые задачи.

При опросе, среди главных качеств настоящего лидера, сами курсанты отмечают ответственность и умение управлять, а также справедливость и ум. При опросе, среди главных качеств настоящего лидера, сами курсанты отмечают ответственность и умение управлять, а также справедливость и ум.

Как показывают исследования, основным объективным фактором, обусловливающим проявление лидерских качеств, значимых для профессиональной деятельности будущего специалиста и военного профессионала, является активность участия личности в важных ситуациях жизнедеятельности коллектива.

Терминологические уточнения понятий «руководитель» и «лидер» (по Б.Д. Парыгину) представлены в таблице 2.

Таблица 2. Терминологические уточнения понятий «руководитель» и «лидер» (по Б.Д. Парыгину)

Руководитель	**Лидер**
Назначается официально. Руководство - процесс целенаправленный и запланированный, независимый от групповых настроений, групповой динамики. Реализуется на уровне формальных отношений. Осуществляется под контролем различных элементов социальной структуры. Более стабильное явление, нежели лидерство	Выдвигается неофициально, стихийно. Никто не может гарантировать запланированное лидерство, потому что многие условия его возникновения зависят от групповых процессов, которые не всегда предсказуемы. Лидерство является стихийным процессом.
Обязан обеспечить определенный уровень отношений своей группы в микроструктуре организации, т.е. вне группы.	Регулирует межличностные отношения. Связан только с внутригрупповыми отношениями.
Права и полномочия определены законом. В процессе влияния на подчиненных имеет значительно больше санкций. Он может использовать формальные (положительные и отрицательные) и неформальные (положительные и отрицательные) санкции	Не обладает системой установленных законом санкций, используя которые, он мог бы воздействовать на ведомых. Имеет возможность использовать только неформальные санкции
Входит в макросреду, представляя группу и решая вопросы во внешней организации, на более высоком уровне социальных отношений. Сфера деятельности шире.	Является представителем своей группы, ее членом. Он ограничен в сфере своей деятельности рамками внутригрупповых отношений. Выступает как элемент микросреды
Несет ответственность перед законом за состояние дел в группе и результаты ее деятельности	Никакой персональной ответственности перед законом за плохую работу группы или за то, что в ней происходит, не несет
Для реализации управленческой функции использует большой объем информации как внешней, так и внутренней. Принятие решений осуществляется опосредовано	Владеет только той информацией, которая существует в рамках данной группы. Принятие решений осуществляется непосредственно
Выступает посредником социального контроля и административной власти	Добровольно принимает на себя значительную часть ответственности
Может обладать авторитетом, а может и не иметь его совсем	Всегда авторитетен, в противном случае он не будет лидером.

Как показывают исследования, основным объективным фактором, обусловливающим проявление лидерских качеств, значимых для профессиональной деятельности будущего специалиста и военного профессионала, является активность участия личности в важных ситуациях жизнедеятельности коллектива.

Б.Г. Бадмаев, В.Г. Звягинцев и другие учёные в своих исследованиях подчеркнули ряд важных положений [1; 2; 10; 11 и др.]:

— офицеру, для того, чтобы быть лидером коллектива, необходимо иметь разнообразные деловые и моральные качества: безукоризненное знание военного дела, трудолюбие и распорядительность, преданность и любовь к военному делу, четкость и нетерпимость к показухе, последовательную требовательность

к себе и другим, умение доверять подчиненным и признавать собственные ошибки, заботиться о подчиненных;

— желание быть лидером должно быть подкреплено саморазвитием личностных качеств в процессе выполнения воинской деятельности, где устойчивая мотивация выступает одним из условий проявления лидерства в системе взаимодействия лидера с армейским коллективом;

— качества лидера - дисциплинированность, принципиальность, решительность, инициативность, способность переносить длительные моральные нагрузки, чувство юмора, нравственная чистота.

Качества современного курсанта военного вуза, как лидера, учёные объединяют в 4 основные группы:

— общепрофессиональные качества: высокая теоретическая и практическая подготовка, системное видение профессиональных проблем, способность к профессиональной адаптации, способность к прогностической деятельности, способность выполнять функциональные обязанности; владение методами управления коллективом, умение видеть ключевую задачу, умение распределять работу в коллективе;

— качества творческой деятельности: широкий общий кругозор, творческое отношение к работе, владение методами творчества, педагогическое мастерство, высокая методическая подготовка.

— социально-психологические качества: умение организовать продуктивные личностные контакты, внутри коллективное общение, умение учитывать индивидуальные особенности подчиненных, требовательность к подчиненным, умение разбираться в людях, способность привлекать к себе людей, внушать доверие, способность оказывать воспитательное воздействие на подчиненных личным примером, способность задавать бодрый, деловой тон в работе, умение убеждать других, уравновешенность, склонность к изучению людей, интерес к их нуждам;

— социально-коммуникативные качества: умение отстаивать интересы своего коллектива, умение организовать контроль и стимулировать других членов группы, общительность, легкость вступления в контакты с людьми, психологический такт, ответственность, обязательность, честность и порядочность, нормальная эмоционально-психологическая возбудимость, правильность артикуляции, хорошая постановка голоса.

Таким образом, процесс становления лидерских качеств выпускника военного вуза представляет собой развивающийся в разных видах деятельности комплекс мировоззренческих, нравственных, профессиональных и педагогических качеств будущего военного руководителя. Следовательно, существует тесная взаимосвязь развития лидерских качеств выпускников военных вузов и их готовности к служению Отечеству.

Литература

1. Анцупов А. Я., Помогайбин В. Н., Пошивалкин О. А. Методология и теория военно-психологических исследований: Учебное пособие. М.: ВУ, 2000.
2. Бархаев Б. П., Караяни А. Г., Перевалов В. Ф., Сыромятников И. В. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера: Учебное пособие. М., 2006.
3. Военная психология и педагогика: Учеб. пособие / Авт. кол. А. Я. Анцупов, В. Н. Бондаренко, В.И.Буянов и др.; Под общ. ред. В. Ф. Кулакова; М-во обороны РФ, Гл. упр. воспитат. работы Вооруж. Сил РФ .— М. : Совершенство, 1998.
4. Кандыбович Л.А., Кандыбович С.Л., Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Военно-психологический словарь-справочник М.: Военный университет, 2010. 409 с.
5. Караяни А. Г. Прикладная военная психология : учебно-методическое пособие : [учебное пособие для курсантов и слуш. высш. воен.-учеб. заведений] / А. Г. Караяни, И. В. Сыромятников .— СПб. [и др.] : Питер, 2006.
6. Караяни А.Г. Военная психология. В 2-х кн. М., Юрайт, 2016.
7. Кричевский Р. Л. , Дубовская Е. М. Психология малой группы. -М: Аспект Пресс, 2009.
8. Кузьмина Е.И., Ионкин В.Б. Психология военного управления: Учебное пособие. М.: ВУ, 2009.
9. Парыгин Б.Д. Социальная психология. Истоки и перспективы – СПб.: СПбГУП, 2010.
10. Теория и практика воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации: Учебное пособие / Под общ.ред. И.А. Алёхина – М.: ВУ, 2005
11. Утлик Э.П. Личность в общей и военной психологии. –М.: ВУ, 2005

ХРАМЦОВ М.Н.,
ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ

ОФИЦЕРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В статье раскрывается офицерское служение как феномен в социальной психологии, возникающий внутри офицерского коллектива. Подчеркивается – что социально-психологические явления массового характера, возникающие в коллективе, являются субъективным фактором служения офицерского корпуса. На основе анализа документов и литературы по рассматриваемой проблеме, автором выделяются основные черты офицерского коллектива как социальной группы. Обосновывается взаимосвязь офицерского служения и эффективности процессов всех сторон внутриколлективного общения.

Ключевые слова: Офицерское служение сегодня; коллектив; воинский коллектив; офицерский коллектив; психодинамика коллектива; коммуникативная, интерактивная, перцептивная стороны общения.

***

В решении задач поддержания на высоком уровне обороноспособности Российской Федерации и боеготовности ее Вооруженных Сил, важная роль принадлежит офицерскому составу. Его служение Отечеству проявляется в том, что он является носителем военных знаний, морального духа и боевых традиций, офицерский коллектив выступает определяющим фактором обучения и воспитания военнослужащих в войсковых частях. Офицерский корпус с его традицией служения был и остается душой армии, был ядром военной организации, главной государственно-охранительной силой. Как показал опыт применения Вооружённых Сил Российской Федерации в ходе военной операции в Сирии [8, с. 159], современные условиях ведения боевых действий, предъявляют повышенные требования к морально-психологическому состоянию, прежде всего офицеров.

Особенно отчетливо офицерское служение как социально-психологический феномен, проявляется в воинском коллективе. Требования к офицерским коллективам и каждой личности в них сформулированы в целом ряде законодательных и других документах, начиная с Военной доктрины и включая другие подзаконные акты. При этом основополагающей особенностью

офицера как органа управления, является тот факт, что он в мирное время и на войне, является как субъектом, так и объектом воспитания.

С офицерами, субъектам работы с личным составом, предписано основные усилия сосредоточить на формировании и развитии: чувства офицерского (воинского) долга, чести, гордости за профессию офицера и службу в Вооруженных Силах, мотивации к повышению профессионального мастерства и самосовершенствованию; личной ответственности за выполнение требований законодательства Российской Федерации и общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации [1, с. 6].

Офицера должно отличать развитое чувство патриотизма верность воинской присяге, готовность мужественно и профессионально исполнять свой воинский долг. Он должен обладать психологической устойчивостью, способностью к волевой саморегуляции поведения в критических стрессовых ситуациях. Современный офицер должен является профессионалом, обладать коммуникативной компетентностью, обладать готовностью к управленческой деятельностью [7, с. 69-80]**.**

Решение поставленных органами военного управления задач, а также приобретение офицерами выше приведённых качеств осуществляется внутри офицерского коллектива. Знание структуры офицерского коллектива, психологических закономерностей, характерных процессов протекающим в нем, позволяет должностным лицам войсковых частей создавать условия для эффективного офицерского служения.

Так, социальная психология рассматривает коллектив как особое качество социальной группы, связанное с общей деятельностью. Это особое качество представляет собой продукт развития групп, существующих внутри определенной системы социальной деятельности. Прежде всего, коллектив – это объединение людей во имя достижения определенной, социально одобряемой цели. Во–вторых, это добровольный характер объединения, под которым понимается такая характеристика группы, когда она «задана» не только внешними обстоятельствами, но является для индивидов, в нее входящих, системой активно построенных ими отношений, на базе общей деятельности. Наконец, коллектив представляет собой особую форму взаимоотношений между его членами, которая обеспечивает принцип развития личности не вопреки, а вместе с развитием коллектива. Важно также, чтобы взаимодействующие люди считали себя членами данной группы. Такая идентификация (отождествление) каждого из них со своей группой приводит в итоге к формированию чувства "мы" в противоположность "им" — другим группам [4, с. 239-240].

Системообразующим фактором коллектива является *совместная деятельность*, которая предполагает: наличие единой цели, отвечающей общим интересам; наличие органов организации и руководства; обмен действиями, информацией, результатами взаимного восприятия; и др.[4, с. 333-334].

Важнейший признак коллектива, по Макаренко, - это не любая совместная деятельность, а социально-позитивная деятельность, отвечающая потребностям общества. Поэтому важной чертой коллектива как группы особого рода

является именно его направленность, которая обеспечивает особое качество личностей, в него входящих, а именно - их целеустремленность, что и позволяет создать организацию с соответствующими органами управления и выделением лиц, уполномоченных на выполнение определенных функций [2, с. 233].

Важно помнить, что не любая организационная группа является коллективом, не смотря на наличие в этой группе общественно полезной деятельности. Социальная группа становится коллективом когда она приобретает такие психологические и педагогические признаки коллектива как: сплоченность, коллективизм, здоровая морально психологическая атмосфера, полная реализации потенциала влияния на своих членов [3, с. 238].

Воинский коллектив-это высокоорганизованная группа профессиональных военных, решающая боевые, учебные и воспитательные задачи. Анализ научной литературы, повседневной практики позволяет выделить следующие его признаки. См. рис. 1.

Рис. 1 Общие признаки воинского коллектива.

Военнослужащие, входящие в состав подразделения, соединены друг с другом, прежде всего, функционально на основе выполнения единой военно-профессиональной деятельности — служения. Служебно-функциональные роли военнослужащих и связи между ними образуют *военно-профессиональную*, *деятельностную* структуру подразделения. На её базе и дополнительно к ней формируются другие звенья общей *социально-психологической структуры*, а именно: коллективное мнение; коллективные настроения; традиции; межличностные эмоциональные отношения и т.д. [6, с. 345-347].

Основу войсковой части в социальном, профессиональном и нравственном плане всегда составлял офицерский коллектив. Офицерский коллектив всегда выступал как высокоорганизованная группа профессиональных военных, объединенных едиными целями и интересами, бескорыстьем общественно ценных мотивов.

Офицерский коллектив - основной выразитель общественных интересов в части. В коллективе офицеров наиболее сильны патриотические и военные установки, возникающие на основе беспредельной преданности своей Родине. Через него передаются основные традиции и обычаи. Здесь, как правило, зарождаются идеи, планы, настроения, охватывающие затем весь личный состав части. Коллектив офицеров поддерживает деловые и товарищеские отношения с другими коллективами части [7, с. 68-69].

Офицерский коллектив части психологически неоднороден. Он состоит из микро коллективов и групп, объединяющихся, как правило, по служебному принципу: группа командования (командир, и его заместители), командиры батальонов, командиры групп, группа старших и младших офицеров и т.д. Типична в части группа молодых офицеров. Возможно так же образование микрогрупп в боевых частях на основе взаимных симпатий, общих интересов, планов, отношения к службе. Они в подавляющем числе случаев способствуют успешному решений задач, едины во влиянии на подчиненный личный состав. Перечисленные выше характеристики, как правило, типичны офицерским коллективам, с высоким социально-психологическим уровнем развития коллектива. Взаимоотношения офицерского коллектива с другими коллективами части в психологическом плане строятся на отношениях морального, нравственного и профессионального авторитета [6, с. 349].

Офицерский коллектив, в процессе своей жизнедеятельности выполняет следующие функции: как объект -*инструментальная (заключается* в осуществлении той или иной совместной деятельности коллектива*); как субъект - функцию социализации (*заключается в процессе включения личности в определенную социальную среду и усвоение ее норм и ценностей коллектива), *экспрессивная* функция (состоит в удовлетворении потребностей людей в одобрении, уважении и доверии),*поддерживающая* функция (функция коллектива проявляется в том, что люди стремятся к объединению в трудных для них ситуациях) [5, с. 179-180].

С точки зрения социальной психологии офицерский коллектив воинской части следует классифицировать следующим образом: по численности, как мезо группу (численность от 100 до нескольких тысяч); по способу возникновения как официальную группу; по длительности существования как долговременно существующую; по степени контактности (плотности общения) как контактную; по уровню социально-психологического развития как группу высшего развития[2, с. 165-166].

При этом на основе анализа научных источников, можно выделить ряд социально-психологических явлений протекающих в структуре психологии офицерского коллектива: явления массового характера – групповые интересы, групповые цели, групповые мнения, групповое настроение, групповые ценности и нормы поведения, традиции и т.д.; взаимоотношения всех видовмежличностных (между членами коллектива), личностно групповых (отношения руководителя с коллективом, отношение коллектива к отдельному члену, отношение неформального лидера с остальными членами коллектива и или его

частью (микрогруппой), микрогрупповые (взаимоотношение микрогрупп различных подразделений части, конкретной специализации, земляков, национальных и д.р.), межгрупповых (взаимоотношения коллективов разных войсковых частей, коллективов различных категорий, офицерского коллектива и общественных организаций и т.д.); общения, обмена информацией взаимодействия; социально психологических механизмов подражания, заражения, массовой силы, групповой идентификации и д.р. См. рис. 3 [3, с. 273-274].

Психологии офицерского коллектива как социальной группе присуща групповая динамика (психодинамика). Так начиная с момента возникновения такой социальной группы как офицерский коллектив, в нем: зарождаются и изменяются социально психологические явления, приведенные ранее; происходят взаимовлияния возникающих у отдельных членов группы мнений, желаний, намерений, действий, которые завершаются выработкой общих, компромиссных взглядов, мнений подходов, групповых норм, взаимоотношений, или возникновение конфликтов; выдвигаются лидеры – наиболее активные, с харизматическими свойствами личности, между командиром и неформальным лидером возникают определенная взаимосвязь, приводящая либо к лояльному сотрудничеству, либо к соперничеству, что крайне не желательно.

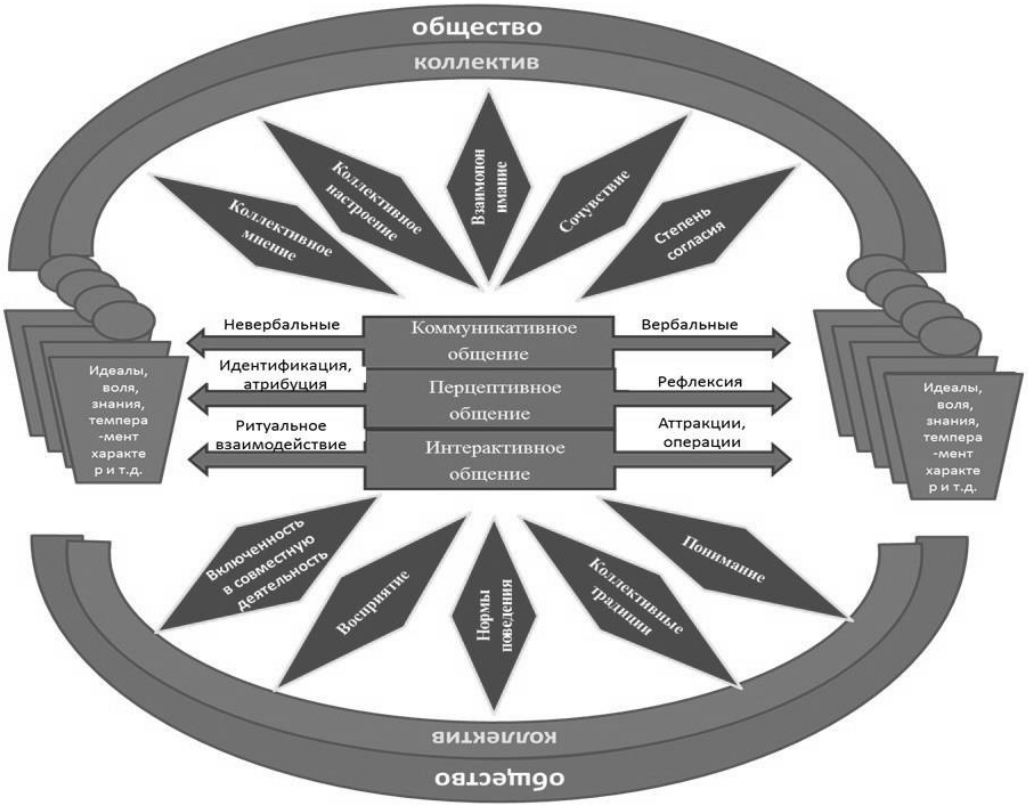

Рис. 3. Офицерский коллектив как социальная группа (разработана автором).

При этом, офицерский коллектив, являясь, вышей формой развития социальной группы, имеет нестабильное состояние, под влиянием внешних и внутренних причин возможны регрессивные процессы, которые приведут к негативным для коллектива последствиям в плоть до раскола [4, с. 230].

В социальной психологии, отечественные и зарубежные ученые кладут в основу всех процессов происходящих в социальных группах, социальные от-

ношения. Их можно классифицировать как общественные (их называют статусные, позиционно-ролевые, диспозиционные) и психологические (поведенческие), реализация таких отношений представляет собой процесс общения. Учитывая сложность данного явления, Г.М. Андреева предложила рассматривать структуру общения путем выделения в нем трех взаимосвязанных сторон (схема 3): коммуникативной, интерактивной, персептивной. По мнению автора, рассмотрение особенностей офицерских коллективов в процессе общения, представляет практический интерес во многих исследованиях данной тематики.

Коммуникационная сторона общения в узком смысле слова, состоит в обмене информацией между членами группы в процессе совместной деятельности. При этом потребность в таком обмене обусловлена, прежде всего, единством общения и деятельности. При этом для эффективной совместной деятельности офицерских коллективов принципиальными будут являться следующие требования: отсутствие коммуникативных барьеров в ходе обмена информации (такие как барьер непонимания, отношений, избегания, социально-культурного развития, авторитетности и д.р.); наличие сходных понятий об объекте, событие; семантическое и стилистическое соответствие подаваемой корреспондентом информации; сходное смысловое интерпретирование информации корреспондентом и респондентом; высокое качество информации .

Например, процесс формирования коллективного мнения в рамках коммуникативной стороны общения можно рассмотреть как процесс прохождения определенной информации через нравственные стандарты офицерского коллектива (рис. 2). При этом размежевание взглядов, на какое либо событие, будет тем ниже, на сколько соблюдается совпадение нравственных стандартов членов коллектива [2, с. 82-84].

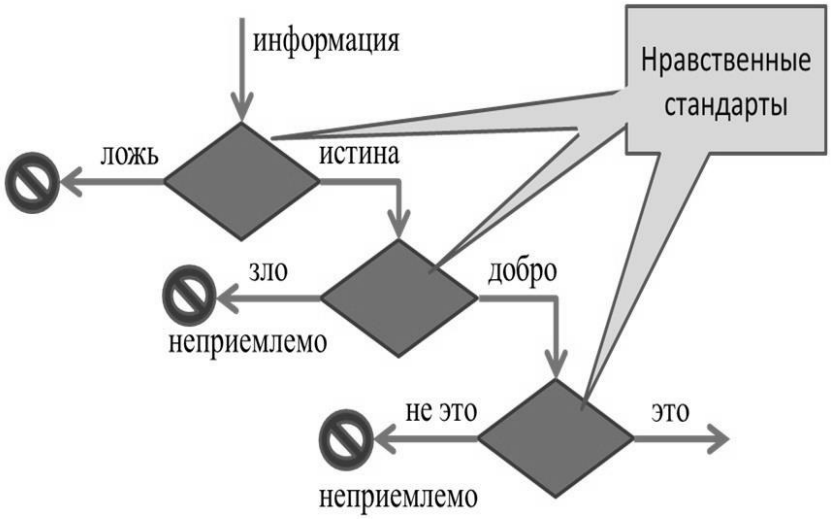

Рис. 2. Процесс формирования коллективного мнения [4, с. 246].

Интерактивная сторона общения связана с взаимодействием членов коллектива, то есть обменом действиями. Прежде чем выделить характерные особенности данной стороны общения для офицерских коллективов, необходимо как-то описать структуру взаимодействия. Под взаимодействием современная психология понимает – поведенческие (внешние и внутренние) связи между

членами социальной группы. Взаимодействие членов группы, является необходимым условием их совместной деятельности [2, с. 101-102]. Видами интеракции в офицерских коллективах будут являться: ритуальное взаимодействие, операции, аттракции, соревнование и др. В процессе взаимодействия, участниками осуществляется выбор позиции поведения, анализ ситуации и выбор стиля поведения и действий. Различают три основные стиля действий: ритуальный, манипулятивный и гуманистический. Для офицерских коллективов характерно проявления каждого из перечисленных стилей.

Офицерским коллективам характерен широкий набор видов взаимодействия такие как: кооперация и конкуренция, согласие и конфликт, приспособление и оппозиция, ассоциация и диссоциация и т.д.

Что касается другого типа взаимодействий - конкуренции, то внимательный анализ конкуренции позволяет наделить его не только негативными, но и позитивными чертами. [2, с. 105]

Различают несколько степеней продуктивной конкуренции в офицерских коллективах, различающихся мерой такого ее качества, как «мягкость/жесткость»: а) соревнование, б) соперничество, в) конфронтация, когда со стороны одного участника взаимодействия возникает намерение нанести другому ущерб, т.е. соперники превращаются во врагов. Границы между этими степенями, конечно, условны, но важно, что последняя степень непосредственно может перерасти в конфликт. [3, с. 315]

Рассмотрение особенностей офицерского коллектива как социальной группы, со стороны перцептивного общения необходимо начать с определения границ, этой стороны. Так с определенным уровнем условности современные социальные психологи, называют *перцепцией* процесс восприятия одним человеком другого в процессе совместной деятельности, а также восприятие индивидом социальных объектов (социальные группы, большие общности и т.д.).

Поскольку офицер вступает в общение всегда как личность, постольку он воспринимается и другим офицером - партнером по общению - так же, как личность. На основе внешней стороны поведения коллектив как бы «читает» своего члена, расшифровывает значение его внешних данных. Впечатления, которые возникают при этом играют важную регулятивную роль в процессе общения [2, с. 119-120].

Представление о другом человеке тесно связано с уровнем собственного самосознания. Связь эта двоякая: с одной стороны, богатство представлений о самом себе определяет и богатство представлений о другом человеке, с другой стороны, чем более полно раскрывается другой человек (в большем количестве и более глубоких характеристиках), тем более полным становится и представление о самом себе. Л. С. Выготский: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет собой для других» [4, с. 226].

Все это приводит к тому, что анализ осознания себя через другого включает две стороны: идентификацию и рефлексию. Кроме того, в этот же процесс, включается и каузальная атрибуция. Каждое из этих явлений имеет яркую выраженную структуру в офицерском коллективе [2, с. 128].

Таким образом, офицерский коллектив воинской части является средой формирования социально-психологического феномена, офицерского служения, и представляет собой социальную группу высшего развития, по масштабу - мезогруппу, официальную, долговременно существующую, контактную. Офицерскому колективу характерны социально психологические процессы как конструктивного, так и деструктивного характера. Психология офицерского коллектива обладает высоким уровнем динамичности, и требует непрерывного внимания со стороны руководителя коллектива, для своевременного осуществления корреляционного воздействия. Мотивационной основой офицерского служения, являются процессы внутри коллективного общения. С высоким уровнем уверенности можно утверждать, что эффективность служения офицерского корпуса части, имеет положительную связь с повышением эффективности внутриколлективного общения.

Литература

1. Об организации работы с личным составом в Вооруженных Силах Российской Федерации: приказ Министра обороны Российской Федерации № 655 2016.
2. Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2008. – 363 с.
3. Прыгин, Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории, и теории/ Б.Д. Прыгин – СПб.: ИГУП, 1999. – 592 с.
4. Столяренко, А.М. Психология и педагогика: учебник для студентов вузов / А.М.Столяренко. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИДАНА, 2010. – 543 с.
5. Свенцицкий, А.Л. Социальная психология: учебник/ А.Л. Свенцицкий – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2009.-336 с.
6. Караяни, А.Г. Военная психология: учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации/ А.Г. Караяни, И.В. Сыромятников – М.: ВУ, 2016. – 500 с.
7. Носов А.В. Научно-теоретические подходы к исследованию профессионально-деструктивных качеств офицеров // Вестник академии военных наук № 7. - 2004,- С. 67-81.
8. Сакун, С. Информационно-пропагандистская работа в ходе военной операции России в Сирии / С. Сакун // Военный Академический журнал – 2016. - №3. –С.159-161

КУЛИК Д.Ю.
ФГКВОУ ВПО «Военный университет» МО РФ

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ К.К. ПЛАТОНОВА КАК ПРИМЕР СЛУЖЕНИЯ ВОЕННО-АВИАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

В статье раскрывается пример научного служения в процессе творческого пути Константина Константиновича Платонова – выдающегося отечественного военного психолога. На основе анализа документов и литературы автором выделяются основные периоды в жизни учёного, посвящённые его вкладу в становление и развитие военно-авиационной психологии.

Ключевые слова: К.К. Платонов; военно-авиационная психология; психология лётного труда; история психологии; Великая Отечественная война; врачебно-лётная экспертиза.

***

В 1935 году началась деятельность Константина Константиновича Платонова в области военно-авиационной психологии, на много лет определившая его путь в науке. Ему предложили работать в недавно организованном в Москве Научно-исследовательском санитарном институте (в дальнейшем, Институт авиационной медицины) [5, с. 27-40]. Платонов К.К. вступает в ряды Красной Армии и получает воинское звание военврача III ранга.

Платонов сразу же включился в разработку проблем военно-авиационной психологии, которым была отдана большая часть его научной жизни. В 1936 году без защиты диссертации (по совокупности работ) К.К. Платонову присвоена учёная степень кандидата медицинских наук. Он назначается начальником филиала вышеуказанного института в Качинской авиационной школе. Главным предметом научных исследований К.К. Платонова становятся психологические проблемы лётной деятельности: формирование навыков и способностей лётчика, использование различных систем лётных тренажёров в профессиональной психологической подготовке к восприятию лётчиком приборной доски (позднее представлял предложения по изготовлению тренажёров: «Полёт по кругу», «Капот-горизонт», «Приборные доски», «Исправляй отклонения», «Станок-пионер», «Угольник для определения точки выравнивания») [3], изучались также психические состояния человека в условиях полёта и т.д.

Платонов К.К. всегда стремился максимально полно представлять предмет своего исследования. С этой целью он использовал трудовой метод для успешного решения задачи овладения умениями и навыками пилотирования

самолёта, непосредственно проводил различные психологические исследования в воздухе. Этот период ознаменовался также напряжённой научной и педагогической деятельностью. К.К. Платонов разрабатывает курс лекций по авиационной психологии. В Качинской авиационной школе издаётся его «Конспект курса психологии». В это время у него вместе с Л.М. Шварцем созревают и реализуются замыслы подготовки книги «Очерки психологии для лётчиков».

Придавая особое внимание пространственной ориентировке, он разработал её классификацию, которая до сих пор применяется при решении практических задач авиационной психологии [2, с. 130].

Опубликование в 1936 году постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», предопределившего разгром психотехники и педологии, не могло не сказаться негативно на состоянии всех других отраслей психологической науки, а также на судьбах учёных. Отразилось это определённым образом и на деятельности К.К. Платонова. В 1936 году ему было предложено сдать дела и выехать с семьёй в Москву для решения вопроса о его дальнейшей службе. Вопрос о его демобилизации вскоре, однако, был снят. Ему была предложена работа в психиатрическом отделении комгоспиталя в Лефортове.

В 1939 году К.К. Платонов был назначен начальником учебного отдела Института авиационной медицины. В его функции входила организация учебных сборов авиационных врачей, повышения уровня их профессиональной подготовки на базе института. У него появляется интерес к истории авиационной медицины и авиационной психологии, который сохранился до последних дней жизни и воплотился не только в публикациях, но и в подготовке целой плеяды специалистов по истории психологии, психологии труда и авиационной психологии, значительная часть которых подготовлена в стенах Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Буквально в последний предвоенный день 1941 года К.К. Платонов дописал последнюю страницу ставшей, в последствии, популярной книги «Человек в полёте».

Накануне Великой Отечественной войны группа учёных из Института авиационной медицины изучала работу лётного состава на только что появившихся на вооружении пикирующих бомбардировщиках Пе-2. По предложению К.К. Платонова была переделана тумблерная панель, ранее имевшая одинаковую конфигурацию рукояток, что мешало различению их «на ощупь» в полёте. Это первое в истории военно-авиационной психологии исследование рычагов управления кабины самолёта, результаты которого были впервые внедрены в практику. Следовательно, военно-авиационная психология продолжила своё развитие, даже в узко прикладном аспекте.

Во время войны Константин Константинович продолжает свою деятельность как практический психолог. В 1943 году по настоятельным просьбам об отправке на фронт его назначают начальником санитарной дивизии (позднее корпуса) 16-й воздушной армии 1 Белорусского фронта, в составе которой он закончил Великую Отечественную войну в Берлине. С ноября 1943 года К.К. Платонов был назначен председателем военно-врачебной лётной комиссии

фронта, призванной проводить медицинскую экспертизу с целью определения профессиональной пригодности и возможности возвращения лётчиков после ранения к боевой лётной деятельности. Усилиями К.К. Платонова, И.К. Собенникова, Г.Р. Грайфера и других авиационных врачей, применявших личностный (индивидуальный) подход при проведении врачебно-лётной экспертизы в годы Великой Отечественной войны (И.А. Маликов, А.П. Маресьев), удалось накопить ценный материал, позволивший, в последствии, совершенствовать методики профессионального психологического отбора. Также данная деятельность позволила Константину Константиновичу глубоко научно проработать проблему учёта компенсаторных механизмов при проведении врачебно-лётной экспертизы.

В русле инженерной психологии работа и во время Великой Отечественной войны не останавливалась. На практике решались остро стоящие вопросы обеспечения боевой деятельности лётного состава. Одним из примеров является оценка восприятия шкал приборов в кабине самолёта.

Боевой путь К.К. Платонова был отмечен высокими боевыми наградами – орденами Красного Знамени и Отечественной войны II степени, а также 11 медалями.

В 1944 году вышла книга К.К. Платонова «Человек в полёте». На основе нового, полученного в условиях боевых действий материала он дополнил и переработал книгу «Очерки психологии для лётчиков». В 1947 году Константин Константинович вновь был приглашён на работу в Научно-исследовательский институт авиационной медицины, где продолжал трудиться до 1958 года. В этот период он многое сделал для совершенствования методов и способов психологического исследования лётной деятельности. В отделе экспериментальной психологии Константин Константинович изучал индивидуально-психологические различия лётчиков и разработал метод обобщения независимых характеристик, используемый, в последствии, многими специалистами не только в русле авиационной психологии [6, с. 13-17]. С появлением реактивной авиации проводились исследования по созданию комплекса методик отбора (Б.Л. Покровский, Т.Г. Джамгаров, В.Л. Марищук, Е.А. Милерян). В итоге в 1964 году создаётся система профессионального психологического отбора в Военно-воздушных силах. Применение системного подхода к проблеме способностей и концепция личности К.К. Платонова реализуется в настоящее время в связи с прогнозированием профессиональной пригодности курсантов авиационных училищ на основе учёта особенностей развития личности и её профессионально важных качеств. [2, с. 13]

К.К. Платонов был инициатором комплексного изучения лётной деятельности на самолётах-лабораториях. С помощью кинометода регистрировались показания приборов, на которые смотрит лётчик. Положение самолёта в пространстве, воспринимаемое лётчиком зрительно, регистрировалось с помощью особых датчиков, улавливающих вращение самолёта по трём осям, высоту и скорость полёта. Такая регистрация давала возможность на самолётах-лабораториях объективно оценивать качество лётной деятельности, учитывая

не только частоту отклонений от заданного режима полёта, но их величину и длительность, а главное – наиболее вероятную причину совершения данной ошибки.

Константин Константинович глубоко проработал не только прикладные аспекты авиационной психологии, но и досконально исследовал её исторические проблемы. Совместно со своим учеником Каращан В.А. он обосновал периодизацию развития отечественной авиационной психологии, начиная с 30 июня 1804 года, показал её междисциплинарные связи с авиационной медициной и методикой лётного обучения [1].

«Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в личной и научной судьбе К.К. Платонова, как в капле воды, отразилась вся история отечественной психологии с её проблемами и поисками на всех этапах её развития» [4, с. 6]. Константин Константинович Платонов – автор фундаментальных научных разработок и актуальных учебных пособий по авиационной психологии, создал первую научную школу авиационной психологии. Как отмечает академик В.А. Пономаренко: «Научный подвиг К.К. Платонова состоял в том, что он жил и работал в те времена, когда психологию практически официально считали лженаукой, как неудачный рудимент философии. В школе К.К. Платонова работали в высшей степени профессионалы-экспериментаторы, объективно познавшие структуру и взаимодействие психических функций, состояний в процессе полётов» [7].

Таким образом, в статье мы проследили ту часть творческого научного пути К.К. Платонова, которая относится к истории отечественной военно-авиационной психологии. В этом пути отражён пример служения отечественной науке, процесс развития личности учёного от первых практических шагов до высшей ступени (акме) индивидуального развития: создания научной школы и воспитания целой плеяды учеников, также внёсших свой вклад в развитие психологии. Биолог, врач, доктор медицинских наук, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Константин Константинович Платонов известен как учёный-исследователь, психолог-теоретик, психолог-практик, стоявший у истоков российской психологической науки советского периода и посвятивший ей, по существу, всю свою многогранную жизнедеятельность.

Литература

1. Каращан В.А., Платонов К.К. История развития отечественной авиационной психологии. Учеб. пособие. Монино: ВВА, 1986.
2. К.К. Платонов – выдающийся отечественный психолог XX века: Материалы юбилейной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения К.К. Платонова (22 июня 2006 г.) / Отв. ред.: А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова, Т.И. Артемьева. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2007. – 270 с. (Труды Института психологии РАН).

3. Платонов К.К. Личный фонд К.К. Платонова // Архив Института психологии РАН.
4. Платонов К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога) / Под ред. А.Д. Глоточкина, А.Л. Журавлёва, В.А. Кольцовой, В.Н. Лоскутова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 310 с. (Выдающиеся учёные Института психологии РАН).
5. Покровский Б.Л. К истории государственного научно-исследовательского института военной медицины // Вестник МНАПЧАК. – 2004. – №4(16).
6. Покровский Б.Л. К истории авиационной психологии. Психологический отдел ГНИИИАКМ конца 50-х годов // Вестник МАКЧАК. – 1999. – №1.
7. Пономаренко В.А. Исторический след, оставленный авиакосмической медициной и психологией в авиации // Вестник Международной Академии проблем человека в авиации и космонавтике. – 2003. – № 2.

ШЕВЦОВА С.В., доктор педагогических наук,
ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛА КУРСАНТСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

Статья посвящена анализу влияния курсантского коллектива на поведение отдельного курсанта в контексте его подготовки к служению Отечеству. Рассматриваются нормы коллективного поведения, влияющего на мнение отдельной личности. Выявлены уровни и функции конформного поведения личности. Автором раскрываются факторы, определяющие зависимость конформного поведения от особенностей деятельности курсантов в военном вузе. Сформулированы условия, при которых, возможна реализация потенциала курсантских коллективов в развитии профессиональной ответственности выпускников военных вузов.

Ключевые слова: курсант, коллектив, поведение, профессиональная ответственность.

***

Значимым направлением воспитательной работы в военном вузе, является реализация потенциала курсантских коллективов в формировании и развитии у них профессиональной ответственности.

Любой коллектив, а в особенности, в силу специфики жизнедеятельности, курсантский коллектив, способен оказывать существенное влияние на личность. Данное утверждение было неоднократно доказано классиком отечественной педагогики А.С. Макаренко [4]. Идеи организации коллектива, предложенные А.С. Макаренко, опора на коллективные традиции, организация отношений ответственной зависимости в коллективе, самоуправление активно развивались в отечественной педагогической науке.

Проведенный теоретический анализ исследований А.В. Барабанщикова, Б.А. Басарова, Г.А. Броневицкого, А.Д. Глоточкина, В.А. Губина, В.Г. Звягинцева, В.П. Каширина, В.П. Лазарева, Ю.Н. Минаева, А.В. Немчининова, М.Л. Новожилова, В.П. Чибалина, А.И. Шипилова, в области военной педагогики и психологии показал, что основным инструментом, регулирующий поведение коллектива в целом и поведение отдельного курсанта, являются коллективные нормы. Установлено, что многообразие коллективных норм, порожденных системами официальных и неофициальных взаимоотношений, позволяют дать общую характеристику функционирования курсантского коллектива.

Коллективные нормы есть продукт социального взаимодействия курсантов, которые возникают в процессе их жизнедеятельности в условиях военной службы. При этом выделяются три типа норм: институциональные - источником которых являются должностные лица военного вуза; добровольные нормы - исходят из межличностных взаимоотношений и договоренностей членов курсантского коллектива, основанные на личной ответственности курсантов; эволюционные - источником которых являются поступки одного курсанта, которые со временем получают одобрение всего коллектива в виде определенных стандартов поведения и традиций курсантской жизни. Коллектив не устанавливает нормы для каждой ситуации, они формируются относительно значимых действий. Данное обстоятельство положительно отражается на формировании убежденности курсантов в постоянном ответственном поведении. Нормы различаются по степени принятия их группой: некоторые нормы одобряются, тогда как другие находят поддержку лишь у незначительного меньшинства.

Анализ и изучение нормативного поведения в курсантском коллективе, показал, что при всей сложности классификации разработок нормативного поведения в силу чрезвычайной разнородности данных, возможно, выделить три основных блока:

— влияние норм, которые разделяются большинством членов коллектива;
— влияние норм, которые разделяются меньшинством членов коллектива;
— последствия отклонения курсантов от норм, установленных в коллективе.

Нормативное влияние коллективного большинства в социальной психологии и педагогике определяется как феномен конформного поведения. Феномен конформизма заключается в согласии личности с мнением коллективного большинства, своего рода коллективной нормой, и изменением индивидуальных установок [1, с.146].

В научной литературе достаточно часто приводятся данные, свидетельствующие о том, что чем сильнее развиты у курсантов личностные качества (лидерство, толерантность, адаптированность) и особенности (интеллект, социальная активность и ответственность), тем в меньшей степени проявляется склонность к конформному поведению [2,6].

В ходе изучения потенциала курсантских коллективов в экспериментальных вузах, в развитии профессиональной ответственности обучающихся была выявлена зависимость между усилением децентрализации коммуникативных сетей и коллективной сплоченности, с одной стороны, и ростом конформного поведения, с другой. Однородные коллективы, к которым относятся коллективы курсантские, отличаются большей конформностью, нежели разнородные. Данное обстоятельство позволяет с большей эффективностью использовать авторитет руководителей, либо лидеров коллектива при формировании профессиональной ответственности у остальных членов коллектива.

Для целей изучения реализации потенциала курсантских коллективов в развитии профессиональной ответственности обучающихся особый интерес представляют данные, характеризующие зависимость интенсивности конформного поведения от специализации вуза: будущие офицеры гуманитарного

направления в экспериментальных ситуациях вели себя более конформно, чем будущие офицеры инженерных военных вузов.

Изложенные выше эмпирические факты ориентируют на изучение ряда аспектов нормативного поведения в коллективных ситуациях, связанных с формированием профессиональной ответственности. Так, возможно предположить, что при формировании ответственного поведения у курсантов технической направленности в условиях коллективного влияния будет слабее, чем у курсантов гуманитарных вузов.

Несомненно, лишь соотнесение результатов педагогического эксперимента и анализа реальной практики, позволит сделать соответствующие выводы касательно тех или иных факторов конформного поведения курсантов.

В настоящее время среди военных специалистов нет однозначного мнения как трактовать конформное поведение: как негативный феномен, означающий бездумное следование существующим моделям поведения, установленным другими, либо сознательное приспособленчество индивида в коллективе.

В результате анализа экспериментальных данных исследования социального влияния в курсантском коллективе было выделено два типа: нормативное влияние и информационное влияние. В случае нормативного влияния конформность вызывается личным желанием курсанта действовать в соответствии с коллективными предписаниями. В свою очередь при информационном влиянии -поведение большинства используется как источник информации, которая помогает курсанту принять наиболее подходящее для него решение.

Предположим, что информационное влияние с большей степенью вероятности будет вести к публичной конформности и частному изменению взглядов, чем нормативное. Так, если большинство курсантов обладают ответственным поведением, то лица с девиантным поведением скорее подчиняться влиянию коллективного большинства [7].

Выделяются три уровня конформного поведения: подчинение, идентификация, интернализация.

Как показал эксперимент, в случае подчинения конформное поведение носит преимущественно внешний характер. Такое поведение связано с прагматическим характером личности курсанта, и, как правило, ограничивается ситуацией присутствия источника влияния. Курсант соглашается с коллективом потому, что это выгодно ему здесь и сейчас, в действительности его личные убеждения и мнения не изменяются.

Различают две разновидности идентификации: классическая (курсант стремится частично или полностью уподобиться источнику влияния, в силу испытываемой симпатии и наличия у него желательных для усвоения черт) и идентификация в форме реципрокно-ролевого отношения (каждый курсант ждет от другого определенного поведения и сам старается оправдать ожидания). Особый интерес для формирования и развития профессиональной ответственности в условиях курсантского коллектива представляет тот факт, что если сложившиеся отношения полностью удовлетворяют курсанта, то он будет вести себя ответственно вне зависимости от того, наблюдает за ним источник

влияния или нет. Такое поведение объясняется, прежде всего, тем, что для собственного самоуважения курсанту существенно оправдать ожидания другого. Идентификация отличается от подчинения тем, что курсант большей частью верит в необходимость «навязываемых» ему форм ответственного поведения.

Отличительной особенностью интернализации является совпадение мнений, высказываемых отдельным курсантом или коллективом в целом, со сложившейся системой ценностей данной конкретной личности курсанта. Благодаря действию процесса интернализации поведение курсанта в коллективе становится относительно независимым от внешних условий: присутствия источника влияния, побудительных воздействий соответствующей социальной роли. При этом необходимо отметить, что курсанты не могут освободиться полностью от влияния ситуационных переменных. Кроме того, в ряде случаев, курсанты, столкнувшись с большим количеством ситуационных требований, вынуждены выбирать из ряда конкурирующих между собой ценностей.

Так, с учетом вышеизложенного, рассмотренная модель конформного поведения позволяет достаточно дифференцированно подойти к анализу реализации потенциала курсантских коллективов в развитии профессиональной ответственности обучающихся с учетом мощного динамизирующего фактора активности личности курсанта, каким являются присущие ей ценности.

Вместе с тем, выше изученная модель, может быть дополнена включением в нее еще одного уровня нормативного поведения. Данное поведение предполагает обращение к ценностному аспекту поведения курсанта, но уже в связи с коллективными ценностями, порождаемыми совместной деятельностью. Такое поведение характеризуется феноменом коллективистического самоопределения [5]. Данный феномен характеризуется проявлением единообразия поведения курсантов в результате их солидарности с оценками и задачами курсантскими коллектива. Предполагается, что курсант сознательно отстаивает принятые в коллективе социально значимые ценности, намеченные в ходе реализации совместной (учебной, служебной, внеслужебной) деятельности цели.

Анализ зарубежных исследований информационной теории конформности P.Schambaugh, M.Shaw, H.Tajfel, предполагает поиск индивидом информации в ситуациях оценки собственного поведения с учетом соотнесения поведения других членов коллектива. Соответственно, в тех случаях, когда курсант использует в качестве примера ответственное поведение других членов коллектива, осуществляется информационный процесс сравнительного оценивания. В иных случаях, когда курсант посредством саморефлексии формирует впечатление о себе, исходя из поведения других членов коллектива. Курсант ведет себя конформно не ради соответствия коллективной норме, а с целью заслужить одобрение. И если, по оценке курсанта, его конформное поведение не принесет желаемого одобрения со стороны сослуживцев, или руководства, конформного поведения не будет.

Поведение курсанта в коллективе есть адаптивный процесс, призванный уравновесить его с окружающей социальной средой. Конформность выступает как требование социальной системы (военного коллектива), предъявляемое к ее

членам с целью выработки между ними согласия, способствующего установлению равновесия в системе.

Поэтому курсанты, следующие коллективным нормам, должны по логике модели рассматриваться действующими в функциональном и адаптивном ключе. Курсанты, отклоняющиеся от принятых в коллективе норм, воспринимаются как ведущие себя дисфункциональным и дезадаптивным образом.

Влияние в коллективе распределяется неравномерно и осуществляется односторонне. В данном случае мнение большинства членов коллектива пользуется уважением и считается правильной и «нормальной» для данного коллектива, в то время как мнения любого меньшинства неправильное.

Основная функция социального влияния заключается в сохранении и укреплении социального контроля. Для этого необходимо, чтобы все члены курсантского коллектива придерживались сходных ценностей, традиций, норм, оценочных критериев. Отклонение от норм и традиций или прямое им сопротивление угрожает функционированию коллектива, именно поэтому в интересах последнего, влияние является, прежде всего, средством «исправления» девиантов и может, сопровождается применением определенных санкций от насмешек и подколов до моббинга и угроз, либо полного исключения общения и его социальной изоляции. Например, за безответственное поведение одного курсанта, угроза санкций может постигнуть весь коллектив, и поэтому члены этого коллектива осуществляют воздействие на «нерадивого» курсанта, с целью корректировки его поведения в соответствии с установленными нормами.

Так, изученные положения функционалистской модели социального взаимодействия, позволили выявить последствия, потенциально ожидающие членов коллектива, за отклонения от коллективных норм.

Данный аспект нормативного поведения в коллективе неоднократно обозначался выше, тем не менее, в целях реализация потенциала курсантских коллективов в развитии профессиональной ответственности обучающихся данный аспект проблемы требует рассмотрения.

Как показал проведенный анализ основные функции такого рода давления состоят в следующем:

— помочь коллективу достичь стоящих перед ним целей;

— помочь коллективу сохранить себя как целое;

— помочь членам коллектива выработать «реальность» для соотнесения с ним своих мнений;

— помочь курсантам определить свое отношение к окружению [3].

Что касается первых двух функций социального воздействия, то они вряд ли нуждаются в особом комментарии. Применительно к третьей из них речь идет о выработке своеобразной точки отсчета, с которой человек мог бы соотнести свои мнения, суждения на предмет выяснения их валидности. Такой точкой отсчета является, согласно теории процессов социального сравнения, некое коллективное согласие по поводу тех или иных жизненных явлений, ситуаций происходящих в курсантском коллективе.

Так, в ходе экспериментального исследования реализация потенциала курсантских коллективов в развитии профессиональной ответственности обучающихся возможна при соблюдении следующих условий:

— высокой степени сплоченности курсантского коллектива;

— высокоразвитой степенью взаимодействия членов курсантского коллектива;

— наличие высокого авторитета должностного лица (командира, начальника, неформального лидера) влияния в курсантском коллективе;

— наличие устойчивых позитивных традиций ответственного поведения в курсантском коллективе;

— высокой степени релевантности имеющихся традиций для членов курсантского коллектива [7].

Литература

1. Большой психологический словарь / ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков. - 4-е издание.- Москва: АСТ, Прайм-Еврознак, 2008.
2. Васильева И.А. Внутригрупповая конформность: личностные и ситуационные факторы: дис. ... канд. психол. наук : СПб, 2005.
3. Волковицкий Г.А. Формирование мотивации профессионального самосовершенствования офицеров: автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М., 1994.
4. Макаренко А. С. О воспитании молодежи. Сборник избранных педагогических произведений. Под общей ред. Г. С. Макаренко, Трудрезервиздат. – М., 1951.
5. Петровский А. В. Психологическая теория коллектива. М.: «Педагогика», 1979.
6. Полянский М. С. Психологические условия предупреждения негативного лидерства в воинских коллективах. М.: ВПА, 1991.
7. Шевцова С. В. Педагогическая система формирования профессиональной ответственности курсантов военных вузов за выполнение учебно-боевых задач: дис. ... д-ра пед. наук: М.: ВУ. - 2016.

Научно-методическое издание

ПСИХОЛОГИЯ
СЛУЖЕНИЯ

Материалы межрегиональной научно-практической конференции
психологов силовых структур
(Москва, Военный университет МО РФ, 26 октября 2016 г.)

Отпечатано в авторской редакции
Компьютерная верстка – Мымрин А.В., Гожиков В.Я.,
Данилов С.И.
Дизайн разработан компанией W-holding.ru

Бумага офсетная №1. Формат бумаги 60х84 1/16. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Объем – 19,2 п.л. Уч.-изд. л. – 321 Тираж 75 экз.
Зак. РИО Военного университета. 123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14
Типография Военного университета

Организаторы Межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Психология служения»

(Москва, 26 октября 2016 г.)

Военный университет
Министерства обороны РФ

Общество психологов
силовых структур РФ

PSY resultat

Школа современных
психотехнологий